

О ВРЕМЕНИ, О НОРИЛЬСКЕ, О СЕБЕ...

ВОСПОМИНАНИЯ

Москва
«ПолиМЕдиа»
2008

ББК 84-4
О-33

Составитель Г.И. Касабова

О времени, о Норильске, о себе... Книга 10 /
О-33 Ред.-сост. Г.И. Касабова. — М.: «*ПолиМЕдиа*»,
2008. — 592 с.: ил.

ISBN 978-5-89180-057-1

ББК 84-4

*Любое использование материала данной книги, полностью или
частично, без ссылки на правообладателя запрещается*

ISBN 978-5-89180-057-1

9

7 8 5 8 9 1 8 0 0 5 7 1

© Составление. Касабова Г.И., 2008

© Оформление. ООО «*ПолиМЕдиа*», 2008

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

В десятый раз я пишу свое обращение к читателю, и не без некоторого удивления. Кто бы мог подумать, что дойдем до юбилейного рубежа? Дата выхода книги первой издания «О времени, о Норильске, о себе...» — 2001 год, десятой — 2008-й, а в моем «редакторском портфеле» уже лежат воспоминания норильчан на следующую книгу. А еще хочется опубликовать интересные документы, цифры и факты, говорящие о развитии Норильского промышленного района... И это при том, что некоммерческий издательский фонд «Норильский» работает на общественных началах, не имеет собственных финансов, штатов, рекламы, магазина для продаж книг. Единомышленники, настоящие друзья у фонда, конечно, есть, но практический исполнитель замысла все равно один. Приходится быть и редактором, и составителем, и менеджером, и финансистом, и еще бог знает кем — диктуют обстоятельства.

Думаю, в книге десятой позволительно вспомнить, как все начиналось... Под новый, 1997 год я покинула Норильск, которому было отдано 20 самых активных лет моей жизни. Запомнился этот год контрастом: шумная многолюдная Москва и одиночество в четырех стенах. Резко оборвались все связи, нарушился привычный ритм журналистской жизни — прямо эмиграция какая-то! А ведь я в столице родной страны... Да, не успела подготовиться к решительным переменам в своей жизни, это, кстати, ошибка многих норильчан. И не житейские проблемы я имею в виду (тут чаще всего все в порядке), а моральный на-

---

строй на дальнейшую жизнь. Хорошо, если приехал в круг родных или в город, где родился или учился, но чаще-то выбор места жительства после Норильска приходится делать по иным соображениям...

За десятилетия норильчан в Москве осело много, и я стала искать «своих» — Ларису Пронникову, активного автора «Заполярной правды», Лидию Бачулене (наши кабинеты в редакции городской газеты соседствовали), Тамару Николаевну Захарову: я брала у нее интервью не как у директора технической библиотеки, а как у председателя местного комитета защиты мира. Дальше — больше: сошлись со Светланой Мазеиной, редактором Норильской студии телевидения, Татьяной Ивановной Марчевской, главным норильским книголюбом, Валентином Сергеевичем Ковцуром, он работал в театре, режиссировал городские мероприятия... В общем круг общения норильчан в Москве (бывшими мы не бываем!) расширялся к нашему всеобщему удовольствию. Однажды мы размечтались (в кафе музея на Поклонной горе — ходили смотреть рисунки детей городов Заполярья): а хорошо бы собираться где-нибудь в своем клубе, так хочется встретиться по-норильски с интересом к какой-то теме, повспоминать былые годы, ведь мы уже все пенсионеры (по северным меркам с 50 лет), можем себе позволить общение для души.

И тут мой младший сын Андрей (он раньше родителей стал москвичом) познакомил меня с директором кинотеатра «Иллюзион» Николаем Михайловичем Бородачевым. В те годы кинотеатры пустовали, так что с любезного разрешения директора нас дружески приняли на два сеанса (по времени).

Вскоре мне позвонил Игорь Сергеевич Аристов, бывший секретарь норильского горкома партии, и мы встретились. Он рассказал о недавно созданном Красноярском землячестве, которое возглавляет Владимир Иванович Долгих, о том, чем может заниматься

норильский клуб, он строил планы даже по объединению норильских усилий в бизнесе. В общем мы все стали обзванивать норильчан, приглашая их на встречу в «Иллюзион», просили и своих знакомых известить...

За три часа до начала назначенной встречи мне позвонили из кинотеатра: «Ваши уже собираются, чем их занять?» Когда я примчалась туда, в фойе было полно народу, норильчане приехали на встречу и из Твери, Троицка, Чехова, Сергиева Посада, что уж говорить о самом ближнем Подмосковье. Игорь Сергеевич Аристов принес пачку анкет, стали их заполнять, они быстро закончились, перешли на составление списков... Все бродили, вглядываясь в лица. Кто-то, восклицая, обнимался, кто-то сбился в стайки и оживленно беседовал. Одна женщина подошла ко мне со слезами: «39 лет прожила в Норильске, а никого из своих не нашла!» Ну что ж, будем знакомиться заново, а может, мы просто не узнаем кого-то, ведь столько лет прошло...

Для меня клуб общения начался с разговора с учениками первой норильской школы — так они называли себя. Трудно было представить их мальчишками и девчонками, а между тем их детская дружба не оборвалась с возрастом и переменой места жительства, они общаются с одноклассниками, живущими не только в Москве. Они стали вспоминать свои школьные годы, на глазах помолодели — я заслушалась...

Когда броуновское движение людей переместилось в зал и затихло, оказалось, что зал полон, а он рассчитан на 300 мест! Через месяц собрались снова и снова зал был полон. Решили собираться раз в квартал или раза три в год. Не буду рассказывать подробности жизни клуба норильчан в Москве «69 параллель» (здесь стоит Норильск), только назову две фамилии людей, которые сыграли ключевую роль в его создании. Юрий Викторович Сахарнов когда-то строил На-

деждинский металлургический завод, а в ту пору был вице-президентом Российского союза промышленников и предпринимателей. Он помогал нам словом и делом, предоставлял помещение для дежурств на телефоне (мы обзванивали норильчан, и они звонили нам по средам), с его легкой руки под новый, 1998 год мы устроили в «Иллюзионе» праздник с шампанским, Дедом Морозом (тряхнул стариной В.С. Ковцур), с концертом (тут постарались бывшие молодые специалисты). С этой встречи мы общались в нашем клубе за чашкой чая или стаканчиком сухого вина — эту традицию соблюдаем до сих пор. Но главное — Юрий Викторович Сахарнов взял на себя непростую заботу о регистрации в Минюсте России нашей общественной организации. Вот уже десять лет мы собираемся два-три раза в год, и уже который год имеем клубный офис по адресу: Тверской бульвар, д. 13 — спасибо «Норильскому никелю»!

После первых бурных встреч родилась идея собрать и опубликовать воспоминания норильчан. Вот тут-то Вадим Федорович Николайчук, бывший директор рудника «Заполярный», а ныне генеральный директор группы компаний «МИРП» предложил: «Учитесь продавать книги о Норильске (он был спонсором книг М.Я. Важнова, А.Л. Львова) и на эти деньги издавайте воспоминания». Мы последовали этому совету. Денег поначалу не хватило, Вадим Федорович добавил — так вышла книга первая издания «О времени, о Норильске, о себе...».

А потом случилась неожиданная радость! Людмила Николаевна Каршина (мы с ней учредители клуба «69 параллель», она тогда была главным бухгалтером, я — председателем клуба) показала нашу книгу на своей работе. И молодой предприниматель, заметьте, не норильчанин, прочитал ее, вдохновился нашей идеей и решил сделать благотворительный взнос на

издание второй книги. По просьбе этого благородного человека не называю его имя — дали ему слово. Так через год вышла книга вторая.

Удача не покинула нас. К 50-летию города глава Администрации города Норильска Олег Михайлович Бударгин принял решение закупить по полтиража первых двух томов. К этому времени уже заработал некоммерческий издательский фонд «Норильский», который в отличие от клуба уже имел право не только издавать, но и продавать книги. Пока О.М. Бударгин не покинул посты главы Администрации Норильска и губернатора Таймырского автономного округа, он поддерживал фонд «Норильский». С его уходом наши связи с Таймыром не прервались. Виктор Петрович Томенко, возглавляющий Заполярный филиал ОАО «ГМК «Норильский никель», всегда с вниманием относится к выходу в свет новой книги и отдает распоряжение закупить часть тиража.

Конечно, наше издание «О времени, о Норильске, о себе...» прежде всего востребовано на Таймыре — его книги есть в городских библиотеках, в музеях, в магазинах «Апекса». Это в общем-то понятно и объяснимо. Но вскоре после выхода первых книг я поняла, что нашими книгами интересуются аспиранты, историки, причем не только наши. Благодаря тому, что издание распространяется, как положено, в 16 крупных библиотек страны, а мы отсылаем его в отделения «Мемориала», есть они в библиотеке Общественного центра имени Андрея Сахарова, ко мне и в издательство «ПолиМЕдиа» время от времени обращаются с просьбой купить книги иностранцы — историки, политологи, журналисты.

С удовлетворением признаю, что норильский принцип передачи информации «из уст в уста» затмил знаменитую «цыганскую» почту. Без рекламы, без магазинов, без маркетинговых ходов наши книги

покупают — значит, они нужны. Не могу не вспомнить с благодарностью об Интернете. Наберите название книги и попадете прежде всего на сайт Красноярского «Мемориала»: здесь можно прочитать о содержании всех томов, мой телефон и адрес. Музей и общественный фонд имени А. Сахарова включил в диск «Память и бесправие» информацию о репрессированных, отбывавших срок в Норильлаге, о которых писало наше издание. Сегодня этот диск читают во всем мире. А я рассылаю наши книги во многие города России, на Украину, в Белоруссию, страны Балтии, есть у нас читатели во Франции, Германии, Англии, США, Швейцарии, Австралии, Израиле. Я получаю воспоминания и переводы от незнакомых людей просто с адресом и перечислением томов (если это перевод) или с объяснением, как узнали о книгах, и все это убеждает, что норильчане прижились как люди мира по всему свету...

К сожалению, приходится огорчать интересующихся норильской историей, что книги первой и второй уже нет, да и третьей, четвертой, пятой осталось немного. Появятся финансовые возможности, обязательно допечатаем первые тома. На этот счет живет во мне какой-то необъяснимый оптимизм. Вот недавно, казалось, выхода нет (точнее, денег), но вдруг Владимир Иванович Полищук, который всегда в курсе наших дел не только как член попечительского совета, но и как настоящий друг, порадовал известием, что молодой норильчанин («его репрессированная бабушка лежит в норильской земле») хочет сделать благотворительный взнос фонду и просит отослать все книги своей маме. И дело наше опять продолжилось без остановки. Он тоже просил не называть его имя, чтобы его душевный порыв не сочли рекламным. Огромная благодарность всем, кто поддерживает все начинания некоммерческого издательского фонда

«Норильский». Как права русская пословица «Свет не без добрых людей», и как это замечательно!

***

А теперь о том, какую цель мы поставили перед собой. Если коротко: увидеть жизнь Норильского промышленного района глазами тех, кто там жил, работал, учился, растил детей. Таким образом должны получиться коллективно написанный портрет времени и фрагменты истории страны на конкретном примере Заполярья. О Таймыре, Норильске, горно-металлургическом комбинате написано много книг, но есть в них два существенных, но вполне объяснимых недостатка. Первый: во многих отсутствует лагерная тема, а между тем заключенные (в большинстве политические — см. с. 4–5 книги девятой издания «О времени, о Норильске, о себе...») построили Норильский комбинат и город — з/к работали в Норильлаге вплоть до его закрытия — с 1935 по 1957 год. А это ни много ни мало 21 год 6 месяцев и 5 дней! Но это официально. Но и после исторического рубежа многие бывшие з/к еще вынуждены были оставаться в Норильске по многим политическим и житейским причинам. Второй недостаток: долгие годы не принято было рассказывать о жизни простых людей. В основном живописали трудовые подвиги, победы, праздники, рассказывали о работе прославленных руководителей, бригадиров, звеньевых, о трудностях, с которыми успешно справились. О бытовых проблемах не писали — опасно и во всех смыслах невыигрывшно! Хотя Норильск и в лагерные времена в сравнении с городами Красноярского края уже с середины войны выглядел куда лучше... Вот мы и решили: пока живы, расскажем о промышленном освоении Таймыра сами. Это будет правда, прочувствованная и выстраданная.

После выхода книги первой (да и после) не раз приходилось слышать, что такой-то автор о человеке или каком-то событии рассказал как-то не так или совсем не так. Не устаю объяснять, что каждый пишет то, что застряло в его памяти, как он понимал тогда жизнь, человека, конкретный факт. Каждое воспоминание — это субъективный конкретный взгляд, но только субъективные рассказы людей и могут составить объективную многомерную картину норильской жизни. Всегда всем обещаю даже в малом прежде всего сохранять смысл написанного или рассказанного. В конце устных бесед, если это делала не я, стоит подпись того, кто готовил материал к печати — чаще всего это историограф Норильска Анатолий Львов и норильская журналистка Алла Макарова.

Столкнулась и с такими претензиями: почему так мало о геологах, строителях (или о ком-то еще), надо бы подробнее рассказать об открытии Талнаха. Или: сделайте хотя бы сноску, когда Г.О. Кононович пишет (он, кстати, делал записи по горячим следам и другого написать не мог), что Н.Н. Урванцев отправился на Таймыр по указанию Ленина — это ведь неправда. И об этом, и о принципах формирования книги я пишу в каждом предисловии: воспоминания публикуются по мере их поступления. Кто прислал, принес, чей рассказ записан при встрече, то и опубликовано. При таком подходе (а он вряд ли в наших условиях работы может быть иным) невозможна какая-то систематизация по годам, отраслям, профессиям. Нет возможности делать в каких-то даже нужных случаях уточнения, сноски — для такой серьезной работы требуется редколлегия, которая обращается к архивным, литературным, историческим источникам. Такой возможности у меня нет, работаю одна и тороплюсь изо всех сил, потому что уже не раз и не два опаздывала записать норильчан, которым за восемьдесят... А про Н.Н. Урванцева читайте в этой книге — тут есть и под-

---

робности его жизни, и про ленинский декрет, и про приказ Колчака.

Бывают у нас и ошибки. Например, на фотографии не тот, а другой — называют его. Вносят поправки в фамилии, имена, отчества. Ошибки в материалах неизбежны, память с годами слабеет у всех, вот почему прошу присылать, звонить или сообщать через знакомых уточнения, замечания, комментарии. Вы найдете их и в этой книге.

К сожалению, в нашем издании нет рассказов о тех, кто служил в администрации лагеря, кто носил погоны НКВД, МВД. Причины этого понятны. Но представление о них, о стукачах дают сами репрессированные. Они пишут о лютости одних, о сострадании и помощи других работников администрации, которые помогли выжить в какой-то трудный момент, но не в силах были изменить бесчеловечную лагерную систему (см. в этой книге воспоминания З. Курашинова).

Вот как об этом написал Вячеслав Тимофеевич Гумейко. Его, офицера Советской Армии, в 1944-м по доносу арестовали на территории Румынии, приговорили к 20 годам каторжных работ и 5 годам поражения в правах. Статья предполагала и конфискацию имущества, но поскольку у В.Т. Гумейко его не было, родителям пришлось продать часть крестьянского скарба (можно представить — какого!) и внести за сына сумму (наверняка для государства пустячную!) в финорганы страны. После 11 лагерных лет он в газете «Заполярная правда» в 1989 году вспомнил двоих работников лагеря.

«Должен сказать, что и среди надзиравшего лагерного начальства были люди разные. Старший лейтенант Шматлей в тяжелые минуты находил время и возможность подбодрить, с пониманием и сочувствием посмотреть в глаза... Очень сожалею, что этот хороший человек рано ушел из жизни. А начальник режима майор Шахматов — тот неоднократно и бес-

причинно загонял меня в лагерную подземную тюрьму, где я едва не лишился жизни. И очень обидно, что Шахматов* пережил Шматлея, а не наоборот — на льготной пенсии и с партийным билетом спокойно проживает на тверской земле. И возможно, считает себя моим единомышленником, коль партбилет по-прежнему при нем... <...> Если бы не добрые люди из числа вольнонаемных (бывших заключенных), такие, как Грамп, Гарфункель, Зайдель, Коляда, Гольдбрейх, Лебедев и многие другие, которые помогали заключенным, кто — куском хлеба, кто — банкой консервов или добрым словом, меня просто не было бы среди живых».

43 года на предприятиях Норильского комбината отработал Вячеслав Тимофеевич Гумейко. Очень хотелось бы рассказать об этом известном в Норильске человеке, а возможно, где-то есть его воспоминания о пережитом в лагере... Обращаюсь с надеждой за помощью и к читателям нашего издания, а если вы были знакомы и со Шматлеем, Шахматовым, другими работниками лагеря, не забудьте и о них...

Хочу заметить для будущих авторов, что мы никого не ограничиваем в количестве написанных строк, только всегда прошу больше описывать всего конкретного: примеров в быте и работе, случаев из жизни своей, сослуживцев, знакомить с их судьбами. Эта же конкретика нужна и фотографиям (укажите, кто на снимке слева направо, год съемки, хотя бы предположительно), интерес представляют и копии на первый взгляд даже самых незначительных документов, других примет прошлого времени... Сегодня это уже

---

* Старожилы Норильска знают, что Шахматов был последним начальником Каларгонской тюрьмы. Потом он заведовал отделом кино- и фотохроники на Норильской студии телевидения. Неизвестно, согласовывал ли он с кем-то свои действия, но знающие норильчане утверждают, что именно он уничтожил все старые фотографии и съемочный киноматериал лагерных времен. (Примеч. ред.)

исторические документы XX века. Иногда спрашивают, а можно ли о ком-то, о чем-то писать критически? Конечно, если у вас такое отношение к чему-то, такой взгляд на что-то из вашего и нашего прошлого.

Справедливости ради не могу не отметить, что нередко с позиций сегодняшнего дня читатели удивляются тому, что авторы воспоминаний в страшных условиях сталинских лагерей чувствовали себя счастливыми. Они радуются, дружат, любят... да возможно ли такое? Вполне. Есть у нашей памяти защитная реакция на зло, на плохое: забыть это или помнить, но не все. Конечно, люди понимают происходящее вокруг как огромную человеческую трагедию, но — всюду жизнь! И внутри трагедии, и рядом с ней. Человек хочет остаться человеком даже на каком-то интуитивном уровне, как это делали дети, выросшие в городе-лагере. Инесса Евзерова однажды увидела за окном замерзшего человека в черной телогрейке, он жестами показал, что хочет есть. Ее сердце замерло от жалости, она побежала за сухарями и передала их через морозную форточку. Так было несколько дней, столько, видимо, заключенный работал рядом с домом девочки, а потом человек пропал. Совсем. «А я продолжаю ждать его, и сердце мое болит за него, будто он уже не чужой, а близкий и дорогой человек. И теперь <...> глядя на голубя за моим окном, я вижу этого голодного, замерзшего человека, протягивающего ко мне руки» (книга четвертая, с. 373). Были дети, которые подкармливали незнакомцев в телогрейках, когда они заходили греться в их подъезд. Они знали, что родители каждое утро брали с собой бутерброды для заключенных, которые работали рядом с ними, — это вообще было обычным явлением для Норильска. Об этом упоминают многие наши авторы. В лагере люди влюблялись, создавали семьи, рождались дети.

З/к Тихон Иванович Петров познакомился со своей з/к Галей на строительстве здания горного техни-

кума. Так родился сын Юрий. Через два года работа опять свела их, и в 1953 году Галина родила второго сына Северьяна. И все «семейные годы» они перепи-сывались, хотя это и было запрещено. После освобождения и реабилитации мать забрала детей из детдома, а оформили брак Петровы позже в деревне Кривянке Хмельницкой области. Дети сначала носили фамилию матери, но потом Петров добился, чтобы вся семья носила фамилию отца (книга шестая, с. 360–371).

«Ни о чем таком» взрослые, как правило, не беседовали ни со знакомыми, ни со своими детьми. На всякий случай. То же было и в школе: мудрость руководства комбината и лагеря, директора школы и учителей заключалась в том, что во всем соблюдалось видимое равенство, всем шилась новая форма, всех летом посылали в пионерский лагерь. Детей не разделяли на чистых и нечистых. Но главный стержень, который держал всех несправедливо осужденных и всех сочувствующих им вольнонаемных, был в том, что эти люди раз и навсегда разделили для себя государство и Родину. Поэтому они не приняли понятие «враги народа», а вдохновенно и трудно работали, отдавая государственному делу силы, таланты, умение часто вопреки своему здоровью. Вот таких людей в Норильске было много. Очень много.

Декабристы, сосланные на каторгу в Нерчинские рудники, тоже работали рядом с убийцами, ворами. Освободившись, эти, казалось бы, отпетые уголовники стали не разбойничать, а работать, заботиться о своих семьях и даже вести торговлю. Об этом писала Мария Волконская. Рядом с политическими люди тоже менялись к лучшему и в Норильлаге — поступали учиться, лучше работали — об этом пишут многие наши авторы. Политические заключенные с годами создали в Норильском промрайоне несвойственную лагерю моральную атмосферу, когда в чести были поддержка слабого, интерес к образованию, культу-

---

ре. Конкретные примеры можно найти в воспоминаниях Люции Успенской (книга девятая, с. 218–249), а в этой книге — Ольги Борисовой-Бовиной. Все это красноречиво свидетельствует о том, что если люди жили без сжигающей сердце ненависти (разве только к «Усу»), а помогали друг другу всем, чем могли, они сохраняли и в нечеловеческих условиях человеческое достоинство и учили этому других. Доказательства этого вы найдете в каждой нашей книге...

***

Каковы наши дальнейшие планы? Будем по-прежнему публиковать воспоминания норильчан — до тех пор пока они поступают и пока покупают наши книги. Радует, что родник этот не иссяк. Через Интернет нашел фонд «Норильский» Сурен Вадимович Алексеевский, внук знаменитого ученого Всеволода Михайловича Алексеевского*. Он начинал в Норильлаге землекопом, но очень скоро начальство лагеря исправило свою неразумность: в то время как в ОМЦ безуспешно бились над получением чистого никеля, крупный ученый рыл котлован на площадке Большого металлургического завода. В.М. Алексеевский внес немалый вклад в получение первого образца чистого никеля, а также в очистку растворов никеля и кобальта от железа, в решение других технических задач. Успехи в работе позволили ходатайствовать о его досрочном освобождении. Ученый стал ссыльным, что не только облегчило его жизнь, но и позволило вызвать жену. Сурен Вадимович сказал, что бабушка много рассказывала про деда (дожила она до 1973 года), так что он дополнит портрет талантливого человека, загубленного репрессивной государственной системой.

Звонок Ларисы Анатольевны, невестки легендарного полярного летчика В.М. Махоткина (к со-

---

* О нем в первом томе написал Ф.Т. Киреенко. (Примеч. ред.)

жалению, нет с нами ни его, ни его не менее замечательного сына), вселил надежды, что жизнь и этого человека, неординарного и бескомпромиссного, теперь ярче откроется перед нами. Оказалось, что Василий Михайлович оставил чемодан с рукописями, документами, снимками, он начал писать книгу, но не успел ее закончить.

Очень надеюсь, что и дочь Трофима Яковлевича Гармаша Татьяна закончит работу над архивом отца, и мы ближе познакомимся с человеком, который начал писать историю Норильского промрайона. Трофим Яковлевич долгие годы прожил в Заполярье и все это время собирал по крупицам историю Норильска, вел рубрики архивариуса в местной газете и на городском телевидении. Его имя знали все взрослые и дети, вырезки из газет с его публикациями увозили на память, покидая Таймыр. И при этом Т.Я. Гармаш всегда оставался скромным человеком, как бы в тени даже своей известности. Мы не знаем его биографии, не удалось найти в книгах даже его фотографии. Надеемся получить рассказы о нем тех, кто общался с ним.

В этой книге вниманию читателей представлена подборка материалов о Н.Н. Урванцеве. Их авторы А.Л. Львов, С.Л. Щеглов, В.И. Долгов и В.С. Корякин рассказали о Николае Николаевиче много интересного и неизвестного до сих пор. Создалось впечатление, что судьба его сложилась трагически, несмотря на его славу, награды и звания. Эту тему мы тоже продолжим в следующей книге. Все, кто встречался с Н.Н. Урванцевым, с его родными, сослуживцами, тоже могли бы высказаться — с удовольствием опубликуем заметки о нем. Особенно настойчиво прошу рассказать о своем коллеге геологов.

В жизни бывают удивительные случайности, и вот одна из них. Имя Урванцева заставило Маргари-

ту Александровну Кононович вспомнить, как в молодые годы в компании геологов ей показали человека со словами: «Это сын знаменитого Урванцева». Заговорили о Николае Николаевиче, ждали каких-то слов сына, но он сказал: «Я ничего не хочу говорить об этом человеке». Маргарита Александровна запомнила, что «он был какой-то не такой, как все», но, поскольку он не поддержал беседу, она отошла и забыла о нем. Наверняка геологи, пригласившие его на вечеринку, могли бы рассказать больше...

Воспоминания норильчан, опубликованные в десяти книгах издания «О времени, о Норильске, о себе...», уже дают основание к серьезному анализу, осмыслению биографий, фактов, событий XX века. По мере сил и возможностей мы постараемся поделиться своими размышлениями на темы норильской истории. Мы — это историк Нина Семеновна Дзюбенко, журналист Алла Борисовна Макарова и ваш покорный слуга. Н.С. Дзюбенко, А.Б. Макарова имеют опыт музейной работы, темой издания они занимаются много лет. В наши планы входит и знакомство с Таймыром до 1935 года. Полуостров привлекал многих исследователей, интересовал купцов и само государство, он отнюдь не был, как иногда может показаться, белым пятном на географической карте Крайнего Севера.

Хочу обратиться к читателям нашего издания с просьбой рассказать о реабилитации вашей, ваших родных, знакомых. Как сложилась судьба репрессированных после освобождения, реабилитации? Арест, лагерный режим описывают все — дальше воспоминания часто обрываются... Начинался новый отсчет времени с радостями и разочарованиями, с перестройкой всей жизни. Хочется понять, что тогда было сделано не так, если уже в наше время, в XXI веке, в десятке городов снова установлены памятники величайшему

злодею человечества Сталину. Какова природа страха? Можно ли ему сопротивляться? Каждый дает ответ своей жизнью. Может, разные ответы на жгучие и сегодня вопросы позволят нам лучше понять себя и свою историю? Очень надеюсь, что обратная связь с читателями продолжится. Напоминаю, что автором может стать каждый, кому есть что сказать на интересующие нас темы.

В заключение приведу адрес самого верного нашего друга и помощника — издательства «ПолиМЕдиа»: 143003, Московская обл., г. Одинцово-3, а/я 101. Для желающих пообщаться или купить книги сообщаю свой телефон: 8(495) 474-23-59.

*Галина Касабова,
генеральный директор некоммерческого
издательского фонда «Норильский».*

С.Л. Щеглов, А.Л. Львов
В.С. Корякин, В.И. Долгов

*Неизвестное и
малоизвестное
из жизни легендарного
норильчанина*

**НИКОЛАЯ
НИКОЛАЕВИЧА
УРВАНЦЕВА**

Сергей Львович Щеглов. Тула, 2005 г.

Н.Н. Урванцев

Сергей Щеглов-Норильский:

«От обвинений в колчаковщине — до урванцевита» .

Экспедиция 1921–1922 гг. Н.Н. Урванцев в центре во втором ряду

Осень 1946 года. Горняки Норильска, в их числе и я, находились под ужасающим впечатлением от преждевременного взрыва оксипатронов в скважинах рудника «Угольный ручей». В эти дни мне довелось присутствовать на одном из совещаний в управлении горно-металлургического комбината. Обсуждалась проблема дальнейшего развития буровзрывных работ в карьерах рудника. Вел совещание заместитель начальника комбината по горным предприятиям Игнат Васильевич Усевич. Возник какой-то вопрос в связи с геологическими изысканиями. Выслушали всех, к решению не пришли.

— Надо с Николаем Николаевичем посоветоваться, — предложил главный инженер горного управления Марк Давыдович Фугзан.

Пригласили Урванцева. Он работал в геологическом отделе комбината, в бараке позади конторы Норильлага на Заводской улице, в нескольких минутах ходьбы от управления комбината, что в начале Октябрьской.

И вот в зале появился высокий человек в длинном кожаном пальто коричневого цвета, такие носили тогда начальники и виднейшие специалисты Норильска. Взоры всех с уважением обратились к вошедшему. Не снимая пальто, а лишь освободив голову от шапки, Урванцев присел к столу.

Все знали, что он вышел из лагеря год назад. А первые исследования в Норильске провел еще в те времена, когда никто и не подозревал, что здесь будет лагерь: в далеком девятьсот девятнадцатом. Потом имя Урванцева было овеяно двойной легендой: как зэка и как первооткрывателя.

С тех пор мне часто приходилось встречаться со знаменитым человеком. Но были те встречи мимоletны и не оставили заметных воспоминаний.

Прошло десять лет. Времена изменились. Норильск отчасти рассекретили. Урванцева реабилитировали. Появилась о нем большая уважительная статья в центральной газете «Труд». Пошли публикации в других газетах и журналах. По мере разлива славы заполярного гиганта индустрии разливалась и слава его творцов. Заслуги Урванцева были в эпицентре.

Однажды в солнечный день пришел и я к Николаю Николаевичу. Пришел не как горняк, а как самодеятельный журналист — взять интервью. В результате обстоятельной беседы написал очерк. Так началось наше многолетнее личное общение. Когда он уехал из Норильска в Ленинград и вернулся к работе в Институте Арктики и Антарктики, у нас завязалась переписка. В 1957 году в журнале «Сибирские огни» была напечатана моя статья «Столица енисейского Севера» — под рубрикой «Города родной Сибири» (Норильск тогда уже получил статус города). Естественно, там много было сказано и об Урванцеве. Я отправил ему этот номер и получил ответ.

Многоуважаемый тов. Щеглов!

Простите, что не знаю Вашего имени-отчества. (Забыл Николай Николаевич о нашем общении. — С.Щ.) Прощу сообщить в следующем письме, если доведется писать. Большое спасибо за присланный журнал. Я с удовольствием прочел в нем статью о Норильске, написанную Вами. Никаких промахов и ошибок там нет. Все правильно. Вы верно отметили, что Норильск пока лишь небольшой оазис среди пустынной и почти безлюдной до сих пор тундры. Однако это долго не продлится. Выявляются все новые и новые объекты полезных ископаемых, могущие стать в ряд с Норильском.

В связи с промышленным освоением Сибири вообще и Красноярского края в частности они скоро будут втянуты в общую промышленную орбиту Советского Союза. На Курейке, по-видимому, выявляются перспективные месторождения норильского типа. То же имеет место и в бассейне р. Кулумбе и Горбильчин. В районе Котца весьма перспективно Чулыкское месторождение редких элементов и слюды. Возобновляются поиски и разведки нефти на Хатанге и в низовьях Енисея. Сегодня как раз у нас в институте план этих разведок разбирала специальная комиссия, в которой и я принимал участие. Несомненно, очень скоро Норильск станет не единственным, а лишь первым среди многих культурных и промышленных центров таймырского Севера. Я всегда это утверждал и счастлив, что моя мечта сбывается. Рад и счастлив, что здоровье и силы еще позволяют мне не один год поработать над разрешением этого вопроса.

Жму Вашу руку и желаю здоровья и всемерных успехов в работе.

Привет всем знакомым норильчанам.

11.02.58 г.

Н. Урванцев.

В том же году в Красноярске была издана написанная мной и Алексеем Бондаревым книга «Город Норильск». То был первый краеведческий очерк о нем. Я послал книгу Н.Н. Урванцеву. Ответом было благодарственное письмо с положительной оценкой книги.

...Наш институт (Институт геологии Арктики) нынешним летом будет вести широкие работы в пределах Норильска для составления кондиционной государственной геологической карты в масштабе

1:200 000 (то есть 2 км — 1 см). Такой карты Норильский район до сих пор не имеет, а между тем именно она должна служить базой для планирования поисков и разведки новых рудных месторождений, особенно богатых. Мы имеем целью создать подобные карты для всего правобережья р. Енисея к северу от Полярного круга. Два южных листа (к югу от Хантайки) уже готовы, приняты Министерством геологии и сданы в печать. Два других листа — делаются. Редактирую листы я.

Кроме того, сейчас я закончил сводку всех материалов р. Енисея к северу от Полярного круга и составил обобщающую карту М 1:500 000 (5 км — 1 см). Сейчас она находится в оформлении.

Летом думаю проехаться по нашим светочным партиям от Курейки через Норильск до Таймыра. Работы много, интересной, творческой. Здоровье пока в порядке, и мне хочется облететь побольше и на многое старое взглянуть новыми глазами, в свете современных данных геологической науки.

Привет всем. Жму крепко руку.

06.03.59 г.

Н. Урванцев.

Книга «Город Норильск» вызвала отклики и других старейших норильчан, имена которых были известны большинству строителей, металлургов и горняков. Важной и знаменательной считаю переписку с Александром Емельяновичем Воронцовым (родился 3 февраля 1903 года, умер 9 января 1984 года). В 1938–1945 годах он был главным инженером Норильскстроя и комбината. Позднее он в числе других увенчан лаврами Сталинской премии, государственными наградами, званием почетного гражданина Норильска.

Правительственных наград и звания почетного гражданина Норильска удостоен и Урванцев. Но судь-

бы его и Воронцова сложились диаметрально по-разному, как и биографии многих первооткрывателей енисейского Севера, как и жизненные пути миллионов граждан Советской России. Одни возводили Норильск, будучи уполномоченными партией и правительством. Таких обеспечивали всеми привилегиями, человеческими условиями быта в суровой обстановке Крайнего Севера. Других завозили туда насильно. Клейменные презрением, они жили и работали, как каторжане, только что без кандалов. Кто-то из них поплатился свободой за преступления против общества, а кто-то злодейств не совершал — пострадал в горячке борьбы правителей друг против друга. Сталина против Троцкого. Противоборство велось под флагом классовой борьбы, но на деле было лишь ее декларацией. В стране царил государственный террор. Жертвами его стали миллионы невинных граждан.

В чем было преступление Урванцева? Он был начинающим землепроходцем Севера в годы, когда шла Гражданская война и в Сибири правил Колчак. Вместе с сыном енисейского промышленника Сотникова он проводил геологические изыскания на месте будущего Норильска. Всякое подчинение колчаковскому «правительству» красные считали тягчайшим преступлением, изменой Родине. Дважды удавалось Николаю Урванцеву опровергнуть надуманное обвинение. После третьего ареста (много лет спустя после Гражданской войны) ему все же присудили длительный срок заключения. Хорошо еще, что не расстреляли, как многих. А ведь он к этому времени уже проявил себя талантливым ученым, героическим полярником и трудился на благо советской науки в интересах советской власти. Приписали же ему совсем иное — будто бы вредил он ей, скрывал от нее запасы полезных ископаемых. Николай Николаевич Урванцев, как и многие, оказался жертвой политического террора, впоследствии осужденного самой же советской властью. Был оправдан, реабилитирован.

Проследим основные вехи жизненного пути Н.Н. Урванцева. Родился **17 (29) января 1893 года** в городе Лукоянове Нижегородской губернии в семье купца. В **1918 году** окончил горное отделение Томского технологического института. **1919 год** — сотрудник Сибирского отдела Геологического комитета России. Командировка в низовья Енисея, на Таймыр, для изучения угленосных отложений. **1920–1922 годы** — продолжение разведки Норильского каменноугольного месторождения. **1921–1922 годы** — первая зимовка в Норильске. **Лето 1922 года** — лодочный маршрут по неизученной таймырской реке Пясине. Находка почты полярного путешественника Руаля Амундсена. Награжден за это медалью имени Пржевальского (Правительство РСФСР) и именными золотыми часами (от правительства Норвегии). **1923–1924 годы** — вторая зимовка в Норильске, горно-разведочные работы на рудном и угольном месторождениях. **1925–1926 годы** — третья зимовка в Норильске (заместитель начальника экспедиции представителя Советского правительства П.С. Аллилуева). **1928 год** — руководство геолого-поисковыми и разведочными работами на открытом в 1926 году медно-никелевом месторождении Норильск-2 («Медвежий ручей»). Геолого-поисковый маршрут по неизученной таймырской реке Хантайке. **1929 год** — исследовательский маршрут по северо-западной части Таймырского полуострова — 10 000 километров на лошадях, оленях и моторной шлюпке. **1930–1932 годы** — научный руководитель экспедиции Г.А. Ушакова на Северную Землю. Награждение орденом Ленина. **1933–1934 годы** — руководитель геолого-разведочных работ на Северном Таймыре. Вынужденная зимовка у острова Комсомольской Правды. На полугусеничных автомобилях обошел северную часть Таймырского полуострова. **1934 год** — премирован Советским правительством легковым автомобилем за внедрение автотранспорта в Арктике. Работа главным консультантом горно-геологического управления Главсевморпути. **11 июня 1935 года** — присуждена степень доктора геологических наук без защиты диссертации. Издание книги «На Северной Земле». **1935–1938 го-**

ды — работа в Ленинграде в научно-исследовательском институте по специальности.

11 сентября 1938 года — арест по политическим мотивам. Освобожден в том же году за недоказанностью обвинения. **3 марта 1939 года** вторично арестован. Обвинение во вредительстве и участии в контрреволюционной организации. **11 ноября 1939 года** — осужден Военным трибуналом Ленинградского военного округа на 15 лет ИТЛ по ст. 58 УК РСФСР, пп. 7 и 11. **22 февраля 1940 года** дело пересмотрено и прекращено за отсутствием состава преступления, приговор отменен. **Осень 1940 года** — третий арест. **30 декабря 1940 года** Особое Совещание НКВД СССР вынесло приговор по обвинению в участии в антисоветской вредительской организации — 6 лет ИТЛ с зачетом отбытого срока. В **январе 1941 года** переведен на Актюбинский комбинат НКВД (ферросплавов); работа на заводе бетонных изделий лаборантом, техническим руководителем. **1942 год** — начальник геологического бюро и главный геолог Ленских рудников хромистого железняка при Актюбинском комбинате ферросплавов. По распоряжению заместителя наркома внутренних дел Завенягина направлен на строительство Норильского комбината.

24 января 1943 года через тюремно-лагерную пересылку — 8-е Красноярское отделение ГУЛАГа — привезен по этапу в Норильск. **1943 год** — руководитель поисковых работ по реке Пясине и притокам. **Лето 1944 года** — геологическая съемка в районе архипелага Минина (на моторной лодке). Постановлением ОСО НКВД 24 июня за добросовестный, высокопроизводительный труд срок заключения снижен на 2 года. В **марте 1945 года** освобожден, назначен старшим геологом геологического управления Норильского комбината. **1957 год** — выехал из Норильска в Ленинград на работу в НИИ геологии Арктики. **1958 год** — награжден Большой Золотой медалью Географического общества СССР. **1963 год** — второй орден Ленина. **1969 год** — вышли в свет две книги. Это «Норильск» (М.: Недра, 3700 экз.) и второе издание (доп. и перераб.) книги «На Северной Земле» (Л.: Гидрометеорологическое изд-во, 41 000 экз.).

1974 год — присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР. **1975 год** — присвоено звание почетного гражданина Норильска. **1978 год** — издана книга «Таймыр — край мой северный» (М.: Мысль, 80 000 экз.). **1981 год** — вышла в свет книга «Открытие Норильска» (М.: Наука, 50 000 экз.). **1983 год** — награжден орденом Трудового Красного Знамени. **1985 год** — 20 февраля Н.Н. Урванцев скончался в Ленинграде.

(Сведения о датах политических репрессий взяты из буклета «Н.Н. Урванцев. 100 лет со дня рождения». Составитель и автор текста — сотрудница Норильского музея НПР Т.И. Рычкова.)

Приведу слова из предисловия к книге «На Северной Земле» академика С.В. Колесника: «Два года, проведенные первыми жителями Северной Земли, — это годы неустанного, упорного и тяжелого труда, который требовал и душевных сил, и огромного физического напряжения.

<...> Не говорим уж о постоянном риске, какому подвергались исследователи, — быть унесенными на льдинах в море, свалиться с замаскированного снегом обрыва или замерзнуть в пути, захваченными долгой пургой. Если бы труд этот не был добровольным, его можно было бы назвать каторжным. Но результаты его изумительны. <...> Перед наукой предстал целый новый мир: обширная группа больших и малых островов общей площадью около 37 000 квадратных километров, новый район крупного современного оледенения».

В приведенном перечне не упомянута реабилитация Николая Николаевича. Она проведена по всем его судимостям в 1956 году. Напомню современному читателю: реабилитация жертв политических репрессий в СССР началась после XX съезда КПСС, когда было объявлено о нарушениях Сталиным «норм социалистической законности». Реабилитация проводилась до конца 1964 года. Позже в течение многих лет делались попытки отменить решения XX и XXII съездов

КПСС, возратить Сталина на пьедестал безупречного вождя. Все эти годы отношение к жертвам политических репрессий со стороны властей было сдержанным, а то и подозрительным.

В это политическое пространство вполне укладывается судьба таких людей, как Урванцев. Снова выглянули на свет клеветники и завистники, претенденты на чужую славу. «Какой Урванцев первооткрыватель? — шипели они. — Он вредитель-колчаковец, примазавшийся к советской власти, купеческий отпрыск, под горячую руку Хрущева вытащенный из лагерной пыли. Это мы открыли и разработали норильские богатства. Это Никифор Бегичев осваивал Таймыр, Урванцев здесь ни при чем».

В таких декларациях просматривалось стремление очернить реабилитированных, а преступления их мучителей замолчать.

Судьба А.Е. Воронцова сложилась иначе, чем жизнь Н.Н. Урванцева. Он вел свою работу в Норильске в условиях сравнительно комфортных, все у него складывалось благополучно. Человеку просто повезло. Но он смотрел на происходившее по-иному. Он, так же как и многие, был заражен вирусом недоверия к жертвам репрессий: это давало ему шанс преувеличить собственные заслуги. Главной мишенью его нападок стал Николай Николаевич. Вот что писал мне Воронцов в 1967 году:

Уважаемый Сергей Львович!

В связи с тем что в последние годы в журналах, по радио и в кино очень много внимания уделяется личности Урванцева, как первооткрывателю Норильска, как создателю рудной и угольной баз района и даже как организатору освоения Норильска, — я вынужден был написать краткую историю изучения и освоения Норильска, которая на фактах опровергает такую роль Урванцева в деле изучения

и освоения Норильска. Большинство материалов в этой записке Вам известны, а кое-что, может быть, неизвестно.

Если Вы пожелаете, я Вам перешлю эту записку, но буду просить вернуть ее, так как это единственная копия.

Записку я направил в следующие места:

1. Норильск. 2. ЦК КПСС. 3. Радиокомитет.
4. Комитет кино. 5. Министерство геологии.

Министерство геологии прислало мне письмо, аналогичное тем, которые оно разослало в другие организации. Содержание этого письма я Вам также могу выслать.

Конечно, эти материалы будут Вам интересны только в том случае, если Вы предполагаете что-нибудь писать по истории Норильска.

21/VIII

С уважением А. Воронцов.

В то время я готовил второе издание книги «Город Норильск» (доп. и исп.). Поэтому попросил Александра Емельяновича прислать все, что может, по затронутому вопросу. И он удовлетворил мою просьбу. При этом прислал мне такое письмо.

Уважаемый Сергей Львович!

Я прочел Ваш очерк в газете «Заполярная правда» от 23 сентября о писателе Тарри А.Н. Очерк очень неплохой, но меня крайне удивляет Ваше сравнение Урванцева периода 1919–1920 гг. с деятельностью Тарри. Тарри сражался на фронте за Советскую власть, а Урванцев в 1919 г. ехал от Колчака исследовать угли Норильска для Колчака. Какое может быть здесь сравнение? Для чего Вы это делаете?

Имейте также в виду, что открытие реки Тясины принадлежит Бегичеву, а не Урванцеву. Об этих годах Норильска В.Н. Лебединский провел большую исследовательскую работу, изучив архивы в Красноярске, Томске и в Москве. Если Вы будете в будущем писать что-нибудь по истории ранних лет Норильска, советую консультироваться с В.Н. Лебединским или со мной.

10/X. 69 г.

С приветом А. Воронцов.

Я ответил Александру Емельяновичу коротким вежливым письмом, доказывал необоснованность упрека в предвзятом сравнении эпизодов из биографий Гари и Урванцева. Через две недели мне пришел ответ.

Здравствуйте, Сергей Львович!

Отвечаю на Ваше письмо. Прошу извинить за плохой почерк из-за очень плохого моего зрения. Обычно мою писанину переписывает моя жена, но она не всегда имеет эту возможность. В данном случае Вам предстоит самому разбирать мои иероглифы.

Урванцева я знаю с 1930 г. Я его уважал, пока за последние годы не выяснилась действительная натура этой авантюристической личности.

Реку Тясину открыл и обследовал исследователь Севера Бегичев, а золотую медаль за это исследование и открытие получил Урванцев.

Погибшего норвежца, члена экспедиции Амундсена, обнаружил Бегичев, а пода-

А.Е. Воронцов

рок — золотые часы от норвежского правительства получили Урванцев.

В 1919 г. Урванцев ехал в Норильск обследовать угли (для речного и морского флота Колчака), а говорил всем и писал, что в это время выполнял задание Ленина.

А не задумывались ли Вы над тем, как это получилось, что Урванцев работал в Норильске в 1919—1925 г., 6 лет, а за это время раскрывается только микроскопическое рудное месторождение г. Рудной с таким запасом металла, которое не позволяло не только строить промышленные предприятия, но даже не обеспечивало экономически строительство узкоколейной железной дороги Дудинка—Норильск. А в это время мощное рудное месторождение (которое Вам знакомо), расположенное рядом, так и осталось неразведанным. Очень странное поведение для такого опытного геолога.

Но достаточно было приехать в Норильск двум

А.Е. Воронцов в Норильске. 1935 г.

малоопытным геологам в 1930 г., и это рудное месторождение «Угольный ручей» немедленно разведывается, подсчитывается запасы, и правительство принимает решение о строительстве в Норильске мощного комбината.

Если внимательно и объективно прочесть мою записку, которая у Вас имеется, — личность Урванцева выясняется достаточно от-

четливо, и я удивляюсь, что мое письмо в отношении Урванцева показалось Вам странным.

Если бы я прочел Вашу книгу о Норильске теперь, я, конечно, к большому сожалению, дал бы другую оценку. Совсем другое дело — Ваша книга о Федоровском. Это отлично написанная книга на основе фактических материалов, и ее значение во времени не изменится. <...> Желаю Вам серьезной и объективной работы над историей Норильска.

24/X. 69 г.

С приветом А. Воронцов.

Каждое письмо Николая Николаевича приносило мне новые доказательства истинности его деяний в открытии и освоении норильских богатств. Вот письмо от 27 ноября 1969 года.

Уважаемый Сергей Львович!

Посылаю Вам по Вашей просьбе дополнение к списку моих печатных работ после 1965 г. Надо иметь в виду, что 1967 и 1968 гг. выпали из-за моей серьезной болезни — спазмы мозговых сосудов, — которая вынудила меня более 1/2 года провести в больнице. Так что только сейчас начал входить по-настоящему в свою рабочую научную колею. В голове много планов статей и на научные, и на научно-популярные темы. На днях, вернее, в прошлом месяце послал в «Заполярную правду» статью на похвал: «Норильск — потомок Мангазеи». Ответа пока нет. Может быть, не подойдет по стилю и содержанию, а может быть, благодаря стараниям Воронцова моя фамилия стала для них одиозной и они не рискуют ее напечатать. Тогда возьму ее обратно и пошлю в какой-либо журнал.

Пока всего лучшего. Жму крепко руку.

С уважением Н. Урванцев.

Опасения Николая Николаевича оказались напрасны: статья «Норильск — потомок Мангазеи» в «Заполярной правде» была опубликована. Надо отдать должное журналистам, работавшим там: они не побоялись обвинения со стороны некоторых видных норильчан.

Однако скептическое, а то и недоверчивое мнение об Урванцеве отдельных исследователей истории Норильска, да и кое-кого из старожилов, таких, как В.Н. Лебединский, давало о себе знать.

Мои дружеские отношения с Николаем Николаевичем и его замечательной супругой, сложившиеся и укрепившиеся к тому времени, а также знакомство с документами и научной литературой не оставляли ни малейших сомнений в том, что подозрения и недоверие к Урванцеву несправедливы и обидны. Как ни пытался разубедить меня в этом В.Н. Лебединский, мой старый сослуживец, отступить с моих позиций было невозможно. Мне самому и моей семье тоже, как и Урванцеву, довелось испытать много несправедливого и обидного — из-за необоснованно репрессированных родителей и по собственным политическим невзгодам...

В марте 1970 года Николай Николаевич известил меня о выходе в свет его книги «Норильск». Ему стало известно о брошюре В. Лебединского и П. Мельникова «Звезда Заполярья» (1971 г.) — я отправил ему книжку, а позже получил замечания Николая Николаевича к ней. «Комментировать их, полагаю не нужно», — написал он мне. Свой отзыв о книге он отправил в газету «Заполярная правда», другим лицам, а также самому Лебединскому.

До появления на читательском горизонте «Звезды Заполярья» у меня с Владимиром Николаевичем Лебединским были добрые, товарищеские отношения. Приехал он в Норильск раньше меня, с мончегорцами, человеком свободным. Работал инженером, руководителем среднего звена. Насколько мне было известно, к соседствующим с ним энкам относился без подозрительности и недоверия. В середине 50-х годов

по моей инициативе окисиликвитный завод полностью перешел на производство газообразного кислорода и был передан из горно-рудного управления на ремонтно-механический завод. Так мы оказались с Владимиром Николаевичем на одном предприятии. Кроме того, судьба свела нас в литературном объединении при редакции «Заполярной правды», которым я руководил. Лебединский передал для обсуждения несколько рассказов. Один из них был опубликован на страницах газеты.

Уехал я из Норильска летом 1961 года, а Владимир Николаевич — позже. Доходили до меня слухи, что проявил он себя на том попреще, на котором потрудился и я: стал изучать историю Норильска. «Звезду Заполярья» прислал в Тулу с такой надписью: «Нине Ивановне Балугоевой и Сергею Львовичу Щеглову — моим первым учителям по журналистике — с добрыми пожеланиями автор В. Лебединский. 30.01.72 г., город Калинин».

Прочитав брошюру, я обнаружил, что она вместила основные тезисы противников Урванцева как первооткрывателя норильских богатств, и высказал Владимиру Николаевичу свое несогласие с такой позицией, а также ряд других замечаний. Он с моими доводами в защиту Урванцева не согласился. Я посчитал долгом отозваться рецензией для печати. Отметив имевшиеся в брошюре достоинства, уделил внимание недочетам. Самый крупный: возникновение Норильска изложено крайне односторонне, без оглядки на его сложность.

В рецензии говорилось о том, что книга даже не упоминает имена таких первооткрывателей Норильска, как ученые Козырев, Котульский, писатели Гарри, Драбкина, Зуев, Аграновский, Шевелев, Рябчиков, Снегов, Кугультинов, Сальников.

Касаясь роли Н.Н. Урванцева, я писал: «В 1921 году в «Известиях Сибирского отделения Геологического комитета» (т. 2, вып. 1), выходивших в Томске, была опубликована работа Урванцева «Норильский

каменноугольный район». В ней зафиксирована родственность норильских медно-никелевых руд с канадскими из Садбери. <...> В этой работе описаны два угольных месторождения в том же районе («Еловый камень» и в бассейне реки Валек), исследована их мощность, условия залегания, химический состав». А Лебединский и Мельников сообщают, что в 1931 году экспедиция Цветметзолото, геологом в которой работал А.Е. Воронцов, «открыла первые угольные месторождения в районе Норильска». Чем такое объяснить? Незнанием истинного положения дел или желанием отнять заслуги первооткрывателя и передать их другим?

Авторы брошюры уведомляли читателя, что рудное месторождение «Угольный ручей» обнаружили в 1936 году А.Е. Воронцов и А.Н. Розанов. Но ведь это месторождение значилось на геологической карте Норильска, составленной Н. Урванцевым еще в 1927 году и изданной Главным разведывательным объединением ВСНХ СССР в 1931 году. Лебединский не знал об этом? Возможно. Но Воронцов-то, как геолог, должен был знать».

Таких неувязок, объяснить которые можно лишь тенденциозностью, в брошюре было много.

Я высказал свои замечания в спокойной форме объективного анализа, в уважительном тоне. Николай Николаевич в своей записке отозвался резко, эмоционально. То были шесть машинописных листов, датированных 6 февраля 1972 года. Перечислив и документально обосновав искажения, делал такие выводы:

Трубное извращение исторической действительности в книге В. Лебединского и П. Мельникова «Звезда Заполярья» не может быть вызвано незнанием фактического материала. В. Лебединский жил в сороковых годах в Норильске. <...> Встречался с Н. Урванцевым, а также с В. Корешковым, тоже

работавшим (с 1923 по 1928 г.) в Норильске <...>, беседовал с нами о работах первых лет в Норильске.

Здесь имеет место злостное и умышленное искажение фактического материала по истории Норильска — с целью опорочить и оклеветать доброе имя первоисследователя. <...> Из книги «Звезда Заполярья» следует, что Н. Урванцев работал в Норильске с 1920 по 1928 г., но ничего не сделал для выявления его горных богатств и промышленных перспектив. Из приведенных выше ссылок, цитат из различных отчетов и других официальных документов видно, что это ложь и клевета, рассчитанные на то, чтобы дезориентировать и ввести в заблуждение читателей, особенно тружеников Норильска. Такого рода действия автора В. Лебединского квалифицируются законами Советского Союза как уголовно наказуемое деяние.

Участники Норильской экспедиции. 1920 г.
(фото из книги Н.Н. Урванцева «Открытие Норильска»)

Николай Николаевич оставляет в стороне второго автора, понимая, что газетчик Мельников, корреспондент «Правды», выполнял лишь роль литературного обработчика материалов Лебединского да роль пробивной силы для издания брошюры.

Вскоре, после того как я написал рецензию на «Звезду Заполярья», мне прислали отзыв о ней известного журналиста, а в прошлом участника урванцевской экспедиции на Север, автора книги о Никиторе Бегичеве — Никиты Болотникова. Он писал из Москвы 13 июня 1972 года в Калинин, где жил тогда уже покинувший Норильск В.Н. Лебединский.

Уважаемый Владимир Николаевич!

Поскольку Вы просили нашего общего друга Б.А. Кремера, как пишете Вы, «помочь в части реабилитации Никиты Яковлевича Болотникова и разгрома нового оппонента – адвоката Урванцева», то он, естественно, дал мне с Вашего же разрешения прочесть Вашу переписку «по делу Урванцева». Я внимательно прочел ее, и мне стало не по себе. <...> Я согласен с С.Л. Щегловым, который в письме от 13 мая с.г. излагает Вам свое мнение о роли Урванцева в истории Норильска. Вы же обвиняете его в смертных грехах, по-своему переиначиваете, возможно, не совсем четко сформулированный С.Л. Щегловым тезис о социальном, классовом, как он выразился, характере спора об Урванцеве. <...> Согласен я с С.Л. Щегловым, что умолчание роли Урванцева нужно Вам, Владимир Николаевич, и Вашему соавтору лишь для того, чтобы превознести заслуги А.Е. Воронцова и других. Но ведь тот же Воронцов и другие, возможно, более масштабные, заслуженные исследователи были уже вторыми, третьими, четвертыми. <...>

Урванцев говорит, что в 1919 году он был послан в Норильск Сибирским геологическим комитетом. Вы же и Ваши корреспонденты (кроме С.Л. Щеглова) пытаетесь поймать его на лжи, утверждая, что он послан колчаковским «правительством»; следовательно, сквозит намек: Урванцев – колчаковец. <...> Я зимовал под начальством Урванцева около года на островах Самуила. Там я смог узнать его особенности, положительные и отрицательные черты характера. Он бывал крут, не всегда справедлив, вспыльчив, но быстро отходил и снова оставался доброжелателен и приветлив. Испытания, выпавшие после на его долю, конечно, способствовали смягчению, а не озлоблению. Он стал более терпим к людям; возможно, и теперь он далек от эталона идеальной личности, но он был и остался Урванцевым! ИМЯ ЕГО НАВСЕГДА ОСТАНЕТСЯ В ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ. И никак его ни умолчать, ни заслонить именами последователей.

Дальнейшая история с брошюрой Лебединского—Мельникова нашла отражение в письмах Николая Николаевича Урванцева.

Дорогой Сергей Львович! Спасибо за письмо. Рецензия написана хорошо, и у меня нет к ней никаких замечаний. Свои «Замечания» к книге Лебединского я послал в редакцию Профиздата ВЦСПС и в Комитет по делам печати СССР тов. Стукалинцу, где указал, что недопустимо издавать книги с грубым нарушением исторической действительности, и если авторы недостаточно осведомлены в этом вопросе, то ошибки должен был выправить редактор, а если

он несведущ, то книгу надо было послать до выхода ее в свет специалисту по Северу на рецензию.

На днях я взял из библиотеки Академии наук полный отчет Ф. Шмидта по поездке в Тыдан-тундру за трупом мамонта (*Wissenschaftlich Resultate*) и нашел там интересные отзывы о Сотникове. Привожу перевод со с. 2: «В Дудинке купец Киприян Михайлович Сотников имел обширное влияние на всю местность (низовую тундру). Он и его брат Петр фактически господствовали над всей страной. Русские, как и азиаты (местное название кочующих племен), были их должниками. У Сотникова было много товаров, которые он давал в долг, получая обратно пушнину и работой».

Таким образом Сотников все население севера Енисея сделал своими должниками и, конечно, эксплуатировал их нещадно. Об этом же писал один из корреспондентов газеты в начале этого века в книге «Ландур» (так звали Сотникова за его взгляд исподлобья), где он охарактеризован как нещадный и жестокий эксплуататор. <...>

15/IV.72 г.

С уважением Н. Урванцев.

Урванцев был моим неизменным консультантом по предыстории Норильска.

Дорогой Сергей Львович! Письмо Ваше от 8/V получил. Отвечаю на Ваши недоуменные вопросы.

Работа Миддендорфа «Путешествие на Север и Восток Сибири» у меня есть в личной библиотеке. Она всегда под рукой. Ссылаясь на с. 243, неужели я не видел страницы 242 (на левой стороне разворота)? Речь идет о КАМЕННОМ угле, а там бурый, да еще во вторичном залегании в четвертичных

песках. Таких линзовидных прослоев из окатанных обломков в таймырской тундре сколько угодно. Когда я первый раз приехал на поиски угля в 1919 году, мне сообщили, что под Дудинкой на Енисее есть каменный уголь. Я осмотрел это место. Правый берег Дудинки представляет яр высотой метров 20. Сложен четвертичными песками юрского происхождения. В нем есть линзовидные прослои окатанных обломков бурого угля до 1/2 м мощностью. Конечно, это не месторождение. Подобные же прослои угля среди песков в обрывах (ярах) есть и на Тясине (я их видел во многих местах). Конечно, они есть и на Таймыре. Об этом и пишет Миддендорф на с. 242. Анализы (их два) приведены на с. 242. <...> Это не каменный, а бурый уголь. Мой промах, что я забыл — имею дело с людьми некомпетентными, обывателями. Поэтому надо было оговорить, что Миддендорф находил только БУРЫЙ, а не каменный уголь.

Второй вопрос. Бумагу из Московск. геологии я не видел, текста ее не знаю. Если у Вас копия есть, прошу прислать. Все дело в том, о чем идет речь. Там пишется о Норильском месторождении, а каком — не сказано.

Норильское месторождение как МЕДНОЕ известно испокон веков. Им пользовались не только жители Мангазеи (я об этом пишу в своей книге «Норильск»), но и люди бронзового века. Их стоянка обнаружена на истоке Тясины из озера. Анализ литья показал содержание Си. А вот как МЕДНО-НИКЕЛЕВОЕ коренное оно открыто мной в 1920 году и сообщается об этом в моем отчете 1921 года «Норильский каменноугольный район». Конечно, Лебединский постарается напустить туману, но обосновать ничего не сможет.

Миддендорф, правда, в одном месте называет уголь не бурый, а КАМЕННЫМ, но тут же пишет о переходах от ВЫВЕПРЕННОГО ДЕРЕВА К УГЛЮ. Ясно, что очень молодой бурый уголь.

Вот пока и вся Вам информация.

С уважением живу руку.

15/V.72 г.

Н. Урванцев.

Продолжение темы — в следующем письме:

Дорогой Сергей Львович!

Второе Ваше письмо от 14/V получил. Я Вам уже послал одно, где писал насчет угля, открытого Миддендорфом. Конечно, это оплошность. 1) Надо было оговорить, что описанные Миддендорфом выходы представляют продукт перемыва месторождений бурого мелового возраста, разрушенные морским прибоем, и в виде гальки залегают среди песков юрского происхождения. Я не учел, что имею дело с обывателем, в этом не разбирающимся, и не оговорил, о каком угле (именно о настоящем каменном типа норильского) идет речь. Каюсь, моя ошибка.

2) Сибревком в 1920 году существовал. Именно по его приказу по просьбе Комсевморпутти и были занаряжены олени для экспедиции 1920 года. Такое распоряжение могла отдать только высшая административная власть Сибири. Геолком — научная организация, такой властью она не обладала.

В доказательство прилагаю копию моего удостоверения от 15/XII.20 г. со штампом: Сибирский революционный комитет. Надеюсь, этого достаточно.

3) Посылаю статью «Как мы нашли почту Амундсена». Написана она мною на основе моего дневника 1922 года в походе по реке Пясине, где с про-

токольной точностью описана находка почты с описью, что и как найдено, а также, как найден и труп Тессема. Рукопись по прочтении прошу вернуть. Есть фото находок. В частности, и скелета Тессема.

Часы, конечно, презентованы не за находку трупа, а за находку ПОЧТЫ с важными документами и вообще за всю работу по розыскам Кнутсена и Тессема, возивших почту. Часы вручены за участие в розысках.

4) Из книги Шмигта (Wissenschaftlich Resultate) видно, что Сотниковых было два брата: Киприян Михайлович и Петр. Главным был Киприян Михайлович. Из статьи В. Обручева «Медные руды и уголь в Туркханском крае» (Рудн. вестник, 1937, т. 4, № 3, 4) и из «Вестника золотопромышленности» (1895, № 17) видно, что заявка была сделана Кытмановым и Сотниковым совместно. На заявочных столбах вырезаны лишь фамилии. На столбе было: К || С, все знаки одинакового размера. Я и прочел ошибочно: КТЭС, а правильно будет К и С (Кытманов и Сотников). В моей книге «Норильск» на с. 21 надо читать К.М. Сотников, а не К.П. Сотников. Шмигта пригласил Сотников. Его брат Петр, судя по Шмигту, был только его подручным. Главным был К.М. Сотников.

С уважением Н. Урванцев.

На обороте: Кроме рукописи посылаю фотоотпечатки страниц книг «Норильское угольное месторождение» и «Норильский каменноугольный район», на которые я ссылаюсь. Их Вы оставьте себе, а рукопись прошу вернуть. Она у меня одна. Миу руку.

19/V.72 г.

С уважением Н. Урванцев.

В обоих письмах речь идет об уточнениях, сделанных Урванцевым по моей просьбе на некоторых страницах изданий (мои статьи и очерки со ссылками на труды Урванцева, наша с Бондаревым книга «Город Норильск» и др.), а также и в книге самого Николая Николаевича. Он помог исправить ошибки, переходившие до того из публикации в публикацию, в дальнейшем они не повторялись.

Касаясь одного из вопросов Николая Николаевича, я 20 мая 1972 года послал ему такое письмо.

Дорогой Николай Николаевич! Для меня явилось полной неожиданностью, что Вы не знаете писем Министерства геологии. Выходит, что вот уже пять лет за Вашей спиной ведется интенсивная работа, целью которой является опровергнуть ряд Ваших трудов, а Вас даже лишили возможности дать свой голос в защиту их! Может быть, боялись причинить вред Вашему здоровью, а может быть, и другое: без возражений оппонента критиковать легче, безопаснее.

Копию первого письма А.Е. Воронцов прислал мне в октябре 1969 года. Со вторым только на этих днях познакомил Лебединский. По Вашей просьбе высылаю копии обоих.

Во всей этой истории, конечно, мало приятного, но я надеюсь, что для Вас, столько перенесшего в жизни, эти письма не могут явиться каким-либо ударом, а лишь помогут внести ясность в вопросы, важные для многих.

Объяснение похода на Урванцева, открытого Воронцовым и компанией, лежит в колебаниях политического климата. После XX съезда КПСС растерянные и испуганные лауреаты Сталинских премий всех степеней не осмеливались на открытое опровержение того, что публиковалось в то время о людях, честь и

жизнь которых были обгажены клеветническими выпадами политических противников и репрессиями. Выгоднее было молчать — ведь неизвестно, что дальше. А вдруг призовут к ответу кое-кого кроме Берии и его прямых соучастников? Но все обошлось для клеветников благополучно. Настали другие времена, система закрытого тоталитарного общества сработала, устояла, не поколебавшись. Урванцевы и им подобные оказались опять жертвами политической борьбы.

Почтовая карточка, написанная Николаем Николаевичем 28 мая 1972 года, возвращает нас к злополучной брошюре Лебединского — Мельникова.

Дорогой Сергей Львович! Только что получил Ваше письмо и сейчас же отвечаю. Очень благодарю Вас за информацию. Теперь кое-что узнал. До этого же мне ничего не было известно. Все делалось келейно, за спиной. Понятна такая таинственность. Ведь все, что напечатано, опровергнуть очень легко. На все есть печатные работы, документы. А у авторов нет ничего, кроме голословных утверждений. Хотелось бы иметь копию письма Московского геологического института. Что Вы прислали — это и есть «письмо»? Как будто все же есть справка, где сообщается, что Урванцев не первооткрыватель месторождения. Хотелось бы иметь.

Мое письмо с рукописью Вы, вероятно, уже получили.

С уважением Н. Урванцев.

В том же году Николай Николаевич писал мне, что рукопись о находке почты Амундсена он отдал в журнал «Глобус», несколько переработанный материал он намеревался предложить в журнал «Известия Географического общества». Я убеждал Н.Н. Урванцева эту тему осветить и в «Заполярной правде», местной норильской газете. Он сообщил мне, что «после Вашего совета рукопись посылаю». В этом письме от 15.06.1972 года есть такие строки:

*Письма из Московск. геологии Первого и Ар-
моленко меня не смущают и не беспокоят. Все это
мышинная возня. Всякого рода статьи о моей работе
мне нужны меньше всего. От них только одно бес-
покойство. Надо давать материалы, фотографии,
рассказывать.*

*А вот свою книжку и фотоотпечатки из отчетов
1921 года погоню, потому что совершенно очевидно,
историю Норильска они не знают. Я хорошо знаю,
что такое жизнь. Известность и зависть — это две
стороны одного процесса...*

Далее Николай Николаевич Урванцев известил
меня, что статья «Как мы нашли почту Амундсена»
пока так и не вышла в «Заполярной правде» (9 августа
исполнилось 50 лет находке почты Амундсена). Об
этом он в письме пишет так:

*Не удивлюсь, если вообще не напечатают. «Как
бы чего не вышло», — подумают редакционные Бе-
ликовы и положат статью под сукно.*

*В общем это меня мало трогает и совершенно не
интересует. Да и времени жаль. Меня интересует
совсем другое. Никеленосная провинция по право-
бережью Енисея разрастается. Все (наш инсти-
тут) установили, что медно-никелевое оруденение
имеется и на востоке, в бассейне Котца, есть оно и
на Таймыре. Группы наших геологов, работающих
над проблемой никеля на Сибирской платформе, где
я являюсь научным руководителем, подали недав-
но по этому вопросу докладную записку министру
геологии А.В. Сидоренко, где указали на важность
этого вопроса и на необходимость вести работы по
изучению и поискам медно-никелевых руд далеко
за пределами Норильска. Я считаю, что на севере
Сибири, между Енисеем и Хатангой, мы имеем ве-
личайший в мире никеленосный регион, где имеется*

по крайней мере четыре никеленосных провинции: Енисейская, Хатангская, Хетская и Таймырская. Надо их изучать, искать и развивать. Вот это меня и интересует. Только это заполняет меня целиком. А что касается вопроса, кто, когда, где, что открыл, — пусть этим займутся историки.

В министерство я напишу как-нибудь, спрошу, что значат эти две бумаги за подписями Первого и Ермолюка. На чем, на каких документах они основаны и почему меня не запросили и все сделали втайне. Это совершенно незаконно. Вопрос, касающийся какого-либо лица, рассматривающийся в учреждении официально, может и должен разбираться только в его присутствии, а не за спиной, не келейно.

Прочел Вашу заметку в «Заполярье правде» от 25 июля с.г. № 149 — «Автор Шмидтихи». И позволю себе сделать несколько замечаний:

1) Заглавие не соответствует тексту. Шмидт не был автором названия «гора Шмидта». Автором было совсем другое лицо. И название это на картах появилось много позднее, в 20-х годах. Я бы написал, например, так: «Мемориал Ф.Б. Шмидта в Норильске».

2) Шмидта нигде в работах (научных, серьезных) не называли Федором. Такое переименование отдает квасным патриотизмом 1905 года.

3) Лопатин И.А. ездил только в низовья р. Енисея и исследовал его правобережье. Он был командирован от Географического общества, Шмидт же ехал от Академии наук. Нигде в отчетах Лопатина нет упоминания, что он ездил в Норильск. Нет ничего об этом и у Шмидта. Я Вас попрошу черкнуть мне, откуда, из какого источника (работа, статья, ее название, автор, год издания) Вы почерпнули сведения, что Лопатин был в Норильске.

Из этого же письма от 12 августа 1972 года я узнал, что Николай Николаевич работает над материалом для сборника «Новый никеленосный регион на севере Сибири», что Н. Болотников ничего не сообщил ему о своей переписке с В. Лебединским. Мне кажется, что Николай Николаевич в своем отношении к оскорбительной для него истории, озвученной В. Лебединским—П. Мельниковым и другими, все же не удержался в рамках строгой последовательности. С одной стороны, он резко отстаивает свой приоритет, с другой — утверждает, будто его это мало интересует. (Но при этом все же собирается писать в министерство!)

Н.Я. Болотников, возможно, не ознакомил Николая Николаевича с письмом Лебединскому потому, что там были и не совсем приятные для Урванцева характеристики.

Очерк «Автор Шмидтихи», вызвавший критику Николая Николаевича, я частично переработал. Позже нашел свидетельства о том, что безымянной до 1920 года горе присвоил имя Ф.Б. Шмидта Урванцев. Сам он по скромности не назвал «это совсем другое лицо».

Дорогой Сергей Львович! Вчера написал Вам письмо, но забыл опустить в почтовый ящик, и вот, придя сегодня из института, нашел на письменном столе бандероль от Вас с ответом Н.Я. Болотникова В.Н. Лебединскому.

Что пишет Болотников — все верно, и мне просто стыдно за тех людей, которым он отвечает. Но разве мало их было в 1936, 38-х, 40-х годах. Сколько людей они погубили. Из личных корыстных целей они клеветали, обвиняли во вредительстве, приветивали ярлыки «врага народа». Быстро добивались успеха (тогда это было так просто) и садились героями на их места, а те гибли в лагерях. В этой истории все так же, только время иное. Все надо доказать, а

это сделать невозможно. Вот и пишут исподтишка, авось кто-либо поверит хоть немного.

Меня вся эта история совершенно не тревожит. В любую минуту я могу доказать, если потребуются, с документами в руках, что все это ложь и чужь. Вот и легенда, что Бегичев нашел почту Амундсена. По его версии, выходит, что мы пристали к берегу случайно, как раз к тому месту, где лежала почта, и Бегичев сразу подошел и ее в пакетах нашел. Все это с точки зрения вероятности такого события неправдоподобно. Ведь по берегу-то были разбросаны бумажки из разорванного пакета. Вот эти белянькие на берегу пятна и привлекли наше внимание, и особенно меня как геолога. И как только мы высадились и подняли листочки, я сразу понял, в чем дело. Тогда начались поиски всего остального.

Бегичева я в поездку по Тясине не приглашал. Он сам предложил свои услуги, хотел посмотреть промыслы на устье р. Тясины.

В моем Тясинском геологическом дневнике все документально записано, что, как и где нашли.

Черкните мне, надо ли Вам вернуть письмо Болотникова или оно может остаться у меня на память.

Да, еще вот что Вам надо иметь в виду.

Заявка Сотникова датирована 1 сентября 1865 года, а Шмидт-то был в Норильске в мае и сентябре 1866 года, то есть годом позднее, но о заявке он ничего не пишет, — видимо, это от него было скрыто и в Норильск его возили, чтобы узнать мнение о ценности находки.

Так что ко всем материалам надо относиться критически. Это обязанность всякого историка, да и вообще любого работника пера.

14/VIII.72 г.

Н.У.

Дорогой Сергей Львович!

Что-то давно нет от Вас вестей. Не обиделись ли Вы на мою критику Вашей заметки в «Заполярной правде»? Но прошу иметь в виду, что, уважая Вас, мне хочется, чтобы Вы не допускали в своих статьях промахов, которые простительны только таким безответственным писакам, как Лебединский, но никак не Вам.

Что Вы поделяваете? Что-либо пишете? Мы сейчас (я и мои ученики) комплектуем сборник «Новый никеленосный регион на севере Сибири и его промышленные перспективы». В этот регион входит, по моему мнению, четыре никеленосные провинции: 1) Енисейская — от Норильска до Бахты; 2) Хетская — от Котца до Вилуя; 3) Северо-Тунгусская — от Пясины до (наразборчиво. — С.Щ.); 4) Таймырская — от Енисея до Хатанги. Последняя, по моему мнению, будет особенно перспективна. Призываю норильских геологов выйти из норильской колыбели на просторы Северо-Сибирской платформы и Таймыра. На Норильске геологу-региональщику делать уже нечего. Там работа разведчикам-буровикам, рудничным геологам, минералагам.

Зондировал почву в министерстве. Сидоренко относится к этому благоприятно. Здесь работы непочатый край, и я крепко надеюсь, что наши ребята откроют здесь еще не один новый Норильск, еще при моей жизни. К сожалению, я теперь уже в поле работать не смогу. Силы не те. Лазить по горам, таскать на спине рюкзак с образцами горных пород десяток, другой километров — мне уже не под силу. Пройти-то есть, а сил уже нет. Конечно, поехать посмотреть, проконсультировать еще могу, а настоящая работа полевого геолога мне уже недоступна.

Писать что-либо беллетристическое о своих экспедициях некогда. А надо бы. Умрешь, все пропадет. Впрочем, надеюсь, что это случится еще не скоро. Но кто знает? «Не вести ни дня, ни часа», как сказано в Священном Писании. Вот умер же в одночасье проф. В.А. Хахлов, мой товарищ-однокашник по Томскому институту. Умер В.А. Корешков, который у меня работал в Норильске с 1922 года, тоже в одночасье. Упал и умер, вот и все. Вот так-то, Сергей Львович!

Пока до свидания, жму руку. Елизавета Ивановна шлет привет. Она опять бегает бойко, поправилась.

С товарищеским приветом и уважением
19/IX.72 г. *Н. Урванцев.*

Следующее письмо касалось моего запроса Николаю Николаевичу о публикации в «Правде» очерка Дмитрия Шпаро про изыскания Урванцева в Заполярье.

Дорогой Сергей Львович!

Спасибо за приветливое письмо.

Шпаро Дмитрий Игоревич, инженер, физик и математик, работает в НИИ Азота, кандидат наук. Весьма культурный и высокообразованный человек. Руководитель группы туристов-полярников от газеты «Комсомольская правда». Они совершили два полярных туристских похода. Летом 1971 года на Северную Землю и в 1972-м на остров Врангеля. Дмитрий Игоревич перед походами несколько раз бывал у нас, и мы обсуждали планы походов. Я им рассказал все, что знал относительно одежды, обуви, питания — словом, всего, что касается работы в Арктике.

Последний поход на остров Врангеля через пролив Де-Лонга был исключительно труден.

Очерк Шпаро в «Комсомольской правде» появился в сентябре с г. под заглавием: «Почем фунт лиха». Лиха, верно, они там хватили досыта, но весь пролив с его сумасшедшими льдами они прошли. Я был поражен их мужеством, твердостью и физической выносливостью. Сказал им: ребята, теперь вы можете идти куда угодно, на полюс хоть Северный, хоть Южный. Для вас преград нет. Одно могу сказать: МОЛОДЦЫ! Приятно знать, что у нас есть такая молодежь. Они свою страну не отдадут никому и никогда, какой бы враг ни был.

Сижу над своей работой: «Новые никеленосные области на севере Сибири». Выходит интересно. Пойдет в наш сборник и пошлю в журнал Сибирского отделения АН СССР. Но они печатают медленно. Статьи лежат по году и более...

18/X.72 г.

30 апреля 1973 года Николай Николаевич извещил меня, что в конце июня в Норильске будет совещание по перспективам поисков новых месторождений богатых руд. Он собирался побывать на нем и сделать доклад, а 10 сентября 1973 года прислал отзыв о моей рецензии на брошюру Лебединского (Сибирские огни, № 6):

Все ваши замечания правильны, но едва ли окажут какое-либо воздействие на автора. Уж слишком он толстокож и туп. Будет продолжать еще в том же духе и далее. Я слышал, он пишет или даже уже написал еще книгу по Норильску и хочет ее предложить Красноярскому издательству. Ваша рецензия правильна, но следовало бы сделать в ней ряд замечаний принципиального характера:

1) Путаница в исторической последовательности свидетельствует о полном незнании автором истории Норильска. Литературу по Северу он совершенно не знает. Пишет, нахватав сведений из вторых и третьих рук, первоисточников не знает.

2) Сама брошюра производит странное впечатление. Не то это история, не то беллетристический очерк в стиле газетного очерка для подвала.

3) Историю надо писать серьезно. Одному автору ее не поднять. Ее должен писать большой коллектив специалистов, очевидцев, каждый свое. Или писать повесть вроде того, как писал Тарри. Но тут нужен литературный талант, а у Лебединского его нет. Повести — вот что сейчас доступно еще писать. Историю же — еще рано. Ведь она связана с эпохой «культ личности» 1935–1953 гг., а об этом сейчас говорить не принято. Вот и получится кривое зеркало Лебединского. Печально все это.

По Норильску я знаю, что есть только очерк истории геологического исследования в монографии в фондах НКТПЭ. Есть ли очерки об истории обогащения руд, по истории строительства энергетической базы, по мерзлоте, не знаю. Надо, чтобы хотя бы написали, а компоновать смогут и после нас. Иначе будут только опять и опять халтурные очерки и повести, ничего не имеющие общего с действительным ходом вещей, с ходом исторического процесса становления Норильска. А он — сколок хода истории всего Союза в этот интервал.

Милую руку. С уважением Н. Урванцев.

Богато содержанием письмо Николая Николаевича, помеченное началом декабря 1973 года.

Дорогой Сергей Львович! <...> На прошлой неделе прошел 25-летний юбилей нашего института.

26–27-го проходила юбилейная конференция, читались доклады по важнейшим проблемам геологии, тектоники и полезным ископаемым Арктики и Антарктики. Пришлось делать доклад и мне: «Новая никеленосная область на севере Средней Сибири», где я показал, что никелевое оруденение характерно не только для Норильска и его района, но оно свойственно обширнейшей территории Хатанги, Котца, Хеты и всего южного Таймыра. Я выделил две обширные никеленосные провинции: Енисейско-Хатангскую и Таймырскую, площади которых измеряются сотнями тысяч квадратных километров. На основе этих данных сейчас у нас разработана обширная программа работ вплоть до 1980 года. <...>

Получил недавно письмо из Москвы от Полуянова — бывшего бурового мастера, ныне инженера, который работал у меня на Хатанге в 1932 году буровым мастером при разведке там нефти. Тогда же там в том же году работал завхозом и Никита Болотников, которого Вы, конечно, знаете. Так вот, Полуянов пишет, что Никита заболел, видимо, серьезно: инфаркт, вот уже месяц как в больнице, а ведь какой здоровенный мужик. Да, годы бегут, и все меньше и меньше остается друзей. Времени мало, а работы еще ой как много впереди, хочется сделать и то и другое. Только успею ли?

К Вам, Сергей Львович, просьба: нет ли у Вас бумажки Министерства геологии, где было бы сказано, что Урванцев не является первооткрывателем Норильского месторождения? Только фраза в документе «Не является первооткрывателем» дает мне основание вполне юридически заявить протест и обосновать свое право первооткрывателя целым рядом имеющихся у меня бесспорных документов. Пте два письма, что Вы мне ранее прислали, оснований

для протеста не дают, так как там о первооткрывательстве ничего не сказано. Будьте добры, поищите, нет ли у Вас такой бумажки. Может быть, она есть у Лебединского? Он Вам ее, конечно, с удовольствием пришлет. Конечно, никаких заверений, подписей и прочего совершенно не нужно, самая простая копия, и только.

Всего лучшего, жму крепко руку.

С уважением и приветом Н. Урванцев.

Р.С. Статья о находке почты Амундсена выйдет в 1974 году или в журнале «Глобус», или в новом журнале «Полярный круг» тоже в 1974 году. Ее я, между прочим, послал в Норвегию в Полярный институт в Осло профессору Хагевольду, который интересуется этими вопросам. Он мне послал ксерокопию газеты «Aften Posten», где было напечатано мое донесение об этой находке. Я сделал ее русский перевод.

Костер, где был сожжен первый (неразборчиво. — С.Щ.), — это следы экспедиции Русанова. Согласно акту предметов, найденных у костра, доставленному Якобсену в Омск в Камсевморпуть, там были патроны французского производства с французскими клеймами 1912 года, винтовочные и дробовые. Что касается кости, то это были какие-то кусочки в 2–3 см. Кости или что-нибудь другое, неясно. Акты в копии Камсевморпути у меня есть. Н.У.

05/XII.73 г.

Просьбу Николая Николаевича поискать бумажку, где было бы сказано, что он не является первооткрывателем Норильского месторождения, я выполнил.

Н.Н. Урванцев 28 декабря 1973 года известил меня, что издательство «Мысль» приняло его статью «Как мы нашли почту Амундсена» и она будет на-

печатана в сборнике «Полярный круг» в I квартале 1974 года. Далее Урванцев опять пишет о бумаге Министерства геологии:

Я Вам посылал просьбу поискать, нет ли у Вас бумажки Министерства геологии, где было сказано, что «Урванцев не является первооткрывателем Норильского месторождения». Это дало бы мне возможность опротестовать. Но, что Вы послали ранее, повода для протеста не даёт. Там все неконкретно! Если у Вас такой бумажки не было, прошу сообщить. Буду думать, как тогда зацепиться. Жму руку. Н. Урванцев.

Николай Николаевич попросил меня помочь Д.К. Алкацеву с его книгой о Завенягине. Я отказался. Тогда я работал в редакции тульской областной газеты, вел отдел промышленности, строительства и транспорта, времени свободного не было. В конце концов Дебола Касполатович Алкацев нашел соавтора — красноярского сотрудника комсомольской газеты Ж. Трошева, с которым и выпустил в Красноярском издательстве книгу «Авраамий Завенягин».

В 1974 году Н.Н. Урванцев в своих письмах ко мне вернулся к находке почты Амундсена. Статью Николая Николаевича на эту тему в сборнике «Полярный круг» хотели напечатать в I квартале, потом перенесли на IV квартал 1974 года, а ведь он ее послал в издательство «Мысль» два года назад. Он упомянул данные С. Рыбина по Комсевморпути (Омск, 1922 г.).

Этот документ разыскал Н.Я. Болотников в январе 1941 года в архиве Главсевморпути. Но, очевидно, тогда в нем не разобрались и оставили его без последствий, приняв версию Бегичева о трупe одного из норвежцев. Эта версия была принята и фигурировала везде, во всех статьях, в том числе и в Истории СМТ, т. III. Эта версия принята

и в моей статье, которую Вам посылаю. Однако, когда в прошлом году поднялся вновь интерес к этой истории, Н. Болотников обратился вновь к донесению Рыбина, снял с него копию и послал ее мне с целым рядом недоуменных вопросов. Когда я прочитал донесение, то для меня стало ясно, что старая версия совершенно несостоятельна. Прочтите донесение Рыбина и увидите: 1) Костей нет, а только косточки. От человека так не остается. 2) Дробовое оружие зимой норвежцам ни к чему. Зачем тащить с собой тяжелый груз в такой поход? 3) Защитные очки от солнца ни к чему зимой, ночью. 4) Оба норвежца очков не носили. Человека с плохим зрением Амундсен с собой бы не взял. 5) Патроны винтовки даты 1912 года, а Амундсен отправился в 1919 году. Патронов старого выпуска он бы не взял. 6) Крючки, пуговицы и пр. французские. А если вспомнить, что жена Русанова была француженка Жюльета Плау, то все, вместе взятое, для меня не оставляет сомнения, что это была стоянка русановской экспедиции. Ведь следы ее нашли еще западнее в тундрах (столб Теркцлес, остатки на о-ве Петнова—Чукчина).

Сейчас я по этому случаю пишу статью «Трагедия спутников Амундсена». Она войдет главками в мою работу «По северному Таймыру». Может быть, дам ее в журнал Географического общества.

В следующем письме — 20 ноября 1974 года — Николай Николаевич сообщал о своей работе и деловых поездках, в том числе в Норильск.

Статью в «Заполярной правде» о превращении домика 1921 года в ночлежку читал. Что ж, это в духе работников ЖКУ. Теперь это отменили, домик закрыт. Борис Михайлович Блажих просил дать им

план, чтобы восстановить внутри все как было. Над домиком берет шефство норильский комсомол. Собираются превратить домик в музей и закрыть сверху куполом (колпаком) для сохранности. <...>

Теперь на платформе, и особенно в Енисей-Хатангском прогибе, начали усиленно искать нефть, так как в Западной Сибири ее маловато, там все больше газ. Первую скважину заложили к северо-востоку от Хатанги — на Белихнанском куполе.

Хатанга, вероятно, скоро превратится в новый промышленный центр (нефть, газ, уголь, апатит, магнетит, флюорит, редкие земли и элементы, алмазы). Я о Хатанге и ее перспективах писал еще в 1935 году. Радуюсь, что мой прогноз сбывается.

В письме от 10 февраля 1976 года Н.Н. Урванцев высказал свое мнение о книге Алкацева о За-
вениягине.

Искажений здесь много меньше, чем у Лебединского, но они все же есть, и особенно в дореволюционной истории. Так, на с. 139 сообщается, что купец Кипр. Сотников был урядником. Урядник в царской России — полицейский чин, то есть государственный чиновник, которому торговлей заниматься было категорически запрещено. А у Лебединского купец Пуссе — урядник, здесь — Сотников. Многое из истории Алкацев взял у меня без всяких ссылок. Ну да бог с ним, лишь бы не перевирал. Относительно поисков норвежцев переврано все до конца (см. сборник «Полярный круг», изд-во «Мысль», 1974, с. 232–242).

Писать о Завениягине трудно, ведь он работал, когда Норильск был гигантским лагерем. Главная заслуга Завениягина в том, что он собрал отовсюду крупнейших специалистов — инженеров, проектан-

тов, создал для них человеческие условия жизни, относился к ним не как к врагам-вредителям, а как к несчастным людям, жертвам грубейших политических ошибок сталинского времени. Они-то, эти инженеры, перепроектировали и, по существу, заново спроектировали и построили Норильск.

Писать биографии и деятельность людей нашего времени исторически верно можно будет, вероятно, лет через сто, не меньше, а сейчас будет только «житие», как Вы правильно заметили.

На следующий день я получил от Николая Николаевича новое письмо.

Вчера отправил Вам ответ на Ваше первое письмо, а сегодня отвечаю на второе. Я чувствую, что Вас волнует все то извращение исторической действительности, которое есть в книгах и Лебединского, и Алкацева. А вот меня совсем не трогает вся эта мышиная возня всех этих воронцовых, лебединских, алкацевых. У них же нет никаких документальных материалов, все основано на одних словесных рассказах Воронцова, ничем фактически не подтверждаемых. Надо только удивляться, как печатаются такие исторического характера книги без всяких отзывов на них исторически сведущих рецензентов. Мне же заниматься всеми этими «литературными» измышлениями некогда. Я сейчас научно руководжу большими работами по поискам на всей территории севера Сибирской платформы и Таймыра новых крупных месторождений медно-никелевых руд. Это очень важная задача не только для Норильска, но и для всей страны в целом, так как никеля у нас не хватает.

Не знаю, послал ли я Вам свою статью «Северо-Сибирская никеленосная область», напечатанную в

№ 3 за 1974 год в журнале «Геология и геофизика» Сибирского отделения АН СССР, где доказывается существование на севере Сибири гигантской никеленой области. На основе этих данных сейчас и развёртываются широкие поисково-разведочные работы.

Так могут ли меня хоть как-нибудь затронуть «творения» Алкацева, Лебединского и др.? Заниматься всем этим я не буду: нет ни времени, ни желания.

Но заняться этим Н.Н. Урванцеву все-таки пришлось: во все это его усиленно вовлек сам Алкацев. Вот что написал Урванцев 15 февраля 1976 года:

Посылаю Вам для ознакомления письмо Алкацева. Комментарии к нему, как говорится, излишни. Конечно, Алкацев попал в неудобное положение, написав все, что наговорил ему Воронцов, не проверив по фактическим, документальным данным. Впрочем, в такое же положение попал и я. Также поверив Воронцову, написал в своей книге «Норильск» (с. 66–67), что он писал докладные записки в правительство о Норильске, на основе чего и было вынесено решение о строительстве комбината. Записок этих он мне не показывал и в фондах геологического управления комбината я их не встречал. У меня не было оснований тогда (это было в 1945 году) не доверять Воронцову. Ведь я его знал еще с 1923 года, когда он был еще студентом Торной академии и был секретарем у Ивана Михайловича Тудкина, который тогда был ректором академии и начальником Торного управления ВСНХ. По делам Норильска я часто бывал у Ивана Михайловича, где и познакомился с Воронцовым. Позднее, в 30-х годах, когда Норильск из ведения Геолкома перешел

в Союззолото, я посоветовал Воронцову поехать в Норильск геологам и рекомендовал его Серебровскому, тогдашнему начальнику Союззолота. Были ли у меня основания не доверять Воронцову?

А вот теперь он обливает меня грязью, пишет кляузы, что я работал у Колчака, что я вообще в Норильске ничего не сделал, а все сделал он, Воронцов! Так с течением времени меняются люди.

Я на это не обращаю внимания. У меня есть своя интересная работа, которая поглощает меня целиком: выявление горных богатств енисейского Севера. Успехи здесь доставляют мне глубокое моральное удовлетворение, и это все для меня, чтобы жить и радоваться. Поэтому я стою далеко от всех этих грязь и никогда мешаться в них не буду.

*С уважением к Вам — жму крепко руку.
Н. Урванцев.*

Р.С. Письмо Вы, конечно, потом мне вернете. Сведения о том, как и кем подавалась записка в правительство о Норильске, Вы найдете в IV томе монографии «История открытия и освоения Севморпути» (Гидрометеиздат, 1969, с. 62–63). «Развитие Норильска». Там есть и ссылки на архивные документы.

Мне кажется, что о записках Воронцова в свое время ничего не сообщалось, поскольку они были под грифом «секретно» и хранились в особых фондах. Что Воронцов эти записки не выдумал, я не сомневаюсь. Другое дело — его убежденность в сотрудничестве Урванцева с Колчаком...

Несмотря на заверения Николая Николаевича остаться в стороне «от всех этих дрязг», он очень скоро (в письме от 1 марта 1976 года) продолжил свой отзыв о книге Д.К. Алкацева.

ВСЕСОЮЗНОЕ МИНЕРАЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ДИПЛОМ

РЕШЕНИЕМ СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОГО МИНЕРАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
И КОМИССИИ ПО НОВЫМ МИНЕРАЛАМ
И НАЗВАНИЯМ МИНЕРАЛОВ ВРУЧЕН

Н.С.РУДАШЕВСКОМУ, В.Н.МАКАРОВУ, Э.М.МЕНДЕЛЕРОВОЙ, В.В.БАЛЛАХУ,
Ю.И.ПЕРМЯКОВУ, Г.А.МЕТЕНКОВУ, А.Н.КАРИШКОВУ, И.А.БУДЬКО, Н.Н.ЕШКОЧУ

ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ И ОПИСАНИЕ НОВОГО МИНЕРАЛА
УРВАНТСЕВИТА (URVANTSEVITE)

КОТОРЫЙ КОМИССИЕЙ ПО НОВЫМ МИНЕРАЛАМ
И НАЗВАНИЯМ МИНЕРАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ МИНЕРАЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПРИЗНАН НОВЫМ МИНЕРАЛЬНЫМ ВИДОМ

(ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОТ 20 ИЮЛЯ 1976 ГОДА)

ПРЕЗИДЕНТ ВСЕСОЮЗНОГО
МИНЕРАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ
ПО НОВЫМ МИНЕРАЛАМ
И НАЗВАНИЯМ МИНЕРАЛОВ

Утвержден ИМ 1440 АН СССР 19 февраля 1976 г.

Диплом

Слишком много в ней погрешностей, начиная с компоновки и кончая стилем. Например, на с. 10 Заменяин «сказал вдруг осипшим голосом». Это язык плохой журнальной статьи. И таких выражений и оборотов найти можно сколько угодно. На с. 136 Воронцов даёт Заменяину читать свою рукопись по истории Севера, представляющую эклектическую смесь из моих материалов, Белова, Бахрушина и др.

Никогда я этой записки у Воронцова не видел и нигде не встречал. «Записка» — вымысел самого Алкацева, который ее приписал Воронцову для пущего его славления.

С. 147. История двух погибших норвежцев совершенно искажена (см. сборник «Полярный круг», 1974 г.).

С. 150. Вместо Северной Земли фигурирует Новая Земля.

С. 153. Доклад на заседании Политбюро Воронцова — сплошной вымысел. Историю этого вопроса Вы найдете в монографии «История открытия и освоения Севморпути», т. IV, с. 62–63, где есть и ссылки на соответствующие архивные документы.

С. 174. А. П. Брейтфус (у Алкацева перевернуто: «Брефтус») был всегда сторонником Севморпути, и приписывать ему отрицание его практической значимости будет неверным. Откуда Алкацев взял заявление Брейтфуса, которое приводит, мне неизвестно. В работах Брейтфуса я этого не встречал.

С. 194. Воронцов знает местный язык (какой?). Вообще, Воронцов награжден Алкацевым всеми достоинствами сверх всякой меры. Зачем?

С. 214. Принцип активной работы снегозащитных щитов изложен наивно, по-детски.

А в общем Авраамий Павлович достоин более грамотно и культурно написанной книги.

С уважением Н. Урванцев.

25 марта 1976 года Николай Николаевич отпечатал на машинке такое письмо:

Конечно, во всей этой склоке виноват Лебединский. Я имел случай поговорить с ним только однажды, и этот разговор произвел на меня неприятное

впечатление. Лебединский вообразил себя историком и бытописателем Норильска и мнил себя Карамзиным в этом вопросе. Когда же я ему сказал, что это под силу только большому коллективу специалистов, тех, кто строил и создавал (Ройтер, Непокойчинский, Зенгер, Анисимов и др.), он принял это в штыки. Я сразу понял, что имею дело с весьма неумным и недалеким человеком с большим самомнением. Он же после этого разговора зачислил меня в свои личные враги. Не имея капли литературного таланта, ни знаний, он все же накропал свою книжицу и с помощью «соавтора» ее напечатал. Что из этого произошло, Вы знаете. Не удовлетворившись содеянным, Лебединский решил создать еще более крупное творение в том же духе, но тут ему на пути стал Алкацев. Включили в это дело Воронцова.

Воронцов парень неплохой, но (неразборчиво. — С.Щ.). Лебединский решил сделать и сделал его в своей книжице героем, ну и пусть, немало их сейчас ходит по нашей земле. Одним больше, не все ли равно. А теперь Воронцову придется доказывать свое геройство фактами, и я боюсь, что их будет маловато. Ну, да бог с ними со всеми, в это дело я мешаться никак не хочу. Время идет, а писать еще много надо.

Относительно нового минерала федоровскита. Имейте в виду, что в мире ежегодно открывается до десятка и более новых минералов. Есть Всесоюзная комиссия по этому вопросу, которая рассматривает эти открытия и их доказательства, утверждает, если они верны. Потом это переходит в Международную комиссию, которая окончательно решает вопрос, и только после этого описание нового минерала печатается в специальном международном журнале во всеобщее сведение, чтобы его не открывали вновь под другим названием.

Сейчас появился новый французский микро-электронный анализатор, позволяющий изучать отдельные минеральные зерна размером с просыное зерно и меньше, что ранее было недоступно. Вот почему число вновь открываемых минералов сильно возросло. Есть минерал котцельский, годлевский, урванцевит (он еще не утвержден Международной комиссией). Н.М. Федоровский хороший минералог, и его имя увековечено достойно.

Оба новооткрытых минерала, о которых идет речь в этих воспоминаниях, — федоровскит и урванцевит — были утверждены Всесоюзной и Международной комиссиями и заняли достойное место на скрижалях минералогии. Николай Николаевич писал мне 26 марта 1977 года:

Коллектив работников-геологов Тупроникеля при изучении норильских руд открыл в них новый минерал и решил его назвать в мою честь. Однако просто так это не делается, а требует серьезной проверки авторитетными организациями. <...> Только после этого новый минерал получает право на жизнь и заносится в международную книгу по минералогии. Новый минерал прошел все проверки, и его открыватели получили диплом Всесоюзного минералогического общества об этом. Минерал этот получил название УРВАНЦЕВИТ, и его открыватели, среди которых есть мои ученики, прислали мне копию своего диплома с письмом об открытии.

На этом я заканчиваю воспоминания о переписке с землепроходцем, знакомством и, можно сказать, дружбой с которым горжусь. После процитированного письма было еще несколько, до смерти Николая Николаевича оставалось восемь лет. Последнее его

Н. Н. Урванцев

ТАЙМЫР —

КРАЙ

МОЙ

СЕВЕРНЫЙ

Знакомьтесь, мой друг — Дорогому Сергею
Львову Михайловичу передайте эту
книжку с автором

Н. Урванцев

25.12.78

Саша

Автограф Н. Н. Урванцева

послание мне было отмечено датой — 30 декабря 1982 года.

Эти записки посвящены одной из страниц жизни замечательного человека, именно той, которая непосредственно связана с его ролью в открытии и освоении норильских рудных богатств. Он прошел трудный путь — от обвинений в колчаковщине до урванцевита.

Анатолий Львович Львов

Н.Н. Урванцев

Анатолий Львов:

*«...черные дни Урванцева
после звездного часа...»*

Домик Н.Н. Урванцева в Норильске

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА УРВАНЦЕВА

<...> Старым ленинградцам не пришлось бы объяснять, что это такое, Большой дом на Литейном. В любой другой аудитории достаточно сказать: близнец Лубянки. <...> Как известно, число казненных за полвека до 1917 года много уступает среднесуточным показателям в отдельные периоды советской истории. Урванцев, однако, в длинные списки убиенных не попал, хотя могло быть иначе, о чем свидетельствуют биографии, к примеру, его непосредственных начальников по Геолкому (Д.И. Мушкетов) и Арктическому институту (Р.Л. Самойлович) и лучшего, талантливейшего ученика и соратника (Б.Н. Рожков).

— Кто он вам? — спросили меня. (И таким образом я опускаю поиски нужных людей, кабинетов и других помещений.)

— Герой, — ответил я.

— Герой Советского Союза?

— Еще бы чуть-чуть — и мог стать Советского Союза... Нет, герой моей повести. Еще не написанной.

— Мы больше имеем дело с родственниками.

— Вряд ли они обратятся... (Последовал мой пересказ биографии Николая Николаевича.)

— Какое-нибудь удостоверение, паспорт есть?.. Ладно. Пишите заявление вот по такой форме...

— А как быстро?..

— Иногда у нас уходят месяцы, чтобы...

Тут я постарался быть максимально убедительным и назавтра (!) пришел уже как на работу.

Дальше попробую без лирики и лишних слов, хотя осуществить этот замысел труднее, чем провоз-

гласить. Итак, черные дни Урванцева после звездного часа...

Из первого тома дела:

« — Обручев, Ермолаев, Рожков и я составляли третий пятилетний план по Арктике... Инструкции давал Самойлович... (понятное дело — вражеские. — А.Л.)

— Шмидт и Бергавинов настаивали в ЦК ВКП (б), чтобы разрешили начать разведку каменной соли в устье реки Хатанги. Но предварительных разведочных работ не было. Соль добывали плохую, с примесью гипса. В этом, конечно, есть вина Главного управления Севморпути...

— Я сын купца, и среда... (сами понимаете. — А.Л.) Моя мать... (что можно ожидать от ... — А.Л.). Политически неграмотный, я легко стал на путь контрреволюции — под влиянием офицеров царской армии, бывших моих сокурсников. Дружил с Часовниковым, у него на квартире велись антисоветские разговоры. Сочувствовали мятежу чехословаков... Работал в «изыскательской партии» (то ли следователь решил, что от слова «изыск», то ли кавычками иронизировал по поводу предмета изысканий. — А.Л.) при Сибревкоме Комитета Севморпути. Председателем был Смирнов, заместителем — Шольц, в 21 году он (Шольц) меня вызвал... Говорил о своем (отцовом. — А.Л.) богатстве, о расстреле Колчака. Я ему поддакивал... Ему было известно о моем контрреволюционном прошлом.

— Норильское месторождение мною было полностью освоено (?! — А.Л.). Я там разведал запасы угля на 65 миллионов тонн, а мог и на 100 миллионов, но я не применял буровых станков, так как достать их трудно... В дальнейшем я старался не поддерживать связь с Шольцем... В 1922 году обнаружил наличие «колчедана-никеля» (опять кавычки: скорее всего следователь хочет показать, что он тут ни при чем. — А.Л.).

— Под давлением Баевского вновь вступил в контрреволюционную организацию.

— Меня дважды вызывал Шмидт и предлагал не торопиться с освоением нефтяных районов (Хатанга).

— «Правда» села на мель... Я признаю свое вредительство...»

Давайте все же прервем этот поток лжи. В чем здесь ужас? Это как же надо было бить и запугать человека, чтобы он брал на себя все, что угодно! Просто ему не инкриминировали взрыв газопровода или водокачки, столкновение поездов, а пароход сел на мель, и Урванцев на нем находился... Эта вражина, понятно, не могла не пробраться к штурвалу, быстро вычислила ошибочный курс и посадила «Правду» на мель. «Я признаю свое вредительство».

Он очень не любил рассказов и вопросов об этом периоде. Только однажды произнес «Ну, конечно, били» тоном, сомнений не оставляющим, мол, ну что вы спрашиваете то, что знают дети...

Есть люди, которые, однако, любят рассказывать обо всем, что выпало на их долю. Урванцев к ним не относился. Думаю, задним числом корил себя за слабинку, в какой-то момент неверно избранную тактику, еще что-то.

Мы ему не судьи. Во-первых, все крепки задним умом. Во-вторых, все герои, кто не прошел кругов ада. В-третьих, у каждого из нас есть возможность (пока, слава богу, неисторическая) зацемить какой-нибудь чуткий к боли орган или член, хотя бы дверьми, и при этом спокойным тоном продолжать суд над теми, кто не выдержал в свое время.

Один из близких к Н.Н. людей показал мне журнал «Советская Арктика» с письмом, клеймящим Самойловича, по-моему, коллективным, но с подписью Урванцева: «Некрасиво». Но, извините, не оболваненных пропагандой, не зараженных ненавистью к «врагам народа» оставалось очень мало, да и прятали они свое мнение как можно глубже. Не исключен и другой вариант: Урванцева никто и не предупреждал, подписываясь его именем под гнусным враньем, — прием рядовой и характерный.

Теперь, когда вы слегка раздавлены информацией, вернемся в прошлое. Самойловича уже взяли в Кисловодске 24 июля 1938 года. Учитывая, что Рожков исчез еще за полтора года до этого, Урванцев не мог благодушеествовать на свой счет. Уж кто-кто, а он с его происхождением и «грешками» времен Гражданской войны не мог не понимать, что орден Ленина его не спасет, а заслуги перед советской властью тем более... А вот и первые ласточки — статья в журнале, потом в стенгазете... Урванцевы стали ждать стука в дверь. И действительно, за толстыми стенами Большого дома уже выписывали ордер № 9/981 для выдачи сотрудникам Управления Государственной Безопасности (каждое слово с прописной буквы) УНКВД по Ленинградской области для производства обыска в квартире № 190 дома № 61 по Лесному проспекту и ареста гражданина Н.Н. Урванцева.

Пришли товарищи Литвинов и Нацаренус в полночь, работали до шести утра, а когда занялась заря одиннадцатого дня осени знаменитого 1938 года, увели хозяина, унесли его орден, забрали охотничьи ружья и экспедиционные материалы.

И началось. В тот же день. В ночь. В день. В ночь... Я насчитал 25 допросов, и это не было концом. Так долго не сознавался? Ну что вы: чтобы заставить его признаться в преступной деятельности, хватило 9 допросов... Как будто без его признания им не была ясна степень вины этого колчаковца, участника контрреволюционной диверсионно-вредительской организации в Главном управлении Севморпути (СМП). Эти негодяи от науки, к примеру, задумали и сорвали навигацию 1937 года в Арктике. Не случайно в постановлении Правительства от 28 марта 1938 года говорится не только о плохой организованности в работе, наличии самоуспокоенности и зазнайства, но и о «совершенно неудовлетворительной постановке дела подбора работников Главсевморпути» (см. «Советскую Арктику», 1938, № 5, с. 21).

(Хотите — верьте, хотите — проверьте, но уважаемый историк СМП профессор Белов и 30 лет с

лишним спустя без тени юмора, видимо пользуясь материалами определенного пошиба, пишет, к примеру, о знаменитом капитане В.И. Воронине: «Проявлял чрезмерную осторожность, когда в ряде случаев надо было действовать смело и быстро. Правда, эта осторожность объяснялась тем, что «Ермак» был единственным активным ледоколом на западе и неоправданный риск мог привести к непоправимым последствиям». После этого ясно, хороший капитан или плохой? Да и возьмет ли кто-то на себя ответственность, зная, что «полагается» за ошибку?)

Когда 25 транспортных судов и почти весь ледокольный флот остаются на зимовку в случайных местах — это, конечно, разгильдяйство в невероятных масштабах. И насчет кадров, наверное, все правильно. Но много ли выиграла Страна Советов, лишив жизни (как минимум, свободы) десятки ученых, возможно в чем-то недальновидных и что-то конкретное не обеспечивших?

Железная метла продолжала мести. В поле ее чудес попали полярники. Подельниками Урванцева оказались:

М.М. Ермолаев, 1905 года рождения, уроженец Екатеринодара (ныне Краснодар), доцент-орденоносец Ленинградского университета и сын профессора, а главное — зять Самойловича;

Л.И. Кальварский, 1901 года рождения, уроженец Петербурга, начальник планового отдела Всесоюзного Арктического института;

П.М. Цеткин, 1900 года рождения, тоже петербуржец, начальник гидрографического отдела ВАИ.

Если Урванцев и Кальварский подписались под словами «обвинение мне понятно, виновным себя признаю» после 9–10 допросов, то двое остальных подельников виновность не признавали до 15-го допроса. Естественно, никто не поддержал «идею» следователей о «группе четырех» как ячейке глобального заговора:

— Считаю, что в курсе был Кальварский.

— Мельком слышал от Самойловича о Цеткине как контрреволюционере.

Не более того. На себя — пожалуйста:

— Коготок увяз, всей птичке пропасть... Не имел мужества разоблачить Шольца и себя (!). Кроме того, не сочувствовал жесткой системе раскулачивания («стреляли» и за такое. — А.Л.).

Что еще позволил следствию Урванцев? «Признаю: вредительский план третьей пятилетки (общие установки Шмидта и Самойловича); молчал, что норильский уголь не годится для котлов военных судов».

Ермолаев: «Был завербован Урванцевым. Говорил Ушакову, что на Северной Земле ничего хорошего нет (Обручев меня ругал за это)».

Кальварский: «Показания Самойловича — клеветнические, Урванцева — неискренние».

Вот и все...

Нет, не все. У следствия была еще одна цель, может быть главная: доказать существование разветвленной вражеской сети. Конечно, на роль центральной фигуры и главы координирующего центра очень бы подошли старые знакомые Урванцева. Особенно Иван Никитич Смирнов, председатель Сибревкома в Гражданскую, которому так доверял Ленин, следя за приобретением товаров для Карской экспедиции. Всем известна записка: «Я оч. боюсь, ч. оптимизм Лежавы* неоснователен...» В ней и называются Смирнов и его заместитель Чуцкаев, которым предсовнаркома верит (Смирнову — еще с 1909 года, парижский знакомый, а не очень — замнаркома внешней торговли).

Сибревком — та самая организация, которая еще 16 марта 1921 года, то есть ранней весной, приняла постановление «к работам ударным на 100 %» отнестись снабжение и снаряжение экспедиций в арктическую область. Правой рукой Смирнова был тот самый Ф.А. Шольц, экономист, прекрасный работник, рекомендовавший себя в навигацию 1920 года.

* Андрей Матвеевич Лежава расстрелян в 1937 году.

...Самое мирное слово может переродиться в нашем сознании под влиянием обстоятельств. Допустим, торговали когда-то на площади в лубяных шалашах, а выросла Лубянка... Джуга — это просто сталь. Из нее, правда, делали кинжалы, но не для того же, чтобы лилась кровь! А что получилось из сына Джуги к его 50-летию?

Когда же речь идет о каком-то Смирнове или Шольце, тут и одного неосторожного слова достаточно, чтобы перевернуть их, как сейчас говорят, имидж. А если Иван Никитич действительно приверженец Троцкого и «скатился в болото оппортунизма»? Его давно разглядели, в 1927-м исключили из партии, восстановили, снова исключили в 1930 году... Или его экономист, у которого советская власть отобрала наследство и которому к тому же жаль А.В. Колчака?

Замечательные кандидаты в начальники вражеского штаба, но, увы, с ними давно покончено. Смирнова «взяли» еще в 1933 году, «шлепнули» по делу другого «центра» в 1936-м, и в срыве навигации 1937 года его обвинить сложно. Конечно, очень хорошо для этой цели — лучше вообще не придумайешь — О.Ю. Шмидт... Нельзя: собираемся дружить с Германией, а бородач — герой в обеих странах. Академик Обручев? Несерьезно: 75 лет. И тогда возникает в планах ГБ серая лошадка, которую именно поэтому долго никто не замечал: начальник планового отдела ГУ СМП — на него и вешают всех собак.

— Баевский назвал мне членов контрреволюционной организации по Арктическому институту — Самойловича, Визе, Обручева, по горно-геологическому управлению (СМП. — А.Л.) — Ананьева, Эглита, Зяблова. Упоминал о Шмидте, Бергавинове, Ф.И. Дриго... Ермолаева знал по вредительскому составлению 5-летнего плана...

...Ужас может выжать стон из железа. Железо может выжать все, что требуется, если его раскалить.

В.В. Ананьев параллельно североземельцам производил съемку Карских Ворот и Маточкина Шара,

а потом строил полярные станции. М.М. Ермолаев изучал геологию Новой Земли и южного берега Маточкина Шара, возглавлял первую гляциологическую станцию в Арктике (залив Русская Гавань), был участником экспедиций на «Садко» и «Малыгине». Дриго — специалист по ледоколам и руководитель морских операций, которого, правда, обвинили в беспомощности, но ведь не он себя назначал на должность. Б.В. Лавров — начальник Игарстроя и Нордвикстроя, Ленских экспедиций, член коллегии ГУ СМП, как Илья Леонидович Баевский, бывший член коллегии Госплана РСФСР, заместитель Отто Юльевича в походе «Челюскина». И все они — враги?!

Записать во враги можно всех, но кто-то должен работать и вне проволочного заграждения. Поэтому кое-кого надо было вычеркнуть.

И тут следствие ждал страшный удар. Тщательно подготовленное дело, на которое ушло восемь месяцев (с 6 июля 1938 года до 2 марта 1939 года), лопнуло. При первом же удобном случае подсудимый Урванцев сказал:

— Всех названных лиц я оклеветал, потому что от меня требовали назвать участников контрреволюционной вредительской организации в ГУ СМП, указав, что я должен знать очень многих; двумя-тремя фамилиями следователь не удовлетворился и требовал большего...

Не знаю, как вы, а я представил Н.Н. в эту секунду почти выигравшим дело. Не о том, конечно, речь, что его прямо из зала суда доставят домой. Просто — успел сказать.

Он снял очки. Если опять будут бить, главное — сохранить очки. (Бедный Николай Николаевич, его так легко было сделать беспомощным и беззащитным — без окуляров. Он не видел даже, с какой стороны ждать удар.)

Суд прервали после нескольких малозначащих вопросов.

Тут я должен предупредить будущих исследователей темы. Дело в том, что официальные документы указывают на разные даты, не совпадающие на день, на декаду и больше (особенно если включать в научный оборот даты, названные по памяти, чего я делать не хочу). Но предположением поделюсь, хотя оно граничит с фантастикой: четверку развели по камерам, чтобы назавтра предъявить новые ордера на арест.

Возможно, это выглядело и не так формально, однако факт, что никто их не выпустил из внутренней тюрьмы Большого дома и следствие стало добиваться старой цели... Вряд ли новыми средствами, но практически сначала.

Военный трибунал ЛВО, не церемонясь, осудил Н.Н. на 15 лет ИТЛ. М.М. Ермолаев, судя по предварительному списку репрессированных геологов Н.Ю. Годлевской, получил на 5 лет меньше, но что-то там неточно, ибо приговор связывается с 30 декабря 1940 года, а это — дата следующего судилища над Николаем Николаевичем, на которое, исключить это нельзя, привезли и его товарищей по несчастью. Тем более возможно, что одним днем — 16 августа 1954 года — их освободили от ссылки и реабилитировали.

Но до этого дня еще 15 лет. А с ноября 1939 года по март 1940 года Урванцев находится в этапах и в одном из соликамских лагерей, где и узнает, что 22 февраля приговор отменен и дело производством прекращено. Возвращение в Ленинград, приглашение на кафедру в горный институт, участие в похоронах Ю.М. Шокальского в Москве (известный эпизод, который слишком дорого обошелся Урванцеву, хотя, возможно, он напрасно придавал событию особое значение: коль уж решили изъять из жизни, нашли бы и не на похоронах).

В августе 1940 года старое дело было направлено на исследование. Урванцев этого знать не мог, но 11 сентября — в тот самый день, что и за два года до этого, — последовал новый арест, а 30 декабря, под 1941 год, очередной приговор. На этот раз дали 8 лет

ИТЛ с зачетом отбытого. Написал заявление с просьбой оставить в Ленинграде, которое удовлетворили. В знаменитых Крестах стало одним «врагом народа» больше. На вопросы «однокашников» отвечал: СВД (соучастие во вредительской деятельности).

Я перешел на скороговорку не только потому, что не хватает времени или места. Ни Кресты, ни лагеря не идут ни в какое сравнение с внутренней тюрьмой. 14 месяцев первого пребывания в ней (безо всякого опыта жизни в камере) плюс еще почти четыре — это и есть полтора черных года этой, слава богу, долгой жизни. Ибо достаточно темный фон Крестов, Коканда, Актюбинска, череда тюремно-лагерного существования все же прерывались маленькими радостями (виделся с женой, ухаживал за клумбами, изобретал полуавтомат, переводил с английского нужную для производства книгу и т.д.). Даже трудности этапов не остались в его памяти непреодолимыми, тем более месяц, проведенный в Красноярске, когда он консультировал строительство причалов накануне отправки самолетом в Норильск (январь 1943-го; он-то прекрасно знал, что торопиться на Север не к чему, пока стoit полярная ночь).

14 лет в Норильске — особая статья. Заметим, что лагерное пребывание (достаточно условное) здесь было ограничено двумя годами, остальное время он не чувствовал себя одиноким, а ненужным делу — ни дня.

Боюсь, однако (не додумался спросить), что праздник пятидесятилетия в первые же дни знакомства с новым для него Норильском был горьким.

Но это уже было не смертельно. От смерти Урванцева спас врач. Он же скостил Н.Н. лагерный срок на 7 лет, в перерыве между двумя сроками подарил на 5 месяцев институтскую кафедру и вообще сделал все, чтобы большой геолог и географ выжил и максимально сократил число прожитых черных дней. <...>

Сейчас же мне остались одно замечание (оно же соображение) и эпилог. Не все в тюрьме плохо. Кто-то из великих предпочитал ад раю, где скучнее и не та

компания. Урванцев общался с интересными людьми, но самыми интересными оказались сокамерники, и он благодарил судьбу за знакомство, да при таких обстоятельствах, с двумя Иванычами — Акселем и Петром, Бергом и Лукирским.

Первый — из знаменитой фамилии основателей академии — оказался ровесником. Выпускник Морского корпуса, он водил подлодку еще в Первую мировую войну и командовал ею в Гражданскую. Пока Урванцев занимался Норильском, Берг окончил два высших военно-морских учебных заведения и стал профессором в таких новых областях знаний, как радиоэлектроника, радиолокация и пр. Кибернетика в его жизни еще впереди, академическое звание тоже, а время, когда кто-то решил проверить, не английский ли он шпион, уже пришло.

Второй (любопытно, что оба оренбуржцы по месту рождения) был погодком сокамерников, сотрудником А.Ф. Иоффе после окончания Петроградского университета и профессором ЛГУ с 1928 года (с 1919-го он там преподавал, а его учениками только на букву «А» были братья Абрам Исаакович Алиханов и Артем Исаакович Алиханьян, Л.А. Арцимович). Это он измерил постоянную Планка, проверил формулу фотоэффекта Эйнштейна, с будущим нобелевским лауреатом Н.Н. Семеновым доказал появление вторичных электронов при рассеянии первичных поверхностью металла, написал монографию по электронной теории — такой же гений, как Берг, разве что еще гениальнее.

Нет никаких сомнений, что у Н.Н. и М.М. Ермолаева (и не только у них) академическое звание украли в 1938-м. Но не академическое признание — Обручевых и Наливкина, Щербакова и Смирнова...

Нужно было или не нужно было идти в архив КГБ? Не лучше ли кое-чего не знать?..

Не лучше. Я благодарю офицеров Николая Ивановича Баранова и Сергея Владимировича Чернова и его начальника Александра Николаевича Пшеничного за помощь.

Не одно лишь любопытство заставило меня отправиться в Большой дом. Когда-то Александр Емельянович Воронцов, сменщик Урванцева на юге Таймыра и преемник его, норильчанин с 1930-го, передавший эстафету в 1945 году опять Урванцеву, не стал скрывать то ли факт, то ли версию: Урванцев оговорил Рожкова.

Не знаю, доходило ли это до ушей Н.Н., но если да, можно представить, чего это ему стоило.

Слово не воробей. И вот много лет спустя слух дошел до замечательной женщины, племянницы Б.Н. Рожкова, Наталии Гавриловны Сапроненковой. Я посчитал своей обязанностью выяснить истину или сделать все возможное, чтобы моя корреспондентка не обратилась в архив.

Вот какие показания я нашел на страницах от 20 сентября 1938 года, те самые, выбитые на девятом допросе: «Я, Урванцев Н.Н... Мною в конце зимы 1936 года был завербован... еще геолог Б. Рожков... с которым был знаком с 1925 года... работал у меня в качестве коллектора... слушал радиопередачи на немецком языке... Я понял, что Рожков был человеком антисоветским».

Завербовал. В свой вражеский круг. Я антисоветский, и он антисоветский. Мы оба антисоветские. Только бить не надо.

А потом взорвал ту самую бомбу: я всех оклеветал, не выдержав «давления».

Было еще кое-что. Однажды Н.Н. раскрылся: «Я не назвал ни одного имени, кроме Шмидта и Обручева, до которых вам не добраться, из тех, кто не арестован. Я называл только тех, кто, я это твердо знал, и без меня подведен под монастырь».

Действительно, Борис Николаевич Рожков попал в сеть 1936 года вместе с Н.М. Успенским, П.П. Соколовым (см. список Годлевской и ее группы). Уже 31 декабря, в последний день перед 1937 годом, Рожкова назвали членом фашистской организации.

Бориса Николаевича судили 23 мая 1937 года, приговорили к 10 годам лишения свободы, расстреляли в Смоленске 22 апреля 1938 года — нашли же день... За 5 месяцев до девятого допроса его учителя.

Закрываю дело. Фамилии следователей и свидетельствующих не в пользу Урванцева опускаю. Сержант ГВ Нестеров, наверное, раскаялся. Первым расписался в деле Урванцева начальник Управления НКВД по Ленинградской области Гоглидзе. Торопил закончить дело побыстрее Выш. (похоже, что Вышинский). Арест санкционировал замнаркома Берия. Согласовано с прокурором СССР и т. Папаниным...

В условиях политической нестабильности и слабости властей, близкой к параличу, перспектива повторения массовых репрессий конца 1930-х годов или, точнее, очередная их кампания — вовсе не сугубо теоретическое положение. Вот почему считаю возможным и необходимым возвращаться к этой теме, по возможности проливая свет на черные страницы. Такого рода доклады и публикации* ни в коей мере не направлены против тех, кто не выдержал пыток или уступил психологическому воздействию органов дознания. Больше того, нельзя не отдавать себе отчет, как трудно было сопротивляться системе даже людям, занимавшим высокое положение. И все же пусть члены ЦК новых и старых партий, прежде чем подписаться под приговором, помнят, что их решение, минутная слабость, не говоря уж о линии поведения, не останутся тайной за семью печатями на века.

---

* Публикуемый материал А.Л. Львова был представлен на Урванцевских чтениях «Неизвестные страницы жизни» и на страницах «Заполярной правды» 9 июля 1993 года. (Примеч. ред.)

*Владислав Сергеевич Корякин,
доктор географических наук, почетный полярник*

*Учащиеся геологического отделения
Норильского техникума на практике.
В центре — Н.Н. Урванцев. 1953 г.*

Владислав Корякин:

*«Только спустя два года наш
заведующий кафедрой, немо-
лодой заслуженный профессор,
внес определенную ясность:
«Урванцев находится в заклю-
чении...»*

Н.Н. Урванцев. Комары нападают даже на снегу...
(фотография из книги Н.Н. Урванцева «Открытие Норильска»)

ОДИН И ТОТ ЖЕ ЧЕЛОВЕК В ОДНО И ТО ЖЕ ВРЕМЯ ПРИ ОДНИХ И ТЕХ ЖЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ В ОДНИХ КНИГАХ ЕСТЬ, А В ДРУГИХ — НЕТ...

Николай Николаевич Урванцев в довоенную пору был настолько сложившимся крупным исследователем в своей области, что ни один значительный труд по природе Арктики, особенно включая Таймыр и Северную Землю, без ссылок на него не обходился. Нередко в изданиях Главсевморпути можно было встретить портреты Николая Николаевича. Это относится также к обобщающим монографиям геологов В.А. Обручева, А.Д. Архангельского и А.Н. Мазаровича, географа Л.С. Берга, не говоря уж о «Морях Советской Арктики» В.Ю. Визе. Между тем времена были такие, что еще в середине XX века, например, на карте Таймыра красовались обширные белые пятна с выразительной надписью: «Не исследовано».

Для будущего полярника, ощутившего в молодости то, что в художественной литературе иногда называют «зов Арктики», имя Урванцева находилось в одном ряду с именами Шмидта, Самойловича, Ушакова, Папанина, Визе и многих других, с кого стоило брать пример. А теперь попробуйте представить состояние этого молодого человека, ставшего уже первокурсником, когда у него в руках оказалась книга Г.А. Ушакова «По нехоженной земле», вышедшая в издательстве Главсевморпути в 1951 году.

Было чему удивляться зеленому юнцу, еще не искушенному в перипетиях общественной жизни эпохи Великого Диктатора... Я с удивлением сличал текст Ушакова с изданиями Визе «Моря Советской Арктики» (1948 г.) и «На «Сибирякове» и «Литке»

через ледовитые моря» (1946 г.) и, напрягаясь всеми извилинами еще не вполне сформировавшегося мозга, пытался постичь, что за чертовщина творится на страницах этих изданий: один и тот же человек в одно и то же время при одних и тех же обстоятельствах присутствует, а на других — нет! И этим человеком был известнейший полярный геолог Урванцев, заслуги которого, хотя и в общем виде, были для меня достаточно очевидны. Думаю, что в таком состоянии я был не одинок.

Только спустя два года наш заведующий кафедрой, немолодой заслуженный профессор, внес определенную ясность: «Урванцев находится в заключении...» К тому времени я уже догадывался, что подобное несчастье совсем не зачеркивает былых заслуг человека, оказавшегося за колючей проволокой, и наш профессор утвердил меня в этом.

Следующее прикосновение к теме Урванцева произошло несколько лет спустя. В своей первой Арктической экспедиции я оказался на Диксоне в самом конце полевого сезона, когда здесь собирались многочисленные экспедиции чуть ли не со всего Таймыра, в основном ленинградцы из института геологии Арктики. Под обвалом новой, конкретной информации начинающему исследователю приходилось непросто, но было необычайно интересно, когда книжные знания вдруг приобретали зримый, отчетливый облик. Неудивительно, что в разговоре всплыла фамилия Урванцева.

— А где он сейчас? — не мог не спросить я.

— Жив-здоров, работает в нашем институте, ведет свою тему, восстановлен по всем статьям после XX съезда КПСС. Глыба, мамонт былых времен, даже если некоторые его прежние достижения мы трактуем по-иному. Выбирается временами в поле, сохранился неплохо, хотя в Норильске ему приходилось по-всякому. Как-то Николай Николаевич мылся в бане с разрисованным татуировкой уголовничком. Тот долго рассматривал голого Николая Николаевича, а потом поинтересовался:

— Это ты тот Урванцев, который открыл Норильск?

Когда Николай Николаевич удовлетворил любопытство вопрошавшего, с его стороны последовало неожиданное предложение:

— А не можешь ли ты закрыть его?..

Конечно, уже в ту пору имя Урванцева стало обрастать легендами. Кстати, вскоре после XX съезда не только Урванцев вышел на волю — в 1959 году на прилавках оказалось третье издание книги Ушакова с примечательным указанием «исправленное и дополненное (печатается в первой редакции автора)». Признания «реабилитанса» в советской истории проявлялись порой весьма своеобразно...

«...У МЕНЯ ЕСТЬ «ОДНОДЕЛЕЦ» — НЕКТО УРВАНЦЕВ»

Разгром геологического направления в работе Всесоюзного Арктического института (ВАИ) показателен на примере двух ведущих полярных геологов тех лет. Один из них — М.М. Ермолаев свой первый арест считал ошибкой органов, запутавшихся в общей лавине арестов — искали какого-то Ермолаева 1872 года рождения, а доставили к следователю родившегося на 33 года позже! Поэтому первый вопрос следователя арестанту был: «Как вы сюда попали?» Можно понять службиста, оказавшегося в непростом положении: с одной стороны, налицо ошибка, а с другой — своему руководству надо было давать объяснение. Не случайно, впервые на допрос Ермолаев был вызван только через полтора месяца после ареста, и первоначальное обвинение касалось не его деятельности в Арктике или работе в ВАИ, а участия в деятельности Антропософского общества еще в 20-е годы! Только с декабря 1938 года арестанту стали задавать вопросы о работе в ВАИ. «В июле 1939 года... — пишет М.М. Ермолаев в своей книге «Воспоминания», — по «местному телеграфу» мне поступило срочное сообщение о том, что у меня есть «одноделец» — некто Урванцев» (2001, с. 239).

Урванцев в качестве и.о. директора ВАИ (поскольку Р.Л. Самойлович оказался на зимовке в Арктике) затем в отпуске сдавал дела новому директору П.П. Ширшову, что подтверждается актом от 5 августа 1938 года. А спустя неделю в протоколе заседания парткома ВАИ отмечено: «11 августа 1938 г. дело об Н.Н. Урванцеве (бывшем и.о. директора ВАИ) было направлено в следственные органы». Ровно месяц спустя Николай Николаевич был арестован, и неудивительно, что в своей книге «Михаил Михайлович Ермолаев. Жизнь исследователя и ученого» (СПб, 2005) А.М. Ермолаев (его сын) и В.Д. Дибнер сделали логичный вывод: «Эта цепь событий подтверждает еще раз, что сам институт фактически был инициатором арестов» (с. 257).

Еще более полугода у отважных чекистов ушло на то, чтобы (по Ермолаеву) «соединить нас с Урванцевым. Но доказать нашу совместную деятельность оказалось для следователя неожиданно сложно: дела подобного рода создавались обычно по территориальному признаку — московское, ленинградское, арктическое. Но Арктика — велика. Мы с Николаем Николаевичем работали в совершенно различных местах, на расстоянии тысяч километров... Никогда и нигде мы не были связаны ни территорией, ни темой.

Как же «шили» нам дело? Устраивали очные ставки. Пытались доказать, что мы действовали совместно после вербовки нас неким совместным центром, меня в Германии, его — в Японии, ни я, ни он, конечно, там никогда не были... Ко мне и, наверное, к Урванцеву тоже подсаживали провокаторов...

В общем, «красивого дела», которое на этот раз было нужно, не получалось. Наш следователь злился, нервничал, — видно, сроки поджимали. Пришлось ему ограничиться обычным стандартом: мы оба «признались» в антисоветской деятельности, в общении с подозрительными людьми, которые классифицировались как вербовщики, но имена которых мы не знали или забыли. Я думаю, не нужно объяснять,

почему мы признавались или подписывались... Все было предрешено. Чудовищная программа разработана заранее неким «ведущим конструктором». Да не подпиши мы — они подписали бы за нас, сами. Такое тоже бывало...

...И «публичный суд» состоялся! И коллеги наши сидели в зале... Но, увы... Нас даже ни о чем не спросили. Произошло все противоестественно мгновенно. Зачитали предъявленное обвинение, сообщили о полном признании обвиняемых. Суд заявил, что ему все ясно, и удалился на совещание. Буквально через десять минут они вернулись и зачитали приговор...» (2001, с. 241). По делу № 00806 Н.Н. Урванцев получил 15 лет тюремного заключения, его «подельнику» досталось — 12... Тем не менее упорство подследственных не было напрасным — спустя три месяца Военная коллегия Верховного суда СССР 22 февраля 1940 года прекратила означенное дело «за отсутствием состава преступления». Это короткое время пребывания на свободе продолжительностью около полугода Ермолаев решил провести в Пятигорске вместе с женой, отправившейся туда в научную командировку. Там-то он вскоре и получил телеграмму от сестры, предвещавшую перемены к худшему: «Николай серьезно заболел тчк Немедленно возвращайся». Это предвещало повторение пройденного...

Действительно, 11 июня 1940 года последовало решение Верховного суда: «Приговор Военного Трибунала Ленинградского военного округа от 11/11/1939 г. и определение Военной коллегии Верховного суда СССР от 22/2/1940 г. по делу Урванцева Николая Николаевича и Ермолаева Михаила Михайловича — отменить и дело о них передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, сохранив в отношении их лишение свободы в качестве меры пресечения». (Книга А.М. Ермолаева и В.Д. Дибнера, 2005, с. 281.) Повторный арест Ермолаева состоялся 25 августа 1940 года и, видимо, его «подельника» Н.Н. Урванцева примерно в то же время. В след-

ственных документах при повторном рассмотрении выяснилась и причина, давшая повод чекистам вернуться к своим жертвам. По их заключению, после решения судебных инстанций в конце 1939 года «Ермолаев М.М. по его осуждению содержался в одной камере с Н.Н. Урванцевым, что в результате привело к сговору между ними об отказе от ранее данных показаний об их контрреволюционной деятельности». (Там же, с. 288.) В итоге решением Особого Совещания от 30 декабря 1940 г. по статье 58 пунктам 7 («подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения и кредитной системы»), 10 («антисоветская пропаганда и агитация») и 11 («участие в контрреволюционной деятельности») оба полярных геолога получили по 8 лет ИТЛ. Ермолаев провел их в основном на строительстве Воркутинской магистрали, а Урванцев после непродолжительного пребывания в Донбассе и Алтае вернулся к знакомым местам в Норильске и на Таймыре.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВСТРЕЧ

В последующие годы история Арктики для меня продолжала материализовываться порой «весомо, грубо, зримо...», чего я не могу сказать о своей первой встрече с Николаем Николаевичем в Научно-исследовательском институте геологии Арктики (НИИГА) спустя несколько лет в Ленинграде. Арктическая легенда в реальности как-то не соответствовала облику немолодого, сдержанного, не слишком разговорчивого человека. Обстановка самая обычная для геологической организации: груды образцов на полках и в шкафах, стратиграфические таблицы и карты разной готовности по стенам и особый дух дискуссионности и готовности вступить в словесную схватку по поводу и даже без повода. Определенная робость с моей стороны понятна: с одной стороны — начинающий младший научный, с другой — заслуженный мэтр, доктор наук, профессор во всем блеске былых заслуг и заслуженного авторитета. Тем более что, строго го-

---

воря, я не созрел для встречи с исследователем такого уровня ни по своей теоретической подготовке, ни по знанию района работ.

Однако встреча с мэтром даже в соседней области знания всегда полезна просто возможностью установления личного контакта, для чего был свой повод: буквально накануне я обзавелся у знакомого букиниста книгой Н.Н. Урванцева «Два года на Северной Земле» и рассчитывал получить автограф. Собственно, тем дело и ограничилось, хотя и заставило удивиться Николая Николаевича:

— Где это вы достали? В свое время за нее и срок можно было получить...

Он знал, о чем говорил. Автограф (видимо, не случайно) оказался рядом с эпиграфом к книге: «Никто пути пройденного у нас не отберет». Уже в коридоре я задумался: что это — жизненное кредо исследователя? Или просто констатация очевидного, когда никакие ОГПУ, НКВД и КГБ, вместе взятые, не в состоянии зачеркнуть описанное в этой книге? Или обращение к нам, молодым, поступать так, чтобы нельзя было лишить нас наших достижений? Было над чем поломать голову...

Возможно, поэтому остальные, чисто внешние портретные впечатления, многократно описанные в литературе, в памяти не сохранились, и я останавливаться на них не буду. Важнее было другое — теперь в моем распоряжении было два источника в описании одних и тех же событий. Но к тому времени я уже догадывался, что Ушаков не сам пошел на фактическую «ампутацию» своей книги, заведомо понимая, что в среде полярников найдется достаточно людей, знавших истинное положение дел. Задавать об этом вопрос Урванцеву я не стал...

Читателю теперь понятно, каким образом я постигал полярную науку в подаче обоих корифеев, тем более что в 1962 году я сам поработал на Северной Земле. Хватив свою долю полярного лиха, я смог в полной мере оценить достижения первопроходцев.

Самым страшным в их описании (причем совпадавшим в деталях) был их совместный маршрут в обход острова Октябрьской Революции, который пришлось на июль–август 1931 года, в разгар летнего таяния, когда к своей зимовочной базе на острове Домашнем Ушаков и Урванцев добирались буквально по остаткам припая, отдав оголодавшим собакам в упряжках последние консервы, а сами при выходе к базе ограничились оставшейся кружкой риса на двоих. Впрочем, жизнь показала, что подобная ситуация в том или ином варианте возможна и в наше время, но переносится легче, если ты оказался готов к ней по описаниям предшественников.

КНИГА УШАКОВА И КНИГА УРВАНЦЕВА

В отличие от эмоционального текста Ушакова описания Урванцева суше, сдержаннее, но, главное, Николай Николаевич стремился их наполнить конкретным содержанием и, что важно, количественными оценками. Действительно, если сравнить тот жуткий летний маршрут 1931 года с остальными (как он это сделал в своей книге издания 1935 года), то при общей протяженности 640 километров (отнюдь не самый длинный) именно этот маршрут оказался самым продолжительным, заняв 51 день при средней протяженности ежедневного перехода всего 12 километров, что почти вдвое меньше, чем в остальных дальних маршрутах. Результативность маршрутов 1930–1932 годов определялась ликвидацией белых пятен, оставаясь на одном уровне. Жаль, что ни тот, ни другой из участников маршрута не приводит потерь собственного веса. Г.Я. Седов, например, в сходных условиях на Новой Земле весной 1913 года похудел на 16 килограммов. Судя по фотографии из книги Николая Николаевича, что-то похожее имело место и у обоих североземельцев — это к вопросу, какой ценой давалась ликвидация белых пятен на карте Арктики.

Это разные книги изначально, потому что книга Урванцева написана в лучших традициях XIX века,

---

видимо, в значительной мере благодаря своим учителям В.А. Обручеву и М.А. Усову, придававшим большое значение подготовке специалистов не только в области геологии, но и в сопутствующих дисциплинах (топографии и прикладной астрономии), необходимых для первопроходца.

Оценивать результативность маршрутов в описаниях Николая Николаевича — сплошное удовольствие, тем более что сами результаты в виде карты и маршрутных таблиц у вас перед глазами, не считая характеристик спутников, а через них — и самого себя, отнюдь не идеального, на что хватает смелости далеко не у всех авторов. Откровенно говоря, порой возникает образ эдакого интеллигентного зануды-брюзги: и Журавлев-то у него тут и там окурки разбрасывает и спирт не вовремя пьет, и неряха Ходов краской даже посуду заляпал, да и сам начальник Георгий Алексеевич никак эту компанию не приструнит, не введет в русло дисциплины... Только потом, перелопатив массу текста, догадываешься, что человек оказался на грани нервного истощения настолько, что едва не утратил способность спать и тем самым просто восстанавливать силы, в чем честно признается, когда кризис миновал: «Состояние моего здоровья стало вполне удовлетворительным, маршруты излечили от зимней бессонницы радикально, так что можно было спокойно оставаться на вторую зимовку. А то весной расшатанные нервы внушали серьезные опасения относительно второй зимовки» («Два года на Северной земле», 1935, с. 245).

Серьезность ситуации в зимовочной группе из четырех человек подтверждает радист Э.Т. Кренкель из экипажа дирижабля «Граф Цеппелин», для которого было запланировано посещение острова Домашнего: «Нам предстояло взять на борт геолога Урванцева и доставить его в Ленинград» (1973, с. 192). А все вместе это называется преодолением самого себя, что опять-таки дано далеко не всем, что Урванцеву удалось.

Книга Г.А. Ушакова «По нехоженой земле» (разумеется, третье издание 1959 года и последующие)

совсем другая, написана с других позиций и с другим эпиграфом, кстати, объясняющим очень многое в его книге:

...Главное в нас, это наша Страна Советов,

Советская воля, советское знамя, советское солнце...

Это просто другая идеология, чем у его предшественника Урванцева, и не исключено, что именно по этой причине партийные верхи заставили Ушакова пойти на «ампутацию». Спорить тут не приходится, потому что каждый сам выбирает свою идеологию. Важно, что она написана с позиций уважения к своим товарищам по экспедиции, что автор подчеркивает неоднократно и на многих примерах, и в первую очередь по отношению к самому Николаю Николаевичу — в силу того вклада в результаты экспедиции. Чтобы не заниматься рецензированием обеих книг, только отмечу, что они вместе не просто дополняют одна другую, а дают редкую возможность анализа событий глазами разных участников.

Из описаний Ушакова и Урванцева меня в полном смысле заинтриговал ледник в фиорде Матусевича — по тому, что мы видели с воздуха в процессе аэровизуальных наблюдений, это была экзотическая разновидность очень редких в Арктике шельфовых ледников. Описания обоих такой вывод как будто подтверждали, но оставался ряд вопросов, которые можно было решить лишь при личной встрече, что и привело меня к Георгию Алексеевичу Ушакову, проживавшему в то время в знаменитом Доме полярников на Суворовском бульваре в Москве, неподалеку от Арбата.

ЕЩЕ ОДНА ВСТРЕЧА

Разумеется, я захватил с собой последнее, третье издание его книги, где ситуация в фиорде Матусевича была описана им довольно детально. Георгий Алексеевич сам начал разговор в связи с «ампутированным» первым изданием книги, где Урванцев отсутствовал.

Это была явно особая тема для Георгия Алексеевича, изрядно портившая ему жизнь в то время. Суть его даже не объяснений, а скорее жалоб сводилась к партийному решению на достаточно высоком уровне. Что это такое, я уже понимал, поскольку сам имел неприятности в своем желании при распределении попасть в Арктику, что не совпадало с намерениями других инстанций. Вот тогда-то секретарь нашей комсомольской организации и сказал мне: «Я тебя полностью понимаю, но если райком скажет исключить, то исключаю...» Однако обошлось, и мой скромный опыт позволил мне войти в положение Георгия Алексеевича. Я постарался отойти от этой больной темы, тем более что сам он отзывался о своем напарнике с самой лучшей стороны, хотя было ясно, что там, на Северной Земле, их отношения складывались непросто, что, кстати, между строк можно проследить и по книге Николая Николаевича.

Осенью 1963 года в здании президиума Академии наук на Ленинском проспекте в Москве состоялась встреча научной общественности столицы и полярников по случаю пятидесятилетия открытия Северной Земли. Вел ее на правах первопроходца Георгий Алексеевич. Архитектура старинного зала, блеск люстр, сияние геройских звезд и многоцветье орденов колодок — все, вместе взятое, создавало торжественность момента. В самый разгар подготовки к торжеству среди собравшихся словно прошелестело: «Урванцев, Урванцев...» В толпе скромно пробирався, близоруко щурясь по сторонам, человек не первой молодости, несмотря на возраст, достаточно поджарый и не обремененный в отличие от многих присутствующих избыточным весом.

«Что значит экспедиционная закалка!» — услышал я в толпе присутствующих. Определенно, этого гостя знали и, главное, от него чего-то ожидали... Урванцев подошел к парадной лестнице, где наверху встречал гостей Георгий Алексеевич, и вдруг прыжками побежал наверх. Два полярника крепко обнялись

и долго хлопали друг друга по спине, демонстрируя радость встречи. Хотя собрание отмечало полувековой юбилей последнего значительного географического открытия в высоких широтах, все внимание присутствующих досталось двум первопроходцам архипелага, достойно занимавшим свои места в президиуме. Для присутствующих они оставались просто первопроходцами, завершившими дело первооткрывателей, без различия судеб и официальных признаний.

Заканчивая собственные личные впечатления (в высшей степени ограниченные) в свое оправдание все же замечу, что, возможно, они будут полезными для характеристики человека, оставившего свой след в изучении высоких широт, еще и потому, что его судьба весьма показательна для своего времени. В то же время известно, что Николай Николаевич не отличался открытым характером и не стремился к излишней популярности, на что имел, по-видимому, свои причины, о которых речь пойдет ниже.

УШАКОВ И УРВАНЦЕВ НА СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛЕ

Теперь о роли Ушакова и Урванцева в успешном проведении исследований на Северной Земле в 1930–1932 годах на основе совместного научного тандема, в котором их реальные заслуги практически неразделимы. В первую очередь это относится к истокам и планам самой экспедиции, отличающимся лишь в деталях. Хотя идея исследований архипелага у Ушакова возникла несколько ранее, он сам признает, что, «занимаясь 11 лет изучением геологии Таймырского полуострова, Урванцев не мог не интересоваться Северной Землей, являющейся как бы естественным продолжением этого полуострова. Он сам собирался через год организовать на Северную Землю экспедицию» («Два года на Северной земле», 1959, с. 11).

Распределение исследовательских обязанностей в экспедиции определялось научной подготовкой обоих участников. Вот что об экспедиции пишет Урванцев: «Кроме производства геологических исследований

я взял на себя определение астрономических и магнитных пунктов, топографическую съемку и общее научное руководство работами. Георгий Алексеевич должен был возглавить всю экспедицию в качестве ее начальника и взять на себя метеорологические, ледовые и биологические наблюдения» (1935, с. 17).

Не следует занижать научную подготовку Георгия Алексеевича, поскольку он посещал пять семестров университета во Владивостоке. Несомненно, продолжительное общение с известным исследователем Дальнего Востока Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым (1872–1930) также обогатило его. Кроме того, Ушаков превосходил Урванцева своим зимовочным опытом, как и умением в использовании собачьих упряжек. В связи с этим сам Николай Николаевич признает: «Оленья упряжка и езда мне были хорошо знакомы, и поэтому освоить езду на собаках не составило большого труда» («Таймырский край мой северный». Москва, 1978, с. 142).

Если установление западных пределов основного массива архипелага в первой декаде октября 1930 года с созданием продовольственного склада под будущие маршруты состоялось при участии основного состава экспедиции (за исключением радиста Ходова), то две важнейшие рекогносцировки весной 1931 года выпали на долю Ушакова, что во многом определило развитие событий на будущее.

10–20 марта Ушаков с Журавлевым в условиях скверной погоды, продвигаясь вплотную к берегу справа (топонима острова Октябрьской Революции в ту пору еще не существовало), прошли на восток до мыса Ворошилова, откуда увидели группу островов Диабазовые на Севере. «К северу по-прежнему лежала мгла и мешала рассмотреть берег» («По нехоженой земле». 3-е изд., 1959, с. 148), что не позволяло Ушакову реально претендовать на открытие ни острова Комсомолец, ни пролива Красной Армии. Вернувшись на экспедиционную базу на острове Домашнем, он рассказал об увиденном Урванцеву, выделив в

качестве ориентира мыс Ворошилова. «Он полагает, что здесь и находится северная оконечность Северной Земли, — отметил в своей книге «Два года на Северной земле» Урванцев. — Прикинув на карту даже грубо-ориентировочные данные пути, с этим остался не согласен» (с. 142). Такой вывод был сделан прежде всего из-за разницы в положении по широте — по данным Российской гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана под начальством Б.А. Вилькицкого. Поэтому позднейшие ссылки Ушакова на открытие пролива Красной Армии именно в мартовском маршруте 1931 года не выглядят обоснованными. Однако верным остается то, что Ушаков с Журавлевым первыми прошли практически по всей его длине.

Ушакову с Журавлевым также принадлежит заслуга в первом пересечении архипелага в апреле того же года от базы на Домашнем по долинам рек Подъемной и фиорду Матусевича с последующей привязкой к астропункту на мысе Берга. Два этих маршрута создали предпосылки для последующих походов на собачьих упряжках, в процессе которых была положена на карту вся Северная Земля. Она стала итогом тесного сотрудничества обоих первопродцев архипелага.

УРВАНЦЕВ-ПОПУЛЯРИЗАТОР, И НЕ ТОЛЬКО...

Не касаясь профессиональных публикаций в изданиях Всесоюзного Арктического института и предшествующих экспедиционных отчетов, Николай Николаевич изложил свои взгляды на геологию Арктики в ряде статей, предназначенных для широкого читателя. По этой причине их можно назвать научно-популярными, но по сути они гораздо глубже, поскольку обращены к профессиональным полярникам Главсевморпути, связанным всей своей жизнью с Арктикой, и уже поэтому сохраняют свое значение и ныне, правда, сегодня в значительной мере историческое.

Одна из них — «Геологические работы на Крайнем Севере» из сборника «За освоение Арктики».

В числе других с ней в 1935 году познакомились на Курсах Политуправления ГУ СМП партработники, направлявшиеся на работу в Арктику. Автор на основе собственного опыта и известной информации выделил «четыре района, на которые в первую очередь необходимо обратить самое существенное внимание. Это — Чукотский полуостров, Ленско-Хатангская впадина с месторождениями нефти, затем Енисейско-Ленская платформа и Урало-Новоземельская гряда». Соответственно в первом из перечисленных следовало ожидать месторождений олова, золота и полиметаллов. Помимо нефти второй из отмеченных районов выглядел перспективным на каменный уголь и соль, тогда как третий был уже известен проявлениями угля, графита, а также полиметаллов с содержанием благородных металлов, включая платину. Наконец, «Урало-Новоземельская складчатая зона связана преимущественно с месторождениями полиметаллов (свинец, цинк, медная руда и т.д.)».

Интересно, что среди перспективных на будущее районов освоения полезных ископаемых за Северным полярным кругом Урванцев не отметил нефти Западной Сибири. По мнению Николая Николаевича, успешное проведение геологических исследований должно определяться тремя обстоятельствами:

- 1) высокой производительностью исполнителей (и соответственно ограничениями в численности);
- 2) особым снаряжением и одеждой;
- 3) специализированным транспортом, включая механический.

При этом, как ни странно, Урванцев не оценил дистанционных аэрометодов в геологии, включая аэрофото съемку, хотя начало этому направлению было положено в Арктике уже работами Р.Л. Самойловича во время полета на дирижабле «Граф Цеппелин» в 1931 году.

Несомненный региональный интерес представляет статья «Хатанга — новый горно-промышленный район» (журнал «Советская Арктика», № 1 за 1935 г.). Поначалу он выглядел весьма перспективным, но его промышленное освоение уже в середине

40-х годов XX века прекратилось. Тем не менее в будущем интерес к нему может возобновиться.

Особое внимание Николай Николаевич уделял механическому транспорту в геологических экспедициях за Северным полярным кругом. Свою точку зрения он изложил в статье «Бездорожный механический транспорт в освоении советской Арктики» (журнал «Советская Арктика», № 3 за 1937 г.), в частности на основе собственного опыта 1933–1934 годов, когда на восточном Таймыре было перевезено 573 тонны груза на суммарное расстояние 5374 километра в условиях полярной ночи по ненаселенной местности. Им также проведено сравнение достоинств различных механических средств, например вездеходов и аэросаней. При этом Николай Николаевич также интересовался опытом использования механического транспорта в иностранных экспедициях, в частности в первой Антарктической экспедиции Р.Э. Бэрда в 1928–1930 годах, к советскому изданию книги которого он написал «Предисловие», в котором высказал ряд оригинальных мыслей.

Прощальной для него оказалась статья в «Советской Арктике» (№ 10 за 1937 г.) под названием «Геолого-исследовательские работы на Крайнем Севере в третьей пятилетке», содержащая некий прогноз на развитие геологических исследований в советской Арктике. Прогноз, прямо скажем, не состоявшийся по крайней мере по двум причинам: первая — из-за начавшейся войны 1941–1945 годов, вторая — из-за подвигов органов в части изъятия специалистов в одной из самых наукоемких областей человеческой деятельности. Тем не менее статья по-своему отражает взгляды Урванцева на ближайшие перспективы в геологическом освоении советской Арктики и уже поэтому интересна с точки зрения их оправдаваемости.

На первое место в геологическом освоении арктических территорий Урванцев поставил геологические съемки, начав с оценки достигнутых результатов: «Общая площадь сухопутной (материковой и остров-

ной) части советского Севера до 62° с.ш. достигает 5,7 кв. км. Из всей этой площади изучено настолько, чтобы составить карту в масштабе 1:1 000 000, — не более 12 %, а карту 1:2 500 000 — около 16 %. Что же касается масштаба 1:200 000, то для него имеется материал лишь по отдельным разрозненным площадям в общей сумме менее 1 % » (с. 21–22). Приведенные им цифры тем более показательны, что далее автор переходит к оценкам необходимых затрат сил и времени на эту работу в будущем. «На съемку всей территории советского Севера, за вычетом уже сделанного, потребуется в среднем около 250 геологических партий, а в масштабе 1:200 000 — около 800 геологических партий. Такая работа в течение одной пятилетки, конечно, не может быть выполнена, так как на это нужны огромные средства и такая армия высококвалифицированных геологов-полярников, какой еще у нас нет» (с. 22), тем более с учетом потерь в результате политических чисток. Тем не менее к 1942 году (конец пятилетки) в масштабе 1:1 000 000 можно было ожидать, что съемками будет покрыто более 1 800 000 кв. км (33 % всей территории).

Важно, что в представлении Урванцева, который оставался в то время ведущим полярным геологом, произошло значительное усложнение геологического районирования перспективных территорий всего за два года. Помимо отмеченных им в работе 1935 года добавились следующие: 1) Земля Франца-Иосифа и Шпицберген; 2) Обско-Гыданская; 3) Ленско-Янская и 4) Янско-Колымская области, причем в двух первых областях отмечены признаки нефтеносности, тогда как в двух последних — различные рудопроявления.

КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ОКАЗАЛСЯ ЭЗКОМ

Сам Николай Николаевич не оставил описаний своих мытарств как в годы заключения, так и обстоятельств (и причин) ареста, хотя его судьба была по-своему показательна. Судя по источнику «Репрессированные геологи» (2000 г.), общее количество

представителей этой специальности, пострадавших от советской власти с 1919 года, достигает 970 человек, включая 197 расстрелянных и 83 умерших в заключении. Показателен, например, путь на голгофу В.К. Котульского из Геолкома, начавшийся с ареста в 1930 году и закончившийся гибелью в 1951 году на норильском этапе. Из других представителей старой школы отметим П.В. Виттенбурга, приговоренного в 1931 году к высшей мере, замененной десятилетним заключением. Участник экспедиции Г.Я. Седова 1912–1914 годов М.А. Павлов был арестован в 1932 году, расстрелян в 1938 году в лагере... Большой террор для Арктического института отмечен наибольшими потерями среди ведущих специалистов Чукотки (начальники экспедиции Б.Н. Артемьев, М.Ф. Зяблов, Н.И. Сафронов)... Помимо геологов-полярников жестокий удар был нанесен по специалистам Горного института в Ленинграде, когда 18 февраля 1938 года был расстрелян директор этого института (представитель известной геологической династии) Д.И. Мушкетов, а вместе с ним видные геологи Н.В. Бобков, Б.Д. Дидковский, Н.А. Зенченко, Г.Н. Фредерикс...

К сожалению, материалы 30-х годов XX века позволяют считать, что геологи-полярники порой сами давали повод для вмешательства партийных и чекистских органов, действовавших уже по своим правилам, далеких от интересов науки и страны в целом. Трудно сказать, чем руководствовался сам Николай Николаевич в своем выступлении на совещании партхозактива ГУ СМП 13–15 января 1936 года. Показательным было его начало: «Основной задачей Арктического института является подведение научной базы под задачи промышленного освоения Арктики. Это значит, что в основу по промышленному освоению Арктики нужно положить такой принцип, который дал бы возможность в наискратчайший срок, с наименьшими затратами сил, средств и энергии людей освоить Арктику. Только такая научно-исследовательская работа имеет ценность, только такая работа в Арктике нам и нужна. Так ли работал Аркти-

ческий институт? Товарищ Самойлович уже сказал, что далеко не так...» Тем самым Урванцев дал повод для самой убийственной критики, суть которой заключалась в недостаточно быстрых темпах освоения минеральных богатств Арктики на фоне партийных заклиний «Пятилетку в четыре года!».

В освоении северных районов были примеры как быстрого теоретического и практического освоения территорий (Кольский полуостров, Воркута, Колыма, Норильск и т.д.), так и других, где конкретные условия потребовали многих десятилетий (например, Баренцевоморский и Карский шельфы, Таймырский полуостров). Несомненно, Урванцев сыграл на указанном обстоятельстве, обрушившись на результаты исследований в других частях Арктики: «Работы по изучению Новой Земли носили явно гипертрофированный характер по отношению к остальным работам в Арктике. Это объясняется тем, что на Новой Земле начал работу Институт по изучению Севера, создавались кадры, которые сидели только на одной Новой Земле и только тут видели Арктику... А что наблюдается на Чукотке, почему на Чукотке толкалось много партий, а мало сделано? Потому что они базировались исключительно на местный транспорт, которого нет, и в результате люди или сидели на местах, или работали вдоль береговой линии, не заходя вглубь», и т.д. и т.п.

Иногда на этом фоне Урванцев высказывал странные мысли, как, например, в случае с геологом Серпуховым: «...люди пешком с грузом до пяти пудов за спиной провели большую работу. А что, если бы Серпухову дать другой способ передвижения? Если бы посадить его на вездеход или дать 4–5 хороших лошадей, то он дал бы в четыре раза больше». Пожелание в принципе правильное, но читатель «Территории», вероятно, помнит о кошмарных одиночных маршрутах героев О. Куваева четверть века спустя после выступления Урванцева. Кроме того, наш современник должен знать, что проблема Серпухова заключалась в другом: обнаруженные им выходы оловосодержащих пород позднее не были

найжены на местности не из-за происков троцкистов и зарубежных разведок, а из-за отсутствия надежной топографической основы. Такая ситуация повторялась не однажды и в других местах...

Судя по выступлению Ленинградского политотдела территориального управления ГУ СМП Ершова в поддержку Урванцева и начальника Политуправления ГУ СМП Бергавинова, взявшего под защиту Самойловича, геологи на этом совещании оказались заложниками каких-то сугубо партийных «шашней и козней», которые позднее очень дорого обошлись всем участникам: из названных в живых остался только сам Николай Николаевич... О времена, о нравы!..

Поэтому, мягко говоря, сдержанное отношение к Урванцеву некоторых его коллег (например, проходившего с ним на одном процессе М.М. Ермолаева) понять нетрудно, тем более что судьба отмеченных специалистов поначалу не складывалась в каком-то общем уголовном деле.

О дальнейших отношениях (или скорее отсутствии таковых) двух жертв эпохи большого террора и ГУЛАГа в цитированной выше книге А.М. Ермолаева и В.Д. Дибнера сказано следующее: «М.М. Ермолаев поддерживал близкие отношения со многими товарищами по несчастью, которым пришлось в прошлом делить с ним трудности тюремной и лагерной жизни. Однако, насколько известно, Николай Николаевич не входил в их число: время, проведенное во внутренней тюрьме на Шпалерной, не располагало к воспоминаниям» (с. 396). Увы, к сожалению, нам остается удовлетвориться лишь этим не слишком внятным объяснением...

Возвращаясь к самой личности исследователя Н.Н. Урванцева, думается, что на ней отразились, причем не лучшим образом, все перипетии и жестокости XX века. Все 30–40-е годы над ним висело обвинение в сотрудничестве с режимом «верховного правителя России» эпохи Гражданской войны адмирала А.В. Колчака, которое дорого обошлось полярникам (по иронии судьбы тоже Николаям Николаевичам) Евгенову и Зубову, гидрографу П.К. Хмызникову,

видному исследователю Алтая В.В. Сапожникову и многим, многим другим. Одна из особенностей иезуитской сталинской эпохи состояла в том, чтобы несуществующая вина перед режимом позволяла десятилетиями держать человека в состоянии морального подчинения... Это могли выдержать далеко не все. Николай Николаевич выдержал, но такой ценой, о которой мы можем только догадываться...

Что касается претензий на первооткрывательство норильских месторождений других геологов (еще при жизни Н.Н. Урванцева), то это достаточно распространенная ситуация в среде геологов. В годы Гражданской войны, советской истории были такие изломы судеб людей, развития научных отраслей, которые могут быть в полной мере еще не изучены, но как бы то ни было, они явно не пошли на пользу отечественной науке. Например, в советское время учитывались идеологические и прочие обстоятельства, включая членство в партии. Один пример: лавры первооткрывателей якутских алмазов достались партийцам, а не беспартийному геологу Ларисе Попугаевой... И это не единичный случай... Но это не умаляет роли ученого Н.Н. Урванцева, обеспечившего преимущество исследователей высоких широт разных поколений. Поэтому сегодня эпитафия его знаменитой книги о последних открытиях XX века «Два года на Северной Земле» звучит как завещание последующим поколениям первопроходцев: «Никто пути пройденного у нас не отберет».

Анатолий Львович Львов

Анатолий Львов:

«Никто не посмел их различить. Ничто не различило. А это единственное, что их чуть-чуть пугало».

*Участники экспедиции 1923 года:
Е.И. Урванцева, Н.Н. Урванцев, А.И. Левкович*

«ПОЗНАВАНИЕ ЕСТЬ СЧАСТЬЕ»

Урванцевы стали легендой в Норильске и хорошо известны стране. О них много написано и, конечно, еще будут писать — Елизавета Ивановна и Николай Николаевич того заслуживают. Норильск был для Урванцевых любимым местом на планете, гордостью, святыней.

Они родились в один год и ушли из жизни почти одновременно, на девяносто третьем году. Елизавета Ивановна вдовствовала всего сорок девять дней.

Это интервью записывалось в течение нескольких вечеров. Представьте себе кабинет Н.Н. Урванцева в двухкомнатной квартире дома массивной постройки 1930-х годов по Кузнецовской улице в Ленинграде, рядом с парком Победы. Кабинет тесен. За долгие годы собрана большая библиотека, в основном геологическая. Много места занимает письменный стол, который точнее было бы назвать рабочим: даже в почтенном возрасте профессор был склонен ко всякого рода рукомеслу. Стены завешаны акварелями подарочного происхождения, охотничьим оружием (те стены, что не заняты стеллажами). На видных местах — коллекции камней, фотографии Норильска, разросшийся цветок в кадке (вообще же цветы — балконное занятие)... Кажется, назвал все, если не считать телевизора, который явно не на месте, но другого нет: сидя на диване, приходится поворачивать голову, чтобы видеть экран. Кстати сказать, все перечисленное только потому хоть как-то размещается, что стены кабинета высоки, а окно, оно же — дверь на балкон, — единственное и не отнимает лишнюю площадь.

Я усаживаю хозяев на диван и обращаюсь к ним со словами, соответствующими моменту, торжественными, чтобы настроить участников интервью (вполне осознаю в этот момент — редкостного) на серьезный лад. Не в том смысле серьезный, что все, хватит, никаких улыбок, спокойно, снимаю, а в том, что — вот мой блокнот, не обращайтесь, конечно, внимания, но знайте, что каждое слово будет записано, хотите, не хотите ли, для истории.

«Многоуважаемые Елизавета Ивановна и Николай Николаевич! Совместная жизнь прожита вами если не бок о бок, то на одном дыхании, что куда важнее. Как говаривали в старину, сердца бились в унисон. Вы разделили общую судьбу, временами она вам не благоволила, может быть, испытывала обоих и все же оказалась счастливой. Вы это счастье выстрадали, борясь за него и победив... В вас много общего, но, наверное, немало собственного, непохожего, иначе — это противоречило бы природе, ведь одноименные заряды общего языка не находят, а вы нашли...

Пользуясь давним с вами знакомством и вашим душевным расположением, прошу вас каждого в отдельности ответить на вопросы, подготовленные заранее и интересующие, надо думать, не только меня».

В соответствии с моментом вопросов было задано 85. На некоторые из них я знал ответы и, щадя интервьюируемых, отвечал сам в таком, к примеру, ключе: «Об этом вы писали, Николай Николаевич, а это есть в журнале «Советская Арктика», надо будет найти». Приблизительно половина ответов приведена с точностью или использована в публикациях 1978 и 1983 годов.

И последнее замечание — для будущих биографов. В паспорте Николая Николаевича было записано: родился 30 января. Датой рождения Елизаветы Ивановны считалось 26 сентября. Разными путями, но точно определены истинные даты: в обоих случаях на день раньше, то есть 29 января и 25 сентября 1893 года по новому стилю.

— *Какими вы запомнили своих родителей?*

Е.И.: Мать — очень деловая женщина, правила всем хозяйством, делала все закупки. Очень строгая. Если кто-то взрослый приходил к нам, я должна была встать, поздороваться и выйти. Чуть замешкаешь — мать так поведет глазами... А стала я постарше, не имела права приглашать молодых людей в дом. Они провожали меня только до лавочки у палисадника.

Отец — совсем другой: мягкий, мне товарищ. Я с ним делилась, как с подругой. Очень меня любил... Мать ходила в платках, шляпок не носила; отец, бывало, прифрантится, а мать все работала — без конца.

Н.Н.: Мама — тихая, незаметная. Отец, наоборот, очень общественный, даже, видимо, слишком: и городской голова, и церковный староста, и о школе хлопчет, строит ее, и собственная библиотека, собирание книг время у него отнимает... Вот и проторговался, пошел в приказчики, колы своего дела лишился.

— *Ваши первые прочитанные книжки?*

Е.И.: Первая — «Старушка в башмачке». Как она туда попала, не помню, но было там уютно. И я стала мечтать о маленьком уютном домике. Чтобы в прихожей обязательно два полных ведра с колодезной водой... Потом — Пушкин, сказки, «Онегин», наизусть. «В тот год осенняя погода стояла долго на дворе...» В гимназии много давали наизусть... У тетки, в Екатеринбурге, были все классики, и Санин, и другие теперь малоизвестные авторы.

Н.Н.: «Азбуку» не помню. Читать начал рано. Очень любил энциклопедические издания Брокгауза. Конечно, Нансен — «Среди льдов и во мраке ночи». И о зимовке русских на Шпицбергене.

Я потом проверял по библиографии: в 1897 году, когда Урванцев был четырехлетним Колей, в Петербурге вышло три книги Нансена: «На лыжах через Гренландию», «Среди льда и ночи», «Во мраке ночи и во льдах». Вот из-за кого Урванцев начал бредить Севером!

К этому вопросу Николай Николаевич возвращался и после беседы 1978 года. Из письма в Норильск от 08.03.1983 года: «Большую роль в моей жизни сыграла библиотека отца, два книжных шкафа, доверху набитые книгами. Откуда они взялись? 1. Журнал «Нива» того времени имел приложения — полные собрания всех теперешних классиков (Пушкин, Гоголь, Тургенев, Достоевский и др.). 2. Книги приключений, путешествий, техники и пр. Как они-то попали к отцу? У нас кругом было много помещичьих имений, недалеко — пушкинское Болдино. Имения тогда были уже большей частью покинуты, и отец, разъезжая по делам, заглядывал туда, вероятно, видел оставленные, как ненужные, книги и забирал то, что его интересовало. Так попали в его библиотеку Нансен, Пржевальский, Свен Гедин, Стенли, Карамзин, издания Брокгауза «Горное дело и металлургия», «Жизнь животных» Брема и др. Особенное впечатление на меня произвела книжка Ле Руа «Приключения четырех русских матросов на Шпицбергене»*. Наше промысловое судно зашло на Шпицберген в бухту на ночевку. Четыре промышленника сошли на берег поохотиться и заночевали в старой промысловой избе. Ночью поднялся шторм, судно унесло... Выжили, прожили 6 лет да еще добыли много шкур зверя и пушнины. Ле Руа, французский дипломат, будучи в Архангельске, услышал это, расспросил и записал с их слов. Прочтите, это замечательно, куда там Нансен, Стефансон и Пири!.. На этой книжке должна воспитываться и учиться наша молодежь...»

— *Города вашего детства...*

Е.И.: Большое озеро посреди Кыштыма, на берегу — Демидовский дом. Мост, рыночная площадь, памятник, завод за мостом, домна... Впоследствии еще

---

* *Ле Руа*. Приключения четырех российских матросов к острову Шпицбергену бурю принесенных. В наше время переизданий было несколько, например, с предисловием М.И. Белова, примечанием В.Ю. Визе. М.: Мысль, 1975. — АЛ.

построили нижний, медеэлектролитный завод, где я и работала год в механической лаборатории, когда прерывала учебу в Москве во время Первой мировой. Филипп Антонович Иванов, управляющий, сказал моему брату (он был строителем на том заводе): «Пойди к Егорычу, он ее обучит». А Егорыч-то стал моим женихом... Но что это я! Далеко за детство шагнула! Твоя очередь, Николай Николаевич.

Н.Н.: В Лукоянов мы с Елизаветой Ивановной заезжали в 1964 году, когда совершали большой вояж на своей «Волге»: через Нижний, Арзамас, Лукоянов — на юг. Мало изменился городок. Со всем такой же, как раньше: маленькие домишки, по существу, одна-единственная улица — от площади к реке Теше. Базар под горой, где лавки. А Соборная площадь с казначейством и полицейским управлением — там только вывески сменились... Лукоянов когда-то состоял из «села» и собственно города. Они слились еще тогда, до революции. «Село» занималось хлебопашеством.

— *Теперь, пожалуйста, впечатления отрочества: училище, гимназия, учителя, друзья, соседи...*

Е.И.: Замечательные учителя. Начальницей нашей в гимназии была Елизавета Наркисовна, немка. Очень строгая, но чуть что: «О чем такие горькие слезы?» Она преподавала немецкий и учила аккуратности: «Часы должны спешить на 15 минут». Сама приезжала на лошади минута в минуту и меня к этому приучила. А жила я километрах в пяти, в монастырской квартире, у родного дяди. Он после игуменья был самым главным в монастыре (монашек здесь и на двух заимках числилось 1200). Дядя всем управлял и за это имел бесплатную квартиру из четырех комнат. Как раз напротив дядиных окон было духовное училище, которое окончил дядин сын. Потом — семинарию, академию. Между прочим, Карташев, то есть мой двоюродный брат, дружил с Тэффи, модной писательницей, Розановым, знаменитым журналистом и религиозным философом, который

покоится в Загорске. Когда брат приезжал на каникулы, это был праздник: он хорошо пел, играл на гитаре и камня на камне не оставлял (в разговорах) от царского правительства — так подчеркивал его отрицательные стороны. Сам он относился к партии конституционных демократов и в конце концов, по слухам, скрылся вместе с Керенским (опять я забегая вперед).

Из учителей нелюбимым был математик Гурий Иванович, и то поначалу, когда не ставил мне пятерок. Но студент Малыгин со мной позанимался, и я стала щелкать, как орешки: «Купец купил чаю... продал... Сколько получил прибыли?»

Подругами нужно назвать сестер Мамкиных, царствие им... Одна умерла 17 лет, другая, от туберкулеза, чуть старше... Соня Трутнева, первая парта (плохо видела), отец контору держал каслинского литья. У нее тоже туберкулез — тазобедренного сустава... А дом богатый, гувернеры-иностранцы, выезды в театр (и меня брали).

Никак нельзя не вспомнить нашего батюшки, отца Федора, дочку. Мы с ней, как двойняшки, — редкое сходство! «Я с тем-то гуляла за тебя, так и знай». И такое не раз бывало! Веселая. Братья старшие — студенты, отец — либерал.

Н.Н.: До десяти лет я учился дома, приходила учительница. Церковноприходская школа располагалась далековато, да и не влекла, скучно в ней... Поступая в реальное, сдавал два экзамена. Сначала написал диктант, прочел басню и страницу из книжки вслух, потом решил задачку и доказал знание четырех арифметических действий (таблица умножения — наизусть). Это уже Нижний. Поселили меня на школьной квартире. Немка-аккуратистка, отправив сына, кажется, в Казань, в университет, пустила к себе полдюжины школьников, включая меня. У нее я прожил три года, пока она не покинула город (я переехал к двоюродной сестре). Квартал по

Воскресенской и квартал по Боковой до здания реального училища мог пройти с закрытыми глазами... А водился я со способным парнем Пивницким (след потерялся) и Витей Николаевым (тоже стал геологом, член-коррор, рано умер Виктор Арсеньевич)*. Что касается «моих» предметов, то это, естественно, физика, которую преподавал талантливый человек, Евгений Васильевич Надежин (высокий, слегка горбящийся, весьма возможно, чахоточный в ранней стадии), и математика. Федор Егорович Невский, по прозвищу Фита, окончил не университет, а высшее техническое училище. Зубрить не заставлял, приучил логически мыслить и к порядку. После звонка трое сторожей в коридоре следили за его приближением. «Фита идет!» Застанет не на месте — сразу к доске.

А рядом с училищем — сад. А значит, лапта, городки, «чапки» (ловушки так называются, мы их ставили на деревьях). Ловили чижей, синиц, изредка попадался щегол — это считалось большой удачей, сменять на него предлагали многое. Клетка-самолов состояла из трех отделений: в одном птица для приманки, в другом семечки... интересное занятие! Синицу в комнате выпустишь, она летает, ловит тараканов. А форточку откроешь — фрр, и про-ощай!

Е.И.: А мы под кружку поймаем крысу и железкой разрезаем — препарируем.

Н.Н.: А на пруду — каток. На беговых коньках и в Норильске ходил, напротив ДИТРа.

— *Кто же повлиял на выбор профессии, какие влияния?*

Е.И.: Сестра двоюродная, врач. Но и сама неосознанно тянулась от жалости, от любви ко всему живому.

Н.Н.: Не знаю. (Улыбается.) От любви к неживому? Заставить металл, или дерево, или мотор ожить — это для меня. И подался в механики.

---

* В.А. Николаев (1893–1960), президент Всесоюзного минералогического общества, лауреат Ленинской премии за работу (коллективную) «Основные проблемы в учении о магматогенных рудных месторождениях».

Е.И.: Николай Николаевич в душе остался механиком, не удивляйтесь. Если бы Обручев-старший его не перетянул на свою сторону...

Н.Н.: Не в этом дело. Разве по механической части мало работы в геологии, в любом путешествии, в экспедиции? Ничто не пропадает, ни одно знание-умение. Приходилось делать проекты дымовой трубы, паровой машины, жилого дома — так нас учили в Томском технологическом. И все пригодилось, может, и не впрямую...

— *В 1905 году вам было немного лет, зато в 1917-м в два раза больше. Как и когда вы слышали о ссыльных революционерах, о социал-демократах, о Ленине, о Февральской революции, об Октябре? Символы и антипаты политические, личностные...*

Н.Н.: Как раз в пятом году, пожалуй, я и услышал о политических партиях.

Е.И.: Я тоже — у Карташевых. От них же узнала о ссыльных, но толком ничего не поняла. К тому же отец на время волнений увез меня в Кыштым. Туда прислали солдат-ингушей, зная о нравах заводских. Там же знаменитые волнения бывали!.. А в гимназии, отец посчитал, опасно. Вернее, то, что я в нее хожу через весь город.

Н.Н.: Мы-то бастовали, ходили с красным флагом: «Долой самодержавие!» Училище закрыли надолго, меня забрали домой. Где я и прочел в «Русском слове» про манифест... Февральская же революция прошла мимо меня: самая горячка, чертил листы дипломного проекта — сдавать в апреле. Что помню: толпы, шум, митинги, ликование, а мне бежать в институт. Помню, что особого почтения перед царской фамилией не испытывал. Помню, что полиция разбежалась, и студенты брали на себя охрану каких-то зданий, и меня звали, а я не ходил.

Е.И.: И мы в Москве, где я училась тогда, несколько дней, а может быть, недель не учились, дежурили во дворах — всех жильцов заставляли дежурить.

Царя мне было жалко. И вообще боязно: «Что будет?» Шуму-то много, поди разберись...

Н.Н.: В октябре 1917 года я уже преподавал в училище при Томском технологическом, участвовал в студенческих сходках, вслушивался в то, что говорилось на митингах. Очень яркими фигурами запомнились, несомненно, Александр Сотников, представлявший платформу социалистов-революционеров, и его оппонент, эсдек, по фамилии Коток, оратор, надо сказать, отменный. Один, как вы знаете, был студентом-геологом, другой, не помню точно, химик или строитель, но красноречив редкостно. Ох и спорили они...

— *И кто вам показался убедительнее? Куда вы склонились?*

Н.Н. (несколько смущен): Да, знаете ли...

— *Ну же, Николай Николаевич, нет так нет, но... признаюсь, что ваши недруги, вы знаете кто, рисовали мне страшные картины: Урванцев забрасывает гранатами большевистскую типографию... Прошло 60 лет. В любом случае мне вы можете признаться?*

Н.Н.: Гранаты, конечно, чужь. Скорее уж меня могли обвинить в аполитичности... Если же не уходить от вопроса о политических симпатиях... Вы будете смеяться, но это анархисты. Мне они казались интереснее всех.

— *Не только вам, но и будущему комиссару Дмитрию Фурманову и будущему партизанскому командарму Нестору Каландаришвили... А может быть, вы читались князя Петра Кропоткина, кстати, геолога и географа?*

Н.Н.: К сожалению, я и по сей день не удосужился прочесть «Современную науку и анархию»...

— *Если же продолжить тему «Революция и вы»...*

Н.Н.: ...То нельзя замолчать одно неизгладимое впечатление. Открываю городскую газету «Томская

жизнь», а в ней напечатана поэма Блока. «Двенадцать» ругали на чем свет стоит те, кто революцию не принял, в ней же находили отражение собственного представления о «бандитизме» революции — «ко всему готовы, ничего не жаль». Я же был в восторге от поэтических средств, очень сильных, выражения нового духа...

Е.И.: «И старый мир, как пес голодный, стоит за ним, поджавши хвост...» Я это тоже помню, хотя ассоциации у меня, прямо скажу, сугубо личного свойства... Первая зима после революции. Где-то на улице познакомилась с одной дамой. У нее на Петровке, в переулке, свое кафе. Чем уж я понравилась, не знаю, но предложила она мне работу. И, представьте, не смогла подавать пирожные! Деньги суют, свидания назначают, а у меня совсем другие планы! «Старушка убивается, плачет, никак не поймет, что значит...» «Трах-тарарах! Ты будешь знать, как с девочкой чужой гулять!..»

— *Кого из политических, общественных деятелей этого времени вы знали, видели, слышали — где?*

Е.И.: Я — никого. Позже — да: Луначарский, Семашко, Губкин, Шмидт...

Н.Н.: Близко видел Колчака. Рассказывали мне о нем Бегичев и моряк, инженер-механик с миноносца, тоже с ним служил. Колчак ведь командовал флотилией миноносцев (по ВСЭ — минной дивизией. — *А.Л.*) до перевода командующим в Севастополь... Смелый, решительный, прекрасный был командир. Панику наводил в немецких гаванях. Черт его попутал...

— *Допустим. Тем не менее и много лет спустя, даже через полвека после того как адмирал отдал душу богу, блюстители «правды» исторической продолжали называть вас колчаковцем...*

Н.Н.: Пусть это останется на их совести. Есть такие люди. Хлебом их не корми, дай кого-нибудь очернить. Между прочим, они прекрасно знали, что по зрению я и не мог быть призван ни в какую армию.

А что работал в Сибгеолкоме во время Колчака — это факт. Что первый раз в Норильске был с посланцем адмирала Сотниковым — вы меня «уличили». А что делать! Пришлось взять грех на душу, да и требовали этого от меня. Пиши, говорят, что послан на Таймыр Лениным. Я и написал. А потом формулировка «устоялась». Вот и вышло, что Урванцев...

Е.И.: Что ты себя клянешь, Николай Николаевич! Не ты один оказался в таком положении. Говорили «надо!». Надо — значит надо. Душой ты чист, как ребенок. Это я лучше, чем кто-либо, знаю.

— *Если вас интересует моя точка зрения... Нужно быть очень уж ограниченным человеком, чтобы ставить в вину (!) через много лет, когда на прошлое смотришь с высоты, даже службу — верой и правдой — кому бы то ни было... Не искупить только безвинно пролитой крови... Хватит пока о злом. Еще один вопрос, обросший домыслами: как все же вы встретились, нашли друг друга?*

Е.И.: Я работала «журналисткой» — так называлась моя должность в Аэрофлотопарке, на Сущевской улице в Москве. Секретаршу заменяла, экспедитора (знаю толк во всяком товаре!). В Новониколаевск добралась, а дело у меня в Бийске, где живет родной дядя. Еду с одной врачихой, ей в Барнаул. Поезд на Алтай ходит два раза в неделю, сегодня, нам говорят, уже ушел... Сдали вещи, пошли налегке к родственникам моей спутницы. А там никого: уехали в Томск за продуктами. «Где же обедать?» — «Здесь рядом вдова пристава... Самого-то расстреляли, а у нее четверо девочек на руках, разрешили ей открыть столовую».

Я пришла обедать. Со мной за столом стало восемь человек. Прошла, поздоровалась. Его я сразу заметила. А он меня нет. Сидит себе, жует. Серьезный такой, ученый, пенсне... Хозяйка почему-то мне обрадовалась. Говорит: «С КВЖД привезли бутылочку, не жалко выставить». Сидим, обедаем, познакомились. Штырин, помнится, из североенисейской тайги, На-

следов, Урванцев... А я — Найденова. Выпили по рюмочке. Вдруг вижу: очкарик мой встает для тоста. Так, мол, и так. «Будет эта женщина мне женой». Все хохочут, кроме него. Сосед Борис Николаевич спрашивает: «Так вы давно знакомы?» — «Пять минут». — «Объясните же!» — «Доливайте». И совершенно серьезно выступает: ему, видите ли, предстоит большая жизнь, и он знает, что со мной ему будет хорошо.

Н.Н.: А по-моему, это был ресторан. Компания томских геологов возвращалась после сезона в золотоносной тайге. Познакомились. Я им рассказывал про Север, найденную почту Амундсена... И она слушала. Она мне понравилась. Подходящая, думаю, жена... А вопросы я в ту пору решал очень быстро. Еще три дня мы встречались... возможно, что и поднял рюмку, сказал тост, но не сразу. Точно помню: унты, пыжиковая шуба, переполнен впечатлениями пясинского плавания, некоторые неудобства — так стерта кожа «мадам Сижю»... Я мечтал об экспедиции крупного масштаба, понимал, что северными кладами надо заниматься всерьез. И рядом видел друга, жену, товарища, спутника, именно такого человека, в котором интуитивно почувствовал родственную душу.

Е.И.: Я же всегда мечтала путешествовать, это соответствовало моей натуре. Но я ему сказала: «Мне надо окончить институт». «Да», — сказал он.

Н.Н.: Это позже. В ее пользу говорила удивившая меня самостоятельность: в тех условиях одной поехать по делам из Москвы в такую даль... Однако мы разъехались, как и где встретиться — не договаривались, но адрес она оставила. В Томске меня, кажется, уже ждала телеграмма из Петрограда: «Нашли платинойды приезжай для организации разведочных работ».

— *Интересно, «вся жизнь была залогом свиданья первого»? Может быть, жизнь духа?*

Н.Н.: Для меня главной книгой стало в тимирязевском переводе и его же изложении «Происхождение видов» Дарвина. А перечитывать любил Мамина-Сибиряка, Пушкина, Лермонтова, Чехова.

Е.И.: Я писателей делила на нужных для жизни и для души. Толстой, Чехов, Тургенев, Мамин-Сибиряк — для жизни. Пушкин — для души.

— *Музыка и вы.*

Н.Н.: Я не получил музыкального образования. В школе не преподавали даже хорового пения. Мамаша делала попытки обучить сестер — дома стоял рояль, но не привилось. И только в старших классах реального училища стал ходить в оперу: «Жизнь за царя», «Фауст», «Князь Игорь»... Жалею, что не учился. Серьезных музыкантов среди зимовщиков не встретилось. Так что вершиной для меня было дирижирование (размахивание руками) исполнением песни «Славное море, священный Байкал» на Нулевым пикете.

Е.И.: Дома рояля не было, но ходила к учительнице пять лет. Недоучилась. Жалею. На фронте, случилось, километров за семь, с фонариком, отправлялась слушать баян. А если где-то концерт... Идешь лесом, лесом, черт знает в какую даль, куда-то за офицерский полк, хорошо, если назад подвезет попутка... Без музыки можно прожить месяц, два, ну три, а дальше как жить?

— *Ваш первый совместный адрес?*

Н.Н.: Петроградская сторона, Большой проспект, квартира геолога Нестора Кулика (Леонид, брат его, занимался тунгусским метеоритом).

Е.И.: А в 1924-м, когда вернулись из Норильска, остановились у Юры Бологова, бухгалтера с фабрики «Торнтон». Угол Пушкарской и Зеленина. Сняли две комнаты — 102 квадратных метра! Правда, и Корешков (из первых норильских зимовщиков. — А.Л.) жил у нас.

...И не только Корешков.

Еще и Григорий Васильевич Найденов, муж Елизаветы Ивановны.

...Виджу-вижу, как поползли вверх брови, захлопали глазами: «Какой муж?!»

Первый. А у Николая Николаевича были жена и ребенок, когда он встретил Елизавету Ивановну. И ничего в этом удивительного, если подсчитать, что было им в свадебном путешествии на Таймыр по тридцать. Скорее удивительно другое: что они нашли друг друга и не расставались — в мыслях и душах — больше 60 лет.

Да, по молодости не обошли их стороной ошибки — не нам искать виновных, да и ни к чему уже, и некому судить. И может быть, допускаю, мнение, что не наше с вами дело, и т.д. Вот и фильм недавно показали «История одной любви», где ни слова...

А как же насчет правды, даже самой неудобной? Да и не были против ее оглашения ни Елизавета Ивановна, ни Николай Николаевич. А возможные слухи и пересуды вас не пугают? До меня они уже дошли, родственники постарались, ущемленные в некоторых своих интересах.

...Лиза Пискунова выходила замуж по любви. За человека зрелого, положительного, интересного — и не сказавшего о своей болезни, которая не давала ему морального права заводить семью. Тем не менее молодая жена искренне и нежно заботилась о человеке, с которым свела жизнь. Чтобы спасти его, беспомощного, в голод 1920 года, она, в очередной раз бросив учебу, устроилась в пекарню за мостом у Брестского вокзала. Работницам разрешали сверх нормы брать поломанную или пережженную буханку, а в обмен солдатики платили сахаром, а то и маслом.

Григорий Васильевич давно уже был прикован к постели, когда с его разрешения в доме появился Урванцев. Был тихий мужской разговор, потом развод и регистрация нового брака. Найденова стала Урванцевой, Урванцев пропадал по экспедициям, возвращался, зная, что под его кровом, в его семье есть больной, за которым надо ухаживать, что Лиза никогда не отказалась бы от этих забот, какими бы тяжелыми они ни были, что будет нести этот крест столько, сколько судьбой уготовано. И как только мог, помогал ей, а в душе росло и крепло

беспредельное уважение к этой женщине, которая в столь сложных для нее обстоятельствах не теряла ни бодрости, ни оптимизма, ни достоинства. Об этом не говорилось вслух, но ситуацию проще всего можно было определить так: под одной крышей находились любящие супруги и больной, обреченный ребенок.

Так продолжалось восемь лет. А потом, до конца жизни, Урванцевы ухаживали за могилой Найденова.

Хотя был и длительный перерыв, о котором тоже рассказывается впервые.

Прошу прощения у читателя, но начну с автоцитаты времен «безгласности» и порожденной ею вынужденной словесной эквилибристики: «Были в жизни Николая Николаевича такие годы, что и недругу не всякому пожелаешь... Она оставалась его ангелом-хранителем, его добрым гением, его силой, его светом. Если бы не она — мог бы и не выжить. Разделив беду на двоих, поровну, — выстояли, выдюжили».

За ним пришли, как и за другими, ночью. Утром она помчалась искать следы, объяснять, что произошла ошибка, уговаривать. След обнаружился не сразу, зато близко: у Финляндского вокзала, в тюрьме, именовавшейся Кресты. «Надо отметить, что в очень приличном обществе, — шутил как-то Урванцев, обычно не любивший вспоминать этот период своей жизни. — В одной камере с профессором Бергом».

Аксель Иванович, ровесник Урванцева, выпускник Морского корпуса, штурман подлодки в Первую мировую, командир подлодки в Гражданскую, «Герой труда отдельного дивизиона подводных лодок», в 1933 году, окончив еще два военно-морских учебных заведения, преподавал в ленинградских вузах, одновременно занимаясь электронными ламповыми генераторами, радиопеленгованием, радиолокацией и прочими вещами. Чей-то здравый смысл взял верх, и уже в 1943 году А.И. Берг стал заместителем наркома электропромышленности и членом-корреспондентом АН СССР. Более естественно,

---

что вскоре он стал академиком, а сразу после смерти Сталина — заместителем министра обороны. Крупнейший специалист по кибернетике, автоматике, программированному обучению и пр.

Урванцеву тоже повезло, но в меньшей степени. Поначалу все складывалось неплохо. За высоким зарплатом он стал работать в закрытом проектном бюро, между делом придумал подачу пушечных снарядов в ствол рычагом, на досуге выращивал цветы на клумбах (рассаду по его просьбе передала Елизавета Ивановна). Наконец, отличился примерным поведением и заслужил свидание с женой!

Все хорошо, но все же увезли.

Ей дважды показывали ордер на ее арест: «Если не перестанете ходить и мешать работать...»

Не перестала. Сжалившийся (или потрясенный упорством ее?) офицер НКВД, рискуя многим, подсказал ей район поиска: Пермская область. Шел год 1938-й.

...Хотите — верьте, хотите — нет, но она опять нашла его.

Клинику глубокоуважаемого профессора Джанелидзе оставила сразу после ареста мужа, чтобы не подвергать шефа лишней опасности. Кто-нибудь обязательно заметил бы, что Иустин Ивлианович «пригрел» жену врага народа вместо того, чтобы «окружить презрением». И не помогли бы великому хирургу (в 1913 году он первым в мире успешно зашил рану восходящей аорты) ни земляки-самтредцы, ни исключение из Харьковского университета за участие в студенческих волнениях 1905 года... Через год профессор станет главным хирургом ВМФ, потом академиком, генерал-лейтенантом, Героем Социалистического Труда, председателем правления Всесоюзного общества хирургов...

Вполне возможно, именно она спасла учителя своим уходом.

Совершенно точно, что спасла мужа, отправившись в Соликамск и «ревизуя» один лагерь за другим. Это

отдельная история, но не через десять лет, а через восемь месяцев он вернулся домой.

Чтобы через полгода исчезнуть снова. «Пересуд» оказался милостивее — ему предстояло пребывание в лагерях в течение шести лет. На этот раз его повезли «с милого севера в сторону южную». Исколесил всю Среднюю Азию, прежде чем осесть в Актюбинске. Может быть, не все знают, что «белые холмы» славятся не только табунным коневодством и разведением верблюдов, а, среди прочего, никель-кобальтовыми рудами... «Есть что делать, — думал Урванцев. — Только бы оставили в покое, не трогали больше с места».

Больше всего боялся, что вспомнят о его экспедициях 1920-х годов: «Ах, он знает Норильск...»*. Климат приаральских Каракумов, Тургайского плато, Устьярта да и Туранской низменности курортным не назовешь: суховеи, пыльные бури, холод, жара, метели... Но светит солнце.

В Норильск его доставили посреди 8-летнего срока, посреди полярной ночи, в декабре 1942 года. Представить себе, что его немедленно расконвоируют, дадут работу практически на выбор, что все ближайшее лето он будет дышать... нет, не воздухом свободы, но чистым тундровым воздухом на Дудыпте, а следующим летом — руководить маленьким отрядом в шхерах Минина, а еще через год (победа и освобождение!) его пригласит в Москву Завенягин и предложит остаться в Норильске, еще поработать, пока есть силы, заменить

* Не вспомнить было невозможно. Достаточно открыть популярный естественно-исторический журнал, издаваемый Академией наук СССР под названием «Природа», за 1937 год: Содержание. Приговор суда есть наш приговор?... Акад. О.Ю. Шмидт. Зачем мы стремимся на полюс... Проф. В.Ю. Визе... Проф. Н.А. Молчанов... Проф. Н.Н. Урванцев. Советский Север и его горные богатства... «К первому типу относятся сульфидные медно-никелевые с содержанием платиновой группы месторождения... Среди медно-никелевых в первую очередь следует назвать Норильское, в 75 км на восток от с. Дудинского, на р. Енисее, по запасам и содержанию стоящее на первом месте в Союзе среди месторождений подобного рода...»

А.Е. Воронцова в должности начальника геологического управления комбината.

Нет, такого он представить не мог.

А я в эту минуту казнюсь вопросом, который не задал вовремя: неужели вечер 29 января 1943 года Николай Николаевич Урванцев провел на барачных нарах? Или задержался на работе и кто-то из сотрудников вспомнил и должным образом подготовился? Или Николай Николаевич Зенгер, тезка, новый друг и глубоко порядочный человек, пригласил к себе домой и 50-летие свое Урванцев отметил за столом у Зенгеров?..

Не ждите ответа.

Последняя цитата. Из старого очерка: «...прошли с госпиталем от Кольского полуострова до Одессы и еще пол-Европы. В тундру, в Норильск, к мужу, капитан медицинской службы с боевыми наградами на гимнастерке прилетела из австрийских Альп»*.

Все — правда. Но есть возможность кое-что уточнить. Не было на гимнастерке орденов. Только медали. Потому как...

Е.И.: Ну что вы! Жена репрессированного — разве можно... Как приходит в госпиталь новое политруководство, я рапорт пишу, что так, мол, и так, не забываете, кто с вами рядом людей режет... Забывали, конечно! Хотя и дураков хватало: «Держите с ней ухо остро».

Продолжим интервью с 85-летними Урванцевыми.

— *Какими вам видятся нынешние 20–30-летние?*

Е.И.: Пьющими.

Н.Н.: Работящих, способных ребят достаточно. Общий культурный уровень стал ниже. Как мне кажется. Я сравниваю с 1920-ми годами... Молодежь была шире,

* «Елизавета Ивановна», в «Заполярной правде» от 26 сентября 1978 г. А также в сборниках «Полярный круг» (М.: Мысль, 1980), «Семья» (Свердловск, 1983).

разностороннее образована. Прежде всего виновата школа, ну и, конечно, все общество. Какие-то проблемы, впрочем, есть, судя по газетам и телевидению.

— *Какие газеты вы предпочитаете?*

Н.Н.: Новости — в «Ленправде». Одно время нравилась «Комсомолка», а теперь стала какой-то приглаженной. Зато «Правда» выпрямляется. Особенно интересен хозяйственный раздел: очковтирательство, погоня за планом, а не за качеством, взаимоотношения смежников, болезни нашего сельского хозяйства... В «Советской России» свои плюсы.

Е.И.: «Медгазета» какая-то не медицинская: не дает последних данных, скажем, по щитовидке... А самая хорошая газета, которая была, это «Известия», пока Аджубея не сняли. Столько там писали для семейного чтения — как нигде!

Н.Н.: Из журналов — «За рулем», «За безопасность движения», «Природа», «Наука и жизнь», геологические, медицинские.

— *Телевизор включаете?*

Оба: Редко! (*Заулыбались.*)

Н.Н.: Времени на него не хватает. Но программа «Время» — это обязательно. По возможности — «В мире животных» и «Клуб кинопутешествий», спорт, прежде всего гимнастика, спортивная и художественная, все об Анатолии Карпове...

Е.И.: Из художественных фильмов запомнился по Чехову «Дама с собачкой».

— *То есть можно сказать, что телевидение для вас больше источник информации, чем...*

Е.И.: Безусловно. Времяпровождения у постоянно включенного экрана я ни понять, ни простить не могу. И Николай Николаевич тоже.

— *Что для вас выезд за город, рыбалка, охота?*

Н.Н.: Охота? Отдушина, отдых на природе и сама природа. С малых лет. Любим ночевать у костра, неделями жить на кордоне, — и это осталось. Стрелял

мало, очень мало добывал птицы и зверя. Наблюдал за природой — что может быть увлекательнее!

Е.И.: Если говорить о последних десятилетиях... В субботу выезжаем (я на «козлике», ГАЗ-67 не раз спасал всякие там «Победы», вытаскивал из лощины, из грязи), возвращаемся в ночь с воскресенья на понедельник. Компания подбиралась интересная — из Политехнического, Лесотехнической академии, геологи-полярники. Были постоянные места нашего обитания. Утром пьем чай — и на моторку. До обеда рыбачим, после ущицы — прогулка. Вечером любим-ся утками, чайками.

В охоте самое интересное — выследить. По молодости, в норильской тундре, любила пострелять, поразить своей меткостью. А с годами все видится по-другому. Дай-ка, думаешь, упущу этого зайца... Мы никогда не привозили много дичи, рыбы: один-два тетерева, зайца-другого, несколько рыбок раздашь по знакомым. Главные трофеи — то, что увидишь в лесу, то, что услышишь из уст знающего человека. Интересных людей слушаешь у костра — такое удовольствие испытываешь.

— *Ясно, что Ленинград не любить нельзя. А что — в Ленинграде, самые «ваши» места — какие?*

Н.Н.: Понятно, Невский, Дворцовая набережная у Дома ученых. Вид на Петропавловскую крепость, слева — Академия, Биржа. Но я люблю и наш Московский проспект, и «драную» Лиговку...

Е.И.: А Васильевский остров, где прожито двенадцать лет! А набережная у Горного института!..

— *А далеко от Ленинграда? Где побывали, где понравилось, где хотели бы побывать?*

Н.Н.: Каждое место имеет свои выгоды, свою красоту: Алтай, Кузнецкий Алатау, Байкал, весь наш европейский юг, Прибалтика... Мы ведь много отпусков подряд наматывали по десять тысяч километров. И средняя полоса, и Чехословакия... Средняя Азия осталась: дороги там хорошие — мы уже плоховатые... И Дальний Восток.

Е.И.: Для меня незабываемо впечатление от Алтая: верхом проехала его, 1913 год... Нравится много мест и в Европе: от Петсамо до Адриатики.

— *Если бы я спросил о северах, что бы вы назвали?*

Е.И.: Маточкин Шар, пролив Вилькицкого — как немного людей представляет, какая это красота!

Н.Н.: Лама.

— *А какие пейзажи более всего трогают душу?*

Н.Н.: Подмосковные. Нечерноземье. Березовые колки, перелески, бесконечная нива, луга... Видимо, потому, что ландшафт этот привычен с детства. Родина всегда милее... Всего лучше отразил ее Левитан.

Е.И.: Согласна.

— *Напрашивается несколько сентиментальный вопрос: любимые цветы, деревья, камни.*

Е.И.: Астры.

Н.Н.: «Поздние гости отцветшего лета...»

Е.И.: А у него — левкой... Дерево? Береза.

Н.Н.: «Печальная береза у моего окна...» Я бы тоже назвал березу. Камни? Пожалуй, изумруд. Рубин грубоват, изумруд — тонкий, легкий.

Е.И.: Хризолит. Имеет сразу два цвета: золотой и зеленый. Ах, вообще уральские камушки...

— *А что вы цените в людях?*

Е.И.: В других или в себе? Впрочем... Мне нравится, когда человек ощущает труд как удовольствие. Для меня это так, должна благодарить профессора Джанелидзе. Он учил: многое зависит от мелочей, значит, мелочей не существует, все важно. Правильное освещение, положение больного... Горло болит? Мало ли что! А ну-ка разденься! Смотрю — сыпь, сифилис, вторая стадия. А ее от ангины лечили, температура держится... Или: сидит дядя с чалмой на голове, еле дышит, пульс ужасен, температура 39. Жалуется на головную боль. «Снимите полотенце!» Там рожистое воспаление, а никто и не взглянул под чалму. Вот тебе и мелочь.

Нет такого понятия — мелочи. Создай условия, продумай, что и как будешь делать, — получишь удовольствие от работы. От стряпни, даже если это не твое хобби, от стирки ли... На 82-м году купила стиральную машину — как интересно! А гладить всегда любила... И Николай Николаевич ценит труд...

Н.Н. (после минутного молчания): Две стороны у человека — душа и тело. Тело ценит движение. Душа же моя ценит ум и человечность в слиянии. Потому что умный может быть злым, а хороший человек — дураком.

— *Есть люди, с которыми вы поддерживаете добрые отношения уже несколько десятилетий?*

Н.Н.: Иных уж нет... Но, слава богу, есть Зенгеры, Корешковы, Барковские... Да, вы могли не слышать: к Барковским мы ездили за Енисей — покупать у них селедку. Они летом рыбачили на Левинских песках. А потом жили в Красноярске, в Омске. Он умер, она жива, сын — профессор, дочь в Красноярске...

— *А с коллегами?*

Н.Н.: Тут сложнее... За полвека человек обязательно проявит себя с наилучшей стороны. Хорошо, если это можно простить. Но, скажем, с интриганом работать еще можно, а быть близким, дружить семьями — вряд ли...

— *Самое время критично оценить себя и человека, с которым столько прожито и пережито... Если, конечно, есть настроение...*

Е.И.: Во-первых, путает «право» и «лево».

Н.Н.: Потому что левша. Приучил себя работать и правой, но камень бросить, палку — удобнее левой. Видимо, у левши слегка смещено представление о деятельности двух половин мозга.

Е.И.: Характер не из легких.

Н.Н.: Я горячий. Часто признаю: «Погорячился». Однажды в Норильске запустил в нее книгой, вспышка! — и проходит.

Е.И.: А я молчу. Упрямая. Поэтому крупных ссор не было. Некоторые, я знаю, месяцами молчат. Он же, как человек разумный, дает себе оценку. Через пять минут дает: «Я не прав».

Н.Н. (с улыбкой): Властолюбивая женщина. Хочет, чтобы все было, как она хочет. А я иногда не уступаю. Тут и случается... коллизия. Но все это измеряется часами.

Е.И.: Минутами.

— *Как изменялись черты характера с годами (дайте самооценку)?*

Е.И.: Стала добрее. Маленькой была посердитее — росла среди мальчишек. Но жизнь учит... Сноха избила кота, забравшегося в цветы, которые мы поливали. И я поняла, что она злая, кот ни при чем, нельзя быть жестоким.

Н.Н.: В сторону, пожалуй, улучшения. Стал более терпим.

Е.И.: Мое влияние!

Н.Н.: Не то чтобы уступчив, но более снисходителен к чужим слабостям и недостаткам. Не так остро их осуждаю. Чаще вспоминаю выражение мадам де Сталь: «Понять — значит простить». Конечно, с годами понимаешь больше...

Е.И.: ...И жизнь, и людей, и что добро, сделанное людям, возвращается к тебе. Не пропадает! Жаль, не до всех это доходит...

Иду на лекцию в институт, первокурсница. Начало осени. Вижу: у тополя сидит и задыхается старичок. Подхожу: «Отвезти вас, мил человек, в скорую помощь?» — «Нет-нет, домой». Нашла извозчика. Села, он, обмякший весь, на меня, я его обняла, привожу по адресу (Пресня). Дом хорошего достатка: горничная, кухарка. Внесли мы больного, я вызвала врача, врач сказал: «Стенокардия». Ухожу. Но, видимо, меня расспросили, кто, откуда, где живу, ибо в ближайшее же воскресенье под моим окном останавливается извозчик. Дочь больного, работающая в знаменитом магазине готового платья

«Мюр и Мерилиз», слушать не хочет никакого отказа, везет меня на обед и по дороге торжественно обещает: «Я обязательно научу вас одеваться».

Короче говоря, действительно преподавала мне основы этого искусства, изученного ею в Париже и Вене. Приглашала на примерки, сшила мне бесплатно юбку-солнце, купила мне желтые до колен ботинки... Но ведь главное не это. Главный урок, или рецепт, который я запомнила на всю жизнь: «Скромность прежде всего. Ничто на вас не должно кричать, обращать внимания прохожих, бросаться в глаза. Надо выбрать свой стиль и знать, что вам идет. И никому не нужно много одежды! Лучше иметь два хороших платья, чем двадцать любых!»

Много лет спустя... В 1936 году едем по гати на охоту. В тот раз с нами были профессора Цензерлинг, Буш, еще кто-то. Егерь наш Митрич, лет шестидесяти, кроткого нрава, стесняясь и прокашливаясь от сухости во рту (неудобно ему, что отвлекает от дела): «Жензина тута страдает. Не посмотрите ли?» Как можно не посмотреть, если страдает кто-то!

Баня по-черному. Вырез в двери, затянутый тряпками. «Здесь и живете?» — «Здесь и живу». Из Ростова. Брошенка с двумя детьми. Страшный фурункулез, нужны перевязки, чистота... Мы гоняемся за птичками с собаками, а она здесь погибает... Посылаю профессоров за председателем колхоза. Приходит: «А что мы можем? Есть, правда, рига пустая». — «Сколько?» — «Двести рублей». Быстренько собрали, еще шестьдесят плотнику, остальные, обещал, доделают миром.

Проходит месяц — получаем неожиданный гононар... на всю затраченную сумму. Вы знаете, что дочь академика Карпинского, Евгения Александровна, была замужем за Иннокентием Толмачевым. Александр Иннокентьевич, внук Карпинского, биолог, который был в 1928 году на Таймыре, написал книгу, а предисловие к ней — Николай Николаевич. Он и забыл давно, а тут на тебе, деньги...

— *Значит, делать добро людям — прибыльно?*

Е.И.: Всегда!

— *А о чем в жизни приходилось жалеть? Может быть, о каких-то нереализованных возможностях, способностях?*

Е.И.: Мы уже говорили... Жаль, что серьезно не училась музыке. Целый мир остался в стороне: филармония, опера, домашнее музицирование.

Н.Н.: «Не жалею, не зову, не плачу...» Если бы спросили: «А хочешь снова, всю жизнь?» Хочу. Снова. Все-все, без исключений. Все, что происходило, было естественно для моего характера, сложившихся обстоятельств, для социальных условий, для моей среды.

— *Чем гордитесь более всего?*

Н.Н.: Норильском.

Е.И.: А женой? Раньше он отвечал: «Женой...» А я — тем, что врач не по названию, а по призванию. Что люди это оценили. Что продолжаю помогать, чем могу.

— *Что не удалось в жизни?*

Н.Н.: Не открыл еще одного Норильска, поужнее. Мне кажется, он есть, в районе Курейки.

Е.И.: Многого не сделала. Мало пользы принесла. Мало в ГАИ работаю — на общественных началах, тем более. Меня это беспокоит, волнует: не обленилась ли? Да! Так и не получилось у меня кругосветного путешествия. Или хотя бы слетать в Америку...

Н.Н.: Нет, я бы предпочел водой, на собственной яхте, не спеша, с заходами в интересующие меня порты и страны.

— *Примерный маршрут?*

Н.Н. (загораясь): Ленинград—Балтика—Лондон—Париж—Испания—Средиземное море—Каир—Нил—пирамиды—Марокко—западное побережье Африки—юг Африки—через Атлантику в Нью-Йорк—Бостон—Южная Америка—Антарктида—Австралия—по Тихому в Сан-Франциско—Аляска—Камчатка—Япо

ния—Китай—Сингапур—Индокитай—Индия—через Индийский и Суэц в Одессу...

— *Ваш вариант кругосветки принимаю. Ну и — «если» б не было такой земли — Москва?*

Е.И.: В Югославии народ хороший.

Н.Н.: Нет, мне экзотику подавай: какие-нибудь острова в Средиземном или в Атлантике, не слишком далеко от Испании.

Е.И.: Это все шутки да сказки. Ничего нам, кроме Норильска, не надо. Ни о чем больше не мечтаем...

Н.Н.: «Ближе к ближнему пределу мне б хотелось почивать...» (Всплакнул.)

— *Немедленно прекратите! Как не стыдно! (Еще минуту — в том же духе.) Лучшие скажите, каким вы его видите, этот Норильск, скажем, в 2000 году...*

Н.Н.: Столицей большого края — со всеми вытекающими последствиями... Строить там по экзотическим архитектурным проектам — бессмысленно. У северян должны быть сильные характеры. Именно Север выковывает людей. Архитектура же «колпакового» типа изнеживает и развращает.

Е.И. (трижды утвердительно кивает): **Согласна.**

— *Чувствую, несколько утомил вас... Осталось невыясненным: что же такое счастье?*

Е.И.: Я вам так отвечу. Вчера встретила женщину. У нее умер муж. И жизнь остановилась. Она ничем не интересуется. Жизнь все удаляется и удаляется...

Пока человеку жизнь интересна, он живет, живет — появляются интересы, самые разные. Если жить очень интересно — это счастье... Раньше мы этого не замечали, а теперь понимаем. Без писем, газет, общения нет счастья.

Н.Н.: Постоянное познание есть счастье. Вчера я прочел про фоторецепторные клетки. Глаз, оказывается, часть мозга, вынесенная наружу. Не примитивные «колбочки» и «палочки», а мозг! А сегодня я вам буду читать наизусть Фета и, может быть, что-то почувствую впервые... А завтра мы отправимся к

Товстоногову (если принесут обещанные билеты). Познание в науке, в искусстве, новые знания о жизни, о людях — счастье и есть.

***

Беседа записана летом 1978 года. Чета Урванцевых после этого еще побывала в Норильске, была счастлива видеть свое пристанище 1923 года и 12-этажки, «Надежду» и «Октябрьский», восторг в глазах пионеров и новые танцы под цветомузыку в дискотеке на Молодежном проезде.

Николай Николаевич делился:

— Привез доклад о Северо-Сибирской никеле-носной области, которая делится на две провинции, Таймырскую и Енисей-Хатангскую, отделяемые так называемым прогибом. Общая площадь — один миллион квадратных километров... Ждут начальника краевого управления. Будем обсуждать планы геологов на 11-ю пятилетку.

Елизавета Ивановна восторгалась:

— За пятилетку столько настроили! А я еще не забыла санки, в которых возили уголь из верховьев Угольного ручья, до того как он разделяется на Большой и Малый, есть борт, к нему легко подъехать на нартах и кайлить. То есть был борт, а потом заложили штольни. А я ходила по ручью стрелять куропаток.

...До чего они не дожили, о чем оба мечтали?

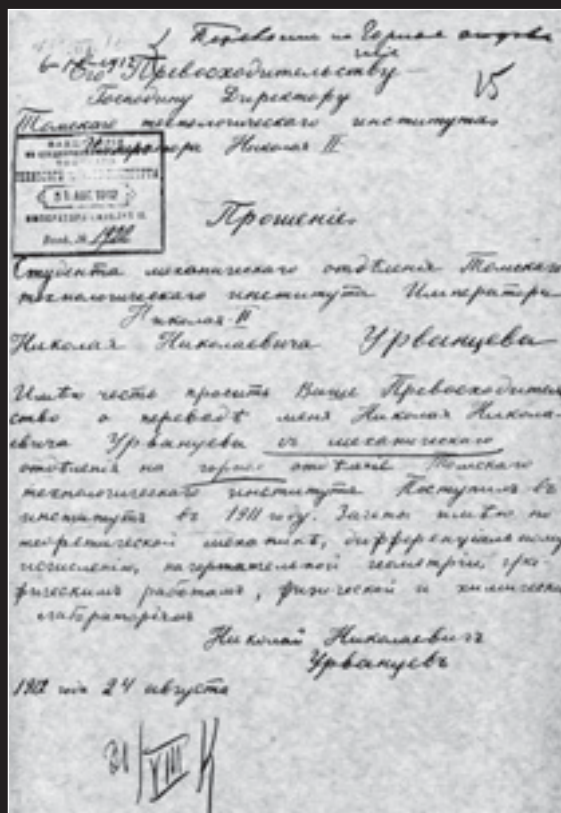
Была такая мечта: приехать в Норильск из Ленинграда по железной дороге. Все остальное осуществилось.

Жизнь продолжается. Никто не посмел их разлучить. Ничто не разлучило. А это единственное, что их чуть-чуть пугало.

Владимир Иванович Долгов. 2007 г.

Владимир Долгов:

*«И при этом Николай Николае-
вич Урванцев так и остался для
меня загадочным человеком».*

Николай Николаевич Урванцев. Нижний Новгород

Мой устойчивый многолетний интерес к Николаю Николаевичу Урванцеву родился случайно и неожиданно для меня самого. Полстолетия назад в лесу Новгородской области я с сослуживцами наткнулся на избушку. Внутри — только множество книг, и больше ничего. При книгах состояла молчаливая старушка, которая и продавала их в этой странной книжной лавке... Впрочем, расскажу все по порядку.

В 1972 году после окончания 1-го Московского ордена Ленина и Трудового Красного Знамени медицинского института (ныне Московская медицинская академия им. И.М. Сеченова) я был призван в ряды Советской Армии. Служил в Калужской области, потом был переведен в Бологое. Продолжил службу начмедом госпиталя в Выползове. Весной 1973 года на санитарной машине я повез в Ленинград солдата срочной службы для госпитализации. Дорога дальняя, утомительная. В Новгородской области, в 100 километрах от Выползова, остановились по своим делам. Зашли в лес и увидели избушку. Вокруг никого и ничего. Подошли к ней — дверь открыта. Зашли. По стенам прибиты полки из обычных досок, а на них книги. Увидели старушку, очень неразговорчивую, ее невнятные ответы на наши вопросы, что это за книжная изба, ничего не прояснили. Поняли одно: книги можно купить. Я обратил внимание на маленькую книжку: на обложке нарисованы снега, а называлась она «Сквозь пургу». Автор — П. Сигунов (2-е изд. Л.: Лениздат, 1973). Мог я, родившийся в Норильске, не купить ее? Заплатил 15 копеек и приобрел книжку в 95 страниц.

Поехали дальше... Читать начал еще в дороге. Погрузился в описание Гражданской войны, в 1919–1920 годы. Сибирь, Колчак, ставленник Антанты.

Представил, как на Север, обходя колчаковские отряды, пробивается экспедиция Урванцева. А направил его исследовать Таймыр Сибирский геологический комитет по декрету Ленина от 1918 года «Об освоении Северного морского пути». Я был молодым человеком, настроенным романтически, и потому в воображении нарисовал героические картины... Книга мне запомнилась и очень понравилась.

Вскоре в мои руки попали декреты Ленина по здравоохранению. Я снова вспомнил книгу об Урванцеве и написал запрос в Институт марксизма-ленинизма с просьбой выслать копию декрета об освоении Севера. По книге П. Сигунова выходило, что Урванцев был направлен чуть ли не самим Лениным. Ответ

*Владимир Долгов с сестрой Верой.
Норильск. 1952 г.*

меня ошеломил: такого декрета нет, Ленин не направлял Н.Н. Урванцева для исследования Севера. Я был этим разочарован, и на какое-то время за повседневными заботами интерес к этой истории угас. Но он вернулся, когда мне случайно попала на глаза газета «Известия» от 24 января 1973 года. Там на шестой странице была опубликована статья С.Т. Морозова «Гости золотой свадьбы»*. Что меня дернуло написать автору письмо с некоторыми вопросами

---

* Позже я узнал, что Савва Тимофеевич Морозов — внук того самого знаменитого купца Морозова, помогавшего революционерам и погибшего от их же рук. В 30-х годах, чтобы избежать репрессий, он убежал на Крайний Север, работал в экспедициях, где познакомился с Н.Н. Урванцевым. Они стали большими друзьями.

об Урванцеве?! Вскоре получил ответ, что Николай Николаевич жив-здоров и не лучше ли все эти вопросы задать ему самому. Адрес прилагался.

В один из очередных приездов в Ленинград я позвонил в квартиру Урванцевых. То ли оттого, что я был в форме офицера, то ли еще почему, меня пригласили в дом, напоили чаем. Говорили мы о Севере, я пел дифирамбы Норильску, рассказал, что там родился, окончил школу... Теперь-то я сознаю, что тогда многого не понимал, да и вряд ли мог понять... Наконец я решился задать главный вопрос, ради которого я и пришел. Я понимал, что архивы не могут ошибаться, но документы могут быть секретными. В ответ Николай Николаевич вдруг лег на диван, отвернулся от меня и сказал: «У меня от наших разговоров разболелась голова. Ты военный врач, служи себе на здоровье. Моя жизнь сложная, что тебе на нее время тратить?» На этом мы и расстались.

Я возвратился в свой гарнизон, в Выползово. Но мысли о Николае Николаевиче не оставляли меня. За его уклончивым ответом мерещились тайны освоения Севера вроде тех, что описаны в романе Б. Каверина «Два капитана». Я начал читать об Урванцеве, об освоении Крайнего Севера. Завязалась переписка с архивами, с участниками экспедиций Урванцева. Я сделал запрос в Библиотеку им. В.И. Ленина, и мне пришло много интересной информации, но ответа, кто послал Урванцева на Таймыр, так и не получил. Ну не мог же он отправиться в столь затратную и трудную экспедицию сам...

Я поделился мыслями с сослуживцем, недавно прибывшим в гарнизон, а затем составил библиографический указатель научных работ Урванцева (позже выяснилось, что он оказался даже более полным, чем у Николая Николаевича), библиографический указатель книг, статей, заметок о нем. Встреч с Урванцевым пока не было, но у меня с ним завязалась переписка. Николай Николаевич присылал мне письма, свои книги. Но я уже не решался задавать ему свой

главный вопрос. Думал так: «Вот найду документы и сам ему все расскажу». Поиски свели меня с такими знатоками Севера, как капитан И.А. Ман, В.А. Полуянов, писатели З.М. Каневский, Н.Я. Болотников. В Московском филиале Географического общества СССР я встретил журналиста и писателя Савву Тимофеевича Морозова, со статьи которого в «Известиях» (1973 г.) и начался мой серьезный интерес к Урванцеву. Там же я познакомился с И.Д. Папаниным и многими другими знатоками Севера, в том числе с Дмитрием Шпаро.

Беседы с новым сослуживцем, которого, как я считал, заразил своими поисками, через несколько месяцев закончились забавно. Он признался, что у него-то самого интерес ко мне был чисто профессиональный: его ведомство (понятно какое) поручило ему выяснить, что это за человек рассылает в подозрительно большом количестве запросы в архивы, библиотеки, музеи... И вот теперь он понял, кто я такой и чем занимаюсь. После этого он исчез так же неожиданно, как и появился. Надо же, на такое «дело» полгода угрохал! Лучше бы помог...

Постепенно для меня открывалась непростая биография Урванцева, его исследовательская деятельность. На заседаниях Полярной комиссии Географического общества СССР имя Николая Николаевича стало звучать все чаще. На его вклад в освоение Севера ссылались многие. Я сделался активным пропагандистом его трудов, в результате чего стал действительным членом Географического общества, его Полярной комиссии. До сих пор я действовал от своего имени, порой при получении документов об Урванцеве я проявлял даже какую-то изворотливость. Часто по этой причине я получал уклончивые ответы. Теперь же я посылаю запросы от имени общества. И все же архивы неохотно раскрывали свои тайны, потому что я не являлся родственником Урванцева.

В те годы я не знал о Николае Николаевиче того, что могли бы о нем рассказать те, кто с ним общался и работал. Свои поиски я начал с нуля и вел их, конечно, любительски, тем более что основная моя врачебная деятельность отнимала очень много времени. Сейчас-то уже появилась кое-какая литература об Урванцеве, а тогда я вел поиски в одиночку, стараясь в первую очередь получить ответ на ключевой для меня вопрос: кто же послал в разгар Гражданской войны будущего ученого на Крайний Север? Помаленьку у меня выстраивалась генеалогическая линия моего героя и кое-что стало проясняться...

Николай Николаевич родился в январе 1893 года в городе Лукоянове Нижегородской губернии в купеческой семье, где сложились свои устои и философия жизни. Его семью отличали строгость, рациональность в быту и делах, трудолюбие. Дом, где родился Урванцев в Лукоянове, сохранился, немного перестроен и отреставрирован на современный лад, но по-прежнему служит людям. До перестройки в нем был продовольственный магазин. В 1903 году Николай Урванцев покинул Лукояново и поступил во Владимирское реальное училище, которое окончил в 1911 году. Увы, за время учебы его отец разорился и это отразилось на судьбе детей, а их было шестеро (два брата и четыре сестры).

Николай мечтал поехать в Москву и продолжить учебу в высшем учебном заведении. Тогда никаких планов на обучение геологии у него не было. Разорение семьи разрушило его намерения. Выручил брат его мамы Анфисы Михайловны. Николай Михайлович Потапаев жил в Томске, работал в лесничестве. К тому времени он потерял сына, которого очень любил: Сергей совершенно нелепо замерз в тайге на охоте. Его жена Ольга Александровна полюбила другого человека и уехала из Томска. Дядя убедил Николая перебраться к нему, где жить было легче, где недавно открылся Томский технологический институт, в котором можно было получить специальность инженера.

АТТЕСТАТЪ

Данъ сего дню мѣсяца Николай Николаевичъ
Урванцеву, привѣдшему

зрѣлостнаго, родившагося въ сѣлѣ Луконовѣ Ни-
жегородской губерніи тысяча восемьсотъ
дѣсятилетіи третій года января 17 дня, въ
тѣмъ, что онъ вступилъ въ Владимірское Нижегородское реальное училище
августа 15 дня 1900 года, при отличномъ
поведеніи, обучался по 3 число июня мѣсяца 1900 года и кончить
полный курсъ по основному отдѣленію. На окончательномъ испытаніи онъ,
Урванцевъ, оказалъ слѣдующіе успехи:

Въ Законѣ Божіемъ	отличное (5)
— русскаго языка	хорошее (4)
— математики	довольнительное (3)
— французскаго	довольнительное (3)
— немецкаго, а также	довольнительное (3)
— геометріи	хорошее (4)
— алгебры	отличное (5)
— физики	отличное (5)
— исторіи	отличное (5)
— географіи	отличное (5)
— естественной исторіи	отличное (5)
— физики	отличное (5)
— рисованія и черченія	хорошее (4)

№ 1231

При вступленіи въ гражданскую службу онъ, Николай
Урванцевъ, пользуется правомъ, изложеннымъ въ ст. 83 Св. Зак. т. III (изд.

Аттестат Урванцева

В пользу этого решения был еще один довод: тяжелые отношения с отцом. Николай Максимович был старовером и человеком крутого нрава. С сыном у него взаимопонимания не было. Отец, потеряв свое дело, стал служащим, его опыт работы ценили. В те времена, если глава семейства занимал приличную должность, семья не бедствовала, но и не шиковала. Неудивительно, что Николай Урванцев стремился обрести самостоятельность. Приглашение одинокого дяди оказалось очень кстати, как и его помощь.

В те годы Сибирь остро нуждалась в специалистах. Томский технологический институт был первым высшим учебным заведением в Сибири. Институту было 11 лет, когда в него поступил Н.Н. Урванцев. В то время туда принимали выходцев из мещан, духовенства, зажиточных крестьян, а также приглашали учиться и слушателей учебных заведений европейской части России. Молодой Урванцев выбрал механическое отделение. Сюда же вместе с ним приехал учиться его двоюродный брат Федор Николаевич Валов. Они снимали квартиру в доме, принадлежащем богатому семейству Шалаевых. И так уж случилось, что братья познакомились с сестрами Шалаевыми, а позже на них и женились. Жену Николая звали Варвара, а Федора — Галина. Так братья вошли зятьями в семью, которая была соучредителем Ленских приисков, владелицей домов, земель и пр.

В Томске Николай Урванцев познакомился с Александром Сотниковым. Возможно, о Николае тому рассказывали в семье Шалаевых. Как бы то ни было, но именно Сотников уговорил Урванцева перевестись на горное отделение. Доводы его оказались очень убедительными: еще дед Сотникова застолбил Норильские месторождения каменного угля и руд. В свое время он выплавил и первую медь... Тогда знаний и денег не хватило ему, чтобы развить свое дело на Таймыре. Внук решил продолжить начинания деда, потому поступил на горное отделение института. Представляю, как недолго Александр уговаривал

Николая Урванцева перейти на горное отделение: освоим месторождения Норильска, откроем рудники, разбогатеем — ведь земли принадлежали Сотниковым. Короче, убедил он Урванцева. В 1915 году оба побывали на Таймыре, собрали образцы пород. В том же году в Петроград в Геолком они направили свой первый геологический отчет. Но по-настоящему первой и успешной экспедицией можно назвать ту, что состоялась в 1919 году. Такие перспективы открывались перед ними, а тут революция... Уж так некстати она нарушила их планы.

Мое предположение о знакомстве Сотникова с Урванцевым через Шалаевых казалось мне весьма убедительным, пока я не познакомился со «Списком студентов и посторонних слушателей Томского технологического института имени Императора Николая II, 1915–1916 годы», изданным в 1915 году в Томске. Пять раз я просмотрел списки тех, кто учился в этом учебном году на четырех отделениях, и вот что выяснил.

Урванцев поступил в институт в 1911 году, Сотников — в 1912 году, после окончания горного факультета Томского среднего политехнического училища (уровень нашего техникума). Здесь же я нашел фамилию Михаила Филатова, фото которого в свое время мне подарил двоюродный брат Николая Николаевича Ф.Н. Валов. Снимок датирован 8 ноября 1911 года. Филатов и Урванцев, судя по номерам свидетельств, учились в одной группе Владимирского реального училища, потом вместе приехали продолжать учебу в Томске. Оба поступили на механическое отделение, а далее их пути разошлись. Выходец из крестьян, Михаил Филатов продолжил учебу на механическом, а Николай Урванцев перевелся на горное отделение, потеряв при переводе учебный год. По-прежнему я уверен: причиной перехода было знакомство с Александром Сотниковым, а не влияние лекций геолога Обручева. Дело в том, что преподаватель Обручев к тому времени из-за разногласий с министром образования Сибири был исключен из института, — возможно, потому что делил геологию с политикой...

ДИПЛОМЪ.

Томскій Технологическій Институтъ снѣ объявляетъ, что
Николай Николаевичъ Урванцевъ, сынъ купца, родив-
шійся 17 января 1893 года, православнаго вѣроисповѣданія, по-
окончавшій въ 1918 году полный курсъ наукъ по Горному фа-
культету, 24 апрѣля того же года подвергался испытанію въ
экзаменационной комиссіи и постановленіемъ Собранія горнаго
факультета 25 апрѣля 1918 года признанъ окончившимъ по
первому разряду и удостоенъ званія **горнаго инженера**, (съ
правомъ при поступленіи на государственную, службу, на штат-
ную должность техника, быть утвержденнымъ въ чинѣ X класса)
и вообще пользуется всеми правами и преимуществами, зако-
нами Россійской Имперіи съ званіемъ **горнаго инженера**
соединяемыми. Въ удостовѣреніе чего и данъ сей дипломъ за
надлежащею подписью и приложеніемъ институтской печати.

Подписанный подлинникъ:

Томскъ, іюня . / 8 * для 1919 года.

№ 2 Ректоръ Томскаго Технологическаго Института *А. А. Уваровъ*

Деканъ Горнаго факультета *М. В. Усачевъ*

Секретарь Совѣта *Л. Н. Мухоморовъ*

Диплом Урванцева об окончании института

Николай Николаевич в своих книгах писал, что его любимыми авторами были Н.М. Пржевальский, Ф. Нансен, что он зачитывался рассказами о путешествиях, экспедициях, но выбрал-то он механическое отделение! И учился здесь, пока не познакомился с Сотниковым, о котором Николай Николаевич всячески умалчивал, рассказывая о студенческих годах своей жизни. Сотников окончил училище, когда Урванцев перешел на второй курс. Он оставил свое отделение, перевелся снова на первый курс и стал учиться с Сотниковым в одной группе на горном отделении. В 1915 году они вместе побывали на Таймыре — родине Сотникова, где собрали образцы пород. В своих книгах, рассказывая об этой поездке, Николай Николаевич снова умалчивает о себе. Я это объясняю соображениями собственной безопасности: время-то было беспокойное.

Мне кажется, не мог Урванцев с ходу признать советскую власть: она была чужда ему по смыслу жизни и по его положению, она обрывала надежды на интересную и состоятельную жизнь...

О семье Сотниковых надо рассказывать отдельно — она заслуживает этого. История оказалась несправедлива к этим первопроходцам Таймыра, первооткрывателям Норильских месторождений. Если бы не революция и Гражданская война, в результате которых Александр Сотников был расстрелян, как много полезного для своего отечества он мог бы сделать...

...Я продолжал посылать запросы в Томск, Лукояново, Красноярск и получал ответы, копии документов. И вот что я узнал. Следы дяди Николая Михайловича Потапаева как-то сразу потерялись, а Николай Урванцев, еще будучи студентом, 12 января 1917 года подал ректору прошение о женитьбе на девице Синёвой. Тогда был такой порядок, учебное заведение проверяло, не был ли студент женат ранее. Ответ из Лукоянова был получен, но женитьба на Синёвой не состоялась. Из списка студентов Томского

Его Превосходительству

Господину директору Томского
технологического института
Императора Николая II.

Студента горного отдела.
Урванцева
Николая Николаевича.

Прошение.

Мнѣ съестъ покорнѣйше просить
Ваше Превосходительство разрешитъ
мнѣ поступить в брак с дочерью
Анной Ивановной Сивковой.

Студент горного отдела М. № 4
Урванцев
Николай Николаевич.

10-го января 1912 года.

Выдано 11 Января 1912 г. за № 112.

Господину директору Томского технологического института.
Прошение о браке

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Января   дня
1917 г.

В .....

Дано сие за надлежаще подписью и с приложением казенной печати студенту Томского Технологического Института ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II Николаю Николаевичу Урванцева в том, что приятелей не вступлению его в брак с Анной Улановою. Сие воей со стороны учебного начальства не встречалось.

Из документов студента Урванцева, хранящихся в канцелярии Института, видно, что онъ вѣроисповѣданія православнаго, родился 17 января 1893 года, по отбываніи воинской повинности - признанъ не годнымъ въ войска, grade въ ополченіе 11-го разряда, въ паспортъ, выданномъ на одинъ годъ съ 1911 по 1912 г. Дуколюновскимъ Городскимъ Управленіемъ за В 131 - значится холостъ.

Директоръ Института Бобаринъ

За Дѣлопроизводителѣ А.Зинявичъ

Удостоверение

технологического института, где я не нашел фамилии Синёвой, следует, что она там не училась. 2 января 1918 года Урванцев женился на дочери Шалаева Варваре. Почему это случилось? Любовь или расчет руководили им? Это осталось неизвестным...

У Николая и Варвары родился сын Михаил, здоровье которого было слабым. Как получилось, что в 20-х годах семья их распалась, сказать не могу. Варвара Михайловна всю жизнь проработала врачом в одном из леспромхозов Кемеровской области. Сын Михаил работал бухгалтером, имел сына и дочь. После расставания ни жена, ни сын с Николаем Николаевичем отношений не поддерживали, только в последние годы его жизни они стали изредка переписываться. Я общался в письмах с Варварой Михайловной до самой ее кончины. Она о многом рассказала мне в своих письмах-новеллах, но всегда просила меня никому ничего не рассказывать. Во всех письмах она боялась чего-то, очень боялась навредить бывшему мужу.

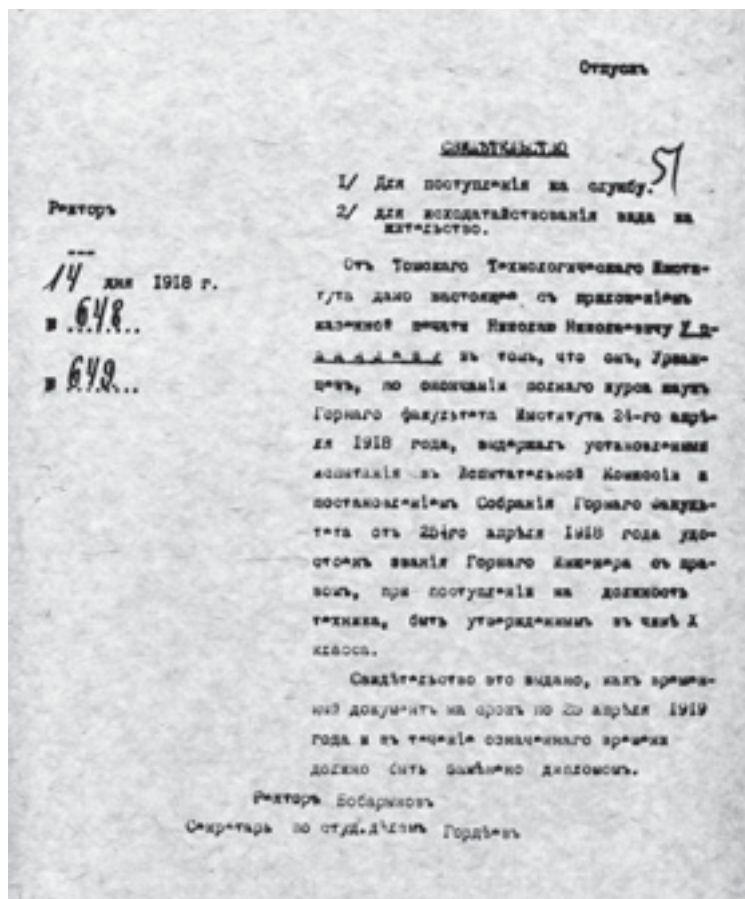
Еще одна встреча помогла понять мне и то далекое страшное время, и загадочного для меня человека — Николая Урванцева. В начале 70-х годов поиски материалов Северной экспедиции 1921 года привели меня в город Климовск Московской области. В квартире пятиэтажного дома мне открыла дверь старушка. В однокомнатной квартире, где я ожидал увидеть участника экспедиции, первыми меня встретили кошки, их было около десяти. На железной кровати сидел седой старик с усами и ампутированной ниже колена правой ногой. Я сел на выдавший виды стул, мы представились друг другу. И тут я теряю дар речи! Передо мной двоюродный брат Урванцева Федор Николаевич Валов, участник экспедиций Николая Николаевича, человек, который в 1921 году пробил первую штольню в горе Шмидтихе. На тумбочке под полиэтиленовой пленкой я увидел фотографию Урванцева.

Я сидел, потрясенный, вспоминая его, красавца, молодого горного инженера, на старых снимках, и не верил своим глазам. Рассказывать о его жизни

тяжело и грустно. После экспедиции 1921 года Федор Николаевич работал на Ленских приисках, карьера его сложилась — он долгое время был директором приисков. Видимо, человек он был незлобивый, добрый. Во многих книгах Урванцева есть снимок, где Николай Николаевич стоит рядом с мужчиной с кайлом в руках. В тексте не указано, что мужчина этот — Ф.Н. Валов, его родственник. Сам он был на Николая Николаевича не в обиде за то, что его забыли. «Такой он у нас!» Эта фраза прозвучала как оправдание двоюродного брата, его душевной черствости: «Он никого не жаловал из семьи...» Я подумал: «Может, Урванцев, который, как мне кажется, так и не смог избавиться от страха преследования, не хотел тянуть за собой людей?» Впрочем, это не оправдание, тем более столько лет прошло с той страшной поры.

Ф.Н. Валов что-то еще пытался вспомнить из прошлого. Галина Михайловна многое рассказала о жизни братьев в Томске до 1924 года в доме своего отца, о счастье и невзгодах первых лет советской власти. А потом добавила: «А знаете, Николашка, когда убежал из белой армии от Колчака, сказал нам, что поедет на Дон к Каледину. По какой причине не уехал, сейчас не вспомню...» По тому, как она назвала Николая Николаевича, по отзывам о нем, я понял, что братья давно потеряли друг друга из виду. Вернее, Валовы следили за судьбой Урванцева по печати, а он их не искал. И разлом в отношениях произошел именно тогда, когда в жизнь Николая Урванцева вмешалась Томская ЧК.

Урванцев, получив диплом, преподавал в Томском реальном училище, в том самом, которое окончил А. Сотников. Одновременно Николай Николаевич вошел адъюнкт-геологом в Сибгеолком. А Сотникову получить диплом не удалось: в 1915 году (он был на два года младше Урванцева) его призвали в армию. Сотникова выбрали атаманом Енисейского казачьего войска, в 1919 году он стал временным министром правительства Колчака. Вскоре Александра на-

Свидетельство

значили гидрографом дирекции маяков и лоций в Морском министерстве. Вместе с ним работал еще один гидрограф — Дмитрий Федорович Котельников. С этого момента Сотников перестал быть военным и политиком, а занялся государственными хозяйственными делами. По распоряжению Колчака в 1919 году он занялся организацией экспедиции на Таймыр. В состав экспедиции Сотников включил Н.Н. Урванцева, своего дядю Николая Никифоровича Иванова

(брата сестры мамы), двух местных проводников и трех красноярцев, скорее всего студентов. Это была самая первая серьезная экспедиция, исследовавшая месторождения Таймыра.

В феврале 1920 года контрразведка РККА отдала распоряжение в Томск и Иркутск об аресте Н.Н. Урванцева и А. Сотникова. Александра этапировали в Красноярск, где Сибревком решил его судьбу: расстрел. Судя по тому, что в 1926 году вышла книга Д.Ф. Котельникова, он избежал этой участи и стал военным гидрографом ВМФ РККА. Повезло и Урванцеву, хотя и ему довелось служить у Колчака. Мобилизованный в армию в 1919 году, он прослужил всего полтора месяца, выполняя мелкие поручения. А потом зимой бежал по льду реки Томь, видимо предвидя падение власти Колчака. Стало ли это известно контрразведке? Его допросы в губчека были прерваны запросом из Красноярска: для работы на Таймыре просили командировать специалиста Урванцева. Геолкому ответили, что выполнить запрос не могут, геолог арестован, сидит в ЧК. Вскоре начальник Главсевморпути Лавров получил телеграмму: найти Урванцева, освободить и послать на Север. Я получил копию телеграммы из Томского архива и с печалью для себя отметил, что сам Лавров был расстрелян в 1937 году, а Николай Николаевич, просидев в тюрьме губчека около двух месяцев, вышел живой. Знал ли он тогда, что его друг Александр Сотников расстрелян? Вот тут-то, мне кажется, и возник миф о Ленинском декрете, который стал своеобразной охранной грамотой Урванцева. И кто, хоть тогда, хоть сейчас, осудит его за это?

Я помню, как в 1975 году я снова пришел к Николаю Николаевичу. Поговорили о том о сем, а я опять за свое: «Да ну его, этот Ленинский декрет! Просто расскажите об этой экспедиции, это так интересно! Как она зарождалась». Николай Николаевич лег, отвернулся. Разговора не получилось. Я сказал себе: обязательно продолжу эту тему. Я столько удивитель-

---

ного узнал за эти годы! И при этом Николай Николаевич так и остался для меня загадочным человеком.

Расскажу еще о том, чему сам был свидетелем. В Географическом обществе решили отметить юбилей Николая Николаевича Урванцева. Все было торжественно, звучали теплые слова и торжественные речи, поздравить юбиляра приехали и ученые, и полярники, и писатели, и военные, и фотографы, и даже придворный художник ЦК Оболенский. Я стоял почти рядом с Николаем Николаевичем, когда к нему подошел Иван Дмитриевич Папанин, поздравил, обнял, поцеловал, и своим ушам не поверил, услышав от Урванцева: «Твой поцелуй, как поцелуй Иуды». И сказал он это довольно громко...

В тот день Николай Николаевич поблагодарил меня за доклад о его многолетней деятельности, мы тепло общались, пили чай после официальной части вечера, но задушевного разговора о том, что меня уже многие годы интересовало (он видел это), он так и не поддержал, опять ушел от темы. Я всерьез изучал материалы экспедиции, когда Урванцев отправился по реке Пясине, чтобы проверить судоходность водной системы. Местный житель Никифор Бегичев напросился поработать с Николаем Николаевичем. А кто лучше его знал эти места? Урванцев согласился. Бегичев давно мечтал найти на Таймыре следы экспедиции норвежцев Тессема и Кнудсена и на этот раз нашел их. Вот как об этом написали на с. 4 в книге «Звезда Заполярья» В. Лебединский и П. Мельников:

«Неутомимая энергия и оптимизм Бегичева делали чудеса. Никифор Алексеевич спас от смерти экспедицию А.И. Вилькицкого: снял и вывез людей с судов «Таймыр» и «Вайгач», попавших в беду. Он же помог геологу Н.Н. Урванцеву добраться до Норильских гор. Бегичев, не страшась таймырских ураганов, пустился на поиски пропавших норвежских моряков со шхуны Амудсена «Мол», добрался до Диксона и в безмолвных льдах обнаружил останки Тессема и Кнудсена».

Когда экспедиция Урванцева обследовала побережья Пясинской водной системы, Никифор Бегичев, постоянно настроенный на поиски норвежской экспедиции, увидел разбросанные листочки. Это были сохранившиеся остатки почты Тессема и Кнудсена. Об этом мне рассказывал Никита Яковлевич Болотников, у него была переписка Бегичева с норвежским правительством. А вести ее пришлось, потому что Урванцев, известивший Норвегию о находках (кроме почты были найдены два зашитых в непромокаемую материю пакета, вещи, принадлежавшие пропавшей экспедиции, и останки человека), ни словом не обмолвился, кто их нашел. Благодарное норвежское правительство потому и наградило одного только Урванцева. Никифор Алексеевич об этом узнал совершенно случайно и очень обиделся. В общем-то позже справедливость и без участия Урванцева была восстановлена. Бегичева тоже наградила золотыми часами благодарная Норвегия. Я в свое время спрашивал у Урванцева, кто еще был в той экспедиции, когда были обнаружены столь ценные свидетельства деятельности норвежских полярников. Он мне ничего не ответил, хотя их всего было четверо: С.Д. Базанов, Н.А. Бегичев, Б.Н. Пушкарев и Н.Н. Урванцев. Почему так поступил руководитель экспедиции? Вряд ли он не понимал исторической важности столь ценных находок. Может, Николай Николаевич просто написал сухую официальную докладную записку? Но когда я читаю книги самого Урванцева о поисковой деятельности экспедиции, я тоже не нахожу имен тех, кто трудился рядом с ним, деля и суровый быт, и невзгоды Крайнего Севера...

Мало того, Николай Николаевич как-то сразу откестился и от своего друга Александра Сотникова, а я уверен, что они были друзьями! В 1911 году они познакомились, в 1912 году начали учиться в институте на горном отделении, в 1915-м вместе отправились на Таймыр, в феврале 1920-го их обоих арестовали в разных городах, но будто по одному сигналу. Одно-

го расстреляли, другого отпустили, хотя оба, как и многие, были мобилизованы в армию Колчака (они не были добровольцами), оба по распоряжению Колчака были отправлены на разработку месторождения каменного угля, чтобы стала наконец реальностью транспортная артерия по Енисею. Перед расстрелом Александр Сотников писал о государственной значимости своей работы, где говорил не только о себе, но и об Урванцеве. Может, изложение Сотникова Сибревкому о хозяйственной выгоде совместных экспедиций по освоению Норильских месторождений тоже способствовало освобождению Урванцева? Кто знает... А вот Николай Николаевич и в поздние годы в своих книгах позиционировал Александра как выразителя интересов белого движения, богатогословия. Он даже писал: «Я начал подозревать, что он (Сотников. — *Ред.*) думает использовать мои знания и интерес к Северу в своих личных целях, как только к тому будет возможность» (Урванцев Н.Н. Открытие Норильска. М.: Наука, 1981. С. 35–36). Честно скажу, обидно мне стало за Сотникова. И я решил продолжить свои изыскания по восстановлению исторической правды.

Рассказанное мной несколько не умаляет достоинств одного из первооткрывателей Таймырских месторождений, научной значимости деятельности геолога Николая Николаевича Урванцева, удостоенного многих государственных наград. В том числе и это, и его судьба характеризуют страшное время большевистских и сталинских репрессий, которые трагически вмешались в его жизнь.

В день юбилея Н.Н. Урванцева в 1983 году в Московском филиале Географического общества СССР за большой вклад в освоение советского Заполярья было принято решение об издании его научных трудов, почтовой марки с его портретом, о назначении двух стипендий его имени для студентов в Ленинграде и Томске, о присвоении его имени улицам в городах Норильске, Томске и Ленинграде. Но перестройка

внесла свои, увы, не лучшие поправки. Состоялось только одно: в Норильске теперь есть Набережная Урванцева. Хочу надеяться, что историческая справедливость и по отношению к Николаю Николаевичу Урванцеву, и по оценке вклада в освоение родных мест Александра Сотникова, представителя четвертого поколения казаков и купцов Сотниковых, а также его предков будет восстановлена.

НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ РЕДАКТОРА

Какое впечатление о Николае Николаевиче Урванцеве оставляют пишущие о нем разные авторы и он сам — о себе? Трудная судьба выпала на долю известного геолога, полярника, ученого, одного из первых открывателей норильских месторождений. Чтобы выжить, ему приходилось приспосабливаться, как и очень многим его согражданам...

Я читала книги Урванцева, коллег о нем, воспоминания норильчан, и передо мной вставал необщительный, замкнутый человек. Мне показалось, что он был не очень-то откровенен и в своих ответах Анатолию Львовичу Львову... Случалось ему писать и говорить о себе неправду... Но как раз этому-то я нашла и оправдание, и объяснение. Мне просто очень захотелось понять Николая Николаевича, но уж никак не судить его или кого бы то ни было. Думаю, тем самым я объясню себе и другим ВРЕМЯ, в которое он жил, а главное, ЧТО ОНО СДЕЛАЛО С ЛЮДЬМИ после революции и в годы сталинских репрессий.

В книге первой издания «О времени, о Норильске, о себе...» опубликованы воспоминания дочери известного геолога Владимира Сергеевича Домарева (с. 134–141). И.В. Домарева-Ганшкевич приводит слова отца из письма ее тете: «...по собственному почину Н.Н. поступил со мной возмутительно». Н.Н. Урванцев затянул оформление документов на его освоение, дал ему работу «запущенную и разваленную, где много обещали и ничего почти не дали», а это означало, что жить предстояло в землянках, в 60 километрах от Туруханска,

где нет ни одной книги, нет радио, а вокруг одни уголовники (В.С. Домарев, как и Н.Н. Урванцев, был осужден по политической 58-й статье). А ведь Владимир Сергеевич уже тогда не был рядовым геологом: он начал работать еще студентом, полгода в 1925 году обследовал Рудную гору в Норильске в составе экспедиции П.С. Аллилуева (об этом в книге второй издания «О времени, о Норильске, о себе...», с. 9–39), трудился в Гелолкоме в Ленинграде на руководящей должности, возглавлял геологические партии. Плохие отношения с Н.Н. Урванцевым прервал А.П. Завенягин, назначивший В.С. Домарева главным инженером геологического управления Норильского комбината... Один лагерник не пожалел другого? Или не хотел работать рядом с серьезным конкурентом? Сегодня нет ответа на эти вопросы...

Мне кажется, что страх, однажды поразивший Н.Н. Урванцева в подвалах губчека в Томске, что-то поломал в нем. А может быть, напротив, страх, основательно изранив его, только укрепил в нем мечту громко заявить о себе и творческих устремлениях в профессии, которую он выбрал (тут я соглашусь с версией В.И. Долгова) благодаря Александру Сотникову. Похоже, что несокрушимое честолюбие было свойственно Николаю Николаевичу.

Владимир Иванович Долгов, заинтересовавшись отношениями Н. Урванцева и А. Сотникова, нашел документы, ранее неизвестные (подробности в его материале, опубликованном в этой книге). Он доказал несостоятельность версии, что знакомство студентов Томского технологического института началось с того, что Александр Сотников попросил «старшекурсника» Николая Урванцева описать и оценить привезенные им таймырские образцы пород. Эта информация повторяется во многих книгах, Николай Николаевич ни разу не оспорил эту неправду. На самом деле они должны были познакомиться раньше. Может быть, сами, а может, их свели две богатейшие семьи — таймырские родственники Александра и тесть Николая, состоятельный сибирский предприниматель. Может, они даже строили совместные планы по освоению Таймыра? А почему бы и нет — дело выгодное. В любом случае Александр Сотников всерьез был намерен довести до практического осуществления в жизнь несостоявшиеся намерения своего деда по освоению угольных и рудных месторождений. Сотниковы первыми открыли их, и потому я пишу об Н.Н. Урванцеве: один из первооткрывателей норильских месторождений. Пожалуй, Николаю Николаевичу очень не понравилось бы это

утверждение, пусть и не профессиональное. Ведь он даже на допросе говорил: «Норильское месторождение мною было полностью освоено». По этому поводу А.Л. Львов свое недоумение только и выразил двумя знаками — вопросительным и восклицательным (см. в этом томе с. 74) А я в странной фразе усматриваю то самое несокрушимое честолюбие Урванцева, которое, кстати, проявилось и в его настойчивых вопросах С.Л. Щеглову о своем первооткрывательстве (их переписка опубликована в этом томе).

Сегодня о деловых связях и дружбе молодых людей говорят прямые и косвенные факты их биографий, книга Ю. Градинарова «В низовье Енисей могуч» (роман-трилогия, ФГУП «Издательско-полиграфическая фирма «Воронеж», 2004 г.), документы и исследования о Сотниковых коллектива Таймырского краеведческого музея, долголетние поиски касающихся Урванцева документов времен Гражданской войны и первых лет советской власти В.И. Долгова, норильчанина по рождению и врача по образованию и основной работе.

Юрий Иванович Градинаров, возможно, первый, кто положил начало восстановлению исторической справедливости в оценке того вклада в освоение Таймыра, который внесли шесть поколений казаков, купцов Сотниковых. Его книгу «В низовье Енисей могуч» можно было бы назвать просто «Сотниковы». Этот увлекательный роман в трех частях («Братья», «Сыновья», «Внуки»), конечно, художественное произведение, допускающее вымысел, авторские симпатии и антипатии, но что совершенно точно — здесь не придуманы главные факты жизни людей, ибо речь идет о поколениях конкретной фамилии, очень известной на Таймыре. Юрий Иванович работал в архивах, музеях Дудинки, Томска, Красноярска. Сам автор не понаслышке знает Заполярье: отдал ему много лет своей жизни, работал начальником управления культуры Таймыра, за эти годы написал несколько книг. Вот как в кратком предисловии к книге «В низовье Енисей могуч» он сам представил себя:

«Я, Градинаров Юрий Иванович, родился 31 января 1941 года в Донбасе на небольшой железнодорожной станции Щебенка, что в шести километрах от города Енакиево.

Помню: <...>

- летную службу в Военно-Воздушных Силах;
- женитьбу, рождение двух дочерей, внука и внучки;
- Заполярье, служебные командировки от Диксона до

Попогая на оленьих, собачьих упряжках, весельных и моторных лодках, катерах, самолетах и вертолетах;

- полярную ночь и полярный день, черную пургу и белые метели, стынь и оттепель, надоедливый гнуса и «белых мух» и много открытых сердцем людей;

- выходы первого сборника рассказов «Шаман Демнине» (1994 г.), за ним — книги рассказов «Аргиш в Париж» (1995 г.), повести «По собственному желанию» (1998 г.), сборника повестей и рассказов «Исповедь» (2000 г.); учреждение и редактирование литературно-художественного альманаха «Полярное сияние», органа Таймырской писательской организации, а также получение премий — имени О. Аксеновой и Ники РАО «Норильский никель». <...>

Сейчас живу на Белогородчине в городе Старом Осколе. 23 июня 2003 года».

С особым вниманием я читала последнюю главу книги Ю. Градинарова, надеясь найти сюжеты, рассказывающие об общении Александра Сотникова с Николаем Урванцевым. К сожалению, ответа на свои вопросы не нашла, что в общем-то неудивительно, ведь роман-то не об этом, тем более что сам Урванцев о тех годах не просто не оставил доказательств их отношений с Александром, а даже сознательно умалчивал о них, и, случалось, даже писал неправду. Поэтому и в романе Ю. Градинарова тоже есть распространенное упоминание о «старшекурснике» Урванцеве, которого младший товарищ попросил сделать анализ образцов, описание минералов Таймыра.

Потрясающе эмоциональным был трагический конец романа: арест Александра Сотникова, допросы, расстрел, прощальное письмо Николаю Урванцеву. Приведу его полностью: «Дорогой Николай! Ты нейтральный человек, каких мало сейчас в России. Ты смог сохранить полное безразличие к царской, к Временной и нынешним властям. Это спасло тебя от душевных колебаний, внутренних разногласий, патриотических побуждений и помогло выжить в смутное время. Дело, которое мы начали с тобой, не должно умереть! Надеюсь, ты продолжишь его и заставишь работать норильские залежи на благо России. Живи долго и за меня! Прощай! Твой Александр Сотников. 20 мая 1920 года».

В романе Ю. Градинарова Александр Сотников предстает именно таким: страсть освоения северных земель была для этого целеустремленного человека дороже жизни! И к кому

как не к Урванцеву обращаться с таким завещанием, ведь они учились на геологическом отделении одного института, вместе ходили по земле таймырской и мечтали о ее процветании...

...Я совсем забыла, что это роман, и поспешила со звонком в Старый Оскол с вопросом о письме Урванцеву. Ответ разочаровал: не было такого письма. Но по человеческой сути, по тому, как на допросах Александр Сотников рассказывал о возможностях освоения месторождений Таймыра, упоминая при этом фамилию Урванцева, убеждал, что он и сам способен поработать на пользу стране, это письмо вполне могло бы быть. Об этом мне сказал и Юрий Иванович Градинаров и добавил:

— А допросы в губчека невыдуманные, даже фамилия инструктора для поручения контрразведывательного отдела Иркутской губернской чрезвычайной следственной комиссии Крейша Григория Самойловича подлинная. Я читал материалы этих допросов в архивах ФСБ г. Красноярск. Конечно, главным в отношениях Сотников—Урванцев был Александр, и о таймырских месторождениях он знал много больше Николая. Революция, Гражданская война оборвали все планы Сотникова — а они были огромны. Так и получилось, что после его смерти все лавры открытий норильских месторождений, вся слава первооткрывателя достались одному Николаю Урванцеву. Что, по-моему, несправедливо!

А теперь я приведу последний абзац из книги Ю. Градинарова «От автора» (с. 589–590):

«Сурово обошлась судьба с Александром Александровичем Сотниковым. Советская власть лишила его не только жизни, но и достойного места в истории Сибири. Работники архива университетского музея сотниковской «альма-матер» ни слова не могли сказать о первооткрывателе норильского меднорудного месторождения. Не имеет никакой информации о нем и Томский областной краеведческий музей. И только в государственных архивах Красноярск и Томск, в запасниках окружного краеведческого музея г. Дудинки я нашел документы о жизни и деятельности Александра Сотникова. Они помогли вернуть из забвения имя незаурядного человека, сыгравшего свою роль в истории Сибири двадцатого века.

Его реабилитировала 31 марта 1998 года прокуратура Красноярского края на основании закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». 1999–2003 гг. Дудинка—Красноярск—Старый Оскол».

В следующей книге мы опубликуем материалы творческого коллектива Таймырского краеведческого музея о Сотниковых и отдельно об Александре Александровиче, чья жизнь оборвалась так трагически. Музей, созданный в Дудинке в нелегкие 30-е годы, с первых дней изучает и собирает в своих фондах все, что позволяет представить историю народов Таймыра, а это уникальные коллекции, экспонаты, документы по истории полуострова, личные и семейные архивы старожилов и многое другое. Например, коллекция предметов религиозного культа нганасан, по оценкам специалистов, в своем роде единственная в мире. Думаю, что обещанная нашему изданию подборка малоизвестных документов, фотографий о поколениях Сотниковых позволит лучше понять нам историю советского Заполярья.

Продолжает поиск документов, которые более точно помогли бы восстановить годы жизни Николая Урванцева в самое тяжелое для него время, Владимир Иванович Долгов. Своими находками, версиями, изложением событий жизни известного геолога, ученого Н.Н. Урванцева он тоже поделится с нами в следующей книге издания «О времени, о Норильске, о себе...».

И тут я хочу поставить вопрос, который готов сорваться с губ многих людей: зачем копать в биографиях этих двух людей — Сотникова и Урванцева? Одного хотите обелить, другого, напротив, — очернить? Мы не хотим устраивать суд над прошлым человека — будь это Урванцев, Сотников или кто-то еще, а хотим понять правду времени. Оно было страшным не только потому, что уничтожало людей (безвинно — десятками миллионов, точнее не подсчитано до сих пор!), но отражалось и на оставшихся в живых. Страх убивает их морально и продолжает жить в тех, кто не пережил ужасов репрессий. Это утверждают генетики и историки. Страх — губительная и живучая сила, передающаяся как память поколений.

Есть и еще одна немаловажная причина «копания в биографиях». Большинство героев советской эпохи предстают перед нами забронзовевшими памятниками, но не живыми людьми со свойственными им достоинствами и недостатками. Они такие правильные, не ошибаются, не сомневаются, не задаются неудобными вопросами... Разные люди становятся удивительно похожими и неинтересными. Этими неизвестными известности — фамилии на слуху, чем прославились тоже, а какими были в жизни эти официально признанные авторите-

---

ты? Идеализация героев вредна для нас, она мешает понять прошлое нашей страны.

«Убежден, что лагерь — весь — отрицательная школа, даже час провести в нем нельзя — это час растреления. Никому никогда ничего положительного лагерь не дал и не мог дать». Варлам Шаламов, «Что я видел и понял в лагере». Не все разделяют эту точку зрения. Выслушаем всех. А понять можно только то, что стремишься узнать: биографии людей, факты, события и другую информацию о XX веке.

Галина Касабова.

Зенудин Пиимахович Курашинов. 1997 г.

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА
СОЮЗА ССР

18 августа 1966 г.
№ 30593/66 г.
Москва, ул. Боровского, д. 15

СПРАВКА

Дело по обвинению КУРАШИНОВА Зенудина
Пшимаховича, до ареста - 3 августа 1944
года - курсанта Урюпинского военно-пехотно-
го училища, пересмотрено Военной коллегией
Верховного Суда СССР 13 августа 1966 года.
Приговор военного трибунала Северо-Кав-
казского военного округа от 24 апреля 1945
года в отношении КУРАШИНОВА З.П. отменен и
дело прекращено за отсутствием состава прес-
тупления.

КУРАШИНОВ З.П. по данному делу реабили-
тирован.

НАЧАЛЬНИК СЕКРЕТАРИАТА ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

Смирнов (Чикин)

ар-17

Зенудин Курашинов:

*«Мне причиталось 55 рублей
6 копеек. Эти деньги мне сто-
или полжизни».*

З. Курашинов

Частично от 1978.

В 1630 г. перселенци в Целия Англия (Сей)
Уингтон указал: „Величествит Бог е
дваи свидетел и мудросте так определит
человеческо администриране, що
во вся времена кто-го Бог даде, а кто-го
богат, кто-го седи воще и облада
власто, а кто-го кажевинец в подчинити

Каб. Балкан и Надвек,
уп. Олбедова 00

Зетунци Тиманови
Курашинов.

дан. следен. 74-23-89.

2. Навина

Страница из дневника З. Курашинова

Начало сн. автобиографическ. очерка август 1942 г.

З. Курашинов

{ То было время без будущего,
то было время без надежд,
без надежд и мечты;
то было время без любви,
то страстное время как-то было
без неба, света и счастья,
без восторга, без восторгов и лет
без прощания, без восторга и без
не надежды, не счастья
как сон без восторгов прощанья,
как океан без берегов
забытых восторгов и лет,
забытых восторгов и лет.

То было время восторгов, то
в те годы в восторгах, то в восторгах
настроениях восторгов. Восторг восторгов и восторгов
восторгов, то из восторгов восторгов, то
восторгов как годы восторгов. В восторгах 1942 г.
восторгов восторгов. Восторгов восторгов восторгов
командования восторгов восторгов восторгов
из восторгов восторгов восторгов восторгов восторгов
восторгов восторгов восторгов восторгов восторгов
Уже в восторгах восторгов восторгов восторгов
восторгов восторгов восторгов восторгов восторгов
восторгов восторгов восторгов восторгов восторгов
восторгов

Страница из дневника З. Курашинова

*Эту фотографию Зенудин Курашинов отправил из Норильска
родным 23 декабря 1953 года с таким текстом на обороте: «Дорогие
родственники, десять лет вы не видели меня, как потерял я свободу,
так смотрите теперь — это я»*

---

*Начало записи этих воспоминаний —
август 1978 года*

Я прибыл этапом в Норильлаг в 1945 году. Нас было 15 000 заключенных, разных по возрасту, образованию и положению. Один из заключенных перевел стихотворение французского поэта «Тюрьма» о Бастилии и узнике французской революции. Не помню ни автора, ни переводчика стихов (увы, мне уже за 80 лет), но они ярко и зримо передают наше ощущение несвободы и лагерных мук. Эти строки считаю эпиграфом к своим воспоминаниям.

*То была тьма без темноты,
То была бездна пустоты,
Без протяженья и границ;
То были образы без лиц,
То страшный мир какой-то был
Без неба, света и светил,
Без времени, без дней и лет,
Без промысла, без благ и бед.
Ни жизнь, ни смерть,
Как сон гробов,
Как океан без берегов,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижим, мрачный и немой.*

* * *

Когда в Кабардино-Балкарии шла Гражданская война, советская власть то побеждала контрреволюцию, то отступала. В феврале 1920 года объединенный кабардино-балкарский отряд под общим командованием Назира Катханова выступил из рай-

она Уруха и Леспена в глубь Кабарды против белогвардейской части генерала Бяковича-Чернышова. Уже в апреле вся Кабардино-Балкария и Пятигорск были очищены Катхановым от белогвардейщины.

Далекое прошлое фамилии, родовую ветвь моя мать знала от бабушки. Она мне часто рассказывала семейные истории и каждый раз повторяла, что я должен это все знать. А позже я и сам расспрашивал ее о родных. У моего дедушки Хажбекира было пять братьев, а у прадеда было десять детей: пять сыновей и пять дочерей. Жили они зажиточно, имели много баранов, лошадей, волов и коров, сами трудились на своем небольшом участке земли, собирали хорошие урожаи.

Мой отец Пшимахо был в семье предпоследним сыном. Когда ему исполнилось 15 лет, его отдали в медресе (духовную гимназию). Для своего времени он был грамотным юношей. Отца женили в 1920 году

*Назир Катханов (1891–1928 гг.).
Расстрелян большевиками в
1928 году в Ростове-на-Дону,
место захоронения неизвестно*

*Башир Катханов. Умер в
1962 году, похоронен в селе
Псыхурей*

на дочери Адельгери Катханова из села Лафишхабла (ныне — с. Псыхурей). Я родился в конце 1923 года в селе Кызбурун I. Большая семья Хажбекира жила дружно, в полном согласии и послушании старикам, которым тогда было за 80 лет.

Слева — сестра Катханова Маржан (1901—1994 гг.), вышедшая позже замуж за Кашифа Курашинова, погибшего в годы Великой Отечественной войны. В центре — супруга Катханова Суеш (в девичестве Дышекова). После ареста мужа в 1928 году скрывалась с детьми в Москве, где умерла и была похоронена в 1975 году. Справа — младшая сестра Назира Катханова Хурират (1903—1990 гг.). Вышла замуж за Пиимахо Курашинова, который был арестован в июне 1928 года и расстрелян в августе, на переднем плане — сын Назира Катханова Мухамед, ставший доктором технических наук и генерал-майором. Умер и похоронен в Ленинграде

Это произошло летом 1928 года. Мне было пять лет. Бабушка посадила всех мужчин за круглый стол обедать. (У адыгов принято сначала кормить мужчин — они уходили на работу, затем садились есть женщины и дети.) В обеденный час в ворота постучали двое мужчин в длинных шинелях и фуражках с красным кантом. Они вызвали отца за ворота, о чем-то поговорили с ним, а затем увели. Он так и не пообедал. Это было последнее застолье в нашей большой семье. Вся семья провожала отца горьким взглядом, мать и бабушка плакали... Больше мы его не видели и не получили от него ни письма, ни весточки... Только спустя 20 лет дядя мне рассказал, что он получил извещение: отца через три месяца расстреляли. Дядя никогда никому об этом не говорил, и мы жили надеждой, что он вернется. Отца обвинили в участии в спровоцированном Калмыковым путче 1928 года (Кызбурун II) для уничтожения лиц, ему неугодных. Так как отец был зятем Катханова, он попал в немилость.

Назир Адельгериевич Катханов — командующий шариатским полком, воевал за советскую власть в 1918 году, когда в Кабарде шла Гражданская война. В освобожденном селе Ерхо жители села устроили встречу Назиру Катханову и в память об этом сфотографировались

В 1935 году десять дворов Курашиновых были высланы в Узбекистан. На иждивении матери остались старики. Я пошел в начальную школу, затем в среднюю. Мать одна работала в колхозе от темна до темна, чтобы прокормить троих детей и двух стариков. Я учился в 8-м классе, когда в 1938 году в Баксан Тэс временно из Пятигорска перевели политпросветшколу Кабардино-Балкарии. Мы, несколько ребят, узнали, что школа принимает учащихся. Стипендия была 200 рублей, для того времени это были хорошие деньги. Я решил помочь матери, которая, не жалея сил, работала ради нас, и стал студентом II курса. К концу учебного года школу перевели в Нальчик.

С началом советско-финляндской войны (1940 г.) в школе ввели некоторые ограничения: плата за обучение стала 150 рублей в год, стипендию платили только круглым отличникам, старших товарищей призвали в армию. Оставшиеся разъехались по до-

	СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ
Прокуратура Российской Федерации ПРОКУРАТУРА КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	Гр-н <u>Курашинов Пшимахо Хажбекирович</u> Год и место рожд. <u>1897, с. Кызбурун-1, КБАО</u>
360000, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 4 10.06.1992 г. № <u>324</u>	Место жительства до ареста <u>там же</u>
	Место работы и должность (род занятий) до ареста <u>хлебороб</u>
	Когда и каким органом осужден (репрессирован) <u>Постановлением/судебной/Коллегии ОПЧ от 03.08.28</u> <u>по ст.ст.58-10 ч.2 УК РСФСР приговорен к высшей</u>
	Квалификация содеянного и мера наказания (основная и дополнительная) <u>мера наказания-расстрел. Постановлением приведено в исполнение в нот</u> <u>с 13 на 14 августа 1928г.</u>
	На основании ст. 3 КСР ст. 5 п. Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 ноября 1991 г.
	гр-н <u>Курашинов Пшимахо Хажбекирович</u> реабилитирован.
Прокурор Кабардино-Балкарской Республики государственный советник юстиции 3-го класса	3. Г. ДЕНИСОВ.

*Справка о реабилитации Пшимахо Хажбекировича Курашинова
(отца Зенудина)*

мам, курс рассыпался. Я отправился в город Тырны-Ауз, где на молибденовом руднике работал мой дядя. Здесь я стал пробщиком, потом старшим пробщиком, а позже коллектором горных выработок. Каждый выходной приезжал домой в Кызбурун I, приносил матери зарплату, сестричкам подарки. Стариков в живых уже не было...

Начало войны застало меня на руднике «Молибден». Помню, нас собрали в клубе рудника, администрация шахты объявила о вероломном нападении гитлеровской Германии. Были горячие выступления, но одно мне особенно запомнилось. Из зала какой-то мужчина встал и громко сказал: «Да здравствует Тухачевский!» В зале и на трибуне дружно зааплодировали, но, спохватившись, затихли. Мужчина извинился, потом объяснил, что, мол, Тимошенко хотел назвать... Но было уже поздно, его увели.

18 мая 1942 года мне вручили повестку, чтобы я прибыл в Эльбрусский райвоенкомат (с. Гундолен). Нас, молодежь с 9–10-классным образованием, зачислили в Урюпинское военно-стрелковое училище младших командиров, эвакуированное в Нальчик. Далее были три месяца усиленной подготовки. Немцы уже захватили Ростов-на-Дону и форсировали Дон. 3 августа 1942 года нам зачитали приказ Верховного Главнокомандующего № 227, где говорилось об учреждении заградотрядов, о том, что паникеров и отступающих будут расстреливать, что железным законом для войск должно быть требование «Ни шагу назад!». Со станции Гульневич мы маршем выдвинулись по направлению к станции Новоалександровской, где должны были задержать прорвавшиеся части гитлеровской армии. Немцы стремительно продвигались в глубь Кавказа по направлению к Нальчику, и мы оказались в окружении. У нас уже не было ни командиров, ни патронов, ни пищи... Так мы попали в плен...

Нас доставили на железнодорожную станцию в Армавир. Когда нас грузили в вагоны, мы с одно-

---

сельчанином решили бежать, и нам это удалось. Когда мы уже были в вагонах (посадка еще не закончилась), вдруг наш вагон оторвался и резко двинулся. Это было маневрирование или еще что, но конвой явно растерялся... Наш вагон скрылся меж другими вагонами, а мы быстро выпрыгнули из него и по путям бежали, куда глаза глядят. Так мы ушли.

На окраине города вечером мы попросили у одной пожилой женщины гражданскую одежду. Переоделись и отправились к Баксану. 9 сентября 1942 года немцы вошли в Пятигорск. Мы шли следом, догоняя фронт, а фронт уже был недалеко. Сильное сопротивление было оказано нашими войсками по всей длине реки Баксан, тут шли ожесточенные бои в районах Заполово, I, II Кызбурун, Баксан. В Верхнем Куркужине мы оказались в середине сентября, остановились у моей тети, а оттуда с Хапатой, так звали моего односельчанина, решили попытаться перейти фронт и добраться до своего села. Посреди пути нас задержали румынские посты. Начали допрашивать. Мы говорили офицеру, что коров ищем, но он нас не отпустил, двум своим солдатам приказал отправить в Малку, где держали пленных. На одном из зигзагов узкой дороги, а кругом были высокие стебли кукурузы, мы с Хапатой договорились бежать кто куда в разные стороны. Так мы сбежали еще раз. Я направился в Псыподах, где жил мой дядя Хатым, поздно вечером я уже был в селении. Вошел во двор дяди, а тут охранник-часовой: куда иду? Я стал ему объяснять, что здесь живет мой дядя. Он позвал двоюродную сестру, Захират меня сразу узнала, подбежала ко мне, начала обнимать меня и плакать... Тогда немец пустил меня к ним в дом. Оказалось, что здесь в одной из комнат установлена радиостанция, поэтому офицер заинтересовался мною. Вскоре подъехала легковая машина, уже в полночь меня привезли в Малку. Я понял, что мое задержание, видимо, было связано с моей явкой на радиоузел штаба.

Утром в 9.00 меня привели в штаб. Начали спрашивать, с каким заданием меня перебросили сюда, зачем явился на радиостанцию, кто давал и какое задание, сколько и какие части на той стороне и т.д., но я им одно твердил — ничего не знаю, я, мол, скрывался от мобилизации в армию, все время сидел в подвале или на чердаке, ничего не знаю, и все. Когда они убедились, что я им ничего не скажу, меня решили отправить в Пятигорск, в тюрьму: СД с тобою быстро разделается. Немец, которому дали какой-то конверт, видимо, по моему делу, показал на люльку с мотоциклом: «Туда садись». Когда подъезжали к селу Псыподах, я попросил немца заехать в село к брату дяди и сестре. Все это я ему объяснял по-немецки. Он меня понял, сбавил скорость и спросил, сколько лет ты их не видел. Я ему сказал: «Два года». Он повернул с дороги в село... Так мы заехали в тот же двор, откуда меня взяли. Не будь этого заезда, пожалуй, меня уже давно не было бы в живых. Дело в том, что в штабе на допросе я сказал, что не был в армии. Но мне это было бы трудно доказать, если об этом я не договорился с родственниками, ведь их допросят немцы! Родные-то знали, что я был в армии... Я договорился с ними, они мне дали пищу на дорогу, и мы с немцем отправились дальше в Пятигорск. Он знал, что вез меня во фронтовую контрразведку, откуда мало кто возвращался. Оказавшись человеком, немец помог мне, насколько мог. Меня обыскали и бросили в камеру предварительного заключения. Я был моложе всех. Все молчали, и я молчал. Стемнело. Нас всех вывели с усиленным конвоем, швырнули в машину и привезли в городскую тюрьму. В камере людей было полно, даже лечь негде. Меня никто не вызывает. Так прошло семь дней, затем меня повели на допрос: какое задание тебе дали красные, с какой части разведки и т.д. Я повторил все то же, что в штабе. Если он мне не верит, пусть спросит у родственников в Псыподахе, откуда меня взяли. Немец кнутом помахал и сказал, что на первый случай ко

мне его не применит. Снова меня бросили в ту же камеру. Еще через неделю меня вызвали к следователю, он заявил, что повезет меня в Псыподах для опроса родственников. Если врешь — поставим к стенке. Когда подъехали к родственникам, меня оставили с автоматчиком в машине, а сам следователь — офицер СД — пошел в дом и через минут 20 заявил мне, что я свободный. Повезло тебе, сказал, но для формальностей ты должен еще поехать в Пятигорск. Так меня отпустили 2 ноября 1942 года. Я приехал домой, I Кызбурун был уже оккупирован немцами, в родном доме меня встретили мать и сестра. Фронт был уже далеко, бои шли под Орджоникидзе. Вернулся из высылки еще до начала войны дядя с семьей. Ему было лет 65, он был еще бодр и здоров. Односельчане пришли уговаривать дядю стать старостой села в период оккупации, так как дядя по своей доброте не мог допустить, чтобы кто-нибудь из сельских партийных, оставшихся в оккупации, пострадал от немцев. Действительно, когда его назначили старостой, он отпустил всех арестованных по домам.

...Немцы отступали, вместе с ними бежали многие, боявшиеся за себя. Дядя говорил, что мне нельзя оставаться здесь, поэтому я должен быть с ним. Мы, беженцы от своих, никому ненужные, стихийно, в труднейших условиях бежали, не зная куда. Уже за Днепром к нам приехал в военной немецкой форме в чине майора некий Хамуков, который набрал группу молодых ребят, в том числе и меня, для отправки в Германию. А по сути мы опять попали в плен. Под усиленным конвоем восстанавливали мост через Днепр. В конце октября 1942 года к нам в лагерь для военнопленных прибыл полковник в немецкой форме. Его называли Земляком. Он отобрал 17 человек, и нас по железной дороге привезли в местечко Грунзруг, где находился лагерь, в котором готовили диверсантов для заброски в тыл. Поняв замыслы немцев, я решил воспользоваться случаем и вернуться на Родину. Меня зачислили в группу радистов

для обучения радиосвязи и шифровке текстов для передач. Нас учили до конца июля 1944 года. После обучения я оказался в группе Шамахова, которую должны были высадить на территории Кабардино-Балкарии.

29 июля нас из Бреслау (Вроцлав) перебросили в Бухарест, оттуда с аэродрома Плоешти в ночь на 1 августа 1944 года нас, 24 человека, отправили в заданный район выброски. В воздухе я пытался разглядеть, каким маршрутом мы летим... Внизу было Черное море, потом Главный Кавказский хребет... Мне показалось, что я увидел яркие электрические огни Баксан Тэса... Нам приказали приготовиться к прыжку. Парашютному спорту нас не обучали. Это было мое первое появление в небе, первый и последний прыжок. Так мы оказались на родной земле в час ночи 1 августа 1944 года, когда гитлеровские войска были отброшены далеко на запад. Меня переполняла радость оттого, что я был близко от села Кызбурун I Баксанского района, где я родился, и в то же время грусть — ведь нас ожидало уничтожение. Каждый из нас знал о своей вине перед Родиной и не надеялся на что-либо хорошее... Было рискованно перейти к своим и сразу сдаться — это могло закончиться расстрелом на месте. Мы были вооружены, но не с запасом. Вся амуниция, деньги, которыми нас снабдили немцы, были в специальных контейнерах, отдельно выброшенных на парашютах. Мы их и не искали.

Я и еще шестеро из нашей группы решили уйти от преследования в глубь леса за высотой 910 (Махуэжэж). Мы были уверены, что части внутренних войск уже ждали нас в засадах. Нам удалось уйти в сторону ущелья Фогодуко, но это не помогло нам. Нас все-таки продолжали преследовать вдоль лесной просеки. По нашим следам неотступно шли обученные овчарки. Мы зашли в глубь леса. Сверху из ущелья хорошо просматривалось, что лес заканчивается поляной, которая могла простреливаться. С нашей стороны вдруг раздалась автоматная очередь — один из на-

ших прикончил овчарку, которая, обнаружив нас, пятилась назад, чтобы сообщить преследователям. Через открытую поляну мы ушли в другое ущелье, но нас осталось шестеро: одного товарища настигла пулеметная очередь, и он сорвался в ущелье.

День 1 августа был для нас очень тяжелым, но мы были еще живы — нас потеряли... В ночь на 3 августа мы вышли из лесу и направились вдоль речки Фондуко, затем в сторону Заюкова. Время было сенокосное. По пути я заметил шалаш. Мы с товарищем осторожно подошли к нему. На мой зов из шалаша вышел мужчина, в темноте было трудно его разглядеть. Я спросил, из какого он села, он назвал Кызбурун I. «О ком вы слышали из прилетевших с вашего села?» Он назвал мою фамилию и предупредил, что везде войска: «Вас побьют». Мужчина отдал нам все, что у него было: куска три вареного мяса, миску пасты (густосваренная пшенная каша). Вернувшись к остальным, мы наскоро перекусили и продолжили свой путь в никуда. Я шел и повторял про себя слова мужчины: «В Казахстан вывезли мать и двух сестричек...»

На окраине Заюкова мы вошли в заросли густо-зеленого подсолнуха. На выходе по нас открыли мощный огонь: мы напоролись на засаду. Открыли ответный огонь, кинулись назад и по сторонам. Стрельба усилилась. Когда мы втроем сумели скрыться в лесу, уже светало. Голодные, измученные, мы смотрели

*Сын Назира Катханова
Мухамед, генерал-майор-
инженер, доктор технических
наук, профессор (1922–1996 гг.).
Похоронен в Ленинграде*

друг другу в лицо и молчали: никто не знал, как поступить, что делать дальше. Мы ничего не знали об остальных...

Из леса были видны ровно скошенные, уже высохшие ряды сена. Появился косарь, на одноконной грабле окучивавший сено. Несколько раз я хотел подойти к нему, но меня что-то останавливало. Позже почти рядом с нами появились веселые девушки и женщины с вилами, они копнили сено. Так прошел день 3 августа. Колхозники ушли с поля, мы, как волки, остались втроем в чаще леса. Вечер был ясный, тихий. До наступления темноты оставалось немного времени. Мои спутники, бывшие колхозники, тоже были пленными, но подробностей о них я не знал. Оба были намного старше меня. Я спросил, осталось ли что-нибудь у них из той суммы денег, которая нам была выдана. Они сказали «нет». При мне было десять тысяч. Я достал три тысячи и отдал им на всякий случай. Посмотрел на часы, было 20.15. Уже темнело, я встал, взял автомат на грудь и заявил старшему: «Я сюда вернулся не для того, чтобы делать то, чего мне не положено, я не обязан помогать немцам. Я вас не видел и знать не знаю. Свою судьбу буду решать я сам, всего хорошего». Затем, держа в руке автомат на случай, если кто из них шевельнется, пятясь назад, отошел в лесную чащу. Кругом было темно и тихо. Темная летняя ночь была полна тревожной тишины, которую я нарушал, ломая ветки, пробираясь в сторону нашего села. Шел через овраги, балки, тропинки хоженной было не видеть...

Когда добрался до высоты, откуда хорошо были видны электрические огни Баксан Тэса, я присел на траву не столько отдохнуть, сколько подумать. Было 2.20. Я мысленно перебирал своих близких, родственников, которые проживали в родном селе. Не исключено, что в их домах могли быть засады. Мой выбор пал на дом дальнего родственника, который находился недалеко от того места, где я размышлял. На улочках стояла тишина, даже собаки и те спали. Никто меня не

заметил. Очень осторожно, озираясь, я вошел во двор, подошел к двери и постучал. Ответ последовал сразу, как будто тут не спали. «Это я, Зенудин, — сказал я и добавил: — Дайте, пожалуйста, что-нибудь поесть. Я сразу уйду». Женщина заявила, что ничего не даст. Тогда я попросил воды. Она молчала. Я пожелал ей всего доброго, извинился и ушел тем же тихим переулком, но в другом направлении, к реке Баксан. Шел не оглядываясь, без боязни. Меня мучила жажда. За последние четверо суток мы лишь один раз перекусили. Наконец напился от души из родной реки.

Сидел, глядя на волны Баксана, но раздумывать было некогда — близился рассвет. Я поднялся на гору, перелез через первый попавшийся забор и укрылся в высоких стеблях кукурузы. Не раздумывая, лег, положил автомат под голову и заснул крепким сном. Меня разбудил крик мужчины, призывающего колхозниц выйти на работу. Я посмотрел на часы, было восемь утра. Вышел в сторону дома, перед ним был сарай-коровник. Калитка сарая выходила во двор, а с моей стороны сарай был огорожен плетнем, где стояла, мирно пожеывая, корова. Перепрыгнув через плетень, я прошел сарай и вышел во двор, где бегала девочка лет четырех. Убедившись, что вокруг никого нет, я вошел в открытую дверь хаты. В комнате меня встретила испуганная хозяйка, мать девочки. Успокоившись, она спросила, как я оказался в ее доме. Я не стал обо всем ей рассказывать. Женщина собиралась завтракать. Круглый столик был заставлен едой: жаркое из картофеля, чуреки и домашний сыр. Не раздумывая, она пригласила меня к столу, усадила и сказала: «Кушайте, пожалуйста. Вы, наверное, голодны». Я с удовольствием поел, поблагодарил ее от всей души, попросил отдать родным часы, часть денег, пожелал ей всего хорошего и ушел. Я решил пойти в правление колхоза, где, по моему предположению, был штаб воинской части. Я был в форме старшего лейтенанта и при оружии. Навстречу мне шли трое солдат или офицеров, погоны от волнения

не разглядел. Они отдали мне честь, я им ответил, так мы и разошлись. Не оглядываясь, вошел во двор правления. Там было много солдат и работников колхоза, но на меня никто не обратил внимания.

Я постучал в кабинет председателя колхоза Гучева и, не дождавшись ответа, вошел. За председательским столом сидели полковник, два майора, один старший лейтенант, а в стороне — сам председатель. Обращаясь к полковнику, я заявил, что явился в полном боевом снаряжении, и положил на стол автомат с четырьмя обоймами, бельгийский четырнадцатизарядный пистолет, наш пистолет ТТ и один дамский. Полковник встал с кресла, вышел из-за стола, подошел ко мне, похлопал по плечу и сказал: «Молодец». Он дал указание председателю принести мне поесть, попросил позвать родителей: «Пусть он с ними поговорит, поводится, он это заслужил». Затем полковник начал рассматривать оружие, — видимо, он хотел узнать, стреляли из него или нет. Меня даже не обыскали. Председатель скоро вернулся с поллитровой банкой свежей сметаны и домашним хлебом. Пока я ел, подоспели и родственники, две тети по отцу и матери. Мать, как мне уже было известно, была в Казахстане, точный адрес ее они не знали. Вся эта церемония заняла часа два. В одиннадцатом часу к правлению подъехал газик. Когда я ел, полковник позвонил по телефону и доложил генералу о моей явке. По пути в Нальчик меня сопровождали несколько офицеров и автоматчик. В доме на углу улицы Ногмова меня отвели в большой кабинет на втором этаже, где находились два генерала. Они меня допрашивали, что я должен был делать, что должна была делать группа, где центр разведки, когда связь и т.д. Я кратко информировал их, что я радист, должен был выполнять указания руководителя группы, что я не собирался работать на немцев и что явился с повинной. Один из генералов зло крикнул мне: «Что было бы, если бы вас высадили в сорок втором?!» Я ответил, что сейчас август 1944 года.

Генерал нажал кнопку, и меня увели в КПЗ (камера предварительного заключения). В камере никого не было, из обстановки стояли деревянная кровать с матрасом, покрытая одеялом, и ведро в углу. Вечером принесли мне ужин (он был не по мне) — белый хлеб, две порции гуляша и стакан чаю. Я спросил надзирателя, всех ли так кормят. Он ничего не ответил, лишь хлопнул дверью...

На третий день меня вызвал следователь для предварительного ознакомления. Он задал мне несколько вопросов по делу и запротоколировал все мои ответы без возражений. Спустя неделю меня вызвал майор, в его присутствии меня побрили и аккуратно подстригли. Потом майор отвел меня на склад и предложил мне сменить военную форму на гражданскую. Я переоделся. Провожая меня в камеру, майор предупредил, что на днях здесь будет большой начальник. К нему я шел в сопровождении майора, который меня предупредил, чтобы глупостей не говорил. Когда мы вошли в кабинет, в нем никого не было. Через несколько минут вошел высокий мужчина в форме генерал-лейтенанта, поздоровался и предложил сесть за стол, на котором стояли чайный сервиз, самовар, вторые блюда и бутылка коньяку.

Генерал спросил: «Не обижают тебя? Я дал указание». Я ответил, что не обижают и кормят хорошо. «Если ты согласен служить у нас как радист, — сказал генерал-лейтенант, — будешь держать связь с центром немецкой разведки под руководством майора». Генерал налил по рюмке коньяку и предложил выпить. У меня не было никаких оснований не согласиться, и я ответил: «Если я буду удостоен такой чести, буду очень рад». При мне еще раз генерал напомнил майору, чтобы меня не обижали, и удалился. В конце августа за мной в камеру зашел майор, меня посадили в закрытую машину с двумя охранниками, майор сел в кабину, и мы поехали. Через застекленное окошко я смотрел, куда мы едем.

Когда мы проехали реку Баксан, я понял, что держим путь в сторону Пятигорска, куда и приехали к обеду. Нас отвели в квартиру, где майор выделил мне одну из комнат. Там были две металлические кровати, стол и три стула. Он предупредил, что товарищ Винокуров будет моим телохранителем, без их указаний я не имею права куда-либо пойти. Моего охранника я про себя окрестил Рыжим, он был выше и старше меня, в форме старшины. Однажды мы выехали за город, остановились в лесу, раскинули антенны, майор предложил взять ключ рации для связи с центром. В 10.15 по московскому времени я вышел в эфир. За моими позывными в эфир и ответом оттуда следил сам майор. Из центра предложили выйти на связь в час ночи по коду. Майор приказал ответить о невозможности этого сеанса. Мы вернулись в квартиру. Так шли дни, недели.

Куда бы я ни выходил, всюду меня сопровождал Рыжий. Соседи начали замечать это и в недоумении поглядывали на нас. Однажды я помогал рубить дрова пожилой женщине, и она спросила меня, кто я такой, почему все время меня преследуют или охраняют. Я сказал, что мой товарищ — военный, а я студент. Через некоторое время моя соседка пригласила меня на ужин. Винокуров разрешил. Когда мы уже пили чай, к нам зашел Рыжий. Поблагодарив за гостеприимство, мы удалились.

На другой день я пошел к майору и спросил: «Как вы думаете, насколько крепко меня охраняет Винокуров? Мог бы я ночью сбежать, когда он рядом спит?» В ответ он спросил, куда мне надо пойти. Я сказал, что в парикмахерскую, и попросил его разрешения посетить ее без телохранителя. Майор достал 100 рублей: «Иди, как вернешься, доложишь, а Рыжего, как ты его называешь, пришли ко мне». Я пошел в город один, побрился, подстригся. Потом вышел к базару, где надеялся повидаться с родственниками: мне очень нужен был адрес матери, чтобы сообщить ей, что я жив и здоров. В мясном ряду заметил продавцов из наших

сел, подошел к одному из них с приветствием, спросил, из какого он села. Оказалось, что он из Кубы. Моя тетя Сорат жила в Кубе, она наверняка знала адрес матери. Я написал записку, попросил земляка передать ее тете. В ней я указал адрес соседки по двору.

Из города вернулся в 14.00, доложил об этом майору. Он обещал заменить Рыжего. Через два дня, когда я читал, а Винокуров дремал, к нам забежала соседская девочка: «Вас мама зовет!» Я не стал будить Рыжего, быстро вышел во двор, где увидел тетю Сорат. Мы обнялись, она заплакала... Тетя Сорат протянула мне треугольный конверт — письмо от матери. Адрес был такой: Казахская ССР, ст. Чу. Как я был рад! Хозяйка пригласила нас к столу. Я попросил тетю молчать, если войдет Рыжий. Она привезла мне сваренную курицу, домашний хлеб, литровую банку меда и пр. Я не стал ей объяснять, почему меня тут держат, просто сказал: «Сам не знаю...» На второй день она уехала. А соседке после настойчивых вопросов я признался во всем. Она была очень удивлена услышанным, и я прочитал на ее лице отвращение ко мне...

В середине сентября 1944 года мы сменили квартиру, переехав с Октябрьской на улицу Крайнюю. Новым моим надзирателем стал старшина Саша Ростовский. С первого дня я понял, что он свой парень, и уже не стал спрашивать его, куда мне пойти, но и не проявлял никакого самовольства.

Однажды Саша привез мешок и большую коробку с продуктами и сказал: «Это нам на питание, а это отнесешь на базар и сплaviшь. Деньги пополам!» Это были для того времени дефицитные продукты — сахар и тушенка. На рынке я нашел торговку, которая оптом брала мои товары. Однажды, прохаживаясь по толкучке, я увидел девушку, которая мне показалась знакомой. Подошел к ней, поздоровался и спросил: «Вы кабардинка?» — «Да». Мне показалось, она хотела купить косынку. «Вам нравится?» Она молчала. Я купил и отдал косынку девушке. Оказалось, что мы

встречались раньше. Она была из Верхнего Куркужина, до войны я гостил там у тети по отцу и видел ее девчонкой. Ее звали Фуся. Я попросил ее показать, где она живет. Ее семья жила в Пятигорске на улице Рожанской. Я проводил ее и попросил разрешения прийти вечером. Она ответила согласием. Саше я сказал, что встретил знакомую девушку и хотел бы сегодня вечером посетить ее дом. Он не возражал, но попросил: «Не подведи меня».

Вечером я отправился к родителям Фуси. На лай собаки вышел ее брат, у порога меня встретила ее мать и радушно пригласила в дом. Я представился ей студентом, она спросила, откуда я и кто мои родители. Не успели мы толком познакомиться, как пришел хозяин дома Бетал, отец Фуси. Поздоровался, пригласил к столу. В комнате мы были вдвоем. Я рассказал о родителях, он заявил, что хорошо знает мой род, даже отца, начал расспрашивать, где я учусь, давно ли в Пятигорске. Мне было неловко врать. Мысленно я воспроизвел все моменты возвращения, мне незаметно было во всем признаться. Я колебался, но все же решил во всем им признаться, мне казалось, что Фуся — моя будущая радость.

— Бетал, — сказал я, — я действительно сын своих родителей, о которых я вам говорил, но только нигде я не учусь и никакой я не студент.

— Кто же тогда? — перебил меня Бетал.

— Если помните, в начале августа в районе Баксана немцами была сброшена группа парашютистов. Я из этой группы...

Сказав это с чувством вины, я ждал, что хозяин и хозяйка этого дома попросят меня избавить их от моего присутствия, однако Бетал, с удивлением глядя на меня, спросил:

— Как же вы до сих пор на свободе? Вас не поймали?

— Да нет, — ответил я, — я уже у них, но почему-то меня держат, не знаю, что они хотят сделать со мной.

Родители Фуси проявили еще большее гостеприимство по отношению ко мне. Бетал еще раз наполнил рюмки и предложил выпить за мое здоровье, затем добавил:

— Пока будете в нашем городе, заходите, не смущайтесь, мы всегда будем рады.

Когда он это сказал, я оглянулся. Фуся, радостная, глядела на меня из другой комнаты. Ушел я от Бетала поздно вечером, когда Саша уже спал.

Я начал встречаться с Фусей, мы ходили вечерами в кино. Наступал новый, 1945 год. Встречал я его у родителей Фуси. А 13 января нам приказали прибыть в Ростов-на-Дону. Даже майор и старшина не знали, что меня ждет. Прибыли в Ростов. На перроне меня ожидала закрытая машина. Я тогда не знал, что такое «черный ворон». Два солдата взяли меня за шиворот и бесцеремонно водворили в закрытую машину. После недолгой езды мне приказали не глазеть по сторонам, руки завести назад... Вошли в длинный коридор КПЗ при контрразведке «Смерш». Надзиратель обыскал меня с ног до головы, посрезал все пуговицы на одежде, подвел к одной из камер: «Вот твое место». В камере сидели четверо мужчин намного старше меня.

Так началась другая жизнь, долгая и мучительная. На второй день в сопровождении двух надзирателей меня повели к следователю.

— Старший лейтенант Коган, буду вести твое дело, — представился он и добавил: — Здесь тебе не милиция и не полиция, а отдел контрразведки «Смерш». Знаешь, что значит «Смерш»? — И сам же объяснил: — «Смерть шпионам».

Я помолчал, потом заявил, что мое дело ясное: явился с повинной, никаких преступлений против власти не совершал.

— Все это чепуха, — ответил Коган, — был бы человек, а дело будет, за это нам деньги платят.

С каждым днем увеличивались протокольные листы, папка с делом толстела. Следователь спросил,

почему я с оружием в руках перешел на сторону врага, чему есть подтверждение однополчан. Я доказывал, что это ложь. Он применил свою линейку, позвал двух надзирателей, они начали выкручивать мне руки. Тогда я сказал: «Пишите что хотите, я распишусь». Следователь написал, что я хотел мстить советской власти за отца, потому и перешел на сторону немцев.

Следствие было окончено 2 апреля 1945 года. 24 апреля нас, четверых из одной камеры, повезли в суд. Судил нас Военный трибунал СКВО (Северо-Кавказского военного округа) — председатель суда в чине полковника, два заседателя и секретарь. В зале никого не было, кроме охраны. Зачитали обвинительный акт и предоставили последнее слово. Мне был задан вопрос: «Действительно вы хотели мстить советской власти?» Я ответил, что это ложь: как мог я мстить власти, когда такая военная машина, как гитлеровская армия, разбита? Нас вывели в другой зал на несколько минут для вынесения приговора, затем завели вновь и зачитали приговор. Всем моим спутникам дали 20 лет каторжных работ, мне — 15 лет КТР и пять лет поражения в правах. Из зала суда нас, двенадцать человек, отправили в числе других из Ростова в Новочеркасскую тюрьму. В Екатериновской тюрьме, построенной еще при Екатерине буквой «Е», таких, как я, преступников накапливали, чтобы затем этапировать в лагеря. Попавшие сюда проклинали эти стены. В маленьких полумрачных камерах содержали заключенных по двое. Режим был строгий, ранний подъем в 6.00, завтрак в 8.00, отбой в 20.00. На день давали 300 граммов ржаного хлеба, 10 граммов сахара и два раза жидкий бульон, который мы называли похлебкой.

Утренняя прогулка продолжалась 15 минут. В сопровождении двух надзирателей нас выводили на улицу во двор тюрьмы, здесь мы прогуливались молча, руки назад, в специально огороженной внутренней части диаметром 10–15 метров. В соседнем с нашим

загоне ходил мой знакомый Михаил Мстанашхов. Я через щель спросил его, как здоровье, сколько дали. Надзиратель крикнул нам: «Закругляйтесь!» У камеры надзиратель меня приостановил. Неожиданно один из надзирателей сильно ударил меня в живот. Я упал... «Это за твои разговорчики в загоне».

Истощенных, голодных после трех месяцев тюрьмы, нас отправили по железной дороге «столыпинскими вагонами» в дальний путь — в Сибирь. Их можно сравнить с железной клеткой. Наконец после долгих мытарств мы прибыли в Красноярск на пересыльный пункт. Дальше нас ждали река Енисей, порт Дудинка и наконец город Норильск. Последней остановкой было лагерное отделение «Средний». Так назывался лагерь в полутундре, обнесенный высоким забором и колючей проволокой. Внутри лагеря не было никакого благоустройства — шесть больших четырехсекционных бараков, десятков палаток, кухни. Подъездов лагерь не имел. Продукты нам доставляли с перевалочной станции (7 километров от узкоколейной железной дороги до лагеря): летом — баржами по озерам, зимой — вездеходами и лошадьми. Помню, однажды нашу бригаду погнали на перевалочную станцию под конвоем. Нам приказали нести в лагерь хлеб в мешках. Мы, обессиленные доходяги, шестеро истощенных от систематического недоедания, были рады, что несем хлеб, падали, снова вставали. Я продырявил пальцем мешок и, пока нес, немного подкрепился. Когда дошли до лагеря, проверили мешки и одного заключенного сильно били за то, что он съел почти буханку.

Наш лагерь строил дорогу от реки Норилки до поселения Норильск. Это порядка 30 километров. Нужно было строить двадцать два моста через болота, вечную мерзлоту и лесотундру. Здесь хотя и короткое лето — всего два-три месяца, но было светло все 24 часа. Тундра кишела комарами и мошкой — маленькая мошка, словно блоха, кусала хуже комаров. От этих кровопийц нам выдавали накомарники. Все осталь-

---

ные месяцы года была зима — суровая, с сильными ветрами, «черной» пургой. Лагерный распорядок для каторжан был особенно суров. Я помню, мне следователь говорил: «Никто из вас живым оттуда не вернется».

Утром в 6.00 подъем, нарядчик-разводящий входит в барак, объявляет, что освобожденных нет, хотя среди нас были и больные. Бежим на кухню со своими ржавыми банками, получаем по черпаку супа и триста граммов хлеба. В 7.00 развод. У проходной зоны стоят солдаты МВД, они выпускают из ворот по пятеркам, отсчитывая: первая, вторая и т.д. Колонны ведут сотнями. Были объекты, где одновременно работали две, три и более тысяч заключенных, и это называлось «рабочая зона карьеров и стройплощадка». Нас сопровождали четыре–шесть автоматчиков с двумя овчарками. На объекте ограждали запретные зоны деревянными кольями с дощечкой 40×15 см с надписью: «Запретная зона». Выход за пределы запретных зон стоил жизни, конвой стрелял без предупреждения. Каждый день нас считали восемь раз: при выходе на работу, когда приходили на объект, в обед и еще несколько раз до вечерней поверки. Были и непредвиденные пересчеты, и так каждый день в течение 11 лет.

Каждое утро перед разводом нам читали информацию по линии культурно-воспитательной части (КВЧ). Среди заключенных были специальные коменданты, которые сами не работали, а были надзирателями с правом применения дубинок и прочих издевательств. Каждое утро начальник КВЧ, капитан или майор, читал нам мораль: труд создал человека из обезьяны, но так как вы плохо работаете, не исключено обратное — вы можете превратиться в обезьяну. Заканчивал словами: «Мы вас сюда привезли не для того, чтобы с вами церемониться, вы все будете физически истреблены, подохнете, как скоты». Эту «мораль» мы слышали каждый день более 10 лет.

Однажды, когда мы уже лежали на нарах, в барак вошел молодой человек, лет 28, и громко спросил:

— Есть здесь кабардинцы?

— Да, — отозвался я. — Со мной еще один товарищ.

Молодой человек подошел к нам и представился:

— Я комендант лагеря из з/к КТР. Есть у вас большие котелки? Берите их, еще отбоя нет, я прикажу поварам, чтобы вам давали добавку.

Мы вдвоем пошли за Борисом, так звали коменданта. Когда подошли к окошкам кухни, там стояла толпа заключенных с котелками в ожидании добавки за черные работы по кухне. Борис крикнул им: «А ну-ка, бандеровцы, разойдись!» Он вошел в толпу и, огревая каждого сильной пощечиной, разогнал ее. Постучал в окошко. Оно не открывалось, но Борис так стукнул второй раз, что повар сразу открыл. Он крикнул ему:

— Абдул, высунь голову в окошко!

Показалась стриженная черная голова. Борис ткнул ему в лицо свой кулак и сказал:

— Ты видишь этих двух парней? Так вот, каждый раз, когда они подойдут к тебе, ты черпай один раз снизу, затем сверху и наливай им, что у тебя будет под рукой. В противном случае, — Борис взялся двумя руками за голову Абдула, которая торчала в окошке, — могу открутить!

Подобные Борису безжалостные люди были нужны администрации лагеря для запугивания остальных. Они жили в лагерях вольготно, всегда сытые и одетые.

Каково жить в палаточном бараке, когда на улице пурга и 42-градусный мороз? Однажды я осмелился не выходить на работу. Каждый день в 10 часов утра производили утреннюю поверку оставшихся в зоне лагеря. Среди них были и больные, и те, которые «закамышили», так называли тех, кто умышленно оставался в зоне. Нас (всего шестнадцать человек) повели в комендатуру, выстроили в одну шеренгу, и

Борис начал допрашивать каждого. Тут присутствовал и старшина — старший надзиратель по маленькой тюрьме, так называемому БУР (барак усиленного режима). Я стоял третьим с левого фланга. Борис спросил первого:

— Что, сволочь, «камышишь»? — и тут же ударил по правому уху, тот упал. Всех он разными приемами уложил, подошел ко мне и сказал:

— И завтра не выходи на работу...

В один из удобных случаев я попросил Бориса, чтобы он прекратил рукоприкладство к заключенным:

— Ведь они каторжники, как и ты, обиженных судьбой людей калечишь, ведь за это тебя раньше срока не освободят. А если кто-нибудь тебя прикончит?

Так и случилось спустя восемь месяцев пребывания Бориса комендантом. Кто-то из зэков из-за угла ударил его по голове железным прутком, и Бориса увезли в тяжелом состоянии. Больше я его не видел.

Первые годы заключенные вели себя смирно, трудились больше своих возможностей, до истощения, до страшного похудения. Администрация лагеря устраивала через каждые шесть месяцев медицинский осмотр для определения трудоспособности заключенных. Группа военных врачей в белых халатах составляла ядро комиссии, они сидели за длинным столом с медицинскими приборами, перед столом проходили голые заключенные, их опрашивали, на что жалуются, проводили наружный осмотр телосложения и упитанности, устанавливали категорийность (I, II, III категории) или определяли в ОП (оздоровительный пункт), где сильно истощенных, но органически здоровых парней или мужчин подкармливали, они стационарно отдыхали, их приводили в человеческий облик, затем снова отправляли на работу. Людей I и II категории выводили на работу при любом морозе, а III категории при морозе ниже 35 градусов оставляли в лагере. Я всегда был здоров и ниже II категории не имел.

Шел 1948 год. Дорога Норильск—Норилка была построена. Нужно было строить на реке Норилке мощную насосную станцию и водовод. Из реки пресную воду нужно было подавать в озеро Долгое для нужд растущего индустриального заполярного города — центра цветной металлургии. На строительство насосной станции нас возили на машинах. Как-то на объекте, где наша бригада бетонщиков делала опалубки для разных конструкций, подошел ко мне один гражданин и спросил:

— Откуда, парень?

— С Кавказа.

— А точнее? — спросил он.

— Кабардинец, — ответил я.

Он сказал, что обратился к прорабу стройки, затем к начальнику конвоя — нужен дневальный в общежитие, где жили вольнонаемные инженеры: главный механик, главный энергетик, мастера, их было шесть человек. Мне разрешили исполнять эту обязанность.

На второй день, как только запустили нас в зону строительства насосной станции, меня встретил тот же мужчина и велел идти с ним. Привел меня в двухкомнатную квартиру, где стояло по три кровати в каждой комнате. Мне объяснили мои обязанности: идеальный порядок в двух комнатах и кухне, уборка постелей, приготовление обеда.

— Ты можешь кушать с нами и без нас.

Это был маленький рай для меня. Через две недели я уже чувствовал себя окрепшим, свой паек отдавал товарищам. Питание в лагере давали по результатам работы. Если состав бригады по численности был 30 человек, то на бригаду отпускали лимит в такой форме: +3 — 1 для бригадира или для самого лучшего работника, который не жалел себя, чтобы хоть немного больше поесть. Все это распределял бригадир. Никаких льгот, поощрений... Хозрасчетной системы не существовало для нас. Письма мы не получали и не

писали до конца 1948 года. Затем разрешили писать одно письмо в год и получать посылки.

Среди мастеров я чувствовал себя вольным человеком, они меня уважали, им нравился мой обед, приготовленный из их продуктов, которых у них было много. Спустя месяц я уже был полненький. Но однажды вечером до отбоя меня вызвал посыльный от оперуполномоченного. Я вошел в кабинет капитана Рывуцкого, он не приветливо встретил меня:

— Хватит! Ты уже наел такую морду, что можно на тебе пахать. Мы тебя отправим в другой лагерь. Завтра на работу не пойдешь, собери свои шмотки и жди.

Наутро меня и еще одного заключенного, по фамилии Ильюшин, в сопровождении трех автоматчиков направили в 25-е лаготделение, находившееся в районе 25-го завода, кирпично-известкового завода, бутового карьера БАФ и других крупных объектов. Другое название лаготделения было Горлаг — государственный особорежимный. Нас привели к начальнику лаготделения подполковнику Грыбылеву. Он нас принял приветливо и спросил:

— Какие у вас специальности?

Ильюшин был высокого роста, плотный, лет 35. Он первым ответил, что он механик — боцман ВМФ, бывший капитан, и за меня ответил, что я, мол, имею большие склонности к электричеству. Начальник лагеря приказал направить нас в 48-ю бригаду Васильева. Дневальный показал на свободные нары, и мы определились. На следующее утро мы с Ильюшиным уже стояли на проходной лагеря. Развод производился из трех ворот — вывести на работу восемь с лишним тысяч заключенных не так-то просто...

Порядок приема, счета, конвоирования был везде одинаков, но было одно отличие для каторжан — при возвращении с работы в зону эки проходили через «шмонный цех»: отсчитанная пятерка сразу направлялась в пять открытых дверей, где стояли надзиратели, и проходившие в зону обыскивались с ног до

головы, чтобы никто не мог пронести какую-нибудь пилу или холодное оружие.

Наша 48-я бригада работала по механизации строительства Большого цементного завода. Главному механику я не был нужен, и он направил меня к старшему электрику. Юрий Алексеевич Ромашкин, старший электрик, вольнонаемный, лет 40–45, дал мне работу по заготовке металлолома на территории зоны для электродов при прогреве железобетонных перекрытий, колонн и других конструкций, поскольку я еще не был электриком.

Здесь работали грамотные инженеры и электрики. Я понял, что быть электриком и долбать мерзлый грунт в котлованах или целый день гонять тачки на морозе — большая разница, но нужно было быть настоящим специалистом, чтобы выдержать конкуренцию. Я принципиально задался целью изучить теорию и практику электротехники, в этом мне помогали опытные люди. Корпус завода был выстроен, начались монтажные работы. В 1950 году меня включили в электромонтажную бригаду. Оборудование завода — сложнейшие автоматы для того времени — было смонтировано. Большой цементный завод был пущен в эксплуатацию, и главный энергетик завода Дмитрий Иванович Липилин отбирал квалифицированных электриков для эксплуатации электрооборудования. Требования при отборе были высокие. Я выдержал все экзамены и попал в состав этого коллектива.

Было лето. Конвой, как всегда, перед отправкой предупредил: «Шаг влево или вправо — конвой применяет оружие без предупреждения. Взяться за руки и по пути следования не разговаривать, головы опустить». И мы пошли... Тут кто-то в строю заговорил... Конвой приказал: «Колонна, стой!» Мы остановились. «Первая пятерка, два шага вперед!», после чего грозно: «Ложись!» А там грязь — болото. «Ложись, приказываю!» — кричал конвой, стреляя в воздух. Легли. Так положили и вторую пятерку, и всю колонну в сто человек... Довольно часто конвой

издевался, пользуясь своим положением. Однажды при входе в зону надзиратель приказал нашей пятерке явиться в комендатуру. Пришли. Нас стали запускать по одному в разные кабинеты. Я попал к уполномоченному лагеря майору Кравцову. В его комнате было несколько дверей, обитых дерматином. Две из них выступали вовнутрь кабинета, как гардеробные. Позже я узнал, что за эти двери ставили для подслушивания или лжесвидетельства при очной ставке. Майор предложил мне сесть и подвинул коробку «Казбека».

— Закурите, — сказал он.

— Некурящий.

Обычный прием. Расспросил, откуда родом, где родители, какой срок.

— Да ты совсем молодой, доживешь до свободы! Знаю, ты пользуешься авторитетом среди своих коллег, мог бы нам помочь.

Я сразу встал.

— Гражданин уполномоченный, я кавказец, мой род не позволяет мне быть дешевым исполнителем. Я каторжник, отбываю срок, тружусь честно и добросовестно, никогда не был идиотом, разрешите идти.

Майор ударил по столу кулаком и крикнул:

— Фашист, вон отсюда, ты сдохнешь здесь, сгною!

Долго не мог я заснуть. Утром разводящий объявил, что я переведен в 55-ю бригаду Умарова, которая работала на глиняном карьере, туда направляли «провинившихся». Карьер высотой четыре-пять метров, сплошная глина, вечная мерзлота. Часть бригады бурила сверху раскаленными ломами. На всю толщу забоя ломы, раскаленные докрасна, загоняли молотом в мерзлый грунт, в образовавшиеся воронки закладывали взрывчатку и взрывали. После взрыва его грузили в вагонетки, которые подавались кольцевым тросом в сырьевой цех кирпичного завода. Часть бригады работала на погрузке вагонеток, для чего требовалось кайлами раскалывать мерзлые глыбы глины, и грузила ее в вагонетки. Вагонетки

подавались партиями по 10–15 штук. Грузенные уходили, и на их место подавались пустые вагонетки. И так все десять часов каторжного труда.

— Земляк, — сказал мне Умаров, — мне нужны электрики, будешь настраивать прожекторы для освещения: после взрыва рвутся провода.

Карьер работал в три смены, как и кирпичный завод, который выжигал десятки тысяч кирпичей для строительства Норильска, который сейчас* считается комсомольской стройкой, а сколько там погибло нашего брата!

Я проработал на карьере месяц. Однажды мне Умаров сказал, что оперуполномоченный его предупредил: «Если Курашинова не заставишь пахать, как всех, сбрую тебе усы, будешь грузить глину на том же карьере». И я решил не выходить на работу на следующий день. Невыход на работу без уважительной причины (по мнению администрации лагеря) рассматривался как саботаж, за это судили еще раз по статье 58-14, добавляли к сроку 15 или 20 лет каторжных работ еще 10. Во избежание этого я объявил голодовку. Таких сразу определяли в отдельную камеру. Каждое утро надзиратель предлагал пищу, но от питания я отказывался. После отказа он забирал похлебку со словами: «Подохнешь — спишут, таких декабристов мы много похоронили на свалке». Я не ел уже шесть суток. На седьмой день пришли врач и два санитары. Они убеждали не губить себя, но я от пищи все равно отказался. Врач предложил выпить молоко с жиром: «Иначе будем кормить насильно». Я выпил молоко, но сказал, что пищу принимать не буду. На девятые сутки в тюрьму пришел начальник лагеря. Я лежал в постели, мне было плохо, поднялась температура. Начальником лаготделения тогда уже был не Грыбылев, а подполковник Власов. На вопросы, почему я объявил голодовку и что с приговором, я ответил,

* Воспоминания написаны З.П. Курашиновым в 1978 году.
(Примеч. ред.)

что приговор жестокий, я ни в чем не виноват и по специальности мне не дают работать. Я же не прошусь в хлебозерезку, работал на производстве. За то, что не стал сексотом, направили в 55-ю бригаду и там не разрешили работать электриком. Власов выслушал меня и сказал: «Куда пошлют, туда и пойдете, а сейчас принимай пищу, дурака не валяй, и без того полуживой... Распоряжусь — будешь на бутовом карьере электриком». Мне принесли легкую пищу. Через неделю я вышел на бутовый карьер.

Так шли мои дни в тоске и печали, в кругу грустных друзей я встречал один Новый год за другим, сидя за голым столом. Суровый северный ветер неприветливо обжигал лицо. Каждый день ходил на работу — выходных дней и отпуска не было. 2 июня 1953 года в 14.00 сняли с работы весь лагерный контингент. Мы были озадачены: «Может, амнистию объявят?» Никто ничего не говорил. День был теплый, мы группами расхаживали по зоне, недалеко от лагерной тюрьмы собралась большая толпа. Начальство кричало: «Разойдитесь!» Мы двинулись к толпе, вдруг со стороны тюрьмы донесся крик: «Братцы, помогите! Нас убивают, такая же участь и вас ждет завтра». Никто толком не мог ничего понять, поднялась суматоха. За колючей проволокой выстроились солдаты, выставили дополнительные пулеметы, и вдруг раздались пулеметные очереди. Толпа заключенных начала разбегаться, были слышны крики от боли и ужаса. Огонь открыли по толпе, замертво упали шесть заключенных, многих ранило. Это произошло в 16.00 2 июня 1953 года.

Всех заключенных встревожил и возмутил расстрел. В яростную толпу заключенных пробралось местное и приехавшее начальство. Среди них был начальник Горлага генерал-майор Семенов, с ним несколько офицеров, среди которых находился начальник л/о Власов. Наиболее грамотные и смелые заключенные подошли к начальству и выразили протест против такого произвола. Послышались

крики: «Вон из лагеря, палачи, мы объявляем всем лагерем протест, будем жаловаться, сволочи!» Начальство попятилось и удалилось за пределы зоны. В большом клубе лагеря мгновенно собралась масса людей. На трибуну вышли несколько заключенных, среди которых были бывший майор — летчик, Герой Советского Союза Воробьев, подполковник — инженер Борис Александрович Шамаев, адыгеец Хусейн Абидов и др.

В своем выступлении Б.А. Шамаев заявил: «Мы, осужденные Военным трибуналом СССР на большие сроки каторжных работ, трудились, не щадя свои жизни, голодные, холодные, в надежде выжить и дожидаться справедливости. К нам относились как к скотам, морили голодом, трудом. Мы не пользовались никакими человеческими правами. Сегодня нас расстреливают, а ведь велик наш вклад в строительство Норильска: Большая обогатительная фабрика, цементно-известковый и кирпичный заводы, завод шлаковаты, полный комплекс производства стройматериалов, водопроводная трасса для подачи воды Норилка—Норильск, автотрассы через болота, вечную мерзлоту и лесотундру. И после столь долгого пути к свободе нас расстреливают! Я предлагаю объявить протест против произвола и насилия, чинимых над нами в течение десятилетия. Среди нас нет воров, убийц, мы являемся жертвами войны. Позор палачам Берии, которые силой оружия хотят подавить волю заключенных!» В зале аплодировали, выкрикивали: «Ура!» Овация была продолжительной. Далее Шамаев продолжил: «Товарищи, я берусь за руководство и жертвую собой ради нашей свободы. Мы будем требовать приезда правительственной комиссии для разбора всех злодеяний местной администрации. Она должна быть уполномочена Г.М. Маленковым или К.Е. Ворошиловым».

Плотно набитый зал клуба не вмещал всех заключенных, желавших слушать выступавших. После митинга были организованы группы дружин для всех

входов зоны, чтобы никого из военных не допустить в зону. На второй день над лагерем вывесили траурный флаг. Состоялись похороны погибших товарищей. На самом высоком здании вывесили плакаты с надписями: «Протест, объявленный нами, не против власти и не является контрреволюцией. Он выражает волю заключенных, обреченных на истребление. Мы хотим свободы!»

Спустя пять дней в 10.00 мы услышали объявление по развешенным вокруг лагеря громкоговорителям: «Граждане заключенные, приехала правительственная комиссия. Приказываем всему населению лагеря выстроиться». Открыли главные ворота. Установили длинные столы, покрыли их красными покрывалами. За столом расположилась группа военных и гражданских лиц. Вся зона была выстроена, как на параде. Пятнадцать человек во главе с Шамаевым стояли в 20 метрах от стола. Потом к столу подошли два представителя с нашей стороны — Шамаев и Воробьев. Шамаев попросил комиссию предъявить их мандат, но председатель отказался что-либо показывать, заявив: «Вы, заключенные, не имеете права требовать что-либо. Достаточно, что нас уполномочил Л.П. Берия».

В колоннах раздались возгласы возмущения, некоторые кричали: «Вон отсюда, мы не признаем вас». С тем комиссия и удалилась. Снова по радио объявили: «Граждане заключенные, не слушайте провокаторов, они ведут вас по ложному пути. Вы уже близки к освобождению, выходите за пределы зоны, это вам облегчит путь к свободе. Председатель комиссии полковник Кузнецов».

Все ворота лагеря были открыты настежь для выхода желающих на ту сторону, однако за пределы зоны никто не выходил. Молчание и тишина стояли в зоне. Аккуратно выстроенная колонна заключенных ждала новостей и не расходилась. Затем строй рассыпался, многие ушли в бараки, оставшиеся заключенные толпами стояли в разных местах зоны, наблюдая

за воротами. Каждый мысленно решал для себя, куда пойти. Я лично подумал, если выйдет большая часть населения лагеря, тогда еще подумаю, выйти на ту сторону или нет. Мы не знали, чем обернется наша затея в дальнейшем. Весь лагерь жил напряженно. Нам выдавали гарантийное питание*.

Бытовое обслуживание лагеря продолжалось в обычном режиме, фабрика-кухня работала, никто никого не ущемлял в питании. Шло время, нас усиленно охраняли, а мы ждали и надеялись, что наконец-то с нами начнут считаться, разберутся во всем. Прошел месяц, другой... После 10 июля 1953 года мы узнали, что Берия разоблачен как махровый агент, враг народа. Лагерь вздохнул, заключенные оживились в надежде, что и до них дойдет праздник. Каждый день открывались ворота и по радио приглашали нас выйти из зоны — никто не выходил. Июль закончился. 4 августа 1953 года, в 4 часа утра (было уже светло), мы услышали строгий голос диктора: «Положение, создавшееся в вашем лаготделении, дальше нетерпимо. Всем заключенным зоны приказываю: в течение 20 минут группами, строем покинуть зону, в случае неповиновения в зону будут введены вооруженные войска, в случае сопротивления будет применено оружие. Полковник Ватутин».

Весь лагерь поднялся на ноги, за зоной вокруг колючей проволоки видно было много солдат МВД: они оцепили лагерь. Со стороны главных ворот стояла колонна автомашин с солдатами и офицерами. Никто не выходил в открытые ворота, где ждало нас большое начальство. Прошло 20 минут ожидания. Гробовую тишину нарушил град выстрелов, обрушившийся со всех сторон, в зону въехало десять бортовых автомашин с солдатами в касках и с автоматами, они стреляли по указке офицеров, которые поднимали флажки, то белые, то красные.

---

* Подробно о восстании з/к — книги пятая, шестая, седьмая нашего издания. (Примеч. ред.)

За машинами шла рота солдат с дубинками — били всех вдоль и поперек, беспощадно сгоняя к выходу за пределы лагеря. Всем досталось! Многие были убиты, многие ранены. Оставшихся в живых сгоняли в тундру, затем строем по пять человек подводили к заседавшей комиссии, по всей вероятности, с группой опознавателей из своих же заключенных. Шла сортировка людей на более активных «бунтарей» и пассивных. Я попал в группу активных. Нас положили на землю в вытянутом состоянии носом в холодную землю. Стоявшие рядом солдаты прикладами прижимали головы к земле. Так собирали по 20 человек, потом по команде «Встать!» заставляли пятерых братья за туловище впередистоящего. И попробуй идти, если сзади солдат с разбега наносит удар ногами по заднице последнего... Вся пятерка падает, снова звучит команда «Встать!»... Так нас гнали до дороги метров 200 к закрытым автомашинам. Мы оказались на территории лагеря «Медвежка» в лесотундре.

Исход этого «боя» был таков: 275 убитых и более 400 раненых, многие из которых позже умерли. Спустя три месяца нас перебросили в 8-е лаготделение, которое находилось в районе угольных шахт 12/24. Здесь собрали каторжников, которые пережили многие трудности за 10 лет, не терпели предательства, были один за всех, а все за одного. Помню, был случай, когда начальник лагеря пригласил одного зэка через надзирателя, а тот ему заявил: «Пойдем к начальнику вместе, у меня с начальником секретов нет».

Нас начали водить на работу из жилой зоны в рабочую. Работали в забоях, выдавали на-гора уголь. 14 июля 1954 года, спустя год после массового протеста, вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР. В нем говорилось об условно-досрочном освобождении заключенных, отсидевших две трети срока, по ходатайству лагерной и производственной администрации.

*В память о годах неволи. Первый слева сидит З.П. Курашинов.
Норильск, 7-е лаготделение, апрель 1955 г.*

Нарядчик каждое утро объявлял, какая бригада на какой объект направляется на работу, он же объявлял фамилии подлежащих освобождению. Так шли дни мои в тоске и печали, пока наконец не пришла и ко мне радость: моя фамилия значилась в числе подлежащих освобождению.

Процедура освобождения была такой. Нас собирали в лагерном клубе, где могли присутствовать все желающие. На сцене заседали выездная коллегия суда и представитель лагерной администрации. Председатель суда давал характеристику заключенному, а он должен был рассказать суду обстоятельства своей вины и раскаяния. Суд удалялся и решал: освободить или оставить. Так меня освободили. Были случаи, когда заключенный отрицал свою вину и приговор трибунала. Таких суд оставлял в лагере как неисправившихся.

Освобожденных направляли в лагерь, где их обрабатывали перед тем, как выдать документы о месте проживания. Здесь были такие же бараки, нары, та же похлебка два раза в сутки. Дела направлялись в отдел разбора освобожденных. Лагерь имел ограждение, но

конвойной охраны уже не было. Можно было выйти из зоны, походить по городу, не имея документов, но в этом не было смысла — патрули таких забирали. Так случилось со мной и товарищем: нас пригнали в какой-то военный гарнизон и бросили в камеру, где сушили валенки. Мы начали шуметь, требуя отправления в лагерь для освобожденных. Но пока дознавались о нас, нам пришлось попотеть и нюхать парные валенки до утра.

Освобожденных из политических лагерей направляли в спецкомендатуру для получения паспорта. Меня направили в 5-ю спецкомендатуру. Нас вызывали пофамильно в кабинет. Старший лейтенант хотел мне вручить паспорт торжественно, но я опередил его, заявив, что мне не нужен паспорт, который имеет зону действия только в пределах города на Таймыре. Он ответил, что мои мать и две сестры также находятся на спецпоселении в Казахской ССР, в Джамбульской области. «Прошу и меня туда направить, там я тоже буду на спецучете», — ответил я. Оказалось, это не в его компетенции, и он предложил обратиться к начальнику спецотделов города Норильска полковнику Харитонову. Я не взял паспорт, ушел на Комсомольскую, 14, поднялся на второй этаж в 17-й кабинет. На двери была табличка с надписью: «Посторонним вход запрещен». Я постучал в дверь, никто не ответил. Дверь была не заперта, и я без разрешения вошел в кабинет. За столом сидели двое: один — военный, а другой — гражданский. Извиняясь, я начал объяснять свою ситуацию. Полковник сурово нахмурился: «Молитесь, что живым выпустили из лагеря, идите, работайте, куда вас посылают». Я попытался его разжалобить, снова заговорил о матери. Он ответил: «Вон отсюда, сволочь, еще будешь мне нравоучения читать... Я из тебя кавказский дух вышибу!» Я удалился со словами: «Вы на это способны!» — и решил, чего бы это мне ни стоило, добиться права выезда к родным, к матери.

Не зная, что дальше делать, я шел по городу и неожиданно для себя увидел военный гарнизон, почтовый ящик 224 МВД СССР. Подошел к проходной. Дежурный, молодой лейтенант, впустил меня. Я попросил приема у начальника гарнизона. Лейтенант поднял трубку телефона и спросил: «Товарищ генерал, к вам хочет пройти гражданин Курашинов». Лейтенант открыл внутренние двери и сказал мне: «21-й кабинет».

Когда я вошел в просторный кабинет, генерал-лейтенант стоял посреди комнаты. Он вежливо поздоровался со мной за руку и предложил сесть. Вкратце я изложил генералу свою историю: был комсомольцем, призван в армию, потом плен, возвращение, сдача властям и 11 лет каторжной жизни. Рассказал, что, заслужив честь освобождения, я не могу вернуться к родным, которые также высланы в Казахстан, и о том, что мать воспитывала меня без отца с самого детства, что ее отец был расстрелян белогвардейцами, ее брат Катханов был командующим революционными войсками. За советскую власть в Кабарде он был расстрелян в 1928 году, ее муж, мой отец, тоже был расстрелян, но уже нашими.

Генерал выразил свое возмущение и сочувствие, а потом сказал: «В мои обязанности не входит решение вашего вопроса, тем не менее я помогу вам. Запишите адрес, по которому вы должны обратиться со своей просьбой: Москва, Кремль, начальнику 4-го отдела МВД СССР. Такое же письмо напишите матери в Казахстан, пусть и она от своего имени по тому же адресу напишет о разрешении ее сыну на выезд к матери». Я был глубоко тронут чуткостью и желанием помочь мне, с чувством поблагодарил генерала: «Всегда буду вас помнить и расскажу обо всем матери». Генерал проводил меня до двери и пожелал скорейшего возвращения к близким.

Адрес, который генерал мне дал, был центром всех спецпоселенцев и спецучетников. Я пришел в свой барак в свободном лагере и сразу принялся пи-

сать заявление на имя начальника 4-го отдела МВД и письмо матери. С нетерпением ждал ответа. Каждый день к нам в барак приходили вербовщики с предприятий Норильска, предлагая работу по специальности и общежитие. Многие сразу устроились работать, и им засчитывали 100-процентную надбавку к зарплате как «северную».

В ожидании ответа из Москвы я шлялся по зоне. Однажды вечером я зашел в контору, где работала группа сотрудников лагеря, занимавшаяся оформлением документов освобожденных, которые прибывали каждый день тысячами из многих лагерей Норильска. Я обратился к одной из сотрудниц, молодой женщине, с предложением помощи в разборе или переписке: «Мне все равно делать нечего». Она посмотрела на меня улыбаясь: «Сходите к начальнику, пусть он разрешит». Я зашел к майору Виктору Васильевичу Штанко, который меня хорошо знал и называл декабристом. И он дал добро. При этом, конечно, никакой зарплаты я не требовал.

В 9.00 28 марта 1955 года я был в распоряжении Тамары Николаевны. Она дала мне список, человек пятнадцать, и попросила отыскать их дела в папках, штабелями лежавших на полу. Так шло время, моей работой, четкостью и послушанием были довольны.

Однажды я попросил Тамару Николаевну достать мое дело. Она принесла мне дело № 1415. Внимательно просматривая его, я дошел до листа, напечатанного на машинке: «Решением выездной комиссии МВД СССР по политическим лагерям направить заключенного К.З.П., приговоренного к 15 годам КТР, в особорежимный лагерь гор. лаг. № 25, как опасного преступника». В конце стояла подпись и дата: 1948 год, март. Материалы дела не соответствовали действительности, все было сфабриковано, чтобы усложнить наказание...

28 апреля 1955 года пришел ответ из Москвы, сам Штанко принес мне в барак радостную весть. Мои документы быстро оформили, мне выдали суточные — два рубля в сутки — и назначили время отправления

в аэропорт Медвежка: 8.00 30 апреля 1955 года. Мою радость разделили все товарищи и сотрудники лагеря... Я отправил телеграмму: «Мне разрешили выезд, ждите меня не позднее 15 мая. Ваш сын».

В 10.00 30 апреля я вылетел из Норильска и в Красноярске был уже в час дня. 1 мая я уже ехал в плацкартном вагоне поезда в Новосибирск, а оттуда — в Алма-Ату. Я стоял у окна, рассматривая природу, проплывавшую со скоростью поезда. В вагоне ехали разные люди, кто пел, кто плясал... Ко мне подошел мужчина лет сорока: «Куда путь держишь, парень, наверное, освобожден недавно?» «Да», — подтвердил я. Он повел меня к своим, представил им и сказал: «Парень отбухал срок и едет домой, дайте, ребята, ему выпить». Мне протянули граненый стакан, наполовину наполненный водкой. Я поблагодарил их, пожелал всем здоровья, выпил, закусил хлебом с сыром и с хорошим настроением прибыл в Новосибирск. На следующее утро, ожидая отправления на Алма-Ату, осмотрел вокзал, который мне показался одним из самых красивых. Залы ожидания были громадными, со всеми удобствами, работали столовая, рестораны, камеры хранения... Но у меня не было ни гроша для таких удовольствий...

Наконец я продолжил путь, 4 мая я уже был в Алма-Ате. Потом был Джамбул, поселок Чулактау. В трех километрах от него располагался горно-химический комбинат «Каратау». Время было 23.00, в вагоне ехали и женщины, и молодежь. Я знал адрес матери в Чулактау, но поздней ночью мне не у кого было о нем спросить. Я осмотрел всех в вагоне, прикидывая, кто мог бы знать моих родных, и подошел к женщине, одетой в национальное платье. Она оказалась чеченкой, знала хорошо мою мать: мол, она шьет. Я подтвердил.

Мы прибыли на станцию в полночь. Подошли к домику, где проживали моя мать и сестра. Низенький домик, весь из глины, виднелся во дворе, кругом глиняный забор. Было темно, все спали. Тишина. Моя

спутница постучала в калитку и негромко позвала: «Мамаша!» Долго не пришлось стучать, вышла мать: «Кто там?» Я стоял в стороне от калитки, чтобы сразу не испугать ее. Моя спутница ответила: «Это ваша знакомая. Ваш сын приехал». Когда мать открыла калитку, я обнял ее и заплакал. Мы не виделись 13 лет! Мать подарила чеченке отрез на платье за радостную весть и за то, что привела сына.

Мы прошли небольшой дворик и зашли в домик, в котором были маленькая комната и коридорчик, цементный пол во всем доме. Дома была одна мать, сестра лежала в больнице с сыном. Больница была рядом. Мать, не дождавшись утра, пошла рассказать сестре о моем приезде. Уже к рассвету у нас собрались обе сестры, племянник и даже соседи. Когда я первый раз сообщил о своем освобождении, мать купила козу для дня радости, чтобы устроить праздничный обед для всех в честь возвращения сына. Перед самым моим приездом козу убило молнией, и пастух не успел ее зарезать. Но поселок не без коз и баранов! На третий день моего приезда у нас побывало много гостей: близкие, соседи, знакомые и незнакомые люди. Все поздравляли семью и меня.

Человеку, проработавшему 11 лет на каторге в самые прекрасные, молодые годы за похлебку, за то, что ему оставили жизнь, любая работа по плечу, тем более когда он уже на свободе. Я решил без дела долго не сидеть. 23 мая 1955 года я встал рано, позавтракал и сказал матери, что иду устраиваться на работу. Поселок Чулактау был многонациональным: здесь жили греки, немцы, казахи, балкарцы, чеченцы, ингуши, кабардинцы и многие другие. Основными предприятиями здесь были комбинат «Каратау» и карьер фосфоритов. Комбинат находился у горы Каратау, в трех километрах от поселка, куда часто ездили машины и маршрутный автобус. В здании управления я зашел в кабинет главного энергетика и представился электриком 7-го разряда. Он осмотрел меня с ног до головы и попросил документы. Я протянул справ-

---

ку, которую нам выдали при освобождении взамен трудовой книжки. В ней говорилось, что я работал электриком на строительстве и эксплуатации электрооборудования на многих объектах города Норильска, имею 7-й разряд. Главный энергетик посмотрел на меня и сказал: «Такие специалисты нам не требуются». Я развернулся и ушел.

Обходя территорию комбината, я осматривал корпуса и увидел надпись: «Электроцех». Рядом находилось несколько человек. Они отдыхали — был перерыв. Мне, как гостю, предложили пройти и сесть. Восемь человек разного возраста, мне показалось, были чем-то озабочены. Один из них разъяснил мне, что через день им предстоят экзамены перед квалификационной комиссией из 15 человек. Они прошли полугодовой курс по повышению квалификации и повышению разрядов. Показали перечень вопросов (их было более ста) по теоретической электротехнике, эксплуатации электрических машин и аппаратов, их устройству. Я стал разъяснять им наиболее сложные вопросы. Когда перерыв закончился, спросил, где их преподаватель. Отправился снова к зданию управления, нашел нужный кабинет, постучал и у инженера-электрика попросил разрешения допустить меня к экзаменам, так как решил жить здесь и работать. Инженер, грек по национальности, дал мне лист бумаги, я написал заявление.

Комиссия заседала на кафедре. Пригласили первого. Я подошел к столу, вытащил два билета: один — по электротехнике, электрическим машинам, другой — по технике безопасности. Затем нужно было сесть для подготовки, но я, мельком посмотрев билеты, заявил, что к ответу готов. На все вопросы дал исчерпывающие ответы. Все были в недоумении, удивлялись, откуда я взялся. Мне задали дополнительные вопросы, на которые я опять успешно ответил. Комиссия единогласно присвоила мне 7-й разряд с оценкой «отлично». В понедельник я вновь пошел к главному энергетiku и еще раз спросил, нужен ли им

электрик. На этот раз он без возражений подписал мое заявление и направил меня в дробильно-размольный цех, где я проработал до 1956 года.

17 сентября 1955 года в газете «Известия» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии для лиц, осужденных в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Эта амнистия распространялась и на бывших военно-служащих, оказавшихся на оккупированной врагом территории. Обрадованный этой вестью, с газетой в руках я отправился в спецкомендатуру, в которой состоял на спецучете. Старший лейтенант, казах лет 40, с насмешкой мне заявил: «Молодой человек, вы не подлежите никакой амнистии». Мне было очень обидно, но я не поверил заявлению старшего лейтенанта. На второй день отправился в город Джамбул, областной центр, к высшему начальству. Нашел управление спецотделов, зашел к начальнику подполковнику Крылову, у него раньше была моя мать с ходатайством о моем выезде из Норильска. Он принял меня радушно, поздоровался за руку, пригласил сесть. Когда я пересказал разговор со старшим лейтенантом, он сказал улыбаясь: «Товарищ Курашинов, не волнуйтесь, мы занимаемся вашим делом и подобными вашему. Скоро всем выдадим документы, разрешающие куда угодно ехать без ограничений». Он попросил передать матери поздравления с возвращением сына и полным снятием ограничений. Я от всего сердца поблагодарил подполковника и вернулся домой. В минуты, когда я писал эти строки, по радио передавали песню по заявкам ветеранов войны и труда: «Помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела». Эта песня напомнила мне Горлаг Норильска, она была любимой песней всех заключенных, которые жаждали свободы...

Едва приступив к работе на комбинате, я начал пристройку к домику еще одной, более просторной комнаты. Здесь, в Чулактау, жило всего три семьи кабардинцев. Еще в Норильске я получал письма,

написанные мне незнакомой женщиной. По возвращении я познакомился с ней. Зоя была очень красивой. Однажды я, сестра Нина и Зоя пошли смотреть фильм «Неоконченная повесть». Рядом с Зоей я почувствовал ее теплоту, невидимые лучи пронизывали меня, и я осмелился положить свою правую руку на ее колени. Она прикрыла мою руку своей, и так мы сидели до конца фильма, который нам показался таким коротким... С Зоей мы стали часто встречаться. Наши взгляды на окружающую жизнь во многом совпадали. Она работала учительницей в средней школе поселка, держалась достойно, без каких-либо вольностей. Я часто бывал у нее дома. Позже решил посоветоваться с семьей о моем намерении жениться на Зое. Но мать и сестры были категорически против: мол, она была замужем, тебе не пара... А вскоре, после выдачи нам справки из спецкомендатуры на получение паспорта, мы быстро собрались для отъезда из Чулактау на родину. Наши знакомые, близкие провожали нас. Я попрощался с Зоей. Мы были рады возвратиться

Справка для предъявления в паспортный стол. Подпись — Крылов

домой, хотя у нас уже не было своего дома. Вернее, дом-то был, но там жили другие люди.

17 апреля 1956 года мы прибыли в Нальчик, где жили наши родственники, старая тетя Сорат, которая приезжала ко мне в Пятигорск в 1944 году. Мы снова встретились спустя двенадцать лет. Семья тети Сорат с радостью дала нам комнату, мы определились. Предстояло все начинать сначала, не имея ни кола ни двора. Я устроился на работу в Кабардино-Балкарское СМУ «Сельэлектросетьстрой». Главный инженер СМУ заявил, что по 7-му разряду меня принять не может, предлагал работать по разряду ниже. Я не соглашался. И все же после профессиональных бесед прораб электромонтажного участка взял меня в свою бригаду работать по 7-му разряду. Она строила линию электропередачи и подстанцию в селе Малка.

Однажды хозяйка дома, где мы жили, попросила меня зайти к ней. Ее муж погиб на войне, дочери вышли замуж, сын служил в армии. Тетя Лиза была хозяйственной женщиной. Во дворе гуляли куры, индейки, корова, телка, несколько баранов. Тетя Лиза поставила мне на столик обед из жареной картошки на сковородке с яичницей и кислое молоко (кефир). Мне было неудобно... «Вы молодость провели в казарменных условиях, кушайте на здоровье». Я хорошо пообедал и сел в стороне перед открытыми дверями кухни. Она расспрашивала меня о многом, интересовалась, есть ли невеста. Я улыбнулся: «Не женюсь, пока не найду невесту выше себя ростом, стройную, блондинку с длинными волосами». В это время раздался какой-то шум, топот... В открытые двери вбежала девушка, удивительно похожая на только что описанную мной. Оправдываясь, она сказала тете Лизе: «Что у вас за индюк!» Действительно, ее большой индюк кидался на девушек, кусая их за ноги. Эта девушка, оказывается, приехала к брату, который после окончания вуза работал в Малке в сред-

---

ней школе, чтобы поухаживать за ним: постирать, погладить одежду, приготовить обед... У тети Лизы она покупала сметану, яйца и другие продукты.

Как только девушка ушла с покупками, я тут же попросил тетю Лизу познакомить меня с ней поближе: «Попросите ее вечером прийти к вам...» Она пришла с племянницей тети Лизы. После краткого знакомства я рассказал о себе. Еще мальчиком хотел иметь подругу, похожую на Жансорат. Если она пожелает быть моей женой, я сейчас же согласен ее увести домой к матери. Она была удивлена моим быстрым решением и ответила, что еще далека от таких мыслей. Девушки еще немного посидели и собрались уйти. Я вышел вместе с ними во двор. Жансорат сказала подруге: «Вот на этом месте на меня напал индюк». Я признался, что мысленно благодарю индюка и всегда его подкармливаю, и проводил девушек.

Жители села Малка пользовались водой из реки Малки, рано утром они ходили за водой. Жансорат тоже носила воду в ведрах на коромысле. Каждое утро и я ходил на берег реки, главным моим влечением была встреча с Жансорат. Мы не спеша шли с берега, порой ничего не говоря. Жансорат всегда была немногословна... А я говорил ей: «Чем больше ты молчишь, тем больше мне нравишься». Так началась наша настоящая любовь.

Как-то вечером, после трудового дня, я увидел знакомых девушек и подошел к ним, но Жансорат неожиданно покинула нас. В чем дело? Ее подруга показала на молодого высокого парня, который направлялся в закусочную: «Это ее брат». Я решил с ним познакомиться, отправился за ним. Попросив разрешения, подсел к нему за стол, затем встал и заказал буфетчице два пива, два шашлыка. Я представился, и он назвал свое имя — Аслангери. Мы стали часто встречаться, ходили вместе в сельский клуб смотреть кино. Субботние отъезды в Нальчик я стал совмещать с отъездом Жансорат в родное село Урух.

Однажды мы приехали в Нальчик раньше обычного времени, автобус должен был отправиться в Урух в 14.00, а время было полуденное. Мы с Жансорат пошли домой, чтобы сестра и мать посмотрели на мою избранницу издали, втайне от нее. Моей семье она понравилась, и они дали свое согласие на женитьбу. Жансорат училась в Нальчике в торговом техникуме на последнем курсе, поэтому мы часто встречались, но ни разу одни никуда не ходили: ни в кино, ни в театр. Ее последнее слово было таково: как только женится ее брат, она пойдет за меня, даже если родители будут возражать. На Новый, 1957 год Аслангери женился, в селе Старый Леспен он уже работал директором школы-интерната. Когда я появился у порога кабинета директора, Аслангери пошел мне навстречу, мы обнялись... «Что принесло тебя?» — «Старая

*Хурират Курашинова, мать
Зенудина. Она младшая сестра
Назира Катханова, общественного
деятеля Кабардино-Балкарии*

дружба», — ответил я и добавил, что есть еще одно важное дело: его сестру я очень уважаю, мы друг друга полюбили и хотим быть вместе, я прошу ее руки. Аслангери дал мне понять о своем несогласии и сказал: «Такие вопросы решают старшие в роду».

Шел 1957 год. Мы жили на частной квартире без удобств, и все равно я решил жениться, да и родственники настаивали. И вот я нанял автомобиль «Победа», взял с собой родственницу, и мы поехали в село Урух за невестой. Февраль 1957 года, время вечер-

нее, неплотный туман, моросило. Жансорат должна была нас ждать на условленном месте. Когда мы подъехали к указанному месту, никто нас не ждал. Мы вернулись одни... Третьего марта я предупредил мать, что опять еду в Урух, на этот раз без своего транспорта. Мать возразила с упреком: «Девушек много, брось за нею бегать». С доводом матери я не согласился и на автобусе отправился в Урух. Жансорат работала в магазине, и я быстро отправился туда. Она стояла за прилавком, покупателей не было, только одна женщина что-то купила и ушла. Я попросил Жансорат: «Закрой магазин, без тебя не уеду». Я сказал это твердо и решительно. «Иди, сейчас я выйду тоже», — ответила она.

На улице тускло горела одна лампа. Мы пошли медленно в направлении села, она молчала. Я ей твердил: «Мы любим друг друга, и другого пути у нас нет...» Так мы шли вдоль села, по полю. Порядком побродили, опять заморосило, в тумане добрались до асфальтированной дороги. Перешли мост через ре-

Семья Зенудина Пшимаховича Курашинова. 1992 г.

что едут со свадьбы или на свадьбу. Водитель мне заявил, что везет людей в село Леспен II. Нас это совсем не устраивало, но надо было отъехать подальше от села Урух. Мы высадились на повороте в Старый Леспен, здесь нам с Жансорат пришлось опять ждать... Темнота, час ночи, вдруг вижу свет фар машины со стороны Старого Леспена. Я стал посередине дороги: «Нам срочно надо в Нальчик!» Сидевший рядом с водителем мужчина вышел, его место заняла девушка, а мы вдвоем сели сзади. В третьем часу ночи мы были уже в городе и водитель посадил нас у дома родственников. Я поблагодарил незнакомца и щедро заплатил. Они тепло встретили Жансорат. На второй день сообщили родителям девушки, что их дочь в надежных руках, пусть не волнуются. Так мы поженились. Свадьбу провели очень роскошную для того времени...

Я продолжал работать на прежнем месте, постоянно ездил в командировки, по субботам и воскресеньям приезжал домой. Однажды летом мать сказала, что какой-то мужчина спрашивал меня. Вернулся на работу — повторили то же самое: он подъезжал на автомобиле. Я забеспокоился. После обеда мы отправились на объект, к нам подъехала «Победа» белого цвета. Мужчина, который искал меня, подошел ко мне: «Как дела, товарищ Курашинов?» Я видел его первый раз в жизни. Он отозвал меня в сторону и предложил с ним проехать. Я отказался, тогда он достал красную книжечку: сотрудник КГБ, майор такой-то. Я опять возразил: «Мне с вами не о чем говорить». Он сказал: «Я долго не буду вас задерживать». Мы сели в машину и приехали в правление колхоза. Офицер попросил секретаршу открыть кабинет председателя колхоза. Майор сел и предложил мне сесть напротив. Достал папиросы «Казбек», закурил и предложил мне. Я сказал, что не курю, — тактика знакомая! Майор начал издалика: как живу, как здоровье матери, женился ли я?..

На все его вопросы я отвечал вопросом: «Что вам угодно?» Майор продолжил: «Нас Дзержинский учил быть с массами. Каждый честный гражданин должен выполнять долг патриота». Я в ответ: «Это ваш долг, за это вас содержат, вот и будьте верным заветам Феликса Эдмундовича. Я не был чекистом, из меня для вас никогда не выйдет информатора. Я честно, добросовестно отбыл срок наказания, хотя и невиновен был, правительство досрочно освободило меня, честно тружусь, имею семью. Будьте добры, не трогайте меня, я ничем не обязан вам». Майор заметно изменился в лице, ударил по столу с криком «Фашист!». «Вы меня не пугайте, хуже того, что пережил, не увижу», — сказал я. Майор вышел на улицу, велел мне подождать в кабинете. Минут через десять он вернулся: «Сейчас к нам приедет начальство». Наконец вошел мужчина лет пятидесяти пяти, в гражданском. Майор представил его как полковника и назвал меня твердолобым. Полковник улыбнулся, со мной поздоровался за руку: «Кавказцы — народ темпераментный, вспыльчивый, я вижу,

*Зенудин Пшимахович
Курашинов. 1962 г.*

вы не поняли друг друга. Мы не собираемся из вас сделать сексота, нам нужно поручить вам одно особое задание». Я и полковнику предложил оставить меня в покое... В это время вошел знакомый односельчанин, с которым я учился с первого класса до армии. Он резко развернулся, потому что все понял, так как был сотрудником МВД.

Мы покинули правление колхоза в 21.00. Мне предложили сесть в машину, но я отказался.

Шел расстроенный, обиженный и злой, ребята из бригады уже спали... Утром секретарь начальника управления пригласила меня к телефону. Я услышал знакомый голос майора, который предлагал мне явиться в серый дом вечером. Я ему ответил, что приходить к ним не намерен, даже нагрубил, предложив привести конвой. Не прошло и минуты, как меня вызвал мой начальник: «Зачем вы грубите сотрудникам КГБ? Вы должны явиться в 20.00 к ним». Я и ему сказал: «Мне там делать нечего» — и ушел. Спустя неделю получил повестку в горвоенкомат. Пришел. Военком посмотрел мои документы: «Вам нужно пройти туда» — и показал на дверь. В кабинете сидели старые знакомые: майор и полковник. Мне было сказано, что беспокоить меня больше не будут, но я о наших разговорах должен молчать. С тем мы и разошлись.

Я продолжал работать в строительном-монтажном управлении, окончил вечернюю среднюю школу, поступил в Московский энергетический институт, на заочное отделение. В 1962 году стал мастером электромонтажного участка, в 1964-м — прорабом районного участка. Где только не приходилось работать — по всей республике, строили ЛЭП (линию электропередачи) в Приэльбрусье. Получил участок для строительства жилого дома в 1958 году, построил дом со всеми удобствами: газ, канализация, водопровод. В 1961 году отпраздновал новоселье, к этому времени уже родились дети Галина и Мухаммед. С нами также жили моя сестра с сыном. В 1965 году мать решила выхлопотать пенсию. Когда она пошла к министру социального обеспечения, та ей сказала, что, пока не будет реабилитации, матери не могут дать пенсию. «Зачем тебе пенсия? Пока я буду жить, тебя никто не обидит», — убеждал я мать. Но она настаивала, и мне пришлось все-таки пойти к министру. Приняли меня радушно, я кратко ответил на интересующие вопросы. Министр посоветовала мне

написать жалобу в СКВО военному прокурору. Такую жалобу я писал еще в лагере в 1959 году, но тогда мне ответили, что жалоба рассмотрена и приговор оставлен в силе. Поскольку наступили другие времена, я решил написать жалобу второй раз и получил вызов в Ростов-на-Дону в апреле 1966 года. В 10.00 я уже был в отделе Военной прокуратуры СКВО, меня провели к старшему следователю, который тщательно подготовился к встрече. Он расспросил меня по делу, мы проговорили до 12.00, после обеда встретились вновь. Подполковник сказал, что было много несправедливости, что следствие вели, злоупотребляя всеми законами... В это время в кабинет вошел военный прокурор СКВО, он поздоровался со мной и сказал, что дело мое они рассмотрят, заодно просил передать матери, что ее дело будет решено вскоре после моего, а мне должны оплатить проезд и суточные...

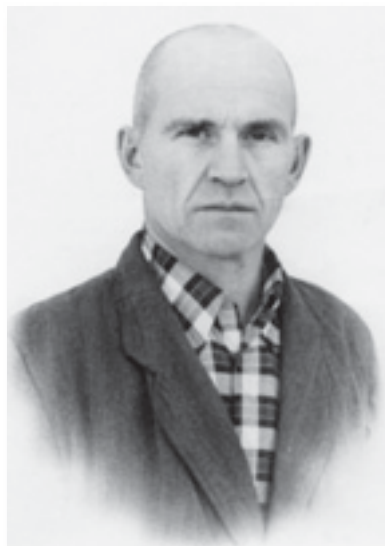
18 августа 1966 года я получил окончательное решение из Москвы от Военной коллегии Верховного суда СССР. В справке было указано, что за отсутствием состава преступления З.П. Курашинова, бывшего курсанта Урюпинского военного училища, приговор Военного трибунала СКВО отменяется, З.П. Курашинов реабилитирован. Меня вызвали в горвоенкомат и оплатили льготы, установленные для реабилитированных постановлением Совета Министров СССР № 1655 от 08.11.1955 года. Мне причиталось 55 рублей 6 копеек. Эти деньги мне стоили полжизни. На них я купил торшер производства ГДР, который и сейчас стоит у меня в зале...

С тех пор прошло немало лет. Я много работал, завоевал уважение людей. У меня хорошая семья, трое девочек и мальчик. Но даже в радостном семейном кругу мне бывает грустно: я вспоминаю прошлое... Если крестьянин оставляет в поле без присмотра своего осла, он забивает кол и привязывает животное. И тогда осел свободен в радиусе веревки.

Так и человек: у каждого свой радиус действий и не всегда он сам определяет его для себя. Трагично, когда круг чертит страх и жгучее желание выжить... Во что бы то ни стало. Не благодаря, а всему вопреки...

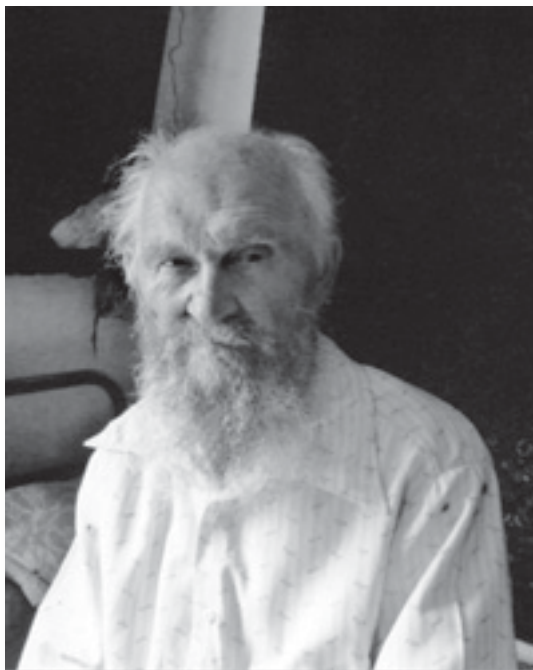
*Сергей Дмитриевич Соловьев.
Мордовия, январь 1961 г.*

Сергей Соловьев:

«А мы и не знали, что нас считают самыми опасными.

...Раскаяние — ну, для меня это хуже петли было!»

Сергей Дмитриевич Соловьев. Змеиногорск, 2007 г.

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Мне очень хочется, чтобы вы почувствовали поразительную силу личности Сергея Дмитриевича Соловьева. Он был арестован в сталинские, а вышел на свободу в горбачевские времена. Его судьба кажется остросюжетным фильмом или книгой — а ведь ее пишет более 90 лет сама жизнь. Тут взлеты и несчастья, трагедии и комедии, любовь и ненависть, редкие радости и многие печали. Он считает, что прожил жизнь интересно. Часто он сам проверял себя на прочность, но всегда (бывало, в ущерб себе) оставался в ладу с самим собой, никого не предал и даже не причинил зла. Хотя сам хлебнул лиха с избытком для одного человека...

Сергей Дмитриевич Соловьев — автор Программы и Устава Демократической партии России, рожденной в норильских лагерях. Они опубликованы в книге восьмой издания «О времени, о Норильске, о себе...» (с. 312–319). Удивительно умный документ! И современный. А ведь он написан в такие глухие и мрачные годы, когда свобода казалась просто несбыточной мечтой...

В книге восьмой очень кратко о С.Д. Соловьеве написал Лев Александрович Нетто, побывавший в г. Змеиногорске Алтайского края, где С.Д. сегодня живет, пообщался с ним, с его семьей, сфотографировался на память, показал Сергею Дмитриевичу документы ДПР. Он с интересом их прочел, удивился, что они сохранились. Но... откровенничать с гостем особо не стал. Возможно, потому, что приезду Л.А. Нетто предшествовало следующее событие.

Поскольку письмо в Змеиногорск и ожидание от туда ответа могло занять немало времени (ведь возраст Соловьева более чем солидный), Лев Александрович решил действовать через Барнаульский «Мемориал».

Он попросил узнать, как добираться до Соловьева, и просил известить его, что к нему едет такой-то человек, которого он должен помнить по норильскому лагерю. «Мемориал» откликнулся быстро, просьбу Л.А. Нетто выполнил, о чем его и известил.

Бы даже представить себе не можете, какое ужасное впечатление это произвело на старого лагерника! Он забеспокоился, взволновался, с подозрением оглядывался даже в своем доме, стал собирать чемодан, чтобы уехать... Еле отговорили его, с трудом успокоили к приезду Л.А. Нетто Анастасия Павловна и ее дочь Любаша.

Льва Александровича вся семья встретила радушно, но беседы с ним Сергей Дмитриевич нет-нет да и прерывал словами: «Говори потише, не так громко...» Значит, от каких-то сомнений и подозрений он все-таки не избавился... А это был уже 2005 год... Простились хорошо, Любаша дала номер мобильного телефона, по которому можно с ними связаться, и адрес свой — это если потребуется получать бандероль с книгами: ведь Сергей Дмитриевич живет без паспорта, как и без пенсии, льгот, положенных реабилитированному. После освобождения он, конечно, документ получил, но в тот же день в автобусе вместе с деньгами у него его и выкрали. Я представила, как человек, отвыкший за 26 лет от свободы, от скопления незнакомых людей, не ориентирующийся еще во времени и в пространстве, выделялся среди пассажиров как незащищенный инопланетянин... И кто-то недобрый воспользовался этим. Попытка получить новый паспорт сопровождалась унижительными процедурами, обидными словами, и он решил не тратить больше свои силы и время на общение с госорганами. Потом его вызывали в милицию в Барнаул — он не приезжал. Кончилась эта история еще одним тюремным сроком — на год. Сергей Дмитриевич привычно его отсидел, освободился и продолжил жизнь без паспорта. Он и государство и без того живут в разных мирах...

Лев Александрович Нетто продолжил переписку с С.Д. Соловьевым. Координационный совет «Сопро-

---

тивление в ГУЛАГе», который он возглавляет, решил послать в г. Змеиногоorsk журналистку А.Б. Макарову. Предварительно испросив разрешение на визит, Алла Борисовна отправилась на Алтай.

И тут в самый раз привести отзыв о С.Д. Соловьеве московского диссидента Бориса Вайля. Он сидел в советских лагерях, а потом эмигрировал из страны. В 2006 году, как сотрудник Фонда королевской библиотеки в Копенгагене (Дания), он побывал в командировке в Питере. Специально для нашего издания он написал страничку о Сергее Дмитриевиче Соловьеве.

Борис Вайль о С.Д. Соловьеве

Я познакомился с Соловьевым в конце 1950-х гг. в Озерлаге. Сергей Дмитриевич был незаметным, тихим и милым человеком, практически не выделявшимся ничем из серой арестантской массы. Кто-то указал мне на него — как на человека не совсем уж такого простого, каким он мог бы показаться. Я не помню, о чем мы с ним говорили, но ясно, что «политики» мы не касались. Наверное, мы с ним в этом плане понимали друг друга без слов. Кто-то сказал мне, что С.Д. — власовец. О власовцах на основании личного опыта у меня сложились нехорошие впечатления, и если С.Д. был действительно власовцем, то — думал я — вот исключение, которое подтверждает правило. Действительно, сколько я их в лагерях ни встречал — они мне доверия не внушали: как правило, все они так или иначе сотрудничали с лагадминистрацией. С.Д. был первым — а может, и единственным? — по крайней мере, из встреченных мною солдат РОА, в чьей честности я не сомневался.

Часто можно было наблюдать, как С.Д. в свободное от работы время сидит на скамеечке, играя в шахматы с тем или иным партнером. Сидели они на скамеечке по-лубоком, шахматы между ними на той же скамеечке.

В те годы в политических лагерях много было подпольных организаций. Их создавали в основном молодые люди — впрочем, в них встречались и не такие уж

молодые... Чуть позднее — кажется, в другом лагере, где С.Д. уже не было, — зашел у меня разговор с одним таким подпольщиком, то есть участником подпольной организации. Я спросил его о С.Д. Мой собеседник сказал: «С.Д. — большой специалист по конспирации! От него я кое-чему научился». «Например?» — спросил я. «Ну, вот, скажем, лагерь или вообще большое скопление людей. Как в этих условиях вести длительную беседу с человеком, чтобы вас не подслушали и ни в чем не заподозрили?» — «Да, как? Ведь если два человека беседуют на ходу и к ним подойдет третий, они, скажем, умолкают — и это уже подозрительно! А круто сменить тему не каждому удастся, и порой третий может легко догадаться об этом». — «Так вот, чему научил нас С.Д. Берешь шахматы, садишься на скамейке, насколько можно, напротив того, с кем должен поговорить, ты смотришь на него и видишь все, что за его спиной, а он соответственно — за твоей спиной. Боковым зрением вы оба контролируете боковое пространство. Кто-то подходит — вы замолчали. Ничего страшного! Наоборот, естественно: шахматисты чаще молчат, чем разговаривают».

Я на самом деле не знаю, был ли в мое время С.Д. участником тайных организаций. А вот насчет шахмат... Тут, как говорится, за что купил — за то и продаю.

*Декабрь 2006 г.,
С.-Петербург.*

26 лет в советских лагерях (можно сказать, в концлагерях: ведь недаром по европейским меркам пребывание в них приравнено к пыткам), видимо, коренным образом меняют человека, и далеко не все из нас могут это понять... Вот и Любаша с тревогой заметила, что перед приездом Аллы Борисовны Макаровой у Сергея Дмитриевича, как она потом рассказала, какие-то страхи начались: то по крыше кто-то ходит, то еще что. «Мы даже не стали заранее говорить ему, когда вы приедете... Сказали в последние дни. Мама шторы сняла стирать, а он взял ее платье, гвоздями прибил — занавесился». Алла Борисовна с беспокой-

ГЕНЕРАЛЬНАЯ
ПРОКУРАТУРА
Российской Федерации
103793 ГСП, Москва, К-9
Пушкинская, 15-а

658283, Алтайский край,
Русовский р-н,
п/о Босково
Соловьеву С.Д.

21. 11.93 № 13/3-1625-92.

Сообщая, что Прокуратурой проверены уголовные дела в отношении Вас. Установлено, что приговор Военного трибунала Московского военного округа от 26 января 1952 года коим Вы осуждены по ст.58-1 "б" УК РСФСР к 25 годам лишения свободы признан необоснованным и Вы по этому делу реабилитированы.

На приговор судебной коллегии по уголовным делам Магаданского областного суда от 11 марта 1955 года принесен протест в судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, в котором поставлен вопрос о прекращении в отношении Вас уголовного дела по ст.ст. 58-10 ч.1, 58-11, 82 ч.1 УК РСФСР.

О результатах Вас известят из Верховного Суда Российской Федерации.

Прокурор отдела

Н.Н.Ильина

Письмо из Генеральной прокуратуры от 1992 г.

ством спросила: «Он что, расстроился, что я приехала?» На что Анастасия Павловна мудро успокоила ее: «Возраст! Девяносто лет ему...»

А вскоре Сергей Дмитриевич проснулся (днем он теперь отдыхает), стали накрывать на стол... Он вышел, заметил гостью, поздоровался и спросил: «Вы говорите по-французски?» Соскучился по языку, а поговорить не с кем... Он увидел, услышал Аллу Борисовну Макарову и наметанным глазом разбирающегося в людях опытного лагерника сразу понял: перед ним хороший, душевный человек. Они беседовали с перерывами три дня. Им — слово...

Галина Касабова.

Записи собеседний
с целью установления возможности
их связи с пелугами во время
бурейных ветров

или,

наоборот, влияние пелуги актив-
ной на характер собеседний.

Налета 25 сентября 1964 года.

Жензита 3 января 1980 года.

Соловьев Сергей Дмитриевич,
1916 года рождения 18 октября.

Почему-то я думала, что таких людей не осталось в России. Или даже — что таких не бывает на свете. Но вот проехала через полстраны до Алтайского края и почти у самой границы с Казахстаном, в маленьком городе Змеиногорске, познакомилась с Сергеем Дмитриевичем СОЛОВЬЕВЫМ, которому только что исполнилось 90 лет. Вот он сидит передо мной — модная светлая куртка, седая борода и лысина мудреца, а глаза веселые и ясные, как у ребенка. Читает до сих пор без очков. А когда рассказывает о себе, неторопливая речь его — образец подлинно русского литературного языка, каким говорили в XIX — первой половине минувшего, XX века: без словесного мусора, неологизмов, лагерных оборотов, заполонивших современный бытовой язык. Его жизнь — почти век! — невозможно пересказать в двух словах. В ней были разные страны — Бельгия, Франция, Польша, Литва, Германия, Россия. Горестные и страшные события — война, плен, концлагерь, побеги, репатриация, обернувшаяся годами репрессий на родине. Были друзья и необыкновенная любовь к женщине. Ум, который не спрячешь. Творческие способности, которые требовали выхода. Озарение — без него не одолеть в одиночку труд, который по силам лишь коллективу специалистов: программу демократического переустройства России.

У Сергея Дмитриевича СОЛОВЬЕВА не было времени написать книгу о своей жизни. А жаль, она читалась бы, как увлекательный роман. Вот он и сам, будто не веря себе, повторяет: «Мне 90 лет. Красивая жизнь прошла. Опасная. Веселая. Интересная. Насмотрелся народов, и стран, и обычаев. Столько людей прошло перед глазами, столько было разных переживаний, эмоций...»

В аккуратном голубом чемодане («Сам сделал в лагере на Колыме») хранятся книги и лагерные тетради. Открываю одну наугад и читаю: «Запись сновидений с целью установить возможность их связи с

жизнью во время бодрствования или, наоборот, влияние жизни активной на характер сновидений. Начата 25 сентября 1964 года. Окончена 3 января 1980 года». Можно бы улыбнуться такой причуде... Если только не знать, что годы эти Сергей Дмитриевич провел в тюрьмах и лагерях СССР — на Колыме, в Иркутской области, в Мордовии. Лагеря были особые и строгие, с карцерами и БУРом (барак усиленного режима), тюрьмы — с камерами-одиночками. Письма родным и то не всегда позволялось писать. Так наказывали заключенных за отказ сотрудничать с лагерной администрацией. Стихи — нельзя, размышления и воспоминания — тоже, ведь у врагов советской власти и мысли антисоветские. А записывать сны? Они ведь приходят сами собой, неизвестно откуда и почему, странные, неясные фантазии... Человек же не виноват, что ему приснился, скажем, Хрущев, или похороны какого-то значительного лица, или сад, полный цветущих яблонь, или два рыжих жеребенка, похожих один на другого...

От тетради — застарелый запах сырости, пыли, табачной горечи, крепкого камня тюремных стен. Запах несвободы, непередаваемый запах тоски. Под светлой обложкой 20 тонких тетрадочек по 8 листков. Значит, 320 страниц, исписанных мельчайшим, бисерным почерком, иногда по-французски, большей же частью по-русски. Заметив мой интерес к этим записям, Сергей Дмитриевич щедро решает: «Я дарю вам тетрадку, читайте!» Что же, пусть она поможет моим расспросам и рассказам С.Д. СОЛОВЬЕВА о его жизни...

ДОБРОВОЛЕЦ

(Из тетради сновидений.)

«На 11.07. Мы — армия, только что сформированная для только что начавшейся войны. В колоннах идут заслуженные (с орденами) командиры прошлой войны. Рядом со мной шел старший лейте-

нант или капитан. Идем... Перерыв... И снова мы идем. Подошли к сильно пересеченной местности. Надо нам подниматься на крутые, чуть не отвесные, но невысокие отроги гор, по краю которых нам надо идти. Я поднимаюсь наверх и выбираю, по какому краю лучше идти — по этому или другому, чтобы не свалиться. Попробовал по одному, взобрался на другой — этот, кажется, лучше. Пока я здесь обдумывал, пробовал, вся колонна осталась там, где-то внизу. Проснулся в 5.10. Слышно, как стучит сердце. Думаю, это результат нервозности, оставшейся после вчерашних неприятностей (утром — отказ письма и днем — сообщение о повышении норм...)».

«На 11.08, суббота. Шла война. Нас несколько человек. Неясно, были это близкие знакомые или случайные люди. Воевали с наступавшим противником. Шла ружейно-автоматная перестрелка. Частично наши отступали, но после я ходил туда — «они» не продвинулись...»

«...Тучи. Вылетает самолет и очень низко летит на нас. Все разбегаются в стороны, я бегу влево, как и многие другие. Опасность есть, что он будет бомбить. Полетел влево и не бомбил...»

— Сергей Дмитриевич, вам часто снилась война? Наверное, когда она началась, вас сразу призывали?

— Нет. Меня в армию не призывали. Еще за год до начала войны, после окончания техникума, я приехал в Тверь (тогда Калинин) и начал работать в областном тресте «Мелиоводстрой». Я имел редкую специальность — гидротехник-мелиоратор. Окончил техникум, который находился в одном из красивейших мест Орловской области — бывшем помещичьем имении Брасово, с аллеями, фонтанами, множеством цветов. Вообще-то гидротехника — это изучение почвенных условий земледелия, но у нас там еще

было одно отделение, связанное с топографией. Специалистов сельского хозяйства вообще не хватало, и особенно мало было гидротехников — вот таких, как я. Наперечет. Имеющие профессию гидротехника оказались дороже, чем солдаты, — гидротехники в армии не служили. И в начале войны на всех нас наложили бронь. Хотя я как раз был даже не прочь повоевать. Я войны не боялся, пожалуй, если бы призывали, я пошел бы. Ситуация на фронте очень быстро ухудшалась. Немцы подошли уже близко к Москве. У нас стоял резерв, но был он ненадежен. Почему? Многие не хотели защищать советскую власть, спасали себя — уезжали кто как мог. Не любили советскую власть — слишком была жизнь бедная, особенно в селе. Да и в городе, если кто-нибудь выпьет, знал только две песни.

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали.
Товарищ, мы едем далеко,
Подальше от нашей земли.

Вот какие были печальные песни о трудной жизни. Вторая песня еще грустней:

В воскресенье мать-старушка
К воротам тюрьмы пришла,
Своему родному сыну
Передачу принесла...

Это очень многих семей коснулось. Помню, студентом третьего курса на каникулы я ехал из техникума домой, в Ярцево Смоленской области. И накануне получил письмо от мамы, что арестовали отца. Она просила: «Зайди там, попробуй узнать о нем».

Отец был крестьянским сыном, но его в молодости посылали учиться в Петербург, в школу, где готовили управляющих. И потом он работал управляющим крупного помещичьего имения Ка-

Федеральная служба
безопасности
Российской Федерации

УПРАВЛЕНИЕ
по Смоленской области

./6. 08. 2007 г. №10/Г-1458вс
гор. Смоленск

Исполнительному директору
НИИЦ "Мемориал" Белякину Б.И.

127051, Москва,
Малый Каретный пер., д.12

На № НИ-116 от 12.02.2007.

Архивная справка

Соловьев Дмитрий Давыдович, 1975 года рождения, уроженец дер. Рудинны Издешковского р-на Смоленской области, проживал в г.Ярцево Смоленской области, ул.Крестьянская, д.6. Работал в пригородном совхозе им.Молотова, участок Полога - сторож.
Состав семьи: "жена Варвара 45 лет, сын Сергей 22 года, сын Анатолий 12 лет, дочь Маргарита 14 лет, дочь Ольга 11 лет. Проживает в г.Ярцево".

3 декабря 1987 года Соловьев Д.Д. арестован Ярцевским РО УНКВД. Обвинялся в преступлении, предусмотренном ст.58 п.10 УК РСФСР. Содержан в тюрьме г.Смоленск.
Постановлением тройки УНКВД Смоленской области от 3 декабря 1987 года заключен в УТИ сроком на 10 лет.

28 июня 1988 года убил "ст.Яр.Фосфоритная Горьковской ж.д., Вятлаг НКВД". Согласно извещению Вятлага от 16 января 1989 года Соловьев Д.Д. прибыл в лагерь 5 июля 1988 года. 3 января 1989 года умер. Причина смерти и место захоронения по материалам дела не прослеживаются.

Заключением прокурора Смоленской области от 4 августа 1989 года, на основании ст.1 Указа Президента Верховного Совета СССР от 18 января 1989 года, Соловьев Д.Д. реабилитирован.

Основание: арх.уг.ф., дело № 9045-с.

Начальник подразделения

А.А.Железнов

823-2006

Архивная справка об отце С.Д. Соловьева

пыревщина в Смоленской области. После революции отец скрывался — у всех «бывших» в СССР не было документов. Жил где-то на берегу Азовского моря, в виноградниках. Приезжал к нам, но редко-редко. Потом работал в Москве, там документы не требовались — он жил там же, где работал, на краю Москвы, там был завод какой-то. А когда начались репрессии, его сразу забрали.

В Советском Союзе было все на осведомителях построено. Мы-то узнали позже, а тогда не знали. Сосед, который часто приглашал к себе отца, оказался сексотом и много рассказал там о нем. Это был 1937 год. Красный террор страшный. И вот я остановился в Смоленске и пошел искать НКВД. А я там никогда не был. Нашел двухэтажное деревянное здание. Стена такая толстая-толстая, и только одно маленькое окошечко. Женщина спрашивает тихо-нечко: «Что вам?» А я отвечаю громко, обычным голосом, я с улицы пришел. Тут же она мне: «Ш-ш, тише, тише! Что вы?! Нельзя! Ваши документы!» Там вот как надо — тихо говорить, шепотом. Взяла мой студенческий билет и ушла куда-то. Вернулась и одно только слово бросила: «Выбыл». Это означало: или услали куда-то, но не говорили куда, или расстреляли. Так и не узнал конкретно. И опять тишина. А там — они сидели и умирали, безвестные, без вести...

Моя мама Варвара Ивановна была на 15 лет младше отца (она 1890 года рождения). Ее с тремя детьми выселили из дому на болото, где ни сеять, ни пахать нельзя. Потом выпустили из Вышегора, она переехала к бабушке в Ярцево. Такое было время. И я уже тогда не любил советскую власть. Знаете за что? За эту жизнь, за бедность, нищету, за колхозы, за то, что наши люди голодают, а в это время СССР кормит большие штаты компартий в других странах — делалось это тайно, но все равно все знали.

И вот еще какая была особенность того времени — в газетах и по радио власти лгали населению. Не сообщали о продвижении немцев, чтобы не вызвать паники. О начале войны объявили по радио спустя несколько часов — выясняли, наверное...

— Вы все понимали и все же были патриотом?

— Я ушел на войну добровольно. Сам пришел в центральный военкомат в Твери и сказал, что хочу на фронт. Сначала мне отказали, сказали, что специалистов-гидротехников не берут, их слишком мало, почти что нет их в Советском Союзе. А я настаиваю, говорю, что хочу добровольно идти. И когда я так заявил, они все оформили. Потому что права не имели отказать, когда на фронт хочет человек добровольно. И меня зачислили в маршрутно-десантные войска.

— Сначала учить военному делу, наверное, надо было? Вы с парашютом прыгали когда-нибудь?

— Нет, я никогда не прыгал. Нас перевезли через Волгу на левый берег, в такой лагерь, который к началу войны уже не работал. И как-то не торопились нас на фронт отправлять. Или потому, что хотели сохранить нашу жизнь (добровольно шли на войну немногие, и были люди отличные), или по другой какой-то причине. Учение наше было малоэффективным. Не хватало командного состава, он то и дело менялся — отправляли на фронт одних, присылали других. А формирование нашей части все как-то откладывалось. Лениво все как-то шло. Организовали, я помню, даже школу в военном лагере, там из сержантов делали младших лейтенантов.

Потом привезли нас к Москве и дали — знаете что? — лыжи. Тренировались на лыжах, и все время надо было забираться наверх, там очень крутой берег был в одном месте. Помню, я упал, сломал или повредил себе что-то. Затормозили тогда меня на ле-

чение. Я все хотел поскорей на фронт, а меня как-то отвлекали от этого. Потому что еще специальность моя понадобилась. Пока меня на фронт не посылали, вышел приказ, чтобы я вел съемки местности, наносил на карту, где какие изменения произошли. Использовали меня по специальности, потому что необходимость была большая. У нас командный состав не ориентировался как следует. Топографов не было, а карты устарели. И потом, еще особенная часть нас касалась: карты — дело секретное. Меня использовали как военного топографа.

Вообще в военном лагере должны солдат обучать, части формировать и на фронт отсылать. С нами не так получилось. Занятий по обучению военному делу в лагере с нами не проводили, а пришел приказ — и нас как десантную часть отправили на фронт. И тут я снова попал в такую обстановку, что ни одного специалиста, знающего топографию, кроме меня, не оказалось. Потому и на войне меня использовали прежде всего по специальности: я должен к линии фронта максимально приблизиться, съемку делать, корректировку вести, карту исправлять: где выросли кусты — на планшете отметить заросли, а где поле распаханное, там лес на карте убрать и так далее. Называлось это на военном языке — нанести на планшет изменение ситуации.

— Но для съемки нужны инструменты, недостаточно карандаша и линейки?

— Инструменты запросили откуда-то из тыла. Привезли теодолит, мензулу. Прикомандировали ко мне помощников, которые носили рейки и прочее. Выдали маскировочные халаты...

— А пистолет, винтовку?

— Во время работы ничего не было. Никакого оружия. Фронт некоторое время почти неподвижно стоял. Но немцы недалеко находились. Их самолеты летали низко над лесом, над кустами, наши бойцы

сбить их старались. А потом что произошло? Немцы вышли к линии фронта, заняли эту местность частично. И мы участвовали в наступлении, весь наш десантный батальон. Многих ранило, многие не вернулись обратно — пришлось отходить к обрыву, и часть бойцов не смогла выбраться из этого рва, попала в ловушку.

Командного состава не хватало, много было неразберихи, крик стоял... Наши отступали, вперед продвинуться не было возможности. В ту ночь войска передвигались, летали над лесом самолеты — это немцы держали связь со своим плацдармом, который был расположен вблизи, как после оказалось.

— Вам повезло — уцелели?

— Меня уже держали при штабе отдельного батальона и как раз куда-то послали с поручением. Приказали продвинуться как можно дальше и нанести на планшет изменившуюся ситуацию.

— То есть как можно ближе к немцам? И вы отправились на съемку?

— А как же? Ну, кто больше-то пойдет? Больше некому было идти. Ни разу за все время на фронте я не встретил коллегу — все один и один. Топографов-то больше не было.

— И где все это происходило?

— Вблизи районного центра Поддорье. Через него шла грунтовая дорога от Старой Руссы на юг, в сторону города Холм. А Поддорье — промежуточный пункт, примерно на полпути от Старой Руссы.

— Что за название странное — Поддорье?

— По местности название. Там такое говоренье — в Новгородской области свой диалект, он отличается от нашего. Дора — это стружка, длинная деревянная, которой крыши кроют. Холм уже был взят немцами. Так мы попали в окружение. Я занимаюсь съемкой, а после узнаю, что позади уже замкнулось кольцо...

ПОБЕГ ИЗ ГЕРМАНИИ

(Из тетради сновидений.)

«На 2.08.70. Ухожу от кого-то кустарником невысоким, кусты очень густые. Выхожу на топольную аллею (как будто нашу). И тут появляются личности, одетые в гражданское, и приводят как арестованного... Снова ухожу от кого-то, неясно, от кого. Меня ловят. Приводят в деревянное, с многочисленными комнатами, здание... Как будто нахожусь среди военных в помещении. Здесь, кажется, приемная. Я предполагаю, что меня не узнали (почему — не знаю). Входит генерал, у него на плечах по одной большой звезде. Войдя, он меня не увидел. У меня тоже на каждом плече по одной большой звезде. Я быстро выхожу из комнаты. И думаю, что генерал тоже может выйти в любой момент. И, не торопясь, исчезаю. За мной погоня...»

«На 13.05. Из какого-то места бежал. Шел по пересеченной местности, покрытой негустым лесом...»

— Что было дальше, Сергей Дмитриевич? Лагерь для военнопленных? Побег и погони?

— Не один, а много лагерей. В Польше, в Литве, близ Каунаса, на юго-западе Германии, в Эльзас-Лотарингии (тут нас кормили французы — виду не показывали, что сочувствуют нам, но тайком поддерживали). А немцы кормили военнопленных плохо. И мужчины в расцвете сил быстро становились доходягами, умирали. Жестокость фашистских лагерей, нежелание работать на немцев многих привели в РОА.

Однажды в наш концлагерь прибыли майор Грачев с помощником Алтуховым и начали из доходяг создавать формирования Русской освободительной армии (РОА). Говорили — для борьбы с советской властью. Я подумал и тоже записался. Участников РОА не только сытной кормили, они даже некоторые права

имели. Конкретных дел на нашем счету не было — так же жили в лагере, но получше. Я считался адъютантом Грачева, а занимался тем, что учил желающих играть в шахматы. Так продолжалось до тех пор, пока в какой-то день не приехал в наш лагерь эсэсовец, с двумя ромбами, с переводчиком и свитой.

Выстроили нас на плацу и объявили об отправке на фронт воинских частей из русских военнопленных. Эсэсовец командовал, а переводчик переводил: «Вы будете служить в батальоне СС. У кого есть вопросы, выйти из строя на пять шагов вперед». Я вышел. Посмотрел направо, налево. Строй стоит не шелохнувшись. Я один. Ну, не возвращаться же назад, раз так. Офицер со свитой приблизились, я даже почувствовал запах — шнапсом от него пахнет. Спрашивает через переводчика: «Чего хочет этот русский?» А я говорю: «Я не хочу на фронт и не буду служить в СС». Только переводчик это офицеру доложил, как тот пистолет выхватил — немцы носят оружие впереди, у него кобура расстегнута была, из нее рукоятка пистолета торчала. От выстрела его свита еле удержала, а мне двое солдат руки скрутили и посадили под замок. Я думал, что расстрел отложили на утро. Ночь прошла. А утром повели меня к какому-то бывшему русскому эмигранту: он чисто говорил по-русски, не так, как переводчик, да и вел себя иначе. Побеседовали. Потом он сказал: «Соловьев, мы опросили всех, кто стоял в строю. И никто о вас плохо не отзывался. Поэтому вам решили сохранить жизнь».

Наказали отправкой в другой лагерь. Запихнули в машину, в железную камеру-одиночку (в СССР такую камеру для перевозки особо опасных заключенных называли «боксик»). Чувствую, машина движется на север. Я вообще, где бы ни находился, всегда ощущаю стороны света — где юг, где север. И не ошибаюсь. Свернула машина, въехала задом, видимо, в ворота, и я оказался в незнакомом лагере. В шинели,

не подпоясан — отобрали ремень при аресте. Смотрю, а там все такие же, как я, — в шинелях без ремней. Бывшие офицеры, партизаны. Ходят свободно. Никто на меня внимания не обращает. И я делаю вид, что не интересуюсь ничем, пошел себе потихоньку. Осмотрелся, понял: это екатерининские форты — при Екатерине строились такие укрепленные сооружения, там все высокой дамбой обнесено. Не Литва ли? Когда освоился, выбрал кого надо, спросил, как и что. Он сказал, что тут Каунас близко. Правильно я догадался, карту-то свою наизусть помню. А тут уже солдат вызвали, подъехал эшелон, нас всех погрузили быстро. Привезли в Лотарингию. Там я работал на руде: сначала одни вагонетки нагружали, а мы отвозили, потом — наоборот.

Тут я уже стал применять свою тактику: ознакомился с обстановкой и — в побег. От лагеря спасаюсь бегством. Конечно, тут надвое — удастся или нет, как Бог даст. У меня несколько раз были счастливые побеги, я даже привык уже, что все так хорошо кончалось. Я беру риском, но когда риск надежен. Вот привезли нас в лагерь и водят на работу по десять человек на раскорчевку пней. Охраняет обычно солдат с автоматом и собака. Вижу, в лесу стоит вода, тонкий слой, по щиколотку, я обрадовался: след собаке не взять. Ищу момент. Я решил из десяти человек выбрать одного поляка, подговорить его вместе бежать. Но он отказался: «Риск большой... Оружие у охранника заряжено боевыми...»

Через некоторое время охранник повел нас на работу без собаки. И я понял — тут мне сам Бог дает возможность спастись. Ни догонять меня нельзя — остальных заключенных охранник не бросит, ни по следам найти. Водили нас в лес в ботинках на деревянной подошве, с полотняным верхом. Я их заранее расшнуровал. Вижу, охранник не беспокоится, отвернулся от того места, где мы к зарослям подходим, чтобы бросить выкорчеванные пни. Рассчитал, что я

уже буду у кустов, когда он заметит мое отсутствие и пустые деревяшки-башмаки на траве. Он поздно повернулся. Стрелял куда-то в кусты, но в меня не попал. Я бежал по воде, оглянулся — за мной никого. За кустами меня не видно, а вода мелкая идет. Бежал до самых сумерек. Когда стало темнеть, увидел неожиданное препятствие.

Что-то белое против меня висит, как простыня, но высоко, до самого верха деревьев. И вправо тянется, и влево. Идти вперед или нет? Подошел по воде осторожно поближе — плотная белизна висит, такого в свете я не видел. Возле самого лица — белое. А руку протянул — нет ничего. Что же это? Препятствие вижу, а его нет. Неосвязаемо. И тишина, не слышно ничего. Я тронулся с места, рукой помахал, обернулся — и позади меня будто белая стена. Я иду сквозь нее, но не ощущаю ничего. Удивительно! Оказалось, это облаком стояли в воздухе белые мотыльки, крохотные крылатые существа — поденки. Век их короток — они живут на свете только день или несколько суток, отсюда и название — поденки. Тихой теплой ночью появляются над поверхностью воды мириады этих насекомых и спешат прожить свой век от рождения до смерти, и найти себе пару, и оставить потомство... Я рассмеялся и пошел дальше. Ночь была недлинной. Начало светать. Куда я вышел, что меня встретит?

Я знал, что где-то тут немецкая граница кончиться должна. Увидел дорогу. На обочине стояли фляги с молоком. Заметил, что народ здесь уже смешанный, разных национальностей, и это в основном не немцы. Решил напрямиком отправиться к дому старосты ближайшей деревни. Рискованно, конечно: сдаст меня немцам или нет? Оказалось, староста по-русски говорил неплохо, едой угостил. И у меня появилось чувство, что никуда он не пойдёт сообщать о моем появлении. По глазам его я это понял. Жизнь продолжалась, хотя война гремела еще всюю...

БЕЛЬГИЯ, ШАРЛЕРУА

(Из тетради сновидений.)

На 02.06.70. За много-много лет впервые увидел Зину (Кокореву) — студентку-однокурсницу. Последний раз, кажется, видел ее во сне в Шарлеруа в июле 1945 года. Это очень меня взволновало: двадцать пять лет тому назад!»

«На 10.06.73. Бельгия. Еду с чемоданами. Ищу работу. Захожу в поселок. Захожу в дом. Рассказываю, что ищу работу. Поселок оказался без промышленности, и найти работу трудно — нет предприятий. Было несколько мест — сторожей, но заняли такие же (этранже), как я. Говорю жителям дома, что поеду в поселок шахтный. Разговариваю в основном с женщиной — хозяйкой дома. Хочу оставить у них чемоданы. Хозяин не вмешивается в наш разговор. Она не хочет оставлять у себя вещи. Кажется, их у меня два чемодана и тючок. Потом она говорит, что если оставлять, то она хочет посмотреть, что в них. Я ей говорю в общем, без детализовки, без перечисления... Уже в другой обстановке. Говорю со знакомыми русскими. Работают на шахте. Я хочу устроиться только наверху, а не внизу. Вспоминаю, что полезно было бы показать им мой сертификат, который получил у Леона. Думаю, вот удивится Леон, что я снова приехал в Бельгию. Но жив ли он? Проснулся в 6 часов без 15 минут. Такой отчетливый, ясный и запомнившийся сон».

— Буквально с порога вы встретили меня неожиданным вопросом, Сергей Дмитриевич. Меня в школе учили немецкому. А вы знали французский язык с детства?

— Нет, я ведь тоже учился в советской школе. А французский выучил, когда жил несколько лет в Бельгии и недолго во Франции. Это было во время войны и после войны. В Бельгии официальный государственный язык — французский. До Франции там

недалеко, но в языке есть отличия. Я это замечал, когда из Бельгии ездил во Францию по делам фирмы. Население Бельгии состоит из валлонов и фламандцев, простой народ говорит на валлонском наречии, оно отличается от французского языка. Мне пришлось французский язык изучать, он мне необходим оказался. И в быту, и на работе.

— А кем вы там работали?

— Конструктором в фирме частного. Он меня взял за то, что я несколько конструкций сделал для производства. Меня очень уговаривали остаться работать у них в Бельгии. Там было хорошо. Относились ко мне, как к родному.

Сначала, когда только приехал, работу пришлось искать. Я понимал, что таких этранже (франц. *étranger* — иностранец, чужой), как я, здесь немало — без документов, жилья, работы, знания языка... Но все поправимо: язык можно выучить, найти работу, еду, жилье. А через некоторое время получить, как многие другие, справку об утере документов (скажем, при бомбежке или эвакуации). Она заменяла удостоверение личности. Мою русскую фамилию при этом слегка сократили — я стал мсье Соловейс. На немцев работать я не хотел, но в Бельгии с удовольствием выполнял любые просьбы местного населения, ремонтировал часы, еще что-то сложное. Потом вот что получилось неожиданно.

Одна женщина передала мне узкий такой пакет, в нем оказались часы старинные, которые давно стояли. Говорит: «Отремонтируйте». И я их отремонтировал. Об этом услышал и сразу заинтересовался мной один частник, владелец фирмы. У него было производство бижутерии (это слово французское, значит — женские украшения). И вот он попросил мсье Леона, у которого я жил... Им надо было такие маленькие пистончики выпускать, которые шли на бижутерию. Эти пистончики раньше делали в Германии. После войны больше их не привозили. Вот этот частник и обратился к Леону: может, я сделаю что-то, чтобы сразу производить все у себя, здесь наладить производство.

Я сделал — мне ничего это не стоило. Получился такой станок-полуавтомат. Матрицу, которая печатает, я к самому станку приделал. Просто вставлял ее, станок работал, пистончики выскакивали. А их надо было миллионы! Ну, хозяева были довольны — куда как! Немцев теперь не дождешься, когда они начнут выпускать, а тут все местное. Мне даже выдали сертификат — свидетельство на изобретение. И другие еще делал работы.

— Откуда у вас такие замечательные способности? Институтского технического, специального конструкторского образования у вас не было?

— Видимо, это от природы. Институтского образования не было, но я очень хорошо учился в техникуме. Получал особую стипендию, у меня почти все были отличные оценки. И если нужно было что-то начертить, рассчитать, скопировать, шрифтом написать или провести занятие с группой младших курсов, то меня еще студентом часто привлекали к этой работе, и я с ней справлялся. У нас в техникуме три стипендии шло. Одна — когда нет двоек, просто за успеваемость, другая — когда почти все оценки отличные и третья — особая. Особо одаренному студенту давалась. Это ведь редкий случай, когда ученик может учиться и уже выполнять работу в техникуме. А я всегда это умело совмещал.

План нашего дома в Ярцево Смоленской области, когда мама затеяла его строительство, я тоже начертил сам (и до сих пор его помню). Я планы ж просто делал тогда, легко очень. Дом был большой, длиной метров 25–30, на кирпичном фундаменте, там комнат столько было! Посредине крыльцо, балкон, от балкона прямо на переезд шла липовая аллея. В конце дома стояла беседка, там яблоки ссыпали. При доме был сад, точнее, даже два — один большой, наверное, больше гектара (тогда говорили — больше десятины), а другой сад маленький, там росли груши и сливы...

Да, так вот... Когда бельгийцы поняли, что этого мсье Соловейс можно уговорить или как-то заинтересовать сложным заданием, они захотели привлечь

меня к работе в большом конструкторском бюро фирмы. Сначала мсье Леон повез меня туда под видом курсанта. Я помню, на территории Бельгии, у самой границы с Францией, стояло большое стеклянное здание на каменном фундаменте. Оно было не в один и не в два этажа, а среднее. Все из стекла, только по углам небольшие кирпичные столбы в стенах. А от столба до столба — все стеклом забрано. Ну, захожу, смотрю. У них заказы разные. У каждого свой стол чертежный и каждому дается задание, работа своя. Не спрашивают, кому какая нравится, а что достанется. Частник этот, которому я полуавтомат для пистонов сделал, представляет меня сразу хозяину этой стеклянной фирмы. И там хотят меня экономическими мерами привлечь, чтобы я согласился работать, получают свой капитал вложить в развитие фирмы, получать проценты. Мсье Леон меня уговаривал остаться. Но я-то не хотел этого. Меня не интересовали меры экономические. Почему?

Я уже решил ехать домой. Меня потянуло на родину. Там остались мама, две сестры, два брата. Я ничего не знал о них все эти годы. Поэтому тянуло на родину. Сначала-то незаметно было. А потом стал скучать. Скучать стал... Думал, маму встречу. Только из-за нее хотел поехать.

— А где была ваша мама во время войны?

— Там же, в Ярцево Смоленской области. Если бы я знал, что ее уже нет... Мне казалось, что она жива и ждет меня. А она погибла еще в 1943 году. Ее тяжело ранило во время артобстрела. Ярцево обстреливали наши войска, советские. Мама с моими сестричками, Олей и Маргаритой, прятались в таком специально выкопанном окопе, его называли щелью. И советский снаряд попал в эту самую щель, в край этой щели, где они прятались. Ее обдало веером осколков. Там мама скончалась. А девочек не задело. Она заслонила их собой. Кое-как они, эти девочки, ее похоронили. Они тогда обе были еще не взрослые... Кое-как выжили. И похоронили маму. Такое тяжелое было время...

РЕПАТРИАЦИЯ. АННА

(Из тетради сновидений.)

«На 17.12.77. Я уезжал за границу. Недалеко от берега стоит судно с громадной верхней палубой. Совсем нет никаких палубных надстроек. Меня подвозят к судну на большой лодке или катере. Поднимаюсь на палубу. И вижу — налево сидят иностранные представители, направо — представители. Необходимо их присутствие как свидетелей. Причем нет лиц высокого поста, все люди незначительные. Все в гражданской одежде. Я подхожу к ряду иностранных представителей и получаю паспорт. Делается все без каких-либо возражений; ни с какой стороны нет. У меня приподнятое, торжественное настроение...»

«...Был вместе с Анной. Выглядела она, как когда-то в 1949-м, молодо, жизнерадостно, влюбленно. Были мы очень дружны и взаимно доверчивы. Впечатление осталось радостное, приятное и близкое...»

«На 02.05.03. Видел Аню. Нюрочку. Сидела и варила красное вино в странной посуде — мягкой полиэтиленовой четырехугольной коробке. Материал был очень мягкий, гибкий, и поэтому Аня часть вина пролила. Неясно, Аня ли пришла ко мне или я пришел к ней в дом. Одета она была простенько, бедновато. Осталось о ней после этого жалостливое впечатление... Проснулся. Решил ей написать — предоставить полную свободу действий».

— В 1949 году я репатриировался — так это называлось. Приехал на советском пароходе в Архангельск. Встречали нас торжественно, поздравляли с возвращением на родину. Мне предложили выступить по радио — там оказался представитель Всесоюзного радио, но для меня это выступление было никак не желательно. Я не хотел: зачем это, пропагандировать себя? Каяться, ждать очищения? И уклонился.

Из Бельгии я приехал не один. Со мной была белоруска Анна и трое ее детей — все они родились

в Бельгии. Ехать одна с малышами она боялась. И я вызвался ей помочь: до войны в России Анна жила довольно близко от меня, ее родной город Орша в Белоруссии и мое Ярцево в Смоленской области — на одной железнодорожной ветке. Мы очень подружились. Все считали, что Анна — моя жена. И на пароходе, пока мы плыли, и потом в Твери (Калинине), где я опять устроился на старую работу, Анна и дети остались со мной.

Когда прибыли в Архангельск, то дальше все разъезжались кто куда. Я решил возвращаться в Тверь, в свою контору «Мелиоводстрой», где меня знали. И поехал на старое место. В конторе все свои, меня по работе помнили, я был прорабом — тихий, спокойный, не лез ни во что, не пил, не курил. Конечно, коллеги меня расспрашивали, где я был. Я не скрывал, что жил в Бельгии. Там — они это знали — я работал не на немцев, а для населения: часы чинил, станок-автомат конструировал и прочее.

Жизнь в России после возвращения из-за границы показалась мне еще хуже, чем до войны, — по существу, голод, нищета, ужас что такое... Ездил в Ярцево — там все было разрушено. Прежде всего бросилось в глаза, что не осталось ни одной постройки. Ни нашего дома, ни домов по соседству, ни сада, ни липовой аллеи к переезду. От старой каменной школы (а она очень давно стояла, много лет) даже фундамента не было — большие тесаные камни использовали в военное время как материал для укреплений. Никого из моих родных там я не нашел.

Счастье, что Анна и дети оставались со мной. Нам-то легче было, чем другим. Я прилично зарабатывал, и жили мы неплохо. Снимали квартиру...

— Неужели не думали о том, что вас могут арестовать?

— Думал, что могут арестовать, но я этого не боялся — нечего было скрывать. Почему меня не забрали сразу, в ноябре 1949 года, когда я только приехал? Они меня отложили на потом. Только мало дали времени

побыть на свободе. Забрали уже в 1951-м. Я вышел вечером из нашей конторы. Нам как раз в этот день деньги давали, зарплату. Вышел я и отправился домой. А в это время за мной от конторы отъехала машина, военный джипик, и сзади двигалась потихоньку. Потом завернули за угол, где людей уже нет, и они сразу выскочили из машины, их работники, чтобы меня туда запихнуть. Но видят, что я сам не хочу в машину садиться. За ручку на дверце уцепился да так ее сжал, что она погнулась. Сила в руках еще была... Держался так, пока не увидел, что из нашей конторы вышел мужчина, тоже прораб, знакомый, подошел ближе и заметил меня. Я ему говорю: «Скажи там...» Он понял, что надо о моем аресте сообщить в конторе и семью предупредить. А после этого они меня в машину все же запихнули. Ждали только, когда он пройдет, прораб этот. Я им сказал: «А я думал, что это грабители — зарплату отобрать хотят...»

Понял, конечно, что это арест. Поместили в подвал КГБ. И больше на свободу уже не выпустили. Год продержали в камере, а потом судил меня Военный трибунал в 1952 году. Не помню где, кажется, в Твери. Или нет, в Москве судили. Формальный такой процесс, короткий очень. Конечно, 58-я статья, пункт 1 «б» — измена Родине. Обвинение я не подписал. Была такая формулировка: «Я не подписываюсь».

— А что стало с Анной и детьми после вашего ареста?

— Об этом я не имел сведений очень долго. Потом уже узнал: когда меня арестовали, Анна уехала, снова вышла замуж, но вскоре умерла. Моя сестра Оля после войны жила во Львове, там она вышла замуж, работала на радиозаводе. Она меня очень жалела, когда узнала, что я в лагере, приезжала на свидание в 1960 году и большую передачу привезла: чего в ней только не было... Потом Оля умерла от рака. Сестра Маргарита и старший брат Николай пропали

Анна с сыном, одним из троих ее детей. На обороте фотографии текст ее письма Сергею Дмитриевичу, из которого становится понятно, что ее мужа, сидящего рядом, он просто обрезал. Анна рассказывает о дочери Мари-Роз и обещает прислать фотографию получше

Ольга, сестра Сергея Соловьева. 1950 г.

Свою фотографию сестра Ольга прислала в лагерь «на память дорогому, любимому брату. 22 октября 1968 г.»

без вести. А младший брат Анатолий, как оказалось, жил в Донбассе, обзавелся большим хозяйством — это у него от мамы, хозяйственность такая, начал накапливать богатство. Когда я к нему приехал, а у него обстановка такая шикарная, боже мой! И он такой аккуратный всегда был, а потом начал пить... Сейчас и его уже нет.

...Сергей Дмитриевич достает небольшую пачку фотографий, и я подолгу разглядываю каждый снимок. Изящная молодая женщина в длинном нарядном платье с отделкой — это мама Варвара Ивановна Соловьева. Жаль, что фотография безнадежно испорчена толстым слоем затвердевшего клея, в сетке мельчайших трещин. Не разглядеть лица, не сделать копии. И все же чудо, что сам снимок сохранился. Фотографии отца Дмитрия Давыдовича Соловьева я в пачке не увидела. Есть разных лет изображения сестры Оли, брата Анатолия, их детей, племянников, внуков и внучек.

...А вот это маленькое, бережно хранимое столько лет фото — неужели Анна? Любовь всей жизни, короткая, счастливая, незабываемая? Простенький любительский снимок появился в ладони Сергея Дмитриевича как бы из ниоткуда, не из общей пачки, и исчез через пару секунд как бы в никуда. Признаюсь, что не посмела попросить о копии. Накануне его домашние предупредили: до сих пор иногда, забывшись, Сергей Дмитриевич зовет ее, спрашивает: «А где эта женщина? Где Анна?..»

Какой она мне увиделась? Озорной, брызжущей молодостью, исполненной гордости счастливого материнства. Столько прелести было в лице юной женщины с ребенком на руках — невозможно не залюбоваться! И наивной уверенности в том, что нужно нести новую жизнь в этот мир, полный зла и угроз: вокруг война, бомбежки, страх смерти, но жизнь должна побеждать... В женщине, созданной для счастья и любви, всегда есть что-то от святой мадонны.

НОРИЛЬСК. ОЗАРЕНИЕ

(Из тетради сновидений.)

«...Какое-то помещение. Справа от меня начальник спецчасти держит в руках раскрытое (не толстое) мое первое дело. Слева группа девушек и женщин — все безликие: присутствие ощутимо, но ни одной видимой отчетливо личности. Капитан читает дело, и в одном месте заметно какое-то не то несоответствие, не то неправильность. Восклицаю: «Какая безграмотность!» После этих слов капитан дело закрывает и кладет как будто на стоящий (недалеко от него) стол-конторку. И сразу начинает есть белый (похожий на наш) хлеб. Хлеб отломан бесформенно — большим куском от буханки. Я сразу же начинаю просить снова прочесть мое дело. Вскоре оно появляется раскрытым перед моими глазами. Никитин продолжает есть хлеб, дело необъяснимо держится перед моими глазами. Я его читаю и просыпаюсь...»

«04.08.73. Я в лагере с одним хорошим товарищем, но кто, не знаю. Готовимся мы с ним к *fuite* (франц. *fuite* — бегство, побег). В ходе подготовки нас *découvrent* (франц. *découvrir* — раскрывать, обнаруживать). Ночь. Заходят со шмоном. Мы прячемся. Прячемся до тех пор, пока стало видно. Потом опять ходят, хотят найти нас. Наконец мы и сами уже не прячемся, и нас не хотят брать. Через некоторое время приходит солдат с ордером, подписанным прокурором, на арест. Для нас это значило: из лагеря — в тюрьму. Наконец нас собирают и набирают полную группу. В последний момент я нашел фуфайку и головной убор. Идем под конвоем... Остановились. Женщина пропускала нас и записывала. Но сначала сидели в углублении в земле. Потом появилась эта комиссар-женщина. Иду первым, для этого надо было спуститься на две-три ступени... Проснулся».

— Вас арестовали как раз в то время, когда в СССР разгорелась борьба с космополитизмом и преклонением перед Западом. И военные трибуналы давали подсудимым — бывшим военнопленным — уже не по 10 или 15, а по 25 лет. Наверное, и вам, Сергей Дмитриевич?

— Да, сразу дали 25 лет. Судили в 1952 году как военного преступника. И сразу, как осудили, вот что сделали чекисты под 7 ноября, — они, значит, отдыхали, а нас в горячие камеры поместили, рядом с какой-то печью. Там жара была такая невыносимая — я снимал все с себя, только в одних трусах оставался, и то жарко было. Три дня! Заставили осужденных на период так называемых ноябрьских торжеств трое суток мучиться. И радовались, что нам мстили: «Мы празднуем, а вы мучайтесь в духоте!» Потом был этап. В трюме парохода отправили нас на Север, в норильские лагеря. Как плыли по Енисею — это я плохо помню. Кто-то там доски скреб, пилил борт — была попытка организовать побег. Я в этом не участвовал — куда с корабля-то бежать? Но мне другие докладывали, как там идут дела. Побег не удался.

В Норильске перебрасывали из лагеря в лагерь (дольше всего сидел в пятой зоне Горлага) — я отказывался от работы. Меня сажали в изолятор, в карцер — там давали в сутки 400 граммов хлеба и воду. Холодина страшный, в изоляторе не топили. Но я решил: «На них я не хочу работать!» Это была основная моя причина и мой двигатель. Напряженно, сильно, ломом или киркой — нигде не работал. Никогда, ни дня, ни часу. У меня была другая работа — делать то, что другие не могут: вычислял, придя на стройку, хорошо замаскировавшись, следил, когда меняется охрана, куда уходят солдаты, сколько стоят... Чтобы использовать это для подготовки побега. Необязательно для себя, а ради других. В Норильске выйти-то из лагеря было легко, а что потом? Снег. Далеко. Поэтому нужно было разработать какой-то способ, как попасть в столицу, чтобы жизнь-то свою сохранить.

— Получается, что в Норильск вы попали как раз накануне восстания политзаключенных Горлага — до него оставалось полгода. И попали в пятое лаготделение — о том, что там происходило, известно меньше всего. Даже члены комитета, руководившие там восстанием, неизвестны. По рассказам рядовых участников событий, складывается впечатление, что существовала какая-то тайная пружина — именно она «заводила» механизм протеста заключенных. Но конспирация была такая, что по сей день до истины никто не докопался. Помните лето 1953-го?

— Это я очень хорошо помню. В пятое лаготделение Горлага — там я дольше всего сидел — приезжала комиссия Кузнецова из Москвы. Она вынуждена была спрашивать: какие претензии у заключенных? И сделать облегчение режима. Помню стол для переговоров, требования, которые выставляли переговорщики. Но об этом уже писали много. Требования были примерно одинаковы во всех лаготделениях. Помню, что ранили кого-то из тех, кто был за столом переговоров: он почему-то от них побежал, а один из охраны раз — и выстрелил, в ногу его ранил. Потом он так и хромал всю жизнь, и его дразнили «Шлеп-Нога». Когда началось восстание, то чекисты сначала допустили выдержку в несколько дней, уговаривали нас выйти на работу. А дальше начались репрессии: объявили, что паек сокращается до штрафного и так далее. Помню, как в тундру из зоны всех выгнали и на землю положили. А потом нас, восемь человек, вывезли из Норильска самолетом. Фамилии семерых? Нет, не знаю, не помню. Два рейса было, две таких восьмерки набрали, якобы самых опасных. А мы и не знали, что нас считают самыми опасными.

— Опасными в СССР всегда считались люди, умеющие думать. А вы ведь как раз в конце 1952-го и начале 1953 года в Норильске были заняты тем, что писали Программу и Устав Демократической партии России? Причем в одиночку. Как это вам удалось?

Сказался опыт жизни за границей? Повлияли книги, размышления в тюрьме?

— А вы знаете, я даже сам не могу представить, как это пришло мне в голову. Я сел и начал писать. Это просто озарение какое-то было! Иначе не назовешь. В Москве, на конференции участников сопротивления в ГУЛАГе, в 1992 году я рассказывал о создании ДПР. К началу 50-х годов XX века Коммунистическая партия завела СССР в тупик. Страна миллионов заключенных, страна варварской эксплуатации человека государством, страна нищеты и бесправия масс — таков был СССР. В лагере я узнал, что есть подпольное движение, что есть люди, которые создают новую, демократическую партию. Когда на рабочем объекте в Горстрое встретился с представителем четвертой зоны Горлага, мы договорились, что я начну писать Программу и Устав ДПР. Встречаться было в тех условиях очень сложно, наша встреча была как исключение. Я в то время числился на работе по рытью котлованов, но не работал там, конечно, а по памяти составлял программу. Надо было сидеть и думать, как и что писать. А это требовало и времени, и напряжения, и осторожности, чтобы не попало куда не надо. Поэтому писал по-французски. Это заняло не один месяц. С уставом справился скорее, за полтора месяца. Когда все было готово, я перевел текст на русский язык и передал через связных представителю четвертой зоны. И начались организационные вопросы, прием новых людей в партию. Программу и Устав ДПР стали переписывать, распространять...

— Но тогда еще жив был Сталин, а вам уже верилось, что Россия может стать демократическим, многопартийным государством?

— Конечно, я знал, что народ сильно запуган репрессиями. И почти не встречал людей, которые думали о том, как спасти страну от диктатуры. Но все же некоторые тоже «заболевали» мыслью такой. И приходили к тому же выводу: «Демократия и дик-

---

татура — два противоположных полюса, две диаметрально противоположные формы жизни...»

— В то время когда демократия развивалась в Европе, в нашей стране она оставалась мечтой. Что поделать...

— В конечном счете мы не можем повлиять на судьбу России, пока не созреет определенная ситуация и не появятся изменения по другим причинам. Пока не придет время... От нас, маленьких людей, очень мало зависит. Пока не созреет яблоко, оно не падает с яблони. Мы думаем, что можем способствовать этим условиям. Но и это от нас не всегда зависит...

— В вашей тетради сновидений есть сон о стене — почти пророчество: «На окраине уже строгая стена бетонная, с дорожкой по верху. К ней слева вели группу людей. Они пели. Когда подвели их к началу стены, то это оказались солдаты из взвода охраны. По наклонной я взшел на стену и пошел по ней. Сильно узко и опасно, можно упасть. Справа женщины сказали, что стена очень узка и по ней плохо ходить. Прошел еще немного — стена повалилась налево. Не то от моей тяжести, не то сама собой...» Но прошло столько лет...Сергей Дмитриевич, а самолетом вас, особо опасных, из Норильска вывезли в Красноярск?

— Чтобы отправить дальше, на Колыму, для работы на руднике «Холодный» Ягоднинского района Магаданской области...

«ОСОБО ОПАСНЫЙ РЕЦИДИВИСТ»

(Из тетради сновидений.)

«На 21.02. Помещение — на нескольких. Много заключенных. Я одет во все новое, чистое — готовлюсь к освобождению. На мне темный костюм, плащ темный и хороший головной убор. Все чисто и прилично... И был разговор с одним узбеком или армянином. Похож на Эркина. «Давно сидишь?» — я у него

спрашиваю. «Десять лет». — «А я двадцать шесть сижу!» Он отошел, посрамленный...»

«На 09.06.70. Видел себя. Интересно, что я лысый, лишь по бокам головы вокруг ушей сверху есть густые темно-русые волосы, спереди и весь верх головы до шеи — все свободно от волос. Я смотрю в зеркало, и все это отчетливо вижу, и думаю, как я изменился. Удивляюсь...»

— Как страшно представить — 26 лет неволи... Четверть века! И — ни за что. Кажется, после 1960 года уже и сроки 25-летние отменили, за измену Родине и шпионаж оставили максимум — 15. И амнистий было несколько, и массовое освобождение политзаключенных произошло, и даже бывших полицейав выпустили на свободу... За что же вас так сурово карали?

— За независимость. За нежелание сотрудничать с лагерной властью. В Потьме, в Мордовии (уже после Колымы), меня мобилизовали на работу. Отдельный кабинет дали, там были инструменты, доска чертежная, и я там работал. Хотели снимать срок 25-летний, переводить на 15 или 10 — не знаю. Но только одно условие ставила лагерная администрация, чтоб я раскаяние написал. Раскаяние — ну, для меня это хуже петли было! Раскаяние, оно выворачивало все наизнанку, и я даже говорить не хотел с ними на эту тему. Вот они тогда с этим раскаянием носились, обещали сокращение срока — видите как? Вот они ко мне приставали: «Надо раскаяние писать», а я слушать не хотел этого. Но оскорблять их не хотел, отвязался от них кое-как. Я сразу от этого уклонялся. И уклонился. А так уговаривали! Им надо было человека сломить — вот им что надо было. Если удавалось, это уже была их заслуга, работников лагеря, потому добивались так. Еще та, которая называлась цензором в лагере в Потьме, тоже все время какую-то выгоду хотела из меня выдавить, но я не согласился.

Когда облегчение пошло по всем советским лагерям, стали всех подряд вызывать на комиссию. За

столом сидело человек 10–11 и еще один какой-то политик замаскированный. А в комнате возле стола стоял стул, на него всех заключенных приглашали садиться. Зайдешь — «Садитесь». А я зашел и, ничего не говоря, прямо — шлеп! — и сел туда! И все. Комиссии не понравилось — больно самостоятельно себя вел, независимым себя чувствовал. И они мне отказали. Из всех только двоим — мне и еще одному — ни освобождения, ни снижения срока не дали, ничего. Оставили как есть — 25 лет.

— Может, комиссия считала, что просто надо кого-то в лагере оставлять — не освобождать же всех заключенных до единого? Или члены комиссии были всегда так субъективны?

— Ни на какие сделки в лагере я никогда ни в чем не шел. Что хочешь мне обещай — я не иду. Но мое первое правило — никому плохо не делать. За помощь платы не ждать, отказываться. И все знали об этом. В Мордовии в лагере работал фельдшер, студент-заочник или вечерник, не знаю. Когда он поступил на работу в лагерь, то продолжал учиться. И вот он часто обращался, чтоб я ему помог. Скажем, такие были задачи: «Стоит большой чан, в нем насыпаны разноцветные шары, сколько шаров ты вытащишь не глядя?» Кому решать? Был литовец грамотный, он считал себя обязанным им — они его устроили работать на хорошее место. А я от всего отказывался — ничего мне не надо. Просто помогал (подсказал формулу, по которой можно рассчитать количество шаров). А он, как оказалось, запомнил. Какое-то время прошло, вызвали меня на очередную комиссию, которая переводила заключенных из лагеря в лагерь. Смотрю, а он уже сидит, бывший фельдшер, во главе комиссии. Я и не ожидал ничего хорошего услышать, а он говорит: «Соловьев, вы не против, если вас переведут с особого режима на строгий?» Другие добивались этого перевода — на менее жесткий режим. Им этого и надо было, чтоб добивались, служили им... Я бы отказался, но не хотел оскорблять его. Мне понравилась его формулировка, как он задал вопрос:

«Вы не будете против?..» И согласился: «Пусть переводят». Я не ожидал, что он меня вспомнит...

— Наверное, немногие знают, что в СССР все «особое» отличалось, как правило, наибольшей жестокостью. Особенная часть Уголовного кодекса, особые лагеря, которые закрыли после восстаний политзаключенных 50-х годов, а через несколько лет открыли лагеря особого режима... Там всем и вам, как видно, доставалось?

— Как-то приволокли меня из карцера — сам идти уже не мог. Бросили на пол. А Михаил Дмитриевич свою фуфайку подложил: «Ложись отдохни». Душегрейкой укрыл. А потом еды принес. И морковинку. Сказал, что специально для меня вырастил в запретке. Выбирал время, когда охранник отвернется, или, может, они ему разрешили. Этот Михаил — один из приятнейших моих спутников. Во-первых, не кривой — он прямой человек был, верующий...

— На Колыме у вас тоже были отличные товарищи — Николай Антонов и Вася Ковалев. Я в газете читала поразительный рассказ Василия Ивановича Ковалева о вашем необыкновенном побеге... под землю. История уникальная! С первого апреля 1954 года вас почти пять месяцев искали, но так и не нашли, пока вы не вышли сами. Удивило меня только, зачем вы взяли с собой в шахту учебник интегральных и дифференциальных вычислений?

— Я занимался интегральными и дифференциальными вычислениями, когда есть время. А были темные места, поэтому взял учебник с собой, чтобы там заниматься. Писал карандашом. Вроде крепнешь, когда можно чем-то заняться. Там же вечная мерзлота. Холодина, лед кругом. Чтобы нарубленный лед превратить в воду, его надо около живота держать, чтобы он постепенно нагревался, делался тестом таким ледяным, — и мы его употребляли. Долго греть тоже нельзя, лед берет у человека самое важное — тепло. Как-то мы в шахте из сил выбились

и вдруг заснули. Долго спать там нельзя, но ведь организму не прикажешь — ты проснись через... Но я проснулся. Стою, дремлю и думаю: сколько же я спал? У меня на руке часы были. Оказывается, всего 40 минут. Как самому организму станет невыносимо, так он тебя разбудит.

На Колыме, как и в Норильске, я занимался тем, как выйти оттуда. В шахте были шурфы, в этих шурфах как будто шел ход к охранникам — не знаю, во всех ли. Но можно было подходить к ним... В общем, просмотрел все хорошо, использовать хотел для побега. Самым трудным оказалось — выйти незамеченными из шахты, ведь нас давно искали. Вася нашел колодец в мерзлоте, в нем когда-то поднимали грунт, пустую породу. И сама гора этот подъем накрывала — там сверху оставлена макушка. Внутри четырехугольная проволока. Я разведаль, как и что. На боку у меня три батареи висело, с другого плеча — фонарик и на шее в петле — балан (бревно). Лезу, ставлю ногу одну, вторую и так поднимаюсь. Вниз не смотрю — глубоко и вода там. Двигались молча, никаких звуков. Поднял руку — остановились, опустил — пошли дальше. Поднял балан, он у меня подцеплен на шее, сам упираюсь ногами. За мной Вася лез, а следом Антонов. Я шел первым, потому что знал: где я пройду, там и они должны, только осторожно. Чтобы «чернух» не нарушить, их оказалось много...

— А что это такое — «чернухи»?

— Ловушки. Смотрю: проволочка натянута, тронь — полетит ракета... Пришлось приподняться и перешагнуть, и они тоже по моему знаку перелезли. Много оказалось «чернух»-ловушек. Наконец смотрю: глыба висит, и тут конец горы, чуть пройти — вышка. Мы вылезли — гора голая, чуть травкой покрыта, а мы серые, в пыли, нас не видно на фоне камней. Вся одежда пропылилась. Так же ходили и заключенные, и ссыльные, так что мы не выделялись. Чуть проползем — отдохнем, а потом уже встали и пошли: там темно, нас не видят. Дальше мы разошлись: Вася — в Магадан, а мы с Антоновым — в тундру.

"УТВЕРЖАЮ"

НАЧАЛЬНИК СЛЕДОВАТЕЛЯ УКГБ ПРИ СМ
СССР ПО МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ
И А И О Р -

/ТЕВДОРОШВИЛИ/

" 5 " февраля 1955 года

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

/ о приобщении вещественных доказательств /

" 5 " февраля 1955 года

город Магадан

Я, следователь следственного отдела УКГБ при СМ СССР по Магаданской области майор РИЗАНЦЕВ, рассмотрев материалы следственного дела № 844 по обвинению СОЛОВЬЕВА Сергея Дмитриевича, он же РОСС Дмитрий Сергеевич и АНТОНОВА Николай Васильевича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-10ч.1, 59-11, 82 ч.1 и 182 ч.ч. I и II УК РСФСР, -

Н А Ш Е Л:

13 июня 1954 года в помещении электроцеха участка "Заманчивый" Утинского горно-рудного комбината, Ягоднинского района, Магаданской области был обнаружен и изъят антисоветский рукописный документ, представляющий из себя программу и устав антисоветской организации так называемой "демократической партии России", начинающийся словами: "Программа /краткая/ Демократической партии России..." и оканчивающийся "...Рекомендации даются без ведома вступающего в партию".

Указанный антисоветский документ, как установлено графическими экспертизами, изготовлен СОЛОВЬЕВЫМ и БЕЛОУСОВ Александром Ивановичем.

Учитывая, что программа и устав антисоветской организации так называемой "Демократической партии России" изобличают СОЛОВЬЕВА и АНТОНОВА в преступной деятельности и являются вещественными доказательствами, руководствуясь ст.ст. 58 и 67 УК РСФСР, -

П О С Т А Н О В И Л:

Рукописные программу и устав антисоветской организации, именуемой "Демократической партией России", приобщить как вещественные доказательства к следственному делу № 844 по обвинению СОЛОВЬЕВА и АНТОНОВА.

СТ СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ УКГБ ПРИ СМ
СССР ПО МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

И А И О Р

103- /РИЗАНЦЕВ/

Постановление о приобщении вещественных доказательств

— И встретились опять в тюрьме? Уж за этот побег вас наказали, как никого и никогда не наказывали за побеги. К тому же в помещении участка «Заманчивый» Уткинского горно-рудного комбината как раз обнаружили «антисоветский рукописный документ» — Программу и Устав Демократической партии России...

— В марте 1955 года я вновь был осужден на 25 лет лишения свободы. О снисхождении не просил...

ГОСУДАРСТВО В ГОСУДАРСТВЕ

Пора поведать о том, где и как теперь живет Сергей Дмитриевич Соловьев, и о тех, кто делит с ним хлеб и кров. Его домашние, его семья уже больше четверти века: Анастасия Павловна Шеруденко и ее дочь Любаша — верующие. На окраине Змеиногорска два дома стоят напротив друг друга, в одном — старшее поколение, в другом — младшее. Вокруг — сопки, степь, простор, запахи трав и цветов. Как говорит Сергей Дмитриевич, на Алтае от одного воздуха здоровым становишься, а горы — они ближе к Богу. В церковь здешнюю, поруганную при советской власти, снесенную до основания и кое-как восстановленную на новом месте, молиться они не ходят. Зато Анастасия Павловна может спросить поутру Любашу, занятую хлопотами по хозяйству: «Слышала, как я сегодня в сопках пела «Верую»?..

Их вера горячая, искренняя, ненапускная. Выстрадавшая. Это сейчас посещать церковь и можно, и даже модно. Молящиеся охотно показывают свои лица телевизионным камерам. А в годы советской власти вера в Бога, как в первые годы христианства, считалась преступлением. За нее тоже расплачивались годами тюрьмы, лагерей и ссылок.

Не люблю я громкое слово «подвиг», но иного не нахожу, когда слушаю рассказы Анастасии Павловны о том, как сносили верующие эти жестокие и бессмысленные гонения:

— Я тоже сидела. Дочке было 14 лет... А меня пришли и забрали. Осталась она одна, и ночевать не с кем. Взяли меня за то, что я стала верующей, — только за веру, больше причины не было. Ну, детство у меня было бедное-бедное, невозможно высказать: ни есть, ни одеваться — ничего не было. Ну, одна мама, а нас, детей, пятеро, где ей взять? Забрали у нее трех сыновей на войну — все погибли. Один сгорел в танке, танкист был Григорий. Другой потерялся без вести, еще один умер от ран — это Тимофей и Иван. Сестра старше меня еще была, работала скотником, ботинки на деревянной подошве... А потом я уже выбилась, жила хорошо, работала пять лет в магазине в деревне, в большом универмаге центральном. Муж у меня был, потом дочка родилась. А потом вот...

У меня душа болела, чего-то ей еще не хватало. Вот все: и мужик хороший, и дочка растет на глазах, одеваться хорошо стали, достаток есть, и мама с нами жила тогда, а душа болит, чувствует вечные муки страшного ада. Раз приснилось, что мама готовит обед ребятам, а в дверях Он стоит, потом пошел прочь. «Ты куда пошел-то?» — «Так вам же нечем нас кормить...» Мама скорей-скорей вскочила, обед сготовила, старушек позвала. Вот такие снились сны. Стали старушки к нам приходить, молиться — ранешние люди

Анастасия Павловна Шеруденко

все были верующие. Рассказывали: вот был Иисус Христос, на кресте распяли его, за всех нас страдал. А пели как! Мне бы так научиться петь!

Вот у меня запало в душу — что-то надо искать, веру надо искать. Стала я старушек призывать, принесу им по платью и платку из магазина, только чтобы они к нам ездили из города в деревню: мы тогда жили в Бобково. Мотоцикл мы купили, мужик у меня шофером, я его попрошу — он старушек и привезет, и увезет задаром. А уж после-то, когда я молиться стала, он решил нас бросить. Это уж потом он говорил: «Дурак я! Надо было за порог в шею гнать, а я их все возил!» Над ним люди стали смеяться, что молимся. А меня власти уже преследовать начали, таскать, на исполком вызывать, ой, такой вавилон! Он, бедняжка, не знал, куда ему деваться, ему тяжело стало со мной. Разошлись по-хорошему, он уехал, там женился. А я осталась в деревне, наверно, еще с год прожила, и меня посадили. Уже маму похоронили, Люба одна осталась. Девчонку даже не пощадили! Когда меня привезли в тюрьму, я говорю: «Вы меня отпустите, вот только дочку определить. Ребенок еще. Одна она осталась!» У нас овечки были белые, гуси — кому за ними смотреть? А начальник мне говорит: «Ты можешь через пять дней быть дома». — «Как это так?» — «Выступи по радио, что ты отрекаешься от Бога. И поедешь домой». — «Ага! Давай голову срубим с тебя, а потом беги? Нет уж!» — «Значит, будешь сидеть?» — «Буду сидеть».

— А потом мама оттуда убежала, перевезла меня в Рубцовку, к сестре своей Вере Павловне. Вот я у тетки с дядей жила, и меня через детскую комнату милиции устраивали на работу, потому что нигде не брали — я только восемь классов окончила. Как сейчас, помню, маму пришли забирать, а

*Дочь Анастасии Павловны
Любовь Иннокентьевна*

бабушка-соседка в голос: «Ой, Настя, да на кого ж ты Любку оставляешь? Дите ведь!» А мама встала перед иконой: «На Царицу Небесную только оставляю». — У Любаши, когда она рассказывает про арест мамы, до сих пор голос дрожит от слез. — А потом ее опять забрали, нашли — ой, тогда искали, молиться нигде не давали людям! Люди молились где-нибудь тайно, а эти как налетят, сразу перепишут всех: «Что вы молитесь?!» И маму обратно вернули. Тогда время такое было...

— Мне дали пять лет высылки, а за побег отправили в Барнаульский лагерь, — продолжила Анастасия Павловна. — Это 1961 год был, тогда всех-всех высылали — из Москвы были, из Ленинграда, Воронежа. В Мариинске сидели врачи, медсестры, они на память знали Писание, могли по два часа читать. Я даже рада была, что туда попала, — я там многому научилась. Из Воронежа одна женщина была — мы до сих пор переписываемся. Работать из нас, верующих, не работал никто. А потом, когда у нас пять лет эти закончились, нас никак не отпускали домой. Начальник милиции вызвал нас четверых — одна была дивногорская, еще одна воронежская, одна бийская и я. Снова осудили на четыре месяца. Четыре месяца отсидим — дают высылку. «Будете работать?» — «Нет». Меня восемь раз судили по четыре месяца, год в «крытке» сидела в Горноалтайске и в карцере — не помню, сколько суток. И восемь раз по четыре месяца возили меня туда-сюда, туда-сюда, дороги такие — сами знаете, какие у нас дороги. Боксики всякие, все пришлось узнать. Это очень хорошо, все на пользу души. Хорошего не поймешь, когда все одно и то же. Пока не укусишь горького, не будешь знать сладкого. И помощь Божью видишь.

Завезли нас в Новосибирск... Сначала везут нас в Горноалтайскую тюрьму, в Бийскую тюрьму, в Барнаульскую тюрьму, Новосибирскую проезжаем, а еще возили нас в Омскую тюрьму, а потом в Перми сидели — вот сколько тюрем узнала. Я дорогой заболела — не могу, умираю! В Новосибирске камера страшная, я сижу и читаю молитвы по книжечке (привезла такие маленькие, где-нибудь спрячешь ее,

авось не найдут, потому что, если найдут, отбирали). И вижу во сне ли, в бреду: муж моей подруги надумал мне голову отрубить: подруга депутатом была, а я ее затинула, вдвоем мы молились. Слышу: «топ-топ» по коридору, я испугалась: сейчас меня захватит! А заходит старичок маленький, с бородочкой: «Ну как? Есть Бог?» Я обрадовалась: «Есть, есть, есть Бог!» Ах, смотрю, а тут в дверь заходит и второй, и третий лезет — это Троица пришла меня посетить! Не могу передать, какое у меня было настроение целую неделю. Выздоровела. Бог милосерден и помощь дает везде, хоть в тюрьме. Тут уже кончился нам и срок. Начальник милиции вызвал нас: «Ну, верующие женщины, мне с вами беседовать бесполезно, вы себя показали делами. Езжайте к семьям и живите, как жили». Я отсидела пять лет, семь месяцев и одиннадцать дней...

Ну вот, когда я все переиспытала, мне так было жалко тех, кто в тюрьме сидит! Освободился Миша — Земляк, приехал и рассказал, что с ним там сидели Степанушка и Сергей: «Они очень хорошие люди, грамотные, скромные, с детства крещенные. У них родители были верующие. Вот вы им пишете письма, а освободятся — пускай приезжают». Мы им обоим писали письма, отправляли посылки, деньги. Десять лет. Степанушка у нас не принялся, уехал в Казань. А Сережа, когда пришел, ему было 64 года, мне — 54. И прожили мы с ним уже 27 лет вместе... А теперь ему только что надо — царство небесное заработать. Вот поэтому ни у кого из нас нет документов. Сереже тут вначале-то дали паспорт, да в автобусе из кармана вместе с деньгами кто-то вытащил — украли. В милиции ему не поверили: «У нас воровства в автобусах нет!» Новый паспорт он и не стал получать. Зато пойдет к Господу чистым — никаких у него паспортов, ни пенсии, нет у него ничего. Вот только справку одну и бережет — о реабилитации...

Беседу записала Алла Макарова.

Вячеслав Васильевич Блохин

Вячеслав Блохин:

*«Как долго я шел к созданию
карты норильских лагерей...»*

Вячеслав Блохин работает над картой

КАК РОДИЛАСЬ КАРТА НОРИЛЬСКИХ ЛАГЕРЕЙ

В январе 2006 года через головной офис компании «Норникель», что в Москве, меня разыскали и позвонили из Польши Ян и Эдвард Нико, отец и сын. Ян провел в норильском лагере 11 лет, здесь же в 1954 году родился сын Эдвард. С ними у меня был не один телефонный разговор. Это были доверительные рассказы о прошедшей в неволе юности, сохранившейся и сегодня тяге к Северу, к Норильску. Их живо интересовала жизнь города, комбината, сегодняшней компании «Норникель». Ян вспоминал Норильск своей молодости, состоявший из колючей проволоки, бараков, производственных корпусов, которые так тяжело строили зэки. Вспоминал знакомые места... Когда я рассказывал ему об отдельных уголках и улицах, он переспрашивал их названия на полузабытом русском языке. Я чувствовал даже через телефонную трубку его волнение от причастности к городу, в котором с невероятными трудностями он строил важные объекты комбината.

Это в какой-то мере послужило ответом на подспудно мучавший меня вопрос десятилетней давности: правильно ли я сделал, задумав составить карту лагерных подразделений Норильска? Будет ли она востребована людьми не только старшего поколения, бывшими заключенными, но и сегодняшней молодежью? Вспоминаю, как в 1996 году рассказал своему сослуживцу о желании составить такую карту и в ответ услышал резонный вопрос: «А кому это надо?» Тогда мысленно я ответил: «Мне», не подозревая, что не я один думал об этом.

Своими планами я поделился с начальником управления «Норильсккомплектоборудование» Сергеем

Григорьевичем Князевым, который мою идею поддерживал и посоветовал обратиться к корреспонденту газеты «Заполярный вестник» Алле Борисовне Макаровой.

Это было начало.

Общение с этой высокопрофессиональной журналисткой, которая занималась исследованием забастовки 1953 года в Горном лагере, было очень плодотворным. Она помогла мне информацией и порекомендовала меня замечательному специалисту музейного дела Валентине Петровне Вачаевой. На момент знакомства она была до предела загружена работой: музей переезжал. В темных и холодных комнатах разваливающегося здания шла эвакуация экспонатов и всего собранного музеем. Тем не менее она внимательно меня выслушала и отправила к одному из немногих оставшихся стендов, который назывался «Схема лагподразделений Норильского комбината на 1951 год». В течение двух часов в холодном и темном помещении я срисовывал эту схему, которая как документ послужила основой составления моей карты. Это было то, от чего можно было плясать, как от печки. На прощание Валентина Петровна показала схему лаготделений на 1939–1940 годы, составленную по памяти в октябре 1988 года Виталием Николаевичем Бабичевым, бывшим узником Норильлага. Эта схема укрепила мое стремление создать карту норильских лагерей.

— Это все, что у нас есть, — сказала Валентина Петровна Вачаева.

Дальше я остался один на один с историей. Засел за книги в библиотеках, листал подшивки газет... Очень много информации почерпнул из газеты «Заполярная правда» начала 90-х годов — она публиковала воспоминания бывших заключенных. Но вся собранная мною информация еще не могла ответить на вопрос: «А где же эти лаготделения находились?»

Привязать к местности уже вырисовывающиеся отдельные точки лаготделений не представлялось воз-

*Одна из находок на узкоколейной дороге, что на горе Шмидта.
Впоследствии сожжена вандалами. Снимок 2000 г.*

*Узкоколейка на горе Шмидта, соединяющая между собой
шахты № 13 и 15. Сожжена в 2005 г.*

можным: у меня не только не было карты Норильского промышленного района, на которую я планировал нанести месторасположение лагерей, но и отсутствовали даже эскизы промрайона. Попытки обнаружить хотя бы подобие карты НПП не имели успеха. И тогда я начал самостоятельно рисовать эскизы карты промрайона на бумаге... Так схематически появились первые заштрихованные квадратики предполагаемых лаготделений. Часто отдельные места этих эскизов приходилось затирать до дыр, ибо я иногда получал информацию, когда одно исключало другое.

Несмотря на острую нехватку свободного времени, работа хотя и медленно, но продвигалась. Летом максимально использовал субботы и воскресенья. Начал пешие походы по Норильску и ближайшим окрестностям, которые продолжаю и по сей день. Они помогли не только в выявлении места расположения лагерных строений. Я находил чугунные котлы, вмазанные в печь, металлическую миску, которую показал бывшему лагернику. Я видел, как у него начинали трястись руки, а на глаза наворачивались слезы. Держал в руках самодельные гвозди и скобы, скреплявшие деревянные строения. Гладил руками деревянную вагонетку, кем-то заботливо спрятанную под эстакаду, что проходила по горе Шмидта. Теперь ни ее, ни эстакады нет: вандалы сожгли. Одновременно установил места 1, 2, 5, 7-го лаготделений, лагпунктов «Алевролиты», «БОФстрой» и других.

Далее моя работа застопорилась на два с половиной года. Я перешел на другую работу: тут не только перерывов на обед не было, но и суббот и воскресений. И все же одна мысль не покидала меня: где найти карту или болванку карты (типа контурной)? Обращения к руководителям, специалистам, рыбакам, охотникам и другим ни к чему не приводили. Дело затормозилось. От момента задумки создания карты и начала ее воплощения в жизнь прошло уже четыре с половиной года... И тут мне помог случай. Правда, говорят, случай без поиска и желания редко посещает ищущего. Мне повезло...

Я снова перешел на новое место работы. Здесь уже нет сумасшедшего напряжения, уже свободны суббота и воскресенье и время обеда — мое. Наводя порядок в кабинете, я нашел несколько рулонов бумаги и пересмотрел их: это были плакаты, схемы гражданской обороны 50–60-х годов. В них же лежали деформированные от воды четыре кальки с безобразной бледной графикой. Когда я всмотрелся в них, радости моей не было предела. Это были кальки города и промышленной зоны! Они были без определения масштаба, точек отсчета. На них не были указаны стороны света. Во всем этом для меня не было необходимости. У меня была карта, которая вдохновила меня на дальнейший труд. Мои чувства трудно было передать.

Я начал восстановление калек. Затем скопировал их на бумагу (на тот момент в магазинах города было всего два ксерокса). Далее склейка, проглаживание утюгом, снова прорисовка деталей уже по бумаге... Прошел не один месяц. Но вот все готово. Чернобелый вариант карты от реки Норильской почти до реки Ергалах, с севера на юг, и от шахты «Западной» до горы Двугорбой, с запада на восток, размером 1800 мм на 1200 мм был передо мной. Радость от сделанного длилась недолго: засел за раскрашивание карты. Наконец готово. Позволил себе небольшой передых. А как наносить лагерные подразделения? Там, где когда-то стояли бараки, теперь гаражи, жилые дома, производственные сооружения. Я избрал обыкновенный оранжевый ценник, что на липучке. Ее я оценил позднее, когда начал вносить коррективы в уже сделанное...

Места лагерных подразделений, о которых имел точную информацию, включая количество и расположение барачков, наносил на ценник и приклеивал к карте. Там же, если знал только место нахождения какого-нибудь лагподразделения, наносил просто оранжевый квадратик. Работа продвигалась достаточно быстро...

Летом 2000 года карта была готова. Повесил ее на стену. Она топорщилась от склеек. Оранжевые вкрапления, особенно в промзоне, впечатляли. Но только первое время. Я видел незавершенность работы. Уж больно много осталось просто оранжевых квадратиков и неизвестных лаготделений согласно «схеме-51». И все же я определил для себя, что первый этап работы над картой окончен.

Карту смотрели мои друзья, друзья друзей, друзья детей. Шло время. Я продолжал собирать материал. В 2003 году про карту через друзей сына, а именно Кирилла Пугача, прознали сотрудники «Заполярного вестника»: журналистка Ольга Семыкина и фотограф Николай Щипко. Они побывали у меня. Последствием их посещения стала статья в «Заполярном вестнике». В 2004 году несколько видоизмененную статью опубликовал журнал «Интеррос». Все это не вызвало никакого резонанса. Да я этого и не хотел, и не стремился к этому. Карта была моим детищем, а я — эгоистом. И поэтому обретения одного-двух единомышленников мне было достаточно. Одним из них был Станислав Николаевич Степанов, который

раздобыл и подарил мне карту узкоколейки Дудинка—Норильск 1936–1937 годов строительства.

Мне катастрофически не хватало информации. Ни музей, ни газеты уже не могли мне помочь. Последней надеждой оставался городской архив. Начальник АТО «ЦАТК» Владимир Васильевич Букаткин, заинтересованно относившийся к моей работе, написал письмо заведующей городским архивом Наталье Георгиевне Буторовой (как я впоследствии

В.В. Блохин с женой Ириной Владимировной, чья помощь в его труде над картой была бесценна

убедился, она неравнодушный человек и прекрасный руководитель). Я получил доступ к архивным материалам. Это был прорыв в получении информации. Появились подтверждения многих моих догадок. А сотрудничество с Ириной Александровной Перфильевой, классным специалистом и очень отзывчивым человеком, позволило резко повысить мою трудоспособность. Обилие материала по истории строительства комбината довело меня до того, что один из летних отпусков я просидел в архиве. Так появилась объемная тетрадь о строительстве комбината, о трудовых подвигах людей, воплощенных в приказах и распоряжениях. Это выходило за рамки нанесения на карту лагерных подразделений. Началось более глубокое познание истории Норильского промышленного района, которое вылилось не только в нанесение на карту отдельных деталей, но и в потребность рассказать сегодняшнему читателю о том непростом времени, о тех людях, чей ежедневный подневольный труд был трудовым подвигом, и это не красное словцо. В газете «Заполярный вестник» я опубликовал статьи о руководителях и простых

Французы, Л.А. Нетто (в центре) и В.В. Блохин (справа)

рабочих, о забытых предприятиях и других объектах строительства комбината.

...Карта была снята со стены и на долгие месяцы поселилась на обеденном столе. Несмотря на такой дискомфорт в квартире, моя жена Ирина Владимировна не очень возражала. Изменения в единственном экземпляре карты после моих доработок портили ее внешний вид — она на глазах ветшала. А ее хотели видеть в первую очередь в городском архиве, где проходили лекции для студентов и школьников об архивном деле, о норильской истории, о людях, строивших комбинат и город. Карта была нужна.

И снова помощь пришла со стороны. Один из друзей, который знал о моей работе и видел карту, посоветовал мне обратиться в Норильскпроект. В.В. Букаткин написал письмо директору Норильскпроекта Николаю Алексеевичу Ладину с просьбой оказать мне содействие. Оно было оказано, и у меня в руках оказалась копия, правда, несколько урезанная, так как машина не справилась с размерами моей карты. Это позволило мне показать заинтересованному кругу лиц сделанную работу. Показал ее и сайт журнала «Интеррос» в Интернете.

В октябре 2005 года ко мне обратились телевизионщики Франции, канала «France-5»: просили рассказать о карте норильских лагерей. Я охотно согласился. И ни секунды не пожалел, потому что это общение подарило мне знакомство, о котором и не мечтал. Я познакомился с бывшим узником Норильлага Львом Александровичем Нетто, он был основным действующим лицом будущего фильма. С первых минут встречи между нами установились доверительные и теплые отношения, которые продолжаются и сегодня. Мы говорили друг с другом на одном языке, вспоминали Норильск и Норильлаг. Общаться и работать с ним было одно удовольствие, и сейчас я с трепетом жду новых встреч с ним. Посещение французов, знакомство с Л.А. Нетто я обозначил как окончание второго этапа своей работы. На

карту Норильска я нанес 45 лагерных подразделений, включающих лагерные отделения, командировки, подкомандировки, отдельные лагпункты.

Не прекращая работы, приступил к следующему этапу. Снова карта легла на стол. На ней не были обозначены и подписаны дома, улицы, предприятия, существующие в то время и стерты позже по производственным или политическим соображениям. Особенно пострадала от всего этого промзона и Соцгород. Где находились Дом ИТР, ВЭС-1 и -2, гостиница «Заполярная», первый спортзал, стадион и т.д.? Где грандиозные, не побоюсь этого слова, перекрытия рек дамбами, каналы, меняющие направления ручьев и рек?

Поэтому и появилась экспликация на картах. Пишу это слово во множественном числе, так как промзону пришлось выделить в отдельную увеличенного масштаба карту ввиду трудности нанесения обозначений. На картах появилась 91 точка. Это первая пекарня, баня для заключенных, Опытная обогатительная фабрика, Малый металлургический завод и т.д.

В мае я посчитал, что третий этап моей работы закончился, но не тут-то было. Я и сейчас продолжаю собирать дополнительную информацию по этим точкам. Уже хочется снабдить карты дополнительной информацией...

Как долго я шел к созданию карты норильских лагерей... Приехал в Норильск в 1973 году. Я еще застал бывших узников Норильлага и бывших охранников. Они рассказывали о своей жизни в Норильске, но не всегда, как я установил позднее, это была истина в последней инстанции. В городе и промзоне еще оставались не стерты до конца следы лагерного наследия, не все старые постройки и бараки были сожжены и снесены. Такими заповедными были улицы Октябрьская, Заводская, Горная, Железнодорожная, ВЭС-2, первый спортзал, универмаг № 1... Вот с того времени и началось накопление материала. Сейчас понимаю, как порой бездарно я расходовал свое время. В дальнейшем, где бы ни работал и где бы ни бывал,

всегда проявлял любопытство к истории предприятия и места его в Норильске.

Работа над картой позволила мне познакомиться со многими людьми, равнодушными к истории комбината и города. Одни делились воспоминаниями, другие давали дельные советы, третьи в меру своих сил часто профессионально помогали делать мне мое дело. Всем я безмерно благодарен и хочу назвать этих людей. Хочу извиниться перед теми, кого не назову, потому что любая помощь была мне полезна и без нее не было бы всего того, что сегодня есть. Например, в декабре 2005 года ко мне обратился председатель Новосибирского общества «Мемориал» Леонид Соломонович Трус — бывший узник норильских лагерей. Он просил прислать ему составленную мной карту для работы в обществе. На что я ему ответил отказом, сославшись на незавершенность работы, что и соответствовало действительности. Узнав о моих проблемах, он тут же выслал бандеролью собранный им материал по лагерным отделениям и несколько набросков карт, составленных заключенными. Лучшего подарка на

Бывшее 7-е женское лаготделение. После 1956 года здесь располагался первый кондитерский цех. Снимок 1975 г.

Первый спортзал в Норильске. Снимок 1975 г.

Новый год и быть не могло... Таких случаев бескорыстия, помощи и советов людей очень много.

Закончу эту главу списком норильчан, которых считаю причастными к своей работе. Прочтите этот список и вы с благодарностью...

Калиниченко Борис Егорович, **Князев** Сергей Григорьевич, **Макарова** Алла Борисовна, **Вачаева** Валентина Петровна, **Матвеева** Надежда Павловна, **Панченко** Сергей Николаевич, **Лебедев** Николай Константинович, **Сорокина** Ирина Михайловна, **Ковалева** Тамара Викторовна, **Пугач** Кирилл, **Семыкина** Ольга, **Щипко** Николай, **Толстов** Владимир, **Рычкова** Татьяна Ивановна, **Степанов** Станислав Николаевич, **Прибытков** Юрий Васильевич, **Перфильева** Ирина Александровна, **Буторова** Наталья Георгиевна, **Маршалкова** Лариса Евгеньевна, **Обст** Елизавета Иосифовна, **Флиге** Ирина Анатольевна, **Букаткин** Владимир Васильевич, **Загитов** Рамиль Зайналович, **Касьянова** Наталья Анатольевна, **Леккина** Татьяна Николаевна, **Вольская** Светлана Николаевна, **Берестова** Наталья Вячеславовна, **Кухта** Марина Мирославовна, **Бабкина** Надежда Владимировна, **Коновалова** Оксана Леонидовна, **Шутов** Станислав Германович, **Стрючков** Станислав Анатольевич, **Трус** Леонид Соломонович, **Нетто** Лев Александрович, **Харитонов** Александр, **Чередниченко** Татьяна.

ОДНО ИЗ ПЕРВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НОРИЛЬСКОГО КОМБИНАТА

В январе 2005 года исполнилось 65 лет со дня открытия Опытной обогатительной фабрики — одного из первых сооружений Норильского комбината. Промышленная эволюция превратила здание ООФ в развалины. А когда-то здесь кипела жизнь, люди «сгорали» на работе, строили и восстанавливали фабрику после пожара в ужасные морозы и «черную» пургу и выполняли все планы.

Без обогащения не обойтись

Если ехать маршрутными автобусами от остановки «Цементный завод» в сторону города, то слева, наверху откоса, хорошо виден четырехэтажный бетонный остов с двумя бункерами. Это и есть то, что осталось от Опытной обогатительной фабрики, расширившейся и получившей название Малой обогатительной. В том числе благодаря и этому строению в Норильске в годы войны был получен никель.

Металлургическому производству не обойтись без обогащения — механической обработки полезных

Здание Опытной обогатительной фабрики. 2004 г.

ископаемых в целях отделения ценных минералов от пустых пород. Это хорошо понимали первооткрыватели. Первую тысячу пудов (около 17 тонн) руды, добытую экспедицией Урванцева за полевой сезон 1923–1924 годов, на оленях вывезли в Дудинку, а затем в Ленинград. Часть ее была передана для испытаний на обогатимость в институт «Механобр».

Более широкие исследовательские работы по обогащению сульфидно-медных руд Норильского месторождения начались в 1926 году, после экспедиции Аллилуева—Урванцева, поддержанной Феликсом Дзержинским, председателем Высшего совета народного хозяйства. Было установлено, что основную массу норильских богатств составляют руды вкрапленные, требующие обогащения, а следовательно, строительства обогатительной фабрики.

Норильский комбинат начинался со строительства железной дороги, электростанции, жилья, но уже в октябре 1936 года в составе производственно-строительного отдела появилось бюро главного металлурга с объединенными функциями обогатителя, а в декабре — самостоятельное бюро главного обогатителя. Оно-то и занялось проектированием и строительством ООФ. Первым ее начальником был назначен Семен Дубровский. В штате значились один вольнонаемный инженер-обогадитель и семь заключенных: инженеры-технологи, механик, энергетик, конструкторы.

21 января 1937 года начальник строительства комбината Владимир Матвеев «для ускорения проектирования» создает бригаду инженеров в составе шести человек, конечно заключенных, «чтобы к земляным работам по строительству фабрики можно было приступить уже в январе».

Дело продвигается туго

Это сейчас на откосе тишина и встретить человека — целое событие. В 37-м здесь закипела работа.

Правда, сначала она шла вяло, людей не хватало. На строительстве фабрики было задействовано более ста человек, это из девятитысячного «контингента», находившегося в Норильске. В октябре 1937 года Матвеев приказывает перевести строительство и монтаж ООФ на строгий хозрасчет — сдать на аккордную оплату все земляные работы.

Со строительством Опытной обогатительной фабрики связано имя Александра Шаройко, ленинградца, выпускника горного института. В ноябре заместитель начальника управления строительства Александр Воронцов назначает инженера-обогапителя Шаройко руководителем проекта ООФ и комплексной бригады для «увязки строительной части работ с технологической». Лагерников-ударников, выполнивших план на строительстве фабрики более чем на 150 процентов, — 24 человека. И все же Матвеев результатами недоволен (еще бы, именно медленные темпы строительства комбината поставят ему в вину). Сроки, установленные ГУЛАГом, горят синим пламенем. Руководитель проекта Шаройко переведен на должность инженера-обогапителя.

Начальники на строящейся фабрике меняются часто. После Шаройко на эту должность был назначен Иван Перфилов, через месяц Семен Енин, затем снова Дубровский, потом Александр Муравьев... Частые перестановки свидетельствуют о кадровом голоде во времена строительства ООФ.

Вскоре Владимира Матвеева на высоком посту сменяет Авраамий Завенягин. Строительство ООФ по-прежнему продвигается туго. К концу 1938 года возведен деревянный корпус. В январе 39-го Завенягин устанавливает срок окончания монтажных работ (без электромонтажа) — 1 марта 1939 года. В поселке и лаготделениях появляются плакаты: «Мобилизовать все силы на сдачу в эксплуатацию: Малого металлургического завода — к 15 февраля; временной электростанции-2 — к 1 марта; закончить в основном строительство и монтаж ООФ — к 10 марта».

Электроэнергии не хватает, фабрика не достроена, но на ее втором этаже разместилась Научно-исследовательская опытная станция (НИОС), оборудованная однотонной дробилкой, флотационной установкой и аппаратурой для индивидуальных опытов. Исследования в связи с увеличением разведанных рудных запасов Норильска-1 переключились на «Угольный ручей», северный мыс горы Рудной и «Медвежий ручей».

В мае Завенягин перебрасывает на ООФ дополнительно, оторвав от других предприятий, 200 человек. 30 октября следует новый приказ Завенягина: «...к 10 декабря закончить недоделки по ООФ и опробовать взаимодействие механизмов во всех стадиях технологического процесса...» Вспомним плакат-приказ о пуске временной электростанции-2 к 1 марта, был и другой: «ВЭС-2 считать принятой в эксплуатацию с 15 ноября 1939 года. Завенягин».

Наконец долгожданный день настал. Через два года после начала работ следует приказ: «...комиссии произвести приемку ООФ с 30 декабря 1939 года по 6 января 1940 года. Завенягин».

Планы — все выше и выше

О том, как тяжело поначалу работалось на первой обогатительной фабрике, свидетельствуют цифры. План по получению концентрата в 3640 тонн в 1940 году не выполнили, что не помешало руководству комбината повысить его в следующем году до 5000 тонн. И выработка концентрата за I квартал 41-го составила 131 процент! План по переработке руды тоже выполнен (6000 тонн). И это при том, что в январе, например, из-за отсутствия электроэнергии фабрика работала только 30 процентов (!) рабочего времени (стояла до 20 января). Рабочей силой ООФ была обеспечена не полностью. Бывало, что при штатном расписании в 69 человек здесь работали всего 36.

Накануне войны комбинат возглавил Александр Панюков. Война внесла свои коррективы в выпуск продукции. Правительство и наркомат поставили перед Норильским комбинатом задачу получения максимального количества никелевых продуктов. Начальнику ООФ Муравьеву было приказано выдать с IV квартала 41-го по III квартал 42-го 8000 тонн концентрата. Но уже 18 мая 1942 года Государственный Комитет Оборона принял решение об очередном увеличении выпуска никеля.

В октябре решилась часть кадровых проблем. В ряды работников фабрики влилась большая группа хлораторов, классификаторов, растворщиков реагентов, инженеров-исследователей, прибывших с Тырныаузского комбината. Профессионалы стали хорошим подспорьем для фабрики и консультантами для молодых, не имеющих практического опыта норильских обогатителей.

В ноябре вышел приказ Панюкова: «...закончить проект по расширению фабрики на переработку руды 500 тонн в сутки и проработать вопрос селективного обогащения богатой руды в количестве 150 тонн».

Победа в битве за металл

Через год эта последняя цифра возрастет в 6,5 раза. В марте 1943 года Государственный Комитет Оборона принимает новое постановление об увеличении выпуска никеля на комбинате. А в апреле новым начальником Опытной обогатительной фабрики становится главный диспетчер комбината Таиба Рабинкова. Годом раньше главным инженером — заместителем начальника ООФ также была назначена женщина — выпускница Ленинградского горного института Анна Никонова, прибывшая в Норильск одновременно с Шаройко.

В приказах 1943 года по результатам работы подразделений каждый месяц звучат одинаковые фразы: «закрепить достигнутое», «улучшенному качеству никелевого концентрата обеспечить максимальное

увеличение количества». И план выполнялся и пере- выполнялся. Весь комбинат и лагерь в едином порыве работали на Победу. Было тяжело, и тем не менее с лета 1943-го заключенным разрешается три выход- ных дня в месяц вместо традиционного одного.

В мае на хозактиве комбината звучит слово «БОФ». Еще нет никаких приказов, а Иван Перфилов уже назначается начальником строительства Большой обогатительной фабрики. Само решение принимается и утверждается только в августе–сентябре 1943 года. А что же ООФ? Уже через месяц, 4 сентября 1943 года, состоялось техническое совещание при начальнике Норильского комбината. Рассматривался вопрос рас- ширения ООФ для переработки 1000 тонн жильной руды в сутки с получением 7400 тонн никеля в год.

Одновременно с решением о строительстве БОФ заместитель наркома Авраамий Завенягин утвердил план расширения ООФ, которую по завершении работ решено называть Малой обогатительной фабрикой.

На этом оставим ненадолго производство и на- пишем несколько строк о приятном. Осенью в Доме инженерно-технических работников (ДИТРе) при- летевший из Москвы Завенягин вручал награды Родины отличившимся работникам никелевого ком- бината. Среди награжденных были и обогатители: Сергей Бочарников, автор технологии обогащения норильских руд (вместе с Панюковым, Воронцовым и Перфиловым), получивший орден Ленина, Анна Никонова, Таиба Рабинкова.

К 5 декабря 1943 года, работая в неимоверно тя- желых условиях, Норильский комбинат выполнил годовой план по всем показателям.

Пожарные предупреждали...

Между тем модернизация на месте теперешних руин продолжалась. 29 декабря 1943 года подписан приказ № 808 о строительстве Малой обогатительной фабрики: «...утвердить директивный график строитель-

ства МОФ... предусматривающий начало работ 1 января 1944 года и окончание их к 5 мая 1944 года».

Что же из себя представляла эта реконструкция? Она предусматривала увеличение мощностей дробильного, измельчительного и флотационного отделений путем замены части оборудования, возведение пристройки к главному корпусу ООФ, а также использование наряду с существующей Малой аглофабрикой — временной, в здании склада металла цеха металлоконструкций. Кроме того, предполагалось, перекрыв 20-метровый разрыв между складом металла и цехом металлоконструкций центрального ремонтно-механического завода, разместить на полученной площади шихтовально-смесительное и фильтровальное отделения.

Пристройка к ООФ промышленной секции должна была обеспечить переработку 600–650 тонн жильной руды, остальные 350–400 тонн планировалось перерабатывать на существующей ООФ. Стены здания для придания им максимальной легкости и устойчивости было решено строить деревянными, каркасно-обшивными, с засыпкой опилками, пролитыми гипсовым раствором, оштукатуренными с двух сторон.

Руду для МОФ планировалось привозить из штольни № 3/6 (в настоящее время она не сохранилась, находилась примерно в районе 1-го дорожного подъема на горе Рудная (Медвежка).

Крайне примечательна обнаруженная служебная записка № 239 старшего лейтенанта Фигурновского, начальника военизированной пожарной охраны, на имя начальника проектного отдела Александра Шаройко: «Расширение существующей ООФ не может быть допущено по следующим мотивам...пристраиваемая часть будет иметь 1150 кв. метров, а всего 2650 кв. метров... в то время как... для зданий категории «Д» допускается только 1000 кв. метров». Записка написана 20 декабря 1943 года. Запомните эту дату.

Возродилась, как птица феникс

Запустить МОФ в запроектированном виде в мае не удастся. Панюков ставит задачу довести переработку руды до 500 тонн в сутки с 1 января 1945 года. В ноябре 44-го он приказывает форсировать работы с расчетом полного окончания строительства МОФ в I квартале 1945 года.

Газета «За металл!» 12 декабря 1944 года писала: «Сроки окончания реконструкции Малой обогатительной фабрики первой очереди подходят к концу. 13 декабря начнется опробование агрегатов и механизмов».

Вспомните служебную записку. Надо все же соблюдать правила ТБ и прислушиваться к словам пожарных. В ночь на 30 декабря 1944 года здание на откосе озера Барьерного загорелось. К 16 часам от Малой обогатительной фабрики осталась груда пепла. Причина возгорания не была установлена. Об этом также сообщила газета.

Восстановительные работы начались с первых дней января 1945 года. Как раз в это время, начиная с 14 января, на Норильск обрушилась «черная» пурга, которая свирепствовала целую неделю. Простаивали ватержакеты и конвертеры, резко сократилась подача анодов в большой электролитный цех, бездействовал транспорт. В ряде цехов сложилось угрожающее положение с выполнением плана, и только на МОФ не было никаких активировок. Восстановительные работы продолжались круглосуточно, их предполагалось закончить к 1 марта.

Вот что писала газета «Металл — фронту» в конце января: «Под вой ветра у обгоревших стен фабрики строители дали клятву Родине — досрочно закончить восстановление оборонного объекта... Их подвиги не будут забыты! Мы знаем, с какими трудностями шли разборка здания, демонтаж и монтаж металлических конструкций, строительство площадки под монтаж оборудования... На высоте 18 метров, когда рвала и метала пурга, сверхударными темпами было закончено

восстановление надбункерной части здания, галереи транспортеров и дробильного помещения...»

Восстановление Малой обогатительной фабрики было закончено досрочно — к 23 февраля, дню рождения героической Красной Армии.

По производительности МОФ в четыре раза превысила Опытную обогатительную фабрику. Если в 1942 году комбинат выдал 514 тонн никеля, то в 1945-м — 6000 тонн. Товарной меди в 1941 году получили 81 тонну, в 1945-м — 8000 тонн. В этом весомая заслуга обогатителей.

Однако Панюков запомнил «встряску» с пожаром. Среди награжденных государственными наградами в мае 1945 года нет ни одного обогатителя МОФ.

В конце 1948 года в строй вступила Большая обогатительная фабрика. Дату закрытия МОФ не нашел. Может, это и к лучшему, потому что обогатители Опытной и Малой фабрик принесли на БОФ не только отработанные технологии и свой профессиональный опыт, но и отвагу, умение не пасовать ни перед какими трудностями, выйти из любого непредвиденного положения и дать план!

ЗДЕСЬ БЫЛ МАГАЗИН «ЗАВОДСКОЙ»

Как-то раз, работая в городском архиве, я наткнулся на приказ начальника Норильского комбината А.А. Панюкова за сентябрь 1943 года. В этом документе речь шла о строительстве гостиницы: «...начальника Фокина снять и перевести распределителем работ... Развернуть работы по строительству с расчета выполнения каменных и кровельных работ до наступления зимы...» Оказалось, что здание на Октябрьской улице, в котором сейчас располагаются некоторые службы Заполярного филиала горно-металлургической компании и которое норильчане со стажем помнят как магазин «Заводской», и было той самой гостиницей. Об этом факте норильской истории мало кто помнит, почему и в каких условиях было принято решение о строительстве здания.

Напомню, что навигации 1942 и 1943 годов были крайне неудачными: в 42-м рано стал Енисей, и караваны не дошли до Дудинки, а в 43-м комбинат остался без необходимых запасов горючего, серной кислоты, продовольствия, цемента... Страна все отдавала фронту.

А Норильский комбинат продолжал наращивать свою мощь: 1942 год знаменателен первой плавкой руды на Большом металлургическом заводе, получением первого электролитного никеля, вступлением в строй первой очереди ТЭЦ; в 43-м был выдан первый черновой никель и запущен цех электролиза никеля.

При этом в Норильске ощущалась катастрофическая нехватка жилья: хотя еще в 41-м окружном Таймырского округа были установлены жилые санитарные нормы 6 квадратных метров на человека, в 42-м в поселке Норильск планировалась другая «норма» — 2,8 квадратного метра на вольнонаемного и 1,3 квадратного метра на эка. Поскольку такие условия вряд ли можно было считать человеческими и способствующими улучшению производительности труда, видимо, в это время и началось обсуждение планов о строительстве гостиницы.

Магазин «Заводской»

Одно из уцелевших зданий лагпункта «Алевролиты»

Котлы на кухне для эков и вольнонаемных на руднике «Алевролиты»

*Лагпункт «Нагорный» (женский), где одно время отбывала срок
Е.А. Керсновская*

Остатки шахты № 15

Опыт нестандартного строительства к тому времени уже имелся: на пересечении улиц Октябрьской и Заводской был возведен красавец ДИТР — Дом инженерно-технических работников. И вот на фоне жестких приказов 43-го (об ужесточении экономии бензина, об отмене отоваривания премий продовольственными товарами, об изменении норм продажи продтоваров и других) начинается строительство гостиницы.

23 марта 1944 года следует приказ: «...общую площадь жилищного фонда, вводимую в эксплуатацию в 1944 году, установить в 12 000 кв. м (в 1943 году сдано 4981 кв. м — В.Б.) со сдачей: западная часть гостиницы с вестибюлем — 15 июня 1944 года, остальная часть гостиницы — 15 июля 1944 года». Сроки, правда, не выдерживались. Так, газета «За металл!» (номер за 7 октября 1944 года) писала: «К октябрю строители нашего комбината готовят подарок. Норильчане получают красивую благоустроенную гостиницу, строительство которой будет закончено 1 ноября. Сейчас внутри здания сделаны штукатурные работы. Монтируется водопровод, паровое отопление, канализация, а с 10 октября начнутся малярные работы. Строительство заканчивается, но некоторые цеха еще не выполнили заказы для этого объекта...»

Паровое отопление, канализация... Что значили эти блага цивилизации для норильчан, догадаться нетрудно, ведь, к примеру, в Горстрое (район нынешней улицы Севастопольской) на тот момент «всего лишь две колонки, которые не удовлетворяют потребности жильцов, причем в последнее время из-за плохого напора вода течет очень медленно, и чтобы набрать два ведра, приходится тратить 30–40 минут времени».

К ноябрьским праздникам немного не успели — только 12 декабря 1944 года в газете «За металл!» была опубликована информация о завершении строительства: «На Октябрьской улице засверкали огни на всех трех этажах гостиницы, построенной по проекту архитектора С.К. Хорунжего. Уже закончены отделочные работы, убраны леса, полы вымыты, в

номерах устанавливают мебель. На каждом этаже со вкусом оформлены просторные холлы; радуют глаз люкс-номера; в гостинице оборудованы ваннные и душевые, проведена канализация; в номерах тепло, достаточно света. Добро пожаловать, дорогие гости, в комфортабельную гостиницу Заполярья!» Имя гостинице дали вполне подходящее — «Полярная».

Кто проживал в гостинице? Честно сказать, не знаю. Удалось лишь найти доказательство того, что какое-то время здесь обитала чета Урванцевых — сразу по возвращении Елизаветы Ивановны в Норильск после войны.

В конце декабря 44-го часть гостиницы перевели под общежитие. Тогда же Панюков подписал приказ о завершении строительства начатых и возведении новых — всего 12 — барakov. Благодаря этим мерам за 1944 год общая жилая площадь для вольнонаемных работников Норильского комбината вместо плановых 12 тысяч квадратных метров выросла до 13,5 тысячи.

А в ноябре 1945 года начальник комбината подписал решение «против гостиницы построить здание, представляющее зеркальное повторение гостиницы» — под общежитие для холостяков и малосемейных. Сейчас в этом «отражении» размещается управление главного механика Заполярного филиала «Норникеля».

...В декабре 2004 года дом, в котором когда-то размещалась гостиница, а потом магазин «Заводской», отметил 60-летие. Приятно, что благодаря горно-металлургической компании это здание к юбилею выглядело достойно...

*Лев Александрович Нетто
(фотография Зиннура Шакурова, 2005 г.)*

Лев Нетто:

«...о людях, которые мучились, погибали, боролись за нашу и вашу свободу в тяжелые времена сталинских репрессий...»

*Лев Александрович Нетто в Норильске
(фотография Зиннура Шакурова)*

СМУТНЫЙ 1953 ГОД

Дудинчанин Николай Одинцов написал книгу «Судьбы людские», изданную в 2005 году в Красноярске. Не сразу, но я узнал, что в ней он упоминает мое имя. Начал ее читать и оторваться уже не мог: я ее «проглотил», настолько ее содержание оказалось для меня близким... Особенно глава «Смутный 1953 год». Ее открыл эпиграф «Свобода слова — это право говорить правду».

Не могу обойтись без цитат. Н. Одинцов вспоминает: «30 октября 2003 года торжественно и печально отмечался День памяти жертв политических репрессий. Это событие для норильчан знаменательно тем, что в этом (то есть в 2003-м) году исполнилось 50 лет бунту заключенных в Норильлаге, который в последние годы приобрел характер культового поклонения. Молчаливое шествие норильчан к горе Шмидтихе, где, по преданиям, в период сталинских репрессий производили захоронения заключенных, там же была проведена гражданская панихида, возложение венков к памятнику узникам Норильлага, покоившимся в этой промерзшей земле, было многолюдным. На тризну невинно убиенных в период норильского бунта и замученных в неволе людей приехали бывшие заключенные (к сожалению, их осталось совсем немного), живые свидетели тех суровых времен, делились воспоминаниями, которые широко освещались прессой, телевидением, радио...»

Это истинная правда, сказанная очень сокращенно, ибо автор наблюдал весь этот процесс по телевидению из Дудинки, хотя имел приглашение как

репрессированный, со стажем ГУЛАГа 13 лет, в том числе три последних года в Норильлаге.

Далее автор продолжил: «Высказывания бывших узников о событиях того времени мало отличались одно от другого, и я их не запомнил, но воспоминания Льва Нетто, выступавшего на телевидении и в печати, память удержала довольно цепко. Бывший узник Норильлага Лев Нетто, протомившийся в заключении 8 лет (с 1948 по 1956 г.), по его словам, был не просто очевидцем тех волнений, которые унесли много жизней, но являлся активным участником данного «восстания», состоял членом глубоко законспирированной подпольной организации в лагере, носившей название Демократическая партия России. Она имела устав, программу действий, ставила своей целью борьбу с существующим строем и много сделала в процессе подготовки «восстания». Его повествование о зверствах охранников над заключенными (себя он причислял к политзаключенным, хотя, по его рассказу, был осужден за шпионаж в пользу американской разведки к 25 годам строгого режима) полно драматизма: «расстрелы заключенных были обычным явлением», что и послужило толчком к «восстанию» с лозунгом «Свобода или смерть!». Так Н. Одинцов написал в своей книге «Судьбы людские» на с. 78.

Я вернулся к этим абзацам, чтобы поставить вопрос: а все ли это правда, написанная автором и провозглашенная в эпиграфе? Да, я рассказал о подпольной организации лагеря, но о том, что она много сделала в процессе подготовки восстания, я никогда нигде не говорил. Если это прозвучало в СМИ, то надо уточнять, где, когда и как это было выражено. Я подобных переказов своих слов нигде не читал и не слышал.

25 мая 1953 года заключенные 4-го и 5-го лаготделений дружно заявили администрации стихийный протест в связи с очередным убийством в пятой зоне: работу прекращаем — забастовка! Слова «восстание» тогда ни у кого и в уме не было. Много позднее этому

событию было дано такое определение — мирное восстание человеческих душ. Забастовку в двух зонах, в пятой и третьей, подавили вооруженным путем, с большой кровью. Так коммунистический режим поступал всегда во все предыдущие годы, когда народ выражал свой протест власти.

Надо отдать должное автору, что все же на с. 116 он признал: «Неповиновение заключенных, выразившееся в отказе от работы, в Норильлаге возникло стихийно». Это правда, я бы даже добавил, что оно было спровоцировано охраной лагеря. То есть никто, включая лагерную подпольную организацию, забастовку, как таковую, не подготовлял.

Еще одна неправда обо мне. Я никогда никому не рассказывал, что был осужден за шпионаж в пользу американской разведки. Откуда «ноги растут» у подобной информации, надо бы пояснить... Я был арестован как вернувшийся из американской зоны оккупации Германии — естественно, оказался «шпионом». Прошел серию пыток, познал «гуманность» Сталинской конституции. Легенду шпиона я уже готов был подписать, но все же пришлось признать совершенно другое обвинение — убил своего командира, перебежал к немцам. За это и был осужден. Кассационная жалоба это обвинение сняла, но срок — 25 лет оставили. Так что за шпионаж я осужден не был. Впрочем, что это меняло? Шпионами самых разных стран тогда признавали огромное число осужденных. Их потом в массовом порядке за отсутствием состава преступления реабилитировали. Подобные дела — убедительное доказательство придуманности таких обвинений. Не я отнес себя к политическим заключенным, а сама власть, обвинившая меня ни за что ни про что в преступлении, которого я не совершал. Неправдоподобно много оказалось в стране шпионов...

Придерживаясь принципа «говорить только то, что сам видел, знаю, прошел в жизни», дополню автора книги о ГУЛАГе. Хочу внести уточнения еще

в один абзац из книги «Людские судьбы». На с. 82 можно прочитать:

«Сомнительным кажется высказывание бывшего заключенного Льва Нетто о существовании подпольной политической, глубоко законспирированной организации, с названием Демократическая партия России, в которой он был активным участником. О «вожде» этой партии никто не сказал ни слова, имя его неизвестно. Непонятно одно: как заключенный Нетто Лев, будучи осужденным за шпионаж (а это уголовное преступление)*, мог влиться в ряды политической партии. Хотя всякое бывает. Но вызывает сомнение другое. Как могла существовать данная партия, проводить работу среди з/к по подготовке к восстанию в условиях строжайшего режима, под неусыпным контролем со стороны НКВД. Надо признать, что эта организация (НКВД) была довольно серьезной и профессиональной силой. В тот период времени все слои населения (крестьяне, рабочие, интеллигенция и особенно весь контингент заключенных в тюрьмах и лагерях) были насквозь пронизаны «щупальцами» НКВД. В лагерной системе и тюрьмах осведомителей и стукачей было предостаточно...»

Впервые о подпольной партии в Норильлаге я рассказал в телепередаче «Как это было» на Первом канале в мае 1999 года. В ней приняли участие шесть бывших заключенных. Мы вспоминали о норильских событиях лета 1953 года, которые в основном касались забастовки — мирного восстания человеческого духа. Я тогда очень кратко упомянул о создании в лагере конструктивной политической организации под названием Демократическая партия России. После этой передачи мои друзья задали мне самые разные вопросы, в которых я почувствовал некоторое сомнение в подлинности моих слов. Стало ясно, что необходимо документальное подтверждение существования партии, то есть надо иметь на руках

* Соглашусь, если оно действительно доказано. (Примеч. авт.)

программу, устав нашей партии. Начался поиск в Норильске этих документов, которые в лагере мне было поручено спрятать еще в 1954 году. Я решил разыскать капсулу с документами партии, которую мы замуровали в нише кирпичной стены подстанции. В 2005 году, то есть через 50 лет, я узнал, что капсула с документами была изъята из тайника органами. Подробно я писал об этом в книге восьмой издания «О времени, о Норильске, о себе...» (с. 302–304). Обращение в ФСБ России о месте нахождения найденных в Норильске документов пока положительного результата не дало.

После норильских событий лета 1953 года многие активные участники этого протеста были вывезены на материк. В особорежимном лагере на Колыме оказался и автор наших партийных документов Сергей Дмитриевич Соловьев. Там он восстановил текст Программы и Устава ДПР. И начался прием новых членов организации уже на Колыме. К сожалению, среди них оказался предатель. В производственной зоне 13 июня 1954 года были обнаружены и изъяты рукописные документы — программа и устав анти-советского содержания, как это зафиксировал майор Рязанцев, следователь следственного отдела УКГБ при СМ СССР по Магаданской области.

Много позже благодаря сидельцу норильских и колымских лагерей Сергею Ивановичу Ковалеву, Ягоднинскому отделению «Мемориала», председателю общества «Поиск» Ивану Александровичу Паникарову я получил копии партийных документов, отыскал их автора в г. Змеиногорске Алтайского края, дважды побывал у него. Воспоминания руководителей, участников норильского восстания, «Докладная записка комиссии МВД СССР министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову о работе комиссии в Горном лагере (от 1 сентября 1953 г.)», «Обращение заключенных Горного лагеря к Советскому правительству (от 27 июня 1953 г.)», «Справка начальника Тю-

ремного управления МВД СССР М.В. Кузнецова об обстановке в Горном лагере по состоянию на 17 часов 29 мая 1953 г. (от 30 мая 1953 г.)», справки и докладные записки об обстановке в лагере опубликованы в книге восьмой и по описанным фактам, по сути изложенных событий совпадают с теми воспоминаниями руководителей, участников, очевидцев, которые опубликованы в книгах шестой, седьмой и восьмой. Это убеждает в правдивости коллективного рассказа о громком событии в Горном лагере Норильска.

Напрасно сомневался Николай Одинцов в существовании подпольной партии в лагере. Она так по-умному продумала конспирацию в общении своих членов, что, несмотря на армию доносчиков в лагере, так и не стала раскрытой чекистами. И только после подавления восстания, отправки в другие лагеря его активных участников кто-то все-таки донес о спрятанных партийных документах... Никаких вождей в такой партии быть не могло — был мозговой центр умных организаторов, о которых мы и сами не знали, порой только догадывались, но никогда ни с кем никто из нас не обсуждал этого вопроса. Люди, с которыми, например, я общался, скорее всего входили в круг этих людей (например, П.З. Дикарев, С.Д. Соловьев, Ф.Т. Каратовский), но это я сейчас понимаю лучше, чем тогда... И не знал я, что Сергей Дмитриевич Соловьев был человеком такой трудной судьбы, что это он сначала на французском, а уже потом на русском языке написал Программу и Устав Демократической партии России. Он и сегодня не очень-то разговорчив не только потому, что ему уже за 90 лет, но и потому, что лагерная осторожность и привычка соблюдать конспирацию сидит у него в крови.

В те времена сила партии была в слове ради общей цели — освобождение многострадальных народов страны от ига политических авантюристов. Они задумали построение Всемирной Коммунистической Республики под эгидой диктатуры пролетариата.

Изначально партия провозгласила свою работу без кровопролития, имея на вооружении самое сильное оружие, которым владеет человек, — слово!

На с. 114–115 в книге «Судьбы людские» Николай Одинцов пишет: «Как-то мне довелось прочитать в одной из норильских газет, не помню ее точного названия («Заполярный вестник» или «Заполярная правда»), что за 21 год существования лагерной системы через норильские лагеря прошло 600 000 заключенных. Наибольшее количество в 40–50-х годах колебалось в пределах 200 000 человек. За эти годы умерло около 18 000 человек. Примерно 850 человек в год. Много это? Или мало? Не знаю. Тут должно быть сравнение. Только с чем и как?

У меня таких данных нет. Но я думаю, что об этом многие знают: сохранились документы, материалы. Поэтому при существующей в настоящее время свободе печати и слова обнародовать истинное положение дел в теперь уже далекие годы не представляет сложности и затруднений. И это необходимо сделать, изложив факты совершенно правдиво, без прикрас и вранья, чтобы исключить возможные подтасовки и искажения, которых за время реформ появилось великое множество. История должна быть правдивой».

С этим трудно не согласиться, хотя не могу разделить оптимизм Н. Одинцова по поводу «не представляет сложности и затруднений». Поскольку нет точных ссылок, когда и где, на основании чьих данных Николай Одинцов привел статистику о количестве заключенных в норильских лагерях, приведу данные по стране, недавно опубликованные в «Новой газете» (13.03–16.03.2008 г.). Григорий Померанц, узник ГУЛАГа в 1949–1953 годах, философ, культуролог, религиовед, которому 13 марта 2008 года исполнилось 90 лет, открыл свою статью «Топаем вместе» (надо искать выход из кошмара «рынка без нравственных норм») таким абзацем:

«Свергнув Хрущева, сталинисты подделали итоги расследования, проведенного Шатуновской

(единственным реально действовавшим членом комиссии Шверника), сократили число арестованных за шесть с половиной лет (1935–1941 гг.) с 19 870 000 до двух миллионов и число расстрелянных с 7 000 000 до примерно 750 000 (точную цифру, придуманную Сусловым, я не стал выучивать). После этого на сталинский террор, обескровивший страну, был наведен гламурный глянец, покаяние было приостановлено, грехи прикрыты венцом победы, чудовищная цена, уплаченная за победу, стала предметом советской гордости, гниение тихо продолжалось и новое поколение диссидентов опять начинало с нравственного порыва, без всякого плана реформ».

...Книга Николая Одинцова о многом заставила меня задуматься. Когда я читал ее, сам себе задавал вопросы: сколько погибло заключенных 1 июля 1953 года, когда пролилась большая кровь в пятой зоне? А 4 августа в третьей? Нет на них ответов... Архивы по-прежнему труднодоступны или недоступны совсем. Но даже при отсутствии точных цифр людских потерь сам факт большой крови при подавлении невооруженного сопротивления в лагерях Горлага стал и в официальных документах, и в аналитических материалах, и в воспоминаниях норильчан называться восстанием духа узников ГУЛАГа.

«ДЛЯ НАС ПЕРЕСТРОЙКА НАЧАЛАСЬ ОЧЕНЬ ПОЗДНО»

Впервые я услышал фамилию Климовича еще в 1951 году в 5-м лаготделении, когда Федор Каратовский дал мне поручение отнести передачу в БУР: «Сегодня там дежурит надежный человек. Скажи, это для Климовича. Это боевой парень, поэт». Такое задание я выполнял дважды. Насколько помню, этого боевого парня я увидел только в июне 1953 года во время переговоров забастовочного комитета 4-го лаготделения с московской комиссией. Непосредственного знакомства и взаимных действий у меня с Григорием тогда не было.

Только в 1990 году, когда на открытии памятника «Соловецкий камень» преподаватель МГУ Николай Формозов дал мне адрес Климовича, у нас завязалась оживленная переписка. Активный участник сопротивления лагерному режиму, он писал о памятных событиях в Горлаге, называл знакомые фамилии, и все это дало мне основание предполагать, что Климович — член Демпартии.

Григорий Климович

На первую конференцию участников сопротивления тоталитарному режиму в 1992 году я возлагал большие надежды: хотелось встретиться, вспомнить былое, познакомиться с новыми друзьями из других особорежимных зон. Я надеялся, что произойдет единение бывших политзаключенных.

Не получилось. Не сформировалась, как таковая, и норильская группа. Состоялись только личные знакомства с Евгением Грицяком и Григорием Климовичем. Но теплая встреча с Григорием, как я ни пытался, не вывела его на откровенный разговор о Демократической партии России. Взаимопонимания у нас не получилось. Я тогда чувствовал себя опустошенным. Переписка с Климовичем прекратилась.

Через семь лет вышла в свет его книга «Конец Горлага». Григорий (молодец!) начал делать свои записи еще на свежую голову.

Я прочитал книгу и восхитился! И очень пожалел, что наша переписка оборвалась. В 2001 году я написал ему, как высоко оценил его работу, поздравил и поблагодарил за огромный труд, назвал его настоящим

подвигом. Я перечитывал страницы его книги «Конец Горлага» и ясно видел, слышал голоса Петра Зиновьевича Дикарева, Володи Недоросткова, Жоры Начинкина и др. Я очень просил Климовича ответить мне. Не дождался. А в августе 2003 года я узнал, что Григорий Климович умер... Я достал его письма, написанные когда-то мне, перечитал их и еще раз убедился: какой талантливый человек Григорий Климович! Думаю, что не без интереса письма прочтут все...

ПИСЬМА ГРИГОРИЯ КЛИМОВИЧА

Гор. Гомель. 17.XI.90 г.

Дорогой Лев Александрович!

Не наша в том вина, что мы забыли друг друга. Прошли годы, и многое забылось. Но время не могло стереть из памяти те страдания, которые мы вместе претерпевали в 4-м отделении Горлага. «Черная» пурга. Длинные молчаливые колонны, бредущие в 40-градусный мороз с работы и на работу. Рычание овчарок. Трубы, унижающие наше человеческое достоинство окрики конвоиров, а в лагере — надзирателей. Произвол подонков. Поверки. Разводы. И голод — ежечасный, мучительный, сосущий душу. Такое не забывается. Эти пережитые страдания камнем лежат на душе. Их не выплачешь перед чужими людьми, не пережившими того, что мы пережили. А своих рядом не было. Все мы после освобождения потерялись. Обстоятельства не позволяли нам найти друг друга, и многие из нас жили со своим горем и циничали с ним в одиночку. Для нас перестройка началась очень поздно. Произойди она раньше, при Хрущеве, и нам с тобой не пришлось бы напрягать память, чтобы вспомнить друг о друге. В крайнем случае нам помогли бы наши общие товарищи. Это и рассудительный Дикарев Петр Зиновьевич, который даже в опустившемся доходяге уважал человека и называл его не иначе как по имени-отчеству; это и по-

следовательно-принципиальный Федор Смирнов, который вместе с инженерами Владимиром Пильнером и Владимиром Лариным пытались создать в мехцехе (РМЦ) БМЗ подпольную группу; это и терпеливо несший свой голгофский крест Тихон Петров; это и обозленный, порывистый Ионас Леникас и многие другие. Но одних уже нет, другие далеко. О всех них я написал в своих воспоминаниях, один экземпляр которых находится в Литве, второй — в Союзе писателей, у В. Шенталинского, третий — у С.С. Виленского. Обещают к 1992 году издать, но с нового, 1991 года отрывки начинает печатать норильская газета, а также Иркутский «Мемориал». К сожалению, там нет твоего имени, а я уверен, что, пребывая в 4-м отделении, мы не могли не знать друг друга и пробел придется восполнить при доредактировании, и ты мне в этом поможешь. Но постарайся припомнить меня. В Норильск я был доставлен в 1947 году в числе 100 человек, этапированных из УТЛМ-100 (пос. Верх-Нейвинск Свердловского УИТЛ и К). В составе этой сотни были: полковник Моисеенко Александр Михайлович, который сразу по прибытии стал начальником колонны 4-го отделения; инженер Юрий Альфредович Кнопц — по прибытии был назначен начальником ПЛЧ, потом был этапирован в Стенлаг (Кенгир). О нем в «Архипелаге ГУЛАГ» пишет А. Солженицын, правда, не совсем точно — искажил национальность и имя-отчество. При подавлении восстания в Кенгире Кнопц бросился под танк; Королев Владимир («дядя Володя») — коптерщик в 4-м отделении; балетмейстер из Минска Володя Трокопович; композитор Терберт Наас; инженеры Талкин и Кириллов; украинский поэт Олесь Журба (Кузьма Трищенко). Благодаря попечительству Моисеенко меня поставили культторгом КВЧ вместе с поэтом Михаилом Михайловичем Люгариным и бывшим полковником Набкиным Яковом Лазаревичем. Начальником у нас был капитан Негребецкий — существо в высшей степени капризное и глупое. Через каждые 3–4 слова он говорил

слово «понимаете». О таких в народе говорят, что они пыльным мешком ударены. Работали мы на строительстве БМЗ. Я вместе с художником Мамаевым Евгением Семеновичем и Мишей Нелковым обслуживал шахтовый корпус, где начальником был Бигель Станислав Михайлович, а также отражательную печь, где прорабом был мой земляк Нацмович Иван Михайлович. В лагере дружил с Сашей Крыловым, Иваном Басовым, Володей Ушаковым, Борисом Федосеевым. Все мы были единомышленниками, и по их благословению я начал писать стихи, призывая заключенных отстаивать свое человеческое достоинство, а потом шел в бараки и читал эти стихи работягам... Вскоре был арестован, и к иллевшемуся сроку добавили еще 10 лет л.с. (лишение свободы. — Ред.), после чего поместили в воровскую штрафную командировку — Цемстрой, где я был вместе с Зябликовым Жорой и Львом Триваленко. После Цемстроя получил год изолятора и содержался при 5-м отделении, а потом дали год режимной тюрьмы, которая находилась при 4-м отделении. Из тюрьмы вышел вместе с карагандинцами Игорем Петрощукон, Теной Щуром, Славой Нацмо и Павлом Куштой в феврале 1953 года, а в мае стал самым активным участником восстания. Вместе с Володей Недоростковым, Меной Трицяком, Мишей Куржаком вел переговоры с московской комиссией и генералами: Панюковым, Вавиловым, Тоглидзе. После подавления восстания содержался в Пашкиной деревне, в одной камере со своими старыми товарищами: Дикаревым, Федосеевым и Леникасом. Освободили из Владимирского политизолятора ввиду отсутствия состава преступления. Вот коротко моя лагерная одиссея. Я был тем белорусом, которого три года не выпускали из изолятора и тюрьмы. Я назвал тебе немногих из тех товарищей, которых помню по 4-му отделению, и надеюсь, что вспомню и тебя, когда ты напишешь, где работал, с кем дружил, в каком бараке жил. На свободе работал начальником цеха, отдела. Имею двоих детей. Оба окончили университет и живут здесь, в Томеле.

Желаю тебе, твоей жене, всем твоим близким хорошего здоровья, благополучия и удачи в жизни.

Обнимаю. Тригорий Климович.

***

Гор. Гомель. 16.01.91 г.

Дорогой Лев Александрович!

Я очень ждал твоего письма, словно первую ласточку, которая, как известно, весны еще не делает, но свидетельствует о том, что весна грядет. Мне хотелось услышать голос пережитого прошлого, которое и доныне больно беречь души. Как мне все знакомо, о чем ты пишешь: дорога, протоптанная нами из 4-го отделения до Медного, наши товарищи и механическая мастерская. Там, в мехмастерской, была небольшая полутемная комната, где мы с Федором составляли программу действий подпольной лагерной организации. Такая организация очень нужна была, чтобы помочь людям сохранить душу и свое человеческое достоинство. Мы чувствовали потребность в ней, но создать ее так и не смогли. Вскоре меня и Владимира Тильнера арестовали, а за Федором увязались стукачи. С Петром Сериковым у нас были достаточно доверительные отношения. Он где-то доставал хороший чай, и мы с Федором заходили к нему угоститься этим чаем. Заходил туда и украинский поэт Олесь Журба (Кузьма Трищенко), читал свои душевные, лирические стихи. Был я у Серикова и во время забастовки. А однажды зашел к нему вместе с Володей Недоростковым, фамилию которого потом выкрикивали каждые пять минут в день подавления забастовки в 4-м отделении. Ты спрашиваешь, знаком ли мне фамилия Тусев. Я дружил с Тусевым. Это был небольшого роста, очень подвижный, энергичный и решительный юноша, но звали его Анатошем. И хорошо помню Сашу Мамонтова. Анатолий Тусев и А. Мамонтов упоминаются в моих воспоминаниях. А вот Соловьева Сергея Дмитриевича вспомнить не могу. Время многое стерло

из памяти. Чтобы вспомнить, нужны какие-то детали, что-то наводящее, а просто так сейчас не припомнить. Наиболее сохранились в памяти те, с кем довелось идти на последний этап, и те активные участники восстания, с которыми потом сидел в Иркутской тюрьме и во Владимирском политизоляторе. Это профессор Павлишин, инженер Бомиштейн (умер 15.01.90 г., я был на похоронах), учитель Володя Русинов, студент Володя Профилов, полковник Павел Фильнев, а из старых горлаговцев Лев Виктор Иванович. Он, кстати, одно время дружил с боксером Дубицким Борисом Петровичем и профессором Тодлевским. На Горстрое Дубицкий и Тодлевский работали в проектной группе. Сейчас Дубицкий живет в г. Запорожье. Недавно Дубицкий был в Москве и выступал на семинаре в «Мемориале», где произвел хорошее впечатление. Я переписываюсь с ним. Если будет твое желание — сообщу адрес.

Дорогой Лев Александрович! С каждым годом все туманнее видятся лица наших товарищей — бывших узников Горлага. Время неумолимо, остановить его невозможно, а память человеческая несовершенна. И только старые записи, которые я сделал сразу по выходе из тюрьмы, позволили мне написать правдивые воспоминания и тем увековечить память безвинных жертв сталинского геноцида. Накануне Нового года я получил письмо из Норильска, от Печерской Лилии Тригорьевны — председателя Норильского «Мемориала» и директора музея. Она сообщила мне, что в тот день, когда Вы в Москве освящали Соловецкий камень, в Норильске, под Шмидтихой, воздвигнули крест и освятили часовню, а вообще они намерены пригласить в Норильск Э. Неизвестного и поставить памятник на пути от центра к Каларгону. У меня они просят мои воспоминания, и я, видимо, на днях вышлю им их. Кровь людская — не водица. С 1932 по 1953 год — 20 лет непрерывно шли этапы только в одном направлении — в Норильск. Обратной дороги не было. Все остались там, в

норильской тундре, а это, по скромным подсчетам, свыше 300 тысяч человек. И только наш этап в 53-м году открыл навигацию в обратном направлении. Такое количество жертв знает только еще Колыма. И нам, оставшимся в живых, нельзя промолчать об этих жертвах, ибо

...если они ничего не напишут
Ни о жизни своей, ни о жизни чужой.
Над могилами их только ветер колышет
Низкорослые деревца тундры гнилой.

Ох уж эти могилы, как мелкие блюдца,
Мы киркой их долбили в туной мерзлоте.
Мне теперь тяжело и уснуть, и проснуться,
Хоть и время не то, но и силы не те.

Дорогой Лев Александрович! Желая тебе, жене твоей, детям и всем твоим близким крепкого здоровья, счастья и благополучия.

Обнимаю. Тригорий Климович.

P.S. Сегодня в Норильске проживают менее 100 человек бывших заключенных. Все — в поле зрения «Мемориала».

***

Гор. Гомель. 25.III.91 г.

Дорогой Лев Александрович!

Сегодня у нас праздник. 25 марта 1917 года на Всебелорусской конференции в Минске была провозглашена Белорусская Народная Республика (БНР). К сожалению, эта республика прожила неполных два года. В 1919 году она была уничтожена, а на ее развалинах создана БССР, и началось планомерное уничтожение белорусов, в чем преуспели изрядно. Сегодня большинство белорусов не знают родного языка, своей традиционной культуры, своего исторического наследия. По воле КПБ враги возведены в герои,

а национальные герои объявлены злодеями. И это продолжается и поныне. КЛБ является передовым отрядом КПСС и, пользуясь историческим беспамятством нашего народа, который превратили в народ без роду, без племени, толкает нас в один строй с КПР во главе с Иваном Полосковым. И, к стыду нашему, нужно признаться, что пока у них получается, о чем свидетельствуют итоги недавнего референдума. Призвать к порядку этот авангард КПСС демократы наши пока бессильны. Нет у демократов ни типографского оборудования, ни доступа к средствам информации, ни материальных средств. Однако при всей своей нищете голос демократов слышен. Газету БНФ (Белорусский народный фронт) «Свобода» печатает Литва, газеты социал-демократов печатает Латвия, газеты белорусских национальных партий печатает Эстония. В парламенте имеется внушительная оппозиция БНФ коммунистическому большинству, и сегодня по всем городам Белоруссии пройдут демонстрации и митинги. Но руководство КЛБ наш крик не трогает; оно пока уверено, что нет в Белоруссии силы сместить его демократическим путем, и не стесняется вступать в конфронтацию с демократическими движениями. Реалистически оценивая свои возможности, мы с надеждой следим за развитием демократического движения в России. Одна Москва, как одна ласточка, погоды не делает. Что скажет остальная Россия? Голос этой России должен прозвучать на внеочередном Съезде народных депутатов РСФСР. Прозвучит ли? И как отзовется на этот голос объединительный съезд демократических партий, который должен состояться 15–17 апреля. Одним из членов Координационного совета этого съезда является Зенон Позняк — председатель сейма БНФ, депутат Верховного Совета БССР, которого наш писатель Василь Быков назвал пророком белорусского возрождения. Недавно я был в качестве делегата на учредительной конференции объединения белорусов всего мира «Батьковщина». Председателем этого объединения был

избран Василь Быков, а совсем недавно состоялся учредительный съезд Белорусской социалистической громады, на котором другой наш писатель — Алесь Адамович, указывая, что Белоруссия стала Вандеей перестройки, призывал к консолидации всех демократических сил республики. Есть все основания верить, что белорусы найдут в себе силы заявить, что они люди, и в этом нам помогут наши русские товарищи. Это ответ на твой последний вопрос: «Как у вас в Томеле?» В письме многого не скажешь, но я сказал сколько мог. А теперь по существу твоего письма. Ты спрашиваешь, где это Пашкина деревня. Объяснять поздно. Пока мы бастовали, чекисты на окраине Норильска создали новую тюрьму. Это было одно-единственное здание, обнесенное высоким забором. Рядом были только балки охраны. Сюда свезли всех активных участников. Я попал в число двадцати трех, что сидели под отдельными конвоем, когда нас раздерживали в тундре после выхода из лагеря. Дикарев попал туда из 5-го лаготделения. Вместе со мной из 4-го отделения в Пашкину деревню доставили Трицу Сальникова, Игоря Петрошука, Ивана Кляченко, Теню Щура, Славу Нагуло и др. А вечером того же дня в эту деревню привезли Ионаса Леникаса, Володю Недоросткова и Меню Трицяка. Все они были страшно избиты. Но более других был избит Володя. Их были в пять перемен. У Володи кровь не прилиwała к конечностям. Пальцы рук и ног были синие. Он все просил пить, а воды не давали. Но через месяц он уже было начал вставать, но состояние оставалось тяжелым. Также был избит и Меня Трицяк, но Меня выжил, потом уехал в Канаду и написал там книгу, в которой много теплых слов посвятил мне. Какова дальнейшая судьба Володи — не знаю. Стихи его пропали. Уходил на этап из этой Пашкиной деревни (всего нас уходило отсюда 72 человека). Дикарев, Заонегин, Витас Петрушайтис и другие остались здесь, в этой тюрьме. С нами на этап не попали. Все мы были помещены в один вагон. На «Надежде» поезд стал. Отсюда брали на этап

еще полторы тысячи человек. Все мы потом ехали одной баржей до Красноярска, а в Красноярске нас, 72 человека, отделили от остальных и сначала водворили во внутреннюю тюрьму, а потом во Владимирский политизолятор. И если ты был на «Надежде», то, наверное, помнишь, как уходил из этого лагеря этап, а все оставшиеся в лагере пели: «Рушив поизд в далеку дорогу...» С «Надежды» шли на этап Виктор Лев, Иван Стригин, Виктор Ермолович, профессор Антонович М.Д. — 1300 человек, их потом этапировали из Красноярска на Колыму и поместили на штрафные командировки в Ягодном. Со многими из них я потом встречался. Торя они там хватили через край. ЧК и без Берии лютовала по-прежнему. Многих били и пытали, и когда я их слушал, то считал себя счастливым, что попал не на Колыму, а во Владимир, а потом в Александровский централ и снова во Владимир, откуда меня и освободили в августе 56-го года, зачитав мне Постановление Президиума Верховного Совета СССР: «...За отсутствием состава преступления освободить со сжанием судимости». Об организации, связанной со Смирновым Федором, я знаю, знаком с программой и теперь благодаря твоим усилиям, кажется, напоминаю Сергея Дмитриевича Соловьева, хотя очень неясно. В старости остались в памяти только близкие люди, так что не удивляйся моей забывчивости. Память человеческая несовершенна, а прошло очень много лет. О Чайке я только слышал, потому что в это время уже сидел в закрытой тюрьме вместе с Михаилом Тереховым, Володей Ушаковым, Иваном Аношкиным, Львом Приваленко, Петром Шевелевым, Демьяненко, а потом Дикаревым, Смирновым, Заонегиным, Мишей Кауфманом (кстати, москвич, аккордеонист). Замечательный был человек! Мы его звали «еврей-агрессор». И еще было два москвича. Это Роттерфан (мы его звали Романом) Елоян и племянник бывшего предсовнаркома РСФСР Сырцова — Юра (к со-

жалению, фамилию его забыл). Сидел как ЧСИР (член семьи изменника родины). А теперь сообщаю тебе адреса Б. Дубицкого и Норильского музея.

В этом году они открывают экспозицию в музее о Норильлаге и, безусловно, твоему письму будут очень рады, как всякому свидетельству очевидца.

На этом заканчиваю. Хотелось написать тебе хорошее письмо, но, как видишь, не получилось, так что извини. Желаю тебе, твоим родным и близким хорошего здоровья и всяческого благополучия. Обнимаю. Григорий Климович.

Гор. Гомель. 2 мая 1992 г.

Дорогой Лев Александрович!

Очень долго не отвечал на твое письмо. Знаю, что сейчас ты основное время проводишь на даче. Жизнь стала тяжелой, и ясно, что о зиме нужно думать летом. К тому же скоро предстоит встреча в Москве. Я приеду в Москву 18 мая поездом Гомель—Москва. Он прибывает на Белорусский вокзал в 11.30. Вагона еще не знаю, потому что еще не брал билета. Но брать буду где-то в 18-й вагон или близко к этому. Раньше приезжать в Москву нет смысла. Инициаторы встречи очень упорны в своих намерениях, и зачастую я уже их не понимаю. Колонный зал вмещает 1300 человек, нас из бывшего Союза они приглашают 300 человек, остальные иностранцы — бывшие узники гитлеровских и сталинских лагерей. Большая группа из Франции, а также из Германии, Австрии и др. Тема конференции «Борьба с тоталитаризмом в лагерях». И вот вопрос: «Как мы найдем общий язык в таком собрании?» В этом сомневается даже председатель Европейского комитета по правам человека. Но наши инициаторы настроены оптимистически. Запросили у меня тезисы моего выступления. Я отправил им и сейчас не уверен, дадут ли слово, а потому на всякий случай проявляю свою инициативу. Едут многие мои товарищи из Украины и Литвы. Везем флаг норильского восстания — черный с красной полосой.

Приготовились исполнить Норильский гимн, который был написан мной в барже во время этапа из Норильска в Красноярск, в 53-м году, и впервые был исполнен при причаливании баржи в Красноярске. Музыка Василия Николишина. На всякий случай Николишин выслал им в Москву ноты. На конференции будет презентована книга — сборник воспоминаний бывших участников восстания, и, как мне сообщили, книга будет начинаться моим письмом. Предполагается для деловой работы организовать несколько «круглых столов». Приготовились мы и к этому. Но обо всем при встрече. О дочери Федора я говорил и Виленскому, и Формозову, и Новиковой. Но, к сожалению, у меня нет ее адреса, и я не мог сообщить его. Думаю, что это сделал ты. Мне очень хотелось бы увидеть ее и познакомиться, а заодно и познакомиться ее с дочерью Юрия Кнопциса, который в свое время был дружен с Федором, а потом этапирован в Стенлаг, где возглавил восстание и за это был расстрелян. Однако все при встрече. Ждать осталось совсем ничего, а поэтому желаю тебе, жене твоей и твоим близким хорошего здоровья, счастья, всяческого благополучия! До скорой встречи.

С глубоким уважением Григорий Климович.

Эти письма с глубокой благодарностью к их автору побуждают нас к вечной памяти о людях, которые мучились, погибали, боролись за нашу и вашу свободу в тяжелые времена сталинских репрессий...

Я разделяю горечь слов Григория Климовича, который написал, что «для нас перестройка началась очень поздно». Могу добавить, что и я сам очень поздно решил хотя бы в письмах поддерживать отношения с узниками Норильлага. Понятно, что у всех свои семейные и бытовые проблемы. Среди нас нет состоятельных людей, которые могли бы жить, не считая денег. Своим поездкам в разные города, страны, поискам тех, кто пережил не лучшие свои годы в нориль-

ских лагерях, возможностью записывать рассказы товарищей, осужденных по 58-й статье, — всем этим я обязан руководству «Норильского никеля», которое поддержало меня и финансово, и своими советами. Я очень благодарен Ольге Юрьевне Голодец, потому что благодаря ей я смог оставить для истории воспоминания, сумел встретиться с детьми узников лагерей, их внуками — мне хотелось, чтобы они гордились дедами и отцами, моими товарищами, стойкими перед невзгодами. Ведь они и сегодня их переживают, государство не оказывает им почестей, необходимой помощи, а они это заслужили! Когда прибалты приехали в Москву в 2003 году на Международную конференцию, они все надели государственные награды — ордена, медали... А у наших людей нет телефонов, машин и часто денег на лекарства... Не обидно ли, не стыдно ли за это? Когда общество «Норильские витязи» пригласило меня на свою ежегодную конференцию в Вильнюс, я увидел, как их поддерживают на государственном уровне, — почитайте в книге восьмой издания «О времени, о Норильске, о себе...» рассказ Бронюса Златкуса (с. 518–536), а также его воспоминания в книге седьмой (с. 286–304), и вы убедитесь в справедливости моих слов.

Я поддерживаю связь со многими «Мемориалами» России, Музеем и общественным центром имени Андрея Сахарова, Фондом Александра Солженицына, которые помогают мне в поиске тех, кто сопротивлялся лагерному режиму. Так судьба занесла меня в Саратов, где я искал следы Владимира Недоросткова. Они потерялись после подавления восстания в Горлаге в 1953 году — тогда участников разбросали в колымские, кенгирские и другие лагеря, во Владимирскую, Александровскую и другие тюрьмы...

Так судьба привела меня в село Дьяковку Комсомольского (ныне Краснокутского) района Саратовской области.

Это некогда огромное село на приволжских просторах, где сегодня осталось 1500 человек жителей. Внешнее впечатление было удручающее, особенно расстраивали развалины животноводческого комплекса, ветхие постройки с неухоженным приусадебным хозяйством, необработанная земля, заросшая сорняками.

Еще в районном центре Красный Кут нам стало известно, что в селе Дьяковке проживает только одна семья с фамилией Недоростковы. Вот в этот дом мы и направились после посещения сельской управы. Работница местной библиотеки Марина Логачева оказалась надежным проводником, знающим старейших жителей села — хранителей ее истории.

Семейство Недоростковых предстало перед нами в лице одного человека. Анна Ивановна Недоросткова, которой минул уже 79-й год, поразила нас своим жизнерадостным видом, звонким голосом, ясной памятью. Еще с детских лет она помнит страшный 1937 год, когда было арестовано огромное число селян Дьяковки, которые больше уже в родные дома не возвратились. Это была трагедия села, которое последним на Саратовщине «приняло» новую, коммунистическую власть. В послевоенный 1947 год подобной массовой зачистки в ее памяти нет. В том году Анна Ивановна вышла замуж за Ивана Федоровича Недоросткова, 1920 года рождения, сына Федора Акимовича Недоросткова.

Сопоставляя фамилию и имена по мужской линии, Анна Ивановна считает, что с Владимиром Петровичем Недоростковым могло быть только троюродное родство. Она также выразила сожаление, что все некогда хранившиеся письма, фотографии и другие бумаги семейного архива не сохранились. Было множество переездов, и все растерялось. Муж Иван Федорович умер, дети живут далеко от Саратова. Сейчас она настойчиво ищет покупателей своему домику, но пока нет желающих. С ее убытием в селе Дьяковке фамилия Недоростковых перестанет значиться.

Следующее знакомство нашей поисковой группы состоялось с Николаем Алексеевичем Воропаевым, 1925 года рождения, председателем Совета ветеранов села Дьяковки. Николай Алексеевич помнит Владимира Петровича Недоросткова. Они встречались в 1946 году на Западной Украине, во Львове. Он хорошо помнит, что Недоростков уехал из Львова в Саратов, а сам он еще 3 года продолжал там службу. По возвращении в Дьяковку Воропаев узнал, что в 1947 году был убит в селе уполномоченный МГБ, после чего последовали аресты. Были задержаны все члены семьи Петра Недоросткова: он сам, сын Владимир Недоростков, дочь, Алексей Филатов — брат Владимира по матери, а также учительница села, фамилию которой Воропаев не вспомнил. Якобы эта женщина вызвала уполномоченного МГБ из дома, где он находился, что и стало предпосылкой его убийства. Портфель уполномоченного с документами был брошен в реку. Он фигурировал в процессе, а из речки его достал житель Дьяковки Переверзин. Состоялся суд. Никого из арестованных Воропаев больше не видел и ничего не знал о судьбе Владимира Недоросткова, узника Норильлага и активного участника норильского восстания 1953 года.

И тогда мы обратились в городскую газету «Саратовские вести». Здесь была опубликована статья Виктора Селезнева о его земляке Владимире Недоросткове, инженер-экономисте, участнике Великой Отечественной войны. 6 сентября 1946 года арестован. Именно ему предъявлено обвинение в убийстве начальника райотдела МГБ, а также в незаконном хранении огнестрельного оружия. Судили Владимира Недоросткова почему-то через 15 месяцев, а 12 декабря 1947 года военный трибунал войск МВД Саратовской области приговорил его к 25 годам лишения свободы.

Владимир Недоростков был поэтом. Тетрадки с его стихами передавались в лагере из рук в руки...

Во время норильского восстания он вел переговоры с московской комиссией, четко и твердо излагал требования заключенных. В конечном итоге они все были удовлетворены... А активиста забастовочного комитета Владимира Недоросткова и многих других его товарищей избили и бросили в карцер...

Когда после смерти Сталина началась массовая реабилитация политических узников лагерей, Владимира Недоросткова как непримиримого борца с коммунистическим режимом наказали еще раз: 24 марта 1956 года судебная коллегия Саратовского областного суда, пересмотрев его дело, «приговорила Недоросткова к 20 годам лишения свободы, то есть ему присудили на 5 лет меньше, чем при Сталине. Затем последовал хрущевский виток советского либерализма: 12 августа 1960 года срок Недоросткову сокращен еще на 5 лет, то есть он должен был отсидеть только 15 лет. Но уже 16 сентября того же года — минуло чуть более месяца! — его условно-досрочно освобождают». Так писала в статье «Выбираю свободу Норильска и Воркуты» (это слова Александра Галича) газета «Саратовские вести» 31 мая 2006 года. О дальнейшей судьбе Владимира Недоросткова мы просим сообщить тех, кто знает любую информацию об этом замечательном человеке и стойком борце за нашу свободу.

ПИСЬМА БОРИСА ДРОЗДОВА

В 2007 году я познакомился с Борисом Григорьевичем Дроздовым. Я был по делам совета «Спротивление в ГУЛАГе» в Новосибирске, встреча с ним не планировалась, но, когда я узнал, что здесь живет норильлаговец, участник восстания заключенных, я побывал у него в день отъезда из города. Конечно, мы не успели наговориться, и тогда началось наше общение в письмах. Я выслал Борису Григорьевичу Дроздову несколько томов нашего издания «О времени, о Норильске, о себе...». И по прочтении книг он написал мне и пообещал всерьез заняться своими вос-

поминаниями о годах своей несвободы в Норильске. Его письма интересны, я публикую их с небольшими сокращениями.

Но прежде кратко познакомлю с ним. Б.Г. Дроздов родился 1 мая 1922 года. В 1942 году на сталинградском направлении был контужен, таким и попал в плен. За два месяца до окончания войны бежал из лагеря (под Веной), затем оказался в американской зоне. Его отец был репрессирован в 1937 году, и он, конечно, не мог не понимать, что та же участь может ждать и его. Но он вернулся на родину, служил в Советской Армии до 1947 года, потом демобилизовался и 8 месяцев успел поработать в Павлодаре. Тут его и арестовали, по 58-й статье его осудили на 25 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах. В 1948 году Борис Григорьевич с одним из первых этапов прибыл в Горлаг — особорежимный лагерь. Работал на Медвежке, сидел в Каларгоне. Во время восстания заключенных был в 5-м лагпункте. Освобожден 12 мая 1955 года, реабилитирован. Живет в Новосибирске. Из разговора с ним я выяснил, что какое-то время мы жили в одном бараке, но работали в разных бригадах и знакомы не были, что неудивительно: разве можешь знать тысячи людей, живущих и работающих с тобой в одном месте?

Новосибирск, 07.10.07 г.

Ув. Лев Александрович, здравствуй!

Спешу сообщить, что Бандероль получил и очень благодарен. Кое-что уже бегло прочитал. Нашел, чему очень рад, много мной забытых имен и их поступков, описанных в воспоминаниях, кое с кем из них очень дружил и многое там не было сказано. В.И. Венгеров — фамилию которого до этого, о чем не раз сокрушался, не мог вспомнить.

Я его по-дружески называл обскурантистом (противником просвещения), ведь он работал в КВЧ (культурно-воспитательной части. — Ред.). В воспомина-

Борис Григорьевич Дроздов.
Новосибирск, 2007 г.

ниях В. Михайловича* прочел, чем закончил свое бытие этот весьма образованный, циничный человек и верный друг. Близко знал А.Т. Штейнфельда, он сидел с моим отцом в 1938 году, К.К. Денцеля, который, кстати, провел мне операцию по удалению гланд.

Прочел в отрывках воспоминания кое-кого из украинцев, досадно, что они брызжут ядовитой слюной, отождествляя русских только с большеви-

ками, хотя известно, что среди украинцев были и вожди, и подвизавшиеся у них во власти ярые коммунисты, а их деяния не менее кровавые. В их воспоминаниях много наврано, додумано, красочно дорисовано и кое-что злонамеренно извращено. К сожалению, немало домыслов и в повествовании Макаровой — ее самой и тех, кто писал, но в ее интерпретации.

Я не хочу сейчас сопоставлять прочитанное с тем, что я в деталях помню, достоверно знаю и сам видел, но меня повергли в шок повествования Е. Трицыка. Из фрагментов событий, им описанных, и других я вспомнил, что был с ним знаком и даже дважды встречался, в том числе однажды по его инициативе, познакомил меня с ним Миша Кравец, упомянутый в книге как бригадир, а я его знал и с ним работал, когда он был прорабом в Торстрое.

---

* Воспоминания В. Михайловича опубликованы в книге седьмой (с. 428–467) издания «О времени, о Норильске, о себе...». (Примеч. ред.)

Так вот, в стостраничном его повествовании Трицьяк просто вождь! Я не говорю уж об объективности. Когда прочту все, попытаюсь написать подробно, если, конечно, позволит здоровье.

Извини, почерк становится почти не мой от волнения и семи раз в сутки принимаемых ингаляций, триммер во всем организме, руки не слушаются, а допускаемые ошибки — это результат бега мысли, которую быстрее хочется положить на бумагу.

Больше не могу! Потом прочту все, напишу. Желая здоровья! Пусть сопутствует тебе удача!

С уважением Б. Дроздов.

Новосибирск, 27.11.07 г.

Ув. Л.А.! Вечером 07.10 написал письмо, оно на этом листе, а 08.10 должен был сдать на почту, но перед сном заглянул в именной указатель, и в памяти восстановились имена, многие из них мне были знакомы. С одними носителями фамилий был хорошо знаком, с некоторыми дружил. Попытался продолжить письмо, но стало плохо от захлестнувших эмоций, и я попал в стационар, где пробыл до 29.10, там и прочел обе книги. Письмо решил отправить после 30.10, то есть после встречи в память о нашей трагедии, которую Л.С. Трус* организывает ежегодно.

Он показал украинский фильм о тех событиях в Норильске, в интерпретации тех же националистов, с теми

Борис Григорьевич Дроздов
в лагерные годы. Норильск

---

* Л.С. Трус возглавляет Новосибирский «Мемориал».

же, но укороченными высказываниями, что и в книгах, но «несли» такое!!! Два примера опишу в конце. Правда, Трицяк перед объективом был значительно скромнее, чем в своих воспоминаниях. Меня это потрясло, да и не только меня, но и других, находившихся в зале.

После окончания я повез Труса к его дому, накоротке обменялись впечатлениями, а на другой день утром я оказался вновь в стационаре и пробыл там до вчерашнего дня, то есть до 26.11.07 г., и сегодня постараюсь закончить на полтора месяца растянувшееся письмо.

Вначале два эпизода по книгам.

Первый. В канун событий мужскую дневную смену 5-го лаготделения вывели из зоны КиБза, а в ночную туда ввели женщин из 6-го л/о. До начала работы оставалось какое-то время, и женщины и мужчины шли на встречу к запретной зоне, разделявшей КиБз и 5-е л/о. Я напомню тебе это место.

Если смотреть из 5-го л/о перпендикулярно запретки в сторону КиБза, то эта линия пройдет между ЦРПМ и подстанцией, а под прямым углом вправо по запретке от места собравшихся в 10–15 метрах сторожевая вышка, а еще через 50–60 метров наша вахта — проходная.

Многие здесь из собравшихся друг друга знали, другие заводили знакомства лично и записками переговаривались через запретку, в том числе и те карагандинцы, прибывшие в 52 году. Их было легко отличить: во-первых, их было большинство и, во-вторых, они были очень активны, если не сказать агрессивны, а порой нахальны, что и послужило трагедией.

Словом, походило это на некую толкучку. В этот день в числе 25–30 человек был и я, переговаривался через запретку со своей знакомой. Я находился с правой стороны от толпящихся, а влево она растянулась метров на 25–30. Вправо от меня до упомянутой вышки было 10–15 метров. Стоявший на вышке солдат (краснопогонник) иногда покрикивал в сторону толпящихся: «Отойдите от проволочного ограждения!» (запретной зоны).

В какой-то момент от женщины была брошена записка, это левее от меня на 12–15 метров, она упала в запретку в метре от проволочного ограждения нашей зоны. Кто-то попытался ее достать палкой, но безуспешно. Тогда этот кто-то стал раздвигать колючку, чтоб достать записку. Солдат крикнул: «Отойдите!» При этом прослушивался его украинский акцент. Но у проволоки продолжали копошиться, и тогда, раздвинув проволоку, один залез достать эту записку уже в запретной зоне, солдат выстрелил вверх, а пролезший в запретку крикнул солдату: «Земляк, подожди. Я сейчас!» Но земляк выстрелил теперь уже в него, и он упал. Все стали разбегаться, я тоже пошел в свой барак, тебе известный один-единственный двухэтажный. Подходя к бараку, я увидел, что слева от меня по запретке от вахты бежали трое краснопогонников, один из них офицер, к месту происшествия. Это произошло за полтора суток до начала самого события, то есть на завтра ходки заходили в каждый барак и с угрозами сообщали, что завтра никто не должен выходить на работу.

Вот так это было.

Теперь о Балтущикине! Он моряк (не капитан) и действительно варварски был застрелен. Я с Лешей дружил и был в его бригаде. С нами в дружбе был третий, тоже моряк из Мурманска — Костя Расторгуев. В вечер трагедии (это была ночная смена) в рабочей зоне Торстроя я и Костя были с ним рядом в 15–20 метрах от вахты и проезжей части из мужской в женскую рабочую зону. Около запретки с женской стороны и с нашей, мужской, кое-кто переговаривался, кто-то кого-то ждал, мы тоже... Леша вдруг сказал, что ему надо сбежать на растворный узел, откуда самосвалы возили раствор по нашей зоне и в женскую. Он ушел.

Через 15–20 минут действительно подошел очередной самосвал с раствором и остановился в запретке напротив будки солдата. Как обычно, охранник заглянул в кабину шофера, что-то заподозрил и потребовал открыть капот. Как только капот поднялся, из-под него выскочил наш

Леша и, видимо, от неожиданности и растерянности побежал не в свою зону, а по запрётке. На этом пятачке у будки и на проезжей части из зоны в зону вечно толпились и мужичины, и женщины — это очень раздражало охранников. А тут для них выпал подходящий случай: з/к убегает по запрётке. Солдат крикнул: «Стой!» — и выстрелил вверх, а затем дважды в Лешу, и сразу насмерть!

Должен заметить, такой поездкой под капотом мы часто пользовались, я тоже однажды так ездил, а на сей раз все закончилось трагедией. Погиб светлый, вечно веселый балагур, наш Леша Балтущкин! <...>

Вот на этом, дорогой Л.А., я заканчиваю. Желаю тебе здоровья, а остальное приложится.

Б. Дроздов.

Новосибирск, 27.01.08 г.

Лев Александрович, здравствуй!

Получил очередную бандераль с воспоминаниями норильчан. Прочел, всплыло в памяти много имен... Я знал упомянутого П.О. Сагояна*.

После отсидки (считай, каторжных работ) 15 месяцев в БУРе работал в Торстрое. В декабре 49-го или январе 50-го нарячник (О чудо! Вспомнил его фамилию: то ли Мирошниченко, то ли Мирошников...) опрашивал наш барак, нет ли среди нас электрика, способного разобратся в электродвигателе большой мощности американского производства и его пусковой аппаратуре. Я вылезался. На следующий день меня вывели с бригадой ОТМ на КиБз. В эту бригаду входили механики и электрики. Подчинялись первые главному механику, вторые — главному энергетнику, оба уже вольнонаемные, но бывшие з/к. Мне рассказали, что без видимой причины остановился главный двигатель у шаровой мельницы американского

* Воспоминания П. Сагояна опубликованы в книге восьмой (с. 426–493) издания «О времени, о Норильске, о себе...». (Примеч. ред.)

производства. И повели меня на цемзавод. Хитроумные американцы вмонтировали в ложе скользящего подшипника биметаллический датчик, и в случае критического нагрева подшипника он разрывал электрическую цепь питания пусковой аппаратуры — машина останавливалась, но после остывания датчика все должно было входить в исходное положение, но на сей раз этого почему-то не случилось. ЧП! Остановилась половина завода. Когда меня туда привели, там уже толклись все начальники КиБза, в том числе и начальник этого самого КиБза. Он меня спросил, смогу ли я запустить машину и сколько мне понадобится для этого времени. Я ответил, что 5–10 минут, чтоб разобраться, и если не сгорел главный двигатель, то мельница будет запущена через полчаса. Его, видимо, это заинтересовало. Я, обнаружив эту цепь, прозвонил ее и сказал этому начальнику, чтоб обслуга готовила мельницу к пуску. Через 20 минут агрегат заработал, а я за столь «дьявольское колдовство» был приглашен в кабинет начальника цеха или цемзавода (не знаю, что правильнее). В присутствии всех работников начальник распорядился вознаградить меня куревом и осчастливил двумя пачками махорки марки «Вергун», которая славилась приятным запахом, вкусом и особой крепостью. Тут-то мне и стало известно, что это начальник КиБза Петр Осипович Сагоян. Он спросил, не желаю ли я работать в бригаде электриков. Я ответил согласием — эта работа лучше, чем в Горстрое (хоть я там как сиделец БУРа, да еще покушавшийся на жизнь самого бригадира БУРа, был в законе и не работал). Сагоян сказал, что пошлет персональную заявку начальству лаготделения, и спросил мою фамилию, имя и отчество.

Через 2–3 дня я оказался в бригаде ОТМ электриков, а через день главный энергетик повел меня к П.О. Сагояну для собеседования. В большой приемной сидел дневальный зэк. Секретарь-машинистка была вольнонаемная. На двери начальника висела табличка: «Директор Петр

Осипович Сагоян». Сагоян расспросил о моих познаниях в электротехнике, затем уточнил отчество моего папы, спросил, не репрессирован ли он в 1937 году и не сидел ли во Владимирской тюрьме. Я утвердительно ответил. После длительной паузы он вызвал главного энергетика из приемной и представил меня ему. Но, как известно тебе, «кумовья» приживаться на одном месте надолго не давали, да еще тем, кто у них был на слуху, так что к концу года я оказался вновь в Торстрое.

Второй раз (и последний) я разговаривал с Сагояном по его инициативе о том, что можно автоматизировать в кирпичном цехе. Тогда же он мне сказал: «Вашему папе я обязан жизнью...» В это время зашло в кабинет какое-то начальство из комбината, разговор прервался и, к сожалению, больше не возобновился. Сагоян был очень осторожный человек, по моему наблюдению, неплохой организатор и авторитетный руководитель. У начальства комбината в чести.

Из его воспоминаний я узнал, что после реабилитации он вновь стал коммунистом. Видно, до мозга костей Петр Осипович был предан утопической и кровавой системе. Ну что ж, каждому свое!

А я вспомнил своего отца. После моей демобилизации в 47 году, то есть после 10 лет разлуки, папа рассказывал мне о Владимирской тюрьме и об их сидельцах. Он выхаживал сокамерников своим кирпичным чаем, в то время очень дефицитным, которым он располагал в большом количестве. Он был заядлым чаевником, и маме удалось перед отправкой передать ему приличный запас этого действительно спасительного напитка.

Мог бы кое-что еще написать, но устал. Рука не тверда — дрожит, в глазах рябит... Больше нет сил! Писал это письмо два дня, а написал, как говорят, пшик.

Заканчиваю! Будь здоров!

Б. Дроздов.

Борис Григорьевич Дроздов уже начал писать свои воспоминания о пережитом в лагерях, до и после них. А я продолжаю искать норильлаговцев...

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Наше издание рассказывает приблизительно о доперестроечном времени. Мнения авторов на одно и то же событие, на одного и того же человека, на само время, наконец, не всегда совпадают. И это нормально. Так случалось и в далекие годы, так происходит и сейчас. Только субъективные описания и мнения многих людей позволяют нам увидеть и понять объективно правдивую картину жизни и времени. Я не устаю повторять, что мы благодарны всем, кто в собственной интерпретации (а в какой же еще?) описывает увиденное своими глазами. Никакой личной интерпретации чужого рассказа или при подготовке чужих писем ни Алла Борисовна Макарова, ни я, ни другие журналисты допустить просто не можем — ведь тогда бессмысленна работа по собиранию и изданию воспоминаний людей! Историческим темам это особенно противопоказано.

Мы хотим побудить читателей к размышлениям, стремлению понять мотивацию разных людей в самых разных и одинаковых ситуациях. Надо разрушать привычные советские мифы — а это очень трудно, потому что нельзя не признать магнетическую силу воздействия советской пропаганды на детей, молодежь, взрослых. Ну кто же против равенства и братства людей? Кто против дружбы народов, когда человек человеку друг, товарищ и брат? Вот тут бы надо серьезно разобраться, как, в чем и почему такие правильные слова расходятся с реальной жизнью. Порой она просто уничтожает не хорошие понятия (если бы их!), а живых людей. И число погубленных — десятки миллионов. Впрочем, на государственном уровне этот подсчет не сделан до сих пор, и это тоже говорит о многом...

Мне довелось слышать удивленные и даже возмущенные мнения о преувеличенной (якобы) роли

украинцев, прибалтов в норильском восстании, о какой-то особой сплоченности евреев, кавказцев и опять же — украинцев, прибалтов. Я не стану ни в чем никого переубеждать, просто приведу исторические факты из публикации Международного общества «Мемориал» («Новая газета», № 21 (1339), 27.03–30.03.2008 г.):

«В Тбилиси и Киеве недавно открыты «музеи советской оккупации». Это вызвало у большинства российских граждан недоумение или раздражение: в России лишь специалисты-историки знают о существовании Грузинской Демократической Республики в 1918–1921 гг. и о попытках создания в 1918–1920 гг. независимой Украинской Народной Республики, а также о роли Красной Армии в их ликвидации. Но в самих этих странах память об их независимом государственном существовании в XX веке, пусть исторически кратком, никогда полностью не исчезала. Вполне естественно, что сейчас там возникает стремление к переосмыслению событий 1920 и 1931 годов. <...>

Это же относится и к оценкам вооруженного партизанского сопротивления коммунистическому режиму в послевоенные годы в Западной Украине, Литве, Латвии, Эстонии, Польше. Память о повстанческих движениях, как правило, сложна и драматична; она не может не порождать множество самых разных оценок. Вплоть до самых крайних: кто-то склонен к безоглядной героизации «борцов за свободы», кому-то мучительно трудно расстаться с привычными представлениями о «бандитах». И для любой точки зрения без труда находятся обоснования».

Международное общество «Мемориал» совместно с «Новой газетой» пригласило всех заинтересованных провести дискуссии на площадке Международного исторического форума. В статье «О национальных образах прошлого» (XX век и «война памяти») предложено: «Не принять, а именно понять, не заменить собственную правду истории чужой правдой, а до-

---

полнить и обогатить ею свое видение прошлого». И у нашего издания есть шанс написать историю Норильлага, Горлага, восстания заключенных 1953 года как нашу общую историю. Ее надо понять, осмыслить, а для этого — вести дискуссию, в которой есть место всем мнениям.

Олег Александрович Ремейко. 1979 г.

Олег Ремейко:

*«Норильск навсегда остался
для нас родным вопреки всему.
Правда, это понимание при-
шло потом...»*

Олег Ремейко

Норильск, конец 40-х годов. Детские снимки

Предисловие

Июнь 1953 года. Поселок Норильск Красноярского края. Пока еще не город, хотя население — свыше 300 тысяч человек непростой судьбы. Мы, выпускники норильской средней школы № 1, прощаемся друг с другом, с учителями, с родителями. Норильск навсегда остался для нас родным вопреки всему. Правда, это понимание пришло потом...

Когда вышел взволновавший многих фильм «Холодное лето 1953 года» о том переломном времени, память начала откручивать назад... Появилось острое желание рассказать об этом времени, о судьбе родителей, о лагерном Норильске. Хотя наше поколение почти на генном уровне привыкло молчать и многое носить в себе.

Передо мной книги воспоминаний «О времени, о Норильске, о себе...». Знаю, что вышли книги шестая, седьмая и восьмая, посвященные восстанию заключенных 1953 года, в дни, когда в нашей школе шли выпускные экзамены, когда самолет уносил нас в новую жизнь. А Норильск бурлил...

С волнением перечитываю воспоминания тех, кто строил Норильск, кто учил и лечил, кто своим героическим, но мало кому из нынешнего поколения известным трудом помогал стране победить в страшной войне. Встречаю много дорогих и знакомых имен.

Низкий поклон создателю этого титанического труда — Галине Ивановне Касабовой — настоящей подвижнице, посвятившей себя благороднейшему делу сохранения памяти тысяч людей, которых свела судьба в этом заполярном городе-комбинате, чаще всего не по своей воле. На трогательные приглашения

Галины Ивановны ко всем, кто что-либо хотел бы рассказать о времени, о Норильске, о себе, повторяющиеся из книги в книгу, оказалось невозможным не ответить. Надо было только созреть...

И вот сейчас, в весьма серьезном возрасте, хочу поделиться своими воспоминаниями и мыслями о том времени, о своем понимании того Норильска, о необыкновенных людях, вошедших в память и уже никогда из нее не выпадавших. Убежден, что именно сейчас необходима правда того времени потому, что сегодня многие стремятся вытравить черные, зловещие страницы истории XX века. Люди, пережившие то время, особенно остро воспринимают шаги власти, которые ведут к восстановлению обстановки 30–50-х годов — обстановки доносительства, судебных и лагерных порядков, фактическому поощрению низменных, злобных инстинктов, культивирующихся в части общества. Постепенно и методично ужесточается режим...

Хочется все-таки надеяться, что уроки не такого уж далекого прошлого большинством как-то усвоены и не прошли даром. Помогает в этом и память о наших родителях.

1937 год

Отца Александра Георгиевича Ремейко (его настоящая фамилия Тихомиров) помнить я не могу. Когда его не стало, мне было всего полтора года.

Только в конце 80-х годов удалось собрать кое-какие сведения об отце. Был в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР), некоторые материалы обнаружил в прессе. Более подробно о поисках, об отце мы с сестрой Галиной Александровной Золотовой написали в семейной книге «О наших родителях» (2004 год).

В ЦГАОР хранится личное дело отца с собственноручно написанной подробнейшей автобиографией, листком по учету кадров, рядом других документов и даже... с сохранившимся доносом высокопоставлен-

ного коллеги. Это личное дело попало в архив из Комиссии советского контроля, в состав которой А.Г. Ремейко был избран на XVII съезде ВКП (б) в 1934 году.

Он член партии с 1914 года. С начала Октябрьской революции работал в профсоюзах, был членом ЦК и Президиума Союза горнорабочих, заворотделом ВЦСПС, а с 1924 по 1927 год находился на советской и хозяйственной работе: был последовательно председателем губисполкомов — Винницкого, Подольского, Новосибирского, Иркутского и Курского. С 1927 по 1930 год работал в Воронеже председателем облплана и зампредоблисполкома Центральной черноземной области (ЦЧО).

С 1930 по 1932 год учился в Экономическом институте красной профессуры, откуда был отозван для работы в ЦКК-РКИ, преобразованной впоследствии в Комиссию советского контроля. С 1922 по 1931 год — член ЦИК СССР.

Все эти сведения — короткие выдержки из архивных материалов.

Моя семья — отец, мама Софья Михайловна Ремейко, детский врач, сестры Галина (1924 г.р.), Ангара (1926 г.р.) и я (1936 г.р.) — жила в Москве, в печально знаменитом Доме на набережной (ул. Серафимовича, д. 2, кв. 472).

2 ноября 1992 года, в канун 7 ноября, газета «Ве-

*Александр Георгиевич
Ремейко. Москва, 1924 г.*

*Александр Георгиевич
Ремейко. Москва, 1933 г.*

черная Москва» на с. 5 опубликовала расстрельный список № 19 под общим названием «Расстрельные списки. Донское кладбище».

Приведены краткие сведения о каждом человеке: фамилия, имя, отчество, год и место рождения, национальность, партийность, образование, должность, место жительства, день ареста, день расстрела. Рядом — фотографии из уголовных дел. Отсутствуют 25 фотографий. В рамках написано «Снимок не сохранился». Вижу фамилию и фото отца (как потом разглядел и понял — из уголовного дела: инициалы А.Г. и след буквы «о» — последней в фамилии — означают, что слева было фото отца в профиль).

Я прочитал: **РЕМЕЙКО** Александр Георгиевич, родился в 1894 году в деревне Савково Родниковского района Ивановской области, русский, член ВКП (б), образование высшее, руководитель группы просвещения и здравоохранения, член Комиссии советского контроля при СНК СССР... Арестован 19 июня 1937 года, расстрелян 30 октября 1937 года.

В колонке на этой же странице под заголовком «Мертвые предупреждают живых» автор Валентин Гордин написал:

Почему же так поздно? Ведь вопрос о реабилитации большинства из них был решен еще в 1956 году или чуть позже. Но те, кто тогда сообщал эту весть родным и близким, делали это тоже как бы по секрету, умалчивали о месте захоронения и дате расстрела. Применялись тогда широко распространенные резиновые формулировки. В органах не нашли человеческих слов. А ведь расстрельные списки с точным указанием мест захоронения, как теперь выяснилось, как признались на одной из последних пресс-конференций сами работники КГБ, лежат рядом, в том самом

7-м фонде Центрального архива КГБ. Потребовался ряд настойчивых выступлений в «ВМ» А. Мильчакова*, пока аппарат КГБ стал строго дозированно выдавливать из себя по капле один расстрельный список за другим. Мы еще не назвали и двух тысяч фамилий из нескольких миллионов погибших...

Символический прах А.Г. Ремейко покоится в месте установки небольшого памятника невинно замученным и расстрелянным жертвам политических репрессий 1930–1942 годов на Донском кладбище в Москве.

Вот так, после невразумительных справок Верховного суда СССР только в начале 90-х годов семье была сообщена правда: приговор, его так называемые «основания» и дата приговора — 29.10.37 г. Расстрелян 30.10.37 г., а не умер в 1943 году, как сестрам уже после войны сообщили в НКВД.

Летом 1937 года отец был не совсем здоров, но продолжал работать. По выходным приезжал на дачу,

Памятник невинно замученным и расстрелянным жертвам политических репрессий 1930–1942 гг. Донское кладбище

---

* Фамилия Мильчакова хорошо известна коренным норильчанам. О бывшем генеральном секретаре ЦК ВЛКСМ А.И. Мильчакове см. «О времени, о Норильске, о себе...», в книге второй, с. 86.

*Здесь покоится символический прах А.Г. Ремейко.
Донское кладбище, 2004 г.*

был, как помнит сестра Галина, в несколько подавленном состоянии. 19 июня уехал в Москву готовиться к предстоящему докладу.

В день ареста семья (мама и мы — трое детей) находилась на служебной даче в Быкове. В ту же ночь сотрудники НКВД приехали на дачу и произвели обыск. Был он и в московской квартире. Кабинет отца в квартире опечатали. Мать бросилась к знакомым, в прокуратуру. Все тщетно. Ни свиданий, ни передач. Полнейшая неясность.

Однажды матери позвонил следователь, сказал, что он ведет дело отца и хотел бы встретиться. При встрече сказал, что идет расследование какого-то большого дела, произошло недоразумение с А.Г. Ремейко. Он вскоре будет дома. Просил маму, якобы по поручению Александра Георгиевича, написать ему записку о семье, о здоровье сына (я тогда был нездоров). Следователь убедил маму написать, что все в порядке, чтобы успокоить Александра Георгиевича.

Мама так и сделала. Позже более опытные люди объяснили ей, что доведенный допросами и физическим воздействием советской инквизиции до полней-

Софья Михайловна, Александр Георгиевич, дочь Галина, Анна Михайловна. Житомир, 1925 г.

шего отчаяния, но еще ничего не подписавший под предъявленными ему чудовищными обвинениями отец попросил, чтобы ему показали *лично написанное женой* письмо (или записку) о том, что с семьей все нормально. Очевидно, эти изуверы по отработанной технологии свою задачу в отношении А.Г. Ремейко решили. Отец был сломен.

Поскольку совершенно секретные документы, касающиеся репрессий конца 30-х годов, ныне рассекречены, совсем недавно в Интернете мой друг обнаружил список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР, датированный 21 октября 1937 года (оп. 24, д. 411, л. 232). Приведено 25 фамилий, две вычеркнуты. В п. 45 Александр Георгиевич Ремейко. На титульном листе размашистая роспись синим карандашом «за» И. Сталин и ниже В. Молотов, Каганович, К. Ворошилов.

В конце списка — итог:

«В данном деле пронумеровано двести со-
рок восемь (248) листов.

Начальник 12 отделения лейтенант ГБ

30 сентября 1940 г.

Подпись

/Шевелев/».

**Вдумайтесь, только в этой описи десятки тысяч
расстрелянных.**

**В также рассекреченном Постановлении ЦИК и
СНК СССР от 1 декабря 1934 года говорится:**

*Внести следующие изменения в действующие
уголовно-процессуальные кодексы союзных республик
по расследованию и рассмотрению дел о террористи-
ческих организациях и террористических актах
против работников советской власти:*

*1. Следствие по этим делам заканчивать в срок
не более десяти дней.*

*2. Обвинительное заключение вручать обвиняе-
мым за одни сутки до рассмотрения дела в суде.*

3. Дела слушать без участия сторон.

*4. Кассационного обжалования приговоров, как и
подачи ходатайств о помиловании, не допускать.*

*5. Приговор к высшей мере наказания приводить
в исполнение немедленно по вынесении приговора.*

**Какие еще доказательства нужны для того, что-
бы развеять мифы о непричастности вождя, о том,
что незаконные творили без его ведома другие, о том,
что масштабы неоправданно преувеличены?**

В ночь на 4 сентября 1937 года мать была аресто-
вана. В это время с нами жила бабушка Анна Пимено-
вна — мать отца. Все комнаты в квартире, кроме
детской, были опечатаны. Когда маму выводили, она
успела сказать старшей дочери Галине, чтобы та срочно
вызвала бабушку из Ростова-на-Дону, которая должна
была нас всех срочно забрать, потому что нас могут раз-
лучить. Галина на следующее утро отправила в Ростов

телеграмму. По-видимому, какие-то предчувствия такого развития событий у мамы были, и, возможно, бабушка Елизавета Яковлевна и младшая мамина сестра Анна Михайловна Кожевникова, живущие в Ростове-на-Дону, были как-то подготовлены. Ведь десятки примеров того, как происходило выселение семей арестованных в этом Доме в 1937 году, мать знала не понаслышке. Галина впоследствии рассказы-

*С сыном Олегом. Ст. Быково
Московской области, 1936 г.*

вала, что буквально на следующий день в квартиру заявились какие-то люди, уговаривавшие сестер по доброму поехать в детские дома, где хорошие условия, много книг и игрушек. Но Галина очень твердо держалась маминого указания, сказав, что нас заберут родственники из Ростова. На некоторое время нас оставили в покое.

Забегу вперед почти на 20 лет. Отца не стало в ночь после вынесения приговора. В Москве. К Норильску он прямого отношения не имел. Но в этой жизни все причудливым образом переплетается. 1956 год. Примером головотяпства норильских гэбэшников считаю письмо от 22 августа 1956 года, направленное по адресу матери: г. Норильск, ул. Б. Хмельницкого, д. 15, кв. 14, Ремейко Александру Георгиевичу, с повесткой, строго обязывавшей явиться 27.VIII в ком. № 16 за документами, имея при себе удостоверение личности.

Человека, расстрелянного 30 октября 1937 года, спустя 19 лет вызвали по повестке!!!

РОСТОВ. ВОЙНА. ОККУПАЦИЯ

Вскоре приехала бабушка из Ростова и, проявив настойчивость, добилась разрешения и увезла всех нас в г. Ростов-на-Дону.

Так в семье Анны Михайловны — она моложе мамы на 2 года — сразу оказалось четверо детей: свой Миша, он родился в 1930 году, и нас трое.

Анна Михайловна сразу приняла нас как родных и вместе с бабушкой сделала все возможное и невозможное, чтобы устроить быт, накормить, одеть каждого из нас, создать настоящее тепло семьи. Она стала для нас мамой, мы ее так и звали. Я узнал о настоящей маме только тогда, когда наладилась связь с Норильском, то есть в 1943 году.

Анна Михайловна взвалила на себя тяжелую ношу, хотя сама находилась в сложнейшей ситуации. За некоторое время до этих событий у нее распался брак с Сергеем Николаевичем Кожевниковым, отцом

Семья в Ростове (слева направо): Ангара, бабушка Елизавета Яковлевна, Олег, Галина, Анна Михайловна, Михаил. 1939 г.

Михаила — нашего двоюродного брата, — видным военачальником, армейским комиссаром 2 ранга, в то время заместителем командующего войсками Харьковского военного округа, впоследствии расстрелянным.

Анна Михайловна, по профессии педагог, работала какое-то время стенографисткой в политуправлении военного округа. Очевидно, что подобная работа и все выполнявшие ее сотрудники находились под строгим контролем органов НКВД. По-видимому, официальный развод с С.Н. Кожевниковым как-то вывел Анну Михайловну из опаснейшей сферы «врагов народа» и «членов семей изменников Родины», оставив ее на свободе.

...1941 год. Меня отводила в детский сад Галина. В тот день вдруг в садике все забежали, зашумели, собрали детей, заставили взяться за руки парами и быстро повели в какой-то большой дом, в котором, как я понял потом, было бомбоубежище. Когда мы перебегали широкую улицу, неподалеку раздался какой-то грохот, а с неба шел гул. Запомнил на всю жизнь: высоко летели несколько немецких самолетов,

Сестры Софья и Анна. Курск, 1928 г.

они-то, видимо, сбрасывали бомбы, слышались глухие залпы зениток. Помню долгое тревожное сидение большого скопления взрослых и детей в подвале. Так для нас началась война.

В Ростове, который неожиданно оставили наши войска (а немцы еще в город не вошли), какие-то люди грабили магазины, разбивали стекла, бежали с коробками и ящиками. На всю жизнь запомнил тяжелый терпкий запах вина, разливавшегося по улице, на которой находился наш дом. Брат объяснил, что это на складе разбивали бочки с вином. Потом много лет спустя в романе известного ростовского писателя В. Закруткина прочел об этой винной истории и неожиданно почувствовал этот острый запах моего детства. Удивительно!

Через какое-то время город заняли немцы, в декабре 1941 года их выбили из города наши, а летом 1942 года в Ростов снова вошли немцы.

До второй оккупации Ростова сестры Галя и Ангара оказались вне города, вплоть до лета 1943 года, мы оставались вчетвером: Анна Михайловна, бабушка, Миша и я.

В городе при немцах становилось очень трудно и опасно жить: соседи знали, что Кожевниковы — это семья командира Красной Армии. Анна Михайловна поначалу меняла вещи на продукты на рынке, потом стала ездить в окрестные деревни. И вскоре, договорившись с одной женщиной, у которой был большой деревянный дом в деревне Иваново-Шамшево, перевезла семью туда. Но вскоре и здесь оказались немцы, в доме обосновались офицеры. А нас перевели в какую-то пристройку типа сарая. Бабушку и Анну Михайловну заставили им готовить. Привозили подстреленных кур, уток и какие-то другие продукты. Женщины ухитрялись что-то готовить нам из оставшихся потрохов — тем мы и жили. Запомнилась самая вкусная еда из голодного военного детства: подсолнечный жмых и мамалыга.

Потом, когда наши войска освободили Ростов, мы возвратились в город. К нам вернулись Галя и Ангара. Оказалось, что Галя, в ту пору выпускница ростовской школы, была все это время в комсомольской агитбригаде, выступала в госпиталях и воинских прифронтовых частях.

О том, что произошло с Ангарой, она написала в своей тетрадочке-дневнике, который чудом уцелел и после ее кончины был обнаружен, восстановлен и перепечатан дочерью Аней. Вот некоторые периоды ее военных лет.

Ребят старших классов в сопровождении учительницы и одной из родительниц 20 июня 1942 года направили на сельхозработы. Добирались поездом, после налета немецких самолетов — гужевым транспортом, постоянно попадали в районы военных действий и бомбардировок наступавших немцев. Петляли между селами и хуторами... Так почти за месяц ребята добрались до Сталинградской области. Работали на консервном заводе в с. Гуссенбах (Линено) Саратовской области. Завод выпускал для армии витаминные консервы из елочной хвои, потом Ангару перевели в дизельное отделение паросилового цеха. Эта работа ей нравилась, потому что соответствовала ее интересам (физика и математика). Вот так Ангара сделала первый шаг в будущую профессию: сначала инженера-теплотехника, а затем — крупного ученого, доктора технических наук.

ВРАЧ С.М. РЕМЕЙКО В НОРИЛЬСКЕ

В 1937 году маме было 33 года.

После ареста и осуждения без суда мать находилась в различных пересыльных пунктах вместе с женами репрессированных мужей. Многие вели себя мужественно, поддерживали друг друга. Находили какие-то аналоги с декабристками, веря, что в Сибири или где-нибудь у черта на куличках встретят своих мужей. Из известных фамилий называла Наталию Сац — будущую известную руководительницу Дет-

ского театра на проспекте Вернадского, Елизавету Драбкину — писательницу и многих других.

В 1938 году мать по спецнаряду оказалась в Норильлаге.

В маминых бумагах сохранилась характеристика, подписанная 7.XII 1942 года начальником Центральной больницы Норильского лагеря врачом В. Светухиной. Интересный документ.

Характеристика

врача з/к Ремейко Софии Михайловны
1904 г. рожд.

Статья — член семьи врага народа — 8 лет;
начало срока: 1937 г.

в Норильском лагере: с 1939 г.

Врач С.М. Ремейко, специалист по детским болезням, имеет серьезную, законченную клиническую подготовку, что дает ей возможность успешно вести работу по своей специальности, отбывая срок заключения в Норильске. Врач Ремейко ведет ежедневно обширные (до 60 чел.) амбулаторные приемы детей до 16 лет; имеет

*Софья Михайловна Ремейко
в Норильске. 1941 г.*

отдельные дни консультаций здоровых детей. Часть ее рабочего дня используется на многочисленные выезды к больным детям по домам. Много внимания врач Ремейко уделяет санитарно-профилактической работе, в беседах давая указания матерям о гигиене ребенка. В деле проведения противоземических мероприятий — профилактических прививок среди детей Норильска врач Ремейко

неизменно проявляет инициативу и организованность.

За время моего руководства поликлиникой САНО с ноября 1940 г. по ноябрь 1942 г. я убедилась в высокой квалификации врача-педиатра Ремейко и ее безукоризненном отношении к порученному ей делу. Считаю нужным также отметить, что врач Ремейко в свою работу, помимо солидных знаний и опыта, вносит много сердечности и любви к своим юным пациентам и внимания к родителям.

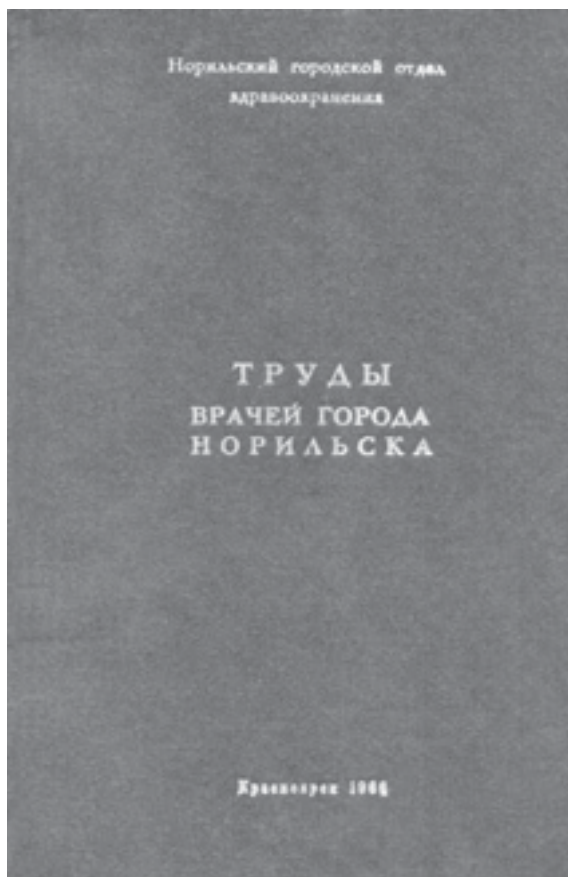
Все перечисленные качества способствовали тому, что врач Ремейко с 1939 года до настоящего времени ведет успешно порученную ей ответственную работу по охране здоровья детей сотрудников Норильского комбината и пользуется среди последних заслуженным авторитетом и популярностью.

Подпись В.Светухина

А спустя несколько лет, в 1947 году, фактически з/к С.М. Ремейко была награждена медалью «За доб-

лестный труд в Великой Отечественной войне», то есть государственной наградой. Правда, она была досрочно освобожденной, но оставалась пораженной в правах и нереабилитированной. **Вот такие парадоксы того времени.**

В книге «Труды врачей города Норильска» (Красноярск, 1966 г.) в статье патриарха норильского здравоохранения В.А. Кузнецова «К истории здравоохранения г. Норильска» написано:

Обложка книги «Труды врачей города Норильска»

«Служба детства в нашем городе имеет все для отличного обслуживания детей. В распоряжении педиатров прекрасное здание детской больницы и новой поликлиники. Эти учреждения оснащены современным оборудованием, аппаратурой, инструментарием.

Начало медицинскому обслуживанию детей было положено врачом-педиатром Софьей Михайловной Ремейко. Благодаря ее заботам было начато строительство первой детской больницы в городе. Ремейко была высококвалифицированным педиатром, с большими теоретическими и практическими знаниями».

Когда маму освободили в 1943 году, семья воссоединилась.

Мы, Галя, Ангара и я, сложным путем (поездом до Москвы, потом до Красноярска, теплоходом до Игарки, гидросамолетом до Норильска) осенью 1944 года оказались в Норильске. Галя тут же уехала на работу в Ростов, Ангара пошла в 10-й класс, а я — во 2-й.

Поликлиника, в которой работала мама, находилась недалеко от нашего дома — на Заводской улице. Поэтому я часто бывал у нее. Прекрасно помню Владимира Евстафьевича Родионова, Захара Ильича Розенблюма, Георгия Александровича Попова, Павла Евдокимовича Никишина, Панну Максимовну Беспалову, Альфонса Павловича Бачулиса, Альфреда Яновича Дзенитиса, Николая Владимировича Кудрявцева, Ревекку Соломоновну Александрову, Ольгу Ивановну Атарову, Веру Степановну Светухину, Виктора Александровича Кузнецова. Соседкой в нашей коммунальной квартире была Марина Ивановна Шапошникова — старшая медицинская сестра, она работала вместе с мамой и все девять лет была моей наставницей и ближайшим другом.

Мама не любила говорить на темы о жесточайшей несправедливости по отношению к нашей семье: ведь мы — она и дети — члены семьи врага народа. Среди моих школьных друзей и одноклассников — более половины ребят с такими же или похожими судьбами. В 1950 году мне исполнилось 14 лет и пришло время

вступать в члены ВЛКСМ (это санкционировалось не комитетом комсомола школы, а политотделом Норильского комбината). В анкете необходимо было написать о репрессированных родителях, поэтому у нас с мамой состоялся серьезный разговор. Она рассказала мне о происшедшем, показала копию одного из писем на имя Сталина, которые она посылала, находясь в заключении. Разговор для нее был непростой, помню, она очень волновалась, хотя за все годы я не видел ее слез. В памяти всех, кто ее знал, мама осталась волевым, твердым человеком.

Работала мама очень много, часто ее поднимали ночью, и она отправлялась по вызовам к больным детям. Норильск тех лет со средней температурой зимой до 40 градусов мороза, а зимой продолжительностью 8 месяцев, несравним с современным, многоэтажным. Тогда большинство жили в наспех сколоченных жилищах, их называли «балки», полузаваленные снегом, без дорог. Антисанитарные условия. Конечно, были и капитальные дома, коттеджи руководства. Мать часто отправлялась на вызовы с молодыми коллегами, которые набирались у нее опыта. Помню стажера, биолога по образованию А.А. Баева, впоследствии это известнейший ученый-биолог. Александр Александрович Баев — член президиума Российской академии наук, академик-секретарь отделения биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений. Академиком стал в 1970 году.

О последней маминой работе в Норильске знаю по рассказам Марины Ивановны Шапошниковой. Только недавно, внимательно разглядывая мамину трудовую книжку, я обратил внимание на соответствующую запись.

Ее вызвал к себе начальник комбината В.С. Зверев и поручил возглавить находящийся в зоне дом младенца. Несмотря на отдельные лагерные зоны, рождаемость у женщин-заключенных была чрезвычайно высокая. Беременных освобождали от тяжелейших наружных работ, и это позволяло им часть срока

Софья Михайловна Ремейко в Норильске. 1947 г.

проводить в физически облегченном режиме. Отцами детей были не только мужчины-заключенные, но и бойцы ВОХРа.

Что же беспокоило руководство Норильского комбината? До Москвы дошли сведения о недопустимо высокой смертности новорожденных детей заключенных в Норильске. Надо было принимать кардинальные меры. Задача была очень и очень непростая. Не знаю, могла ли мама отказаться, но она, будучи ответственным и обязательным человеком, ведущим врачом-педиатром Норильска, очевидно, поняла сложившуюся серьезнейшую ситуацию и дала согласие.

При осмотре дома младенца она обнаружила жуткую антисанитарию, отсутствие какой-либо дисциплины среди персонала и obsługi, нехватку медицинской техники и оборудования. Он находился в зоне и фактически стал местом сборищ и отдыха матерей-уголовниц, которые держали в страхе медперсонал и обслуживание. Новому руководителю дома младенца была обещана всемерная организационная и техническая помощь, было разрешено заменить по

ее усмотрению персонал, набрать новых сотрудниц среди женщин-заключенных, которые могли навести элементарную чистоту и порядок в учреждении. Маме выделили гужевой транспорт. Теперь рано утром ее отвозил и поздно вечером привозил домой возница на лошадке, в санях. Дали громадный овчинный тулуп. Иногда она оставалась на работе ночевать. По-видимому, об этой работе в управлении Норильлага маму предупредили не распространяться, поэтому даже в семье разговоров о событиях в доме младенца практически не было. Лишь Марина Ивановна, которая от мамы знала кое-что, иногда проговаривалась.

Я помню ее рассказ об одном эпизоде: мать резко потребовала покинуть палату рецидивистке, которая пришла к ребенку в пьяном виде, без халата. В отместку уголовница напала на нее с ножом в тамбуре. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не подоспели сестры и охрана.

Одной из ближайших помощниц — старшей медсестрой, а в дальнейшем близкой подружкой мамы стала Елена Николаевна (ее первую фамилию не помню). Для молодой, интеллигентной, яркой женщины из Москвы, бывшей студентки института кинематографии, осужденной по 58-й статье, новая работа в доме младенца явилась настоящим спасением. Позже Елена Николаевна стала супругой бывшего з/к И.Я. Эпштейна, видного норильского строителя, одного из первых лауреатов Ленинской премии. Мама многие годы дружила с этой семьей. Ну а с наведением порядка в доме младенца справились в короткие сроки.

Заполярному Норильску мама отдала 18 лет своей жизни.

В 1956 году мама возвратилась в Москву, получила комнату в коммунальной квартире, работала в детской поликлинике и интернате, ходила по вызовам, лечила детей своего района, а также народившихся внуков. Успела порадоваться и правнукам.

До последних дней поддерживала добрые отношения с друзьями-норильчанами — семьями П.П. Тикстона, М.Д. Беднова, В.А. Фигуровской, М.И. Шапошниковой, Р.С. Александровой и многими другими. Скончалась в 1987 году. Только в 1993 году, **то есть спустя 38 лет (!)**, Военная коллегия Верховного суда РФ прислала реабилитационную справку, в которой маму называли жертвой политических репрессий.

*Софья Михайловна Ремейко.
Москва, 1956 г.*

РОСТОВ. 1943—1944 годы

Память возвращает меня в военные годы. Ростов был освобожден в 1943 году. Мы — бабушка, Анна Михайловна, Миша и я — вернулись в свою квартиру, в которой все сохранилось. Помню железную печку-буржуйку, стоявшую в проходной комнате, с трубой, выходящей на балкон.

Галина стала работать в обкоме комсомола. Ангара пошла учиться в 9-й класс, а я — в 1-й. Школа находилась довольно далеко. Помню отсутствие тетрадей (учился писать на разрезанных из газет листках), но более всего — чувство голода. Не забуду случай, когда мне поручили после школы зайти к Гале в обком комсомола и взять у нее буханку хлеба. По дороге я не выдержал и кусочек за кусочком отламывал хрустящую корочку и съел ее. Было стыдно, что не удержался...

Летом того же года я серьезно заболел. Врач сказала, что мне нужно хорошо питаться. Ухаживали

за мной все, но постоянно возле меня сидела сестра Ангара. Она слышала слова доктора и принесла для меня маленькие кубики сливочного масла (недоступный и безумно дорогой деликатес) и баночку меда. Оказалось, она тайком отнесла на базар (толкучку) свои лучшие платья, продала их и купила для братика продукты. Потом меня отвезли в детскую здравницу. Ангара и туда привозила для меня всякие вкусности: масло, мед, сметану и самодельное печенье. Может быть, поэтому от 1943 года осталось светлое ощущение восстановления жизни после оккупации. Я и город оживали. Помню поход с Михаилом в цирк, первый салют в Ростове. Дома начались какие-то тревожные разговоры о предстоящей поездке на Север к далекой и неведомой мне маме.

ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О НОРИЛЬСКЕ

В августе 1944 года мы втроем добрались до Красноярска. Мама попросила кого-то из знакомых, чтобы нас встретили и устроили на отправлявшийся вниз по Енисею большой теплоход. Почему-то старшая сестра Галина осталась в Красноярске, а нас с Ангарой втиснули на этот теплоход. Разместились мы в коридоре между каютами на полу. Помню тесноту, шум и обилие людей вокруг. Енисей остался в памяти огромной темно-серой рекой с высокими таежными скалистыми берегами, порогами и горами. Питались чем-то всухомятку, запивая кипятком с сахаром. Мамины знакомые дали нам в дорогу большую стеклянную банку с неведомой нам красной икрой. Она настолько стала ненавистной, что много лет я не хотел есть этот изысканный деликатес.

Неожиданно на стоянке в Игарке нас на теплоходе разыскала Галина, прилетевшая из Красноярска на гидросамолете. Наш путь продолжился на небольшом гидроплане. Мы сидели на каких-то ящиках в холодном металлическом отсеке. Ужасно болтало. Очень тошнило, поэтому никакой мальчишеской

радости от первого в жизни авиаперелета у меня не было. Это точно.

В Норильске самолет приводнился, кажется, на реке Норилке. Нас встретили мамины друзья Фигуровские и привезли домой к маме. Наконец после семи лет воссоединилась семья. Помню, как мама, раздев меня, всплеснула руками: «Какой же ты, сынок, худой!»

Началась сытая и мирная жизнь.

Две комнаты в трехкомнатной квартире трехэтажного бутового, как его все называли, дома на втором этаже стали нашим жилищем. Кроме отопления, никаких удобств в доме не было. В маленьком коридорчике стояли умывальник с ведром внизу, кухонный столик с электроплитой, и все. Соседкой была работавшая с мамой старшая медсестра Марина Ивановна Шапошникова, также оказавшаяся в Норильске не по своей воле. Ее муж был военным, и, похоже, его уже не было в живых.

Воду мы носили в ведрах, набирая ее из водокачки, небольшое здание которой выходило на Заводскую улицу. Туалет был большой, многоочковый, деревянный, расположен был у оврага напротив дома метрах в 30.

Галина вскоре возвратилась в Ростов-на-Дону к своему месту работы. Она поступила в Ростовский университет и одновременно работала в обкоме комсомола.

Вдоль Заводской улицы были построены одно- и двухэтажные дома, неподалеку находилось здание поликлиники, где среди прочих было детское отделение — место работы мамы и Марины Ивановны. Здесь же стояли здания проектной конторы, управления лагерей, магазины и жилые дома.

Заводская улица пересекалась Горной, начинавшейся слева с Нулевого пикета, где находилось первое норильское строение. Нулевой пикет находился перед горой Шмидтихой, где, как я узнал позже, находилось неорганизованное городское кладбище. Неподалеку

располагалось пожарное депо, где работал и жил с семьей К.И. Фигуровский. На Горную улицу мы ходили в аптеку, драматический театр, Дом профсоюзов с кинозалом и библиотекой. Упиралась улица в здание городской бани, за которой находился морг. Почему я вспомнил эти службы? Да потому, что еженедельные походы в баню с горячей водой, парной и клюквенным морсом, помещением постирочной, где трудились китайцы, остались в памяти как-то по-особенному.

А с моргом связана такая история.

В Норильске жил и работал легендарный врач-патологоанатом Павел Евдокимович Никишин, большой друг мамы. Человек он был сложной судьбы, одинокий, вел спартанский образ жизни, ходил в бушлате на голое тело, без шапки, занимался специальной гимнастикой. Был высококлассным специалистом с непререкаемым авторитетом. Прекрасно знал несколько иностранных языков. Как-то мама попросила его позаниматься со мной английским в преддверии 5-го класса, когда в школе уже предполагалось введение именно этого языка. Я стал ходить к нему, невзирая на мрачное предназначение этого здания. Часто групповые занятия проходили в кабинете Павла Евдокимовича и учебной комнате. Я с любопытством разглядывал медицинские экспонаты, развешенные и расставленные на столах. Это были различные заспиртованные фрагменты человеческих органов. На стенах — множество плакатов.

Спустя много лет я продолжал удивляться, как в те сложные годы на Крайнем Севере можно было на столь высоком учебно-практическом уровне оборудовать центр обучения медицинского персонала. Сделать это мог человек, фанатично преданный профессии. Коллеги отвечали П.Е. Никишину глубочайшим уважением.

Учитель раскладывал перед нами сделанные им собственноручно карточки с изображением предметов с английскими названиями и вел живой, интересный урок.

Так что к 5-му классу у учеников Павла Евдокимовича были уже какой-то словарный запас и, что важно, был заложен интерес к языку.

Дополнительным побудительным мотивом для занятий английским языком стало знакомство в 1946 году с удивительной семьей Грампов. Александр Николаевич — глава семьи, в прошлом видный комсомольский вожак. В 1933 году, окончив магистратуру в США, стал преподавателем и затем руководителем Московского института инженеров транспорта (МИИТ). Позже переведен на ответственный пост в Наркомате путей сообщения. Арестован в 1937 году, так и оказался в Норильске на тяжелых «общих работах». Затем как специалиста его назначили бригадиром отряда из 30 человек: в тяжелейших условиях он вел основные работы по прокладке самой северной в мире железной узкоколейной дороги Дудинка—Норильск. Позже А.Н. Грамп возглавил строительство железнодорожного моста и различных сооружений при возведении обогатительной фабрики. В 1945 году он был освобожден и вызвал семью — жену и сына. Моя мама была хорошо знакома с А.Н. Грампом, поэтому в 1946 году я пришел к ним домой, где познакомился с Джимом, который был старше меня на год. В этой семье говорили на двух языках: русском и английском. Почему? Да потому, что мама Джима Гертруда Яковлевна была настоящей американкой, встречалась еще в 30-х годах с Александром Николаевичем в Москве, а затем в Америке. Молодые люди, несмотря на все препятствия, поженились в Москве, у них родился сын Джим (Евгений). После страшных событий 1937 года Гертруда Яковлевна решила остаться навсегда в СССР. Многого они с Джимом натерпелись в предвоенные и военные годы, пока не пришел вызов в Норильск. Об этой уникальной семье, их горькой и по-своему интересной судьбе, не прекращавшихся преследованиях в начале 50-х годов подробно рассказал сам Джим — Евгений Александрович Грамп в книге первой «О времени, о Норильске, о себе...» (2001 г.).

С Джимом мы подружились сразу же. Он привез много книг и запомнившуюся мне яркую настольную игру — путешествие по мотивам повести Л. Кассиля «Конduit и Швамбрания». Джим учился классом старше. Мне было интересно с ним, я тянулся к нему, его друзьям — Борису Лисюку, Семену Калюсскому, Павлу Лапинскому и др. Особенностью нашего норильского школьного братства было объединение групп ребят, близких по возрасту, из разных классов. Мы дружили, встречались, были в разных компаниях, и многие фотографии выпускников Норильской средней школы № 1 1952, 1953, 1954 годов, приведенные в пяти книгах воспоминаний как норильского, так и посленорильского периода, говорят об особых чувствах норильчан нашего поколения друг к другу.

С уверенностью могу сказать, что никакой дискриминации в школах Норильска по отношению к детям бывших заключенных не было ни со стороны педагогов, ни со стороны учеников — детей известных в городе людей и руководителей комбината. Наверное, это заслуга руководителей школ и самого руководства комбината, своего рода их нравственная установка.

Хорошо помню ребят и девочек, казалось бы, из другого мира, но в принципе таких же, как и все: Дагмару Бересневу, Сергея Логинова, Костю Ксинтариса, Олега и Галю Зверевых, Наташу Глушкову, Магду Туманишвили и многих других.

Несколько слов о том, чем мы питались в военные и послевоенные годы. Заполярный Норильск обеспечивался, конечно, гораздо лучше, чем города на материке. Я это понял сразу же. Было много вкусных американских продуктов, особенно запомнил прямоугольные банки с сосисками почему-то квадратной, а не круглой формы, оранжевого цвета плавленый сыр в больших консервных банках, густой лимонный сок тоже в больших банках. Запомнился трофейный немецкий шоколад — по две круглые плитки в коробке. В магазинах было много икры, банок с крабами, сливочное масло, сельдь, а также всякие крупы, сушеный картофель,

сухофрукты и конфеты. В школе нам выдавали талоны на покупку ежемесячно четырех банок сгущенного молока, свежее молоко в замороженном виде круглыми дисками иногда продавалось на рынке, расположенном неподалеку от гостиницы на Октябрьской улице. Свежие овощи и фрукты были экзотикой.

Я описал ту запомнившуюся часть поселка, которая примыкала к Горной и Заводской улицам и была ограничена узкоколейной железной дорогой, проходившей метрах в 100 напротив нашего дома. За железной дорогой находились озеро, жилые одно- и двухэтажные дома. В отдалении за озером, на высоком берегу стояли коттеджи руководства города — по моему, их было три, к ним вела отдельная дорога.

В одном из домов в коммунальной квартире жила семья главного бухгалтера комбината А.Н. Мансурова. Его дочь Леля Мансурова и сын соседей Юра Стеблянок стали моими первыми норильскими друзьями. В этом же доме жил Эдик Николаев, в соседнем доме — Виктор Родионов, сын известного всему городу хирурга В.Е. Родионова. Ну а заводилой, если хотите атаманом всех наших детских игр и приключений, был Борис Лисюк, живший в соседнем доме по Заводской улице. В нашу компанию входили жившие неподалеку Сергей Чирков, Юра Товкун, Володя Пирогов.

Особо запомнилось строительство пещер в огромных сугробах уплотненного снега высотой до двух-трех этажей, где мы прятались от пурги, освещая свои снежные жилища свечами, и рассказывали друг другу интересные истории. Мне, «побывавшему» на войне, тоже приходилось рассказывать о своих впечатлениях, о Ростове, дважды переходившем из рук в руки, и о первом салюте 1943 года в этом городе, о бомбежках, о немцах, об учебе в 1-м классе, об очень голодном времени.

Из первых трех лет, проведенных в деревянной школе № 1, запомнились первая учительница Лидия Ивановна (?), добрый и внимательный человек, и первый директор Наталия Ивановна Царева, вели-

---

чественная, властная, строгая руководительница школы № 1. Очень вкусные и желанные завтраки. Спортивный зал на первом этаже, учитель физкультуры Анатолий Иванович Сапунов, сильный, требовательный человек с хорошим командным голосом.

Много позже я понял, почему подспудно меня всегда привлекали сильные мужчины, волевые, умные и внимательные к детям. Что-то недоданное отцовское я видел в каждом из них и очень ценил эти качества.

Учился я хорошо, мне нравилось учиться. Дома у меня был простой письменный стол, у постели во всю стену висела большая карта мира, я легко запоминал названия и расположение стран, городов, рек, морей, океанов, тем более что география моих передвижений уже была немалая.

События на заканчивающейся войне я воспринимал очень живо и почти по-взрослому. Связь с миром происходила через черную тарелку репродуктора, висевшего прямо над постелью. Сообщения Совинформбюро, последние известия, различные образовательные, музыкальные и культурные передачи производили огромное впечатление и откладывались глубоко в душе. Мы были очень политизированными детьми военного времени. Помню, что в школе политической информации в 1945 году иногда поручались ребятам. Переживший военные годы не в тылу, видевший многое своими глазами, я с удовольствием выполнял поручения учителей.

На всю жизнь запомнил середину февраля (кажется, 13-е число) 1945 года. Из репродуктора услышал, что наши войска вошли в столицу Венгрии — Будапешт, старинный и очень красивый город. Советское командование направило к окруженным немцам офицеров-парламентеров, с тем чтобы убедить их сдаться и не доводить дело до разрушения города. И вот результат: после переговоров наши парламентарии на обратном пути были расстреляны озверевшими фашистами. Это известие потрясло меня, и я на следу-

ющий день, помню, встал, не скрывая слез, рассказал об этом притихшему классу. Помню слезы на глазах у многих одноклассников, а класс-то был всего 2-й.

Незабываемые памятные майские дни 1945 года...

2 мая — взятие Берлина, красный флаг над рейхстагом. Небывало приподнятое настроение в преддверии победы у школьников, учителей, родителей, да и у всех взрослых. После сообщения о капитуляции — 9 мая — все, кто мог, бросились на стадион на Октябрьской улице, напротив управления комбината. Грохотала музыка, кто-то выкрикивал праздничные призывы. Люди обнимались, целовались, плакали. Подбрасывали военных, собственно, тех, кто носил военную форму. Многие надели ордена и медали. Норильск ликовал, как и вся страна.

Вскоре я узнал, что такое на Крайнем Севере снегопады и морозы. Поселение находилось в котловине гор, и пурга с огромной скоростью кружила внутри, наметая высокие сугробы. Приходилось закутываться и очень тепло одеваться. У меня была шуба из собачьего меха белого цвета, ее до сих пор помнят некоторые друзья, с которыми мы дожили до нашего возраста и не потерялись. Вокруг водокачки образовывалась ледяная гора, ветер в этом месте был особенно сильным. Помню, как мы с мамой пробирались в поликлинику под напором ветра, упали и вылетели на противоположную сторону улицы. Иногда к снежной пурге примешивалась угольная пыль. Все — и школьники, и взрослые — ежедневно отслеживали регулярно сообщаемые по местному радио температуру и скорость ветра, и если температура воздуха была, например, минус 30 градусов, а скорость ветра 15 м/с (а бывало и 25–30 м/с), то скорость умножалась на 2 и общая температура считалась равной минус 60 градусов. Тогда, когда общая температура превышала минус 40 градусов, дни учебы объявлялись по радио активными и занятий в школах не было.

Помню яркие особенности заполярной зимы: северное сияние — красивые, быстро перемещающиеся

по небосклону светло-голубые игольчатые сполохи, отсутствие солнца, означавшее полярную ночь, и радость прихода солнца — это было 7–8 февраля, когда оранжевый диск солнца на короткое время показывался на горизонте. Становилось светлее и праздничнее. Все высыпали на школьной перемене на улицу, радостно кричали, толкались, бесились. Это было уже преддверие весны, которая приходила в Норильск, увы, только в конце мая.

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ

В памяти навсегда сохранились колонны заключенных, которых утром водили на работу, а вечером в зону.

Шли колонны мужчин в телогрейках и ватных брюках, шапках-ушанках, валенках. У них мрачные, сосредоточенные, заиндевелые от мороза лица. По бокам, впереди и сзади с ружьями идут охранники — вохровцы. Видел колонны женщин.

Когда вели так называемых каторжан, то в глаза бросались усиленная охрана, собаки и нашитые на шапки и сзади на телогрейках номера на кусочках белой материи. Они работали, видимо, на промышленных предприятиях. Видел, как заключенные работали на расчистке снежных заносов. Иногда, чтобы согреться, они разводили костры, иногда заходили в подъезды домов с охранниками.

Ребята-старожилы рассказывали, что в прошлые годы во время «черной» пурги между домами натягивали канаты и люди передвигались, держась за них, потому что страшной силы ветер мог сбить с ног кого угодно.

Так обеспечивалась работа на заводах, стройках и других службах города. Видел перевозку заключенных на грузовых автомобилях. Они сидели в открытых кузовах на корточках, прижавшись друг к другу, — так, наверное, теплее. Кузов был отгорожен сеткой, за которой располагались охранники с оружием.

Довольно большое количество заключенных, наверное, инженерно-технических работников, было расконвоировано. Эти люди могли ходить на работу свободно, без охраны, по пропускам, но вечером они обязаны были возвращаться в зону. В виде исключения им разрешали ночевать на работе.

Мы, школьники, понимали, что заключенные — это преступники, но какие-то странные. Знали, что есть уголовники и политические, и их было немало. Непонятно для нас было сочетание «58-я статья».

Владели мы, естественно, и лагерной лексикой, так как жили и крутились внутри поселения — лагеря.

Звучали зловеще лагерные названия отдаленных зон — Кайеркан, Каларгон.

Несмотря на то что давно Норильлаг прекратил свое существование, отметины страшного прошлого сохранились и продолжают удивлять спустя более полувека.

Совсем недавно «Новая газета» (2005 г., № 83) опубликовала интервью с главным театральным режиссером Петербурга Львом Додиным, посетившим с группой студентов и молодых актеров при подготовке спектакля по роману В. Гроссмана «Жизнь и судьба» сначала Освенцим, а затем Норильск. Он говорит:

«...мы были в Каларгоне, и там остался штрафной изолятор. Я думаю, его надо сохранить, потому что мало где сохранилось в таком понятном виде. ...В этом Каларгоне такое количество приспособлений для надзора, для ужесточения, что даже Петропавловская крепость, что называется, отдыхает. Во всех старых тюрьмах ... в дверях всегда был такой глазок для надзора. При этом была «мертвая зона», где люди могли быть недоступны взгляду надзирателя. Так вот, здесь, в Каларгоне, нет такой зоны. Потому что очень хитро сделано — в стене такой растр, который берет все. И нет места, где тебя не могут рассмотреть. До чего изощрен человек в унижении другого...» И далее: «...мы живем, не чуя под собой истории, страны, не чуя, в какой

нераскавшейся, не признавшей своей вины стране мы живем... В Норильске особенно это видно. Как перебивали хребет нашему народу. Почитать списки — кого здесь только нет: вся культура, умы!.. Так изуродовали и так измучили народ, что он не хочет анализировать свое уродство, потому что это тоже очень больно...»

Видел и запомнил на всю жизнь эпизод, как из ворот зоны, находившейся в начале Октябрьской улицы, наискосок от ДИТРа, выезжала лошадка с санями и возницей. На санях из-под накинутого брезента торчали сине-черные ноги мертвых людей, наверное, двух-трех человек. Лошадка повернула на Заводскую улицу и направилась к Шмидтихе: там было кладбище, откуда часто раздавались глухие взрывы. В скалистой породе могилы не копали, они устраивались взрывным способом.

Марина Ивановна Шапошникова, работавшая в поликлинике старшей медсестрой, рассказывала, что в конце 30 — начале 40-х годов в дикие морозные периоды в закрытом тамбуре поликлиники штабелями складывались трупы заключенных и по нескольку дней они лежали там, пока не утихнет пурга и их не вывезут на кладбище.

Нахождение на одной территории города с нормальными общественными атрибутами — и большого количества лагерных зон, длинные колонны заключенных с вохровцами и собаками, множество расконвоированных заключенных, перемещавшихся по поселку, — все это вносило в нашу жизнь ощущение чего-то недоговоренного, малопонятного, несуразного.

Мы выросли и наблюдали окружающую нас жизнь... Понимали, что наши родители и родители друзей, известные нам хорошие люди, все были связаны с этой проклятой 58-й статьей. Мы видели в этом какую-то несправедливость. Ну не может же такое огромное количество людей, лишенных свободы, быть преступниками, врагами всего общества. Что-то здесь не так. Выезжая ежегодно в пионерский, а затем комсомольский лагерь «Таежный» (80 км севернее

Красноярска по Енисею), мы в пути следования теплохода, на остановках снова видели заключенных и охрану. По соседству, на другом берегу Енисея были разбросаны лагеря, лагеря, лагеря...

Мы поняли, что Красноярский край вдоль всего Енисея — это большая зона лагерей совсем другого назначения. Но что-то сдерживало нас, школьников, говорить об этом: то ли оберегающий нас настрой родителей, то ли уже развившийся инстинкт самосохранения.

Моих близких друзей — Джима Грампа, Семёна Калюсского и некоторых других, в том числе и маминых знакомых, которых объединяла эта 58-я статья, в начале 50-х годов настигла новая беда — их стали увольнять с работы, арестовывать и вывозить в медвежьи углы Красноярского края или еще куда-то. Освобождение из лагеря не давало оснований для выезда на материк, так как действовало поражение в правах, люди были невыездными. Но и в этом качестве они казались опасными для режима, поэтому пошла волна их выдавливания даже из Норильска. Как остро воспринимаются людьми, пережившими это время, слова из известной песни В. Высоцкого: «...повезли из Сибири в Сибирь...»!

А в Норильск продолжали поступать новые партии заключенных. Поразила однажды картина, увиденная холодной осенью в начале 50-х годов неподалеку от ТЭЦ. Вагон-теплушка стоит на рельсах, а на путях — тепло одетые охранники-вохровцы и заключенные, кутающиеся в азиатские полосатые ватные халаты, новобранцы из Средней Азии. В таком виде их везли в Норильск, и вот они уже здесь. Очень заметно даже для нас поменялся в 50-х годах состав заключенных: появилось много прибалтов, были венгры, встречались китайцы, японцы. К категории каторжан (это особо строгий режим) относили бывших военнопленных, как их называли, бандеровцев и власовцев.

И все-таки по каким-то признакам угадывалось различие между уголовниками и людьми, попавшими в лагерь по политическим мотивам.

В марте 1953 года умер Сталин. Известие это взволновало всю страну от мала до велика. Тогда я учился в 10-м классе в нормальной советской школе. В Норильске многие плакали, прошли траурные собрания. Злорадства я не помню: и взрослые, и подростки не связывали свои трагические судьбы с именем Сталина. Виноваты были другие, это они — истинные враги народа и враги наших пострадавших близких. Кто они? Чувствовалось напряжение, и было непонятно, что будет со страной и с нами.

Смена руководства — это возможная амнистия, реабилитация. Это понимали все, кого судьба свела на комбинате в поселке и лагере.

В апреле-мае появились первые признаки амнистии. Начали выпускать уголовников, попросту бандитов. Стало опасно ходить по городу, особенно вечерами: участились случаи нападений и убийств. Из магазинов исчезло спиртное и даже шампанское. В памяти сохранился такой случай: было совершено ограбление большой, отдельно стоящей парикмахерской на углу Заводской и Октябрьской улиц. Неизвестные вывезли большое количество одеколona «Тройной».

После смерти Сталина началась крупная забастовка заключенных. Помню черные и желто-голубые флаги на остановившихся башенных кранах. Помню людей на верхних площадках башенных кранов в Горстрое — школа ведь находилась там же, — передававших флажками сигналы, используя азбуку Морзе. Как рассказывали сверстники, так осуществлялась связь между рассредоточенными объектами и зонами. Говорили о самосуде в зонах, о расправах с так называемыми штрейхбрехерами. Возникавшие крупные лозунги на стенах домов в Горстрое наутро крашивали. Говорили о требованиях заключенных: приезд руководства страны и амнистия. Те взрослые, с кем удавалось общаться, отмалчивались, потому что Норильск и время приучили держать язык за зубами. Но даже нам было понятно, что политические (58-я ста-

тъя) не ввязывались в эти события и просто выжидали. Ничего хорошего для них пока не предвиделось.

В такой обстановке проходили наши выпускные экзамены и выпускной вечер. 21 июня я был уже в самолете: в Красноярске предстояло ждать решения вопроса в краевом отделе народного образования (крайно) по поводу аттестата зрелости и медали, и двигаться дальше, в Москву.

О последующих событиях в Норильске доходили какие-то смутные известия, было понятно, что такие выступления против режима будут жестоко подавлены. Так, видно, и случилось. Возможно, в моем рассказе о восстании есть неточности, всех отсылаю к книгам (шестой, седьмой, восьмой) этого издания, здесь нарисована довольно точная картина борьбы заключенных за свои права.

ПИСЬМО АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА БРОНЕВОГО (ДЕКАБРЬ 1947 ГОДА)

На всю жизнь запомнился мне большой друг нашей семьи — Александр Петрович Бронево. Громадный человек с густой полуседой, полурыжеватой бородой — я ее почему-то запомнил всегда покрытую инеем, с намерзшими льдинками — с неизменно добрыми и смешливыми глазами. Он привязался ко мне, а я к нему: наверное, я чем-то напоминал ему сына.

В долагерном прошлом он был военным, и, по моему, непростым, из комсостава, всесторонне образованным, очень культурным, к нему можно было обратиться с любым вопросом, неподдающейся задачей. Он мягко, по-отцовски объяснял многие непонятные мне вещи, чаще всего это происходило по телефону. Я чувствовал его очень теплое отношение к нашей семье. Сестры относились к нему с особым уважением и, как очень близкому человеку, доверяли полностью.

В Норильске он был расконвоирован, имел пропуск для свободного хождения и работал на какой-то электроподстанции, кажется сменным инженером-энергетиком.

*Ангара Ремейко. Выпускница
Норильской средней школы № 1
1945 г. Выпускница Московского
энергетического института 1950 г.
Москва, 1956 г.*

В семье сохранилось удивительное письмо, написанное им моим сестрам в Москву в 1947 году. В письме было нечто конспиративное, оно не должно было попасть в чужие руки. Поводом для его написания послужило полученное сестрами в это время устное известие из НКВД о том, что нашего отца нет в живых. В Москве находился и по маминой просьбе встретился с Галей и Ангарой хорошо знавший нашу семью один из руководителей Норильскснаба Николай Тимофеевич Глушков. Я помню Николая Тимофеевича, его дочь Наташу, мою сверстницу и мамину пациентку,

помню, что жили они в одноэтажном, кажется, двухквартирном доме на Заводской улице, и я там бывал.

Галина в 1947 году уже оканчивала МГУ, а Ангара училась на 3-м курсе МЭИ. Сестры передали Н.Т. Глушкову печальное известие об отце и попросили довести эту весть до мамы через А.П. Броневого. Где-то в глубине души мама, видимо, еще верила в чудо.

Такова предыстория. Заканчивался 1947 год. Мыслящие люди, очевидно, чувствовали приближение очередного этапа «охоты» за ведьмами» со стороны режима. Поэтому в прилагаемом письме нет обращения и подписи, практически нет фамилий, кроме упоминания Глушкова, и написано оно очень мелким почерком. А.П. вложил в это послание душу, видимо стараясь донести близким ему молодым людям неопровержи-

мую правду об их родителях, обо всем покалеченном поколении безусловно честных, незапятнанных людей, заброшенных в нечеловеческие условия и вопреки всему этому сохранивших честь и достоинство.

5 декабря 1947 года

Ваше поручение, переданное Глушковым, я выполнил. Оно дает мне право на это письмо. Как бы ни было неприятно прийти с такой вестью к вашей маме, в этом поручении я вижу особое доверие ко мне. Вы не ошиблись. Чувство самого глубокого уважения и дружбы я питаю к вашей матери, ко всем вам. Вам это будет понятнее, если вы вспомните, что я попал в положение вашего отца и у меня тоже есть жена и дети. В вашей семье я вижу своих, на которых также обрушились незаслуженные беды, горе, обиды. Ваше обращение ко мне затронуло одно из самых больных мест. В нашем положении особенно тяжело, болезненно переживаешь не личные невзгоды, а мысль о том, как случившееся отразится на детях, как дети отнесутся к нам, поймут ли. Усомнятся ли они в нашей честности, безупречности. Не промелькнет ли в глубине души при всей любви к родителям мысль — «а все-таки!». Я лично не знал вашего отца, но много слышал о нем в той жизни. Знаю его из рассказов товарищей, рассказов вашей матери. Я знаю хорошо эту категорию людей, к которой принадлежал ваш отец. Все, что я знаю о вашем отце, все, что узнал я в этом положении, позволяет мне сказать, прямо глядя в глаза вам, его детям, как сказал бы его своим детям, — он безупречно честный человек, глубоко идейный, абсолютно чуждый лицемерия. Ни один шаг, ни один поступок не был направлен во вред нашему государству, поймите, — его детищу. Ни объективно, ни субъективно. Ведь и его кровь вложена в создание того строя, при котором вы живете. Этого нельзя забыть. Когда в этой обстановке мы встретились с людьми противоположного лагеря, они

злорадно говорили нам — так вам и надо, это ваша система, вы создавали, вы ее защищали. И, несмотря на происшедшее с нами, мы отвечали — да, это наша система, мы ее создавали, и, если нам будет дано, мы снова и дальше будем работать на благо этой системы, ее развивать, ее совершенствовать. И людям, подобным вашему отцу, несмотря на положение, в которое их поставили, до сумасшествия было тяжело в грозные 1941–1942 годы. Быть оторванным от жизни, не быть там, где решается судьба твоей страны, где ты много полезнее, — это было совершенно невыносимо. Все это свидетельствует о том, что эти люди, ваш отец, какими были, такими и остались, не изменили своему мировоззрению, несмотря на то что кому-то понадобилось объявить нас врагами. Вы спросите — почему же все это произошло? Эх, дорогие мои девушки, это чересчур сложный вопрос, чтобы быть предметом письма. Я хочу привести только слова одного моего товарища, который, умирая, мне сказал — все это сделала с нами наша власть, и, как бы с нами ни поступали, не забывай — это наше, родное и сердиться, озлобляться нельзя, ибо это наше. Когда-нибудь вам встретится человек, переживший все это подобно вашему отцу, и многое вам станет понятно, как можно такое пережить и не озлобиться. Запомните: если бы жизнь, особенно общественная, шла бы как по писаному — она носила бы фаталистический характер. А на деле все очень сложно, противоречиво. И в жизни делить все по схеме на белое и черное нельзя.

Теперь несколько слов о вашей матери. Я встретил ее давно, больше семи лет. Я довольно близко наблюдал все эти годы ее жизни в этой клоаке. И проникся глубоким уважением, полюбил (поймите меня правильно — речь идет не о любви к женщине), потому что увидел в ней человека сильного, не поступившегося ни малейшей долей человеческого достоинства. Я видел, как она решительно отказалась хотя бы формально признать хоть какую-то винов-

ность вашего отца, когда это было ей предложено для улучшения ее положения. Она часто рисковала многим, выходя далеко за пределы обязанностей врача, чтобы спасти человека, сохранить его, и добивалась своего. Среди нас много людей, обязанных ей жизнью не столько как врачу, сколько как человеку, не проходившему равнодушно мимо несчастья, хотя она сама находилась в таком же положении. Вот за эту настоящую человечность, глубокое чувство человеческого достоинства, присущее вашей маме, я, как и многие товарищи по несчастью, отношусь с глубочайшим уважением и любовью к ней. Жены декабристов, воспетые Некрасовым, недостойны и десятой доли того уважения и любви, которые заслуживает ваша мать и ей подобные.

Когда я в начале письма писал о том, что больше всего у нас болит вопрос о наших детях, то я этим хочу сказать, что мучает это не с точки зрения, чтобы нас не хулили. Нет, правильное представление о жизни родителей, уважение к ним, желание прожить свою жизнь хотя бы такими, какими они жили, — все это нужно вам, детям, на всю жизнь. Нам уж немного осталось, а вам с мыслью о родителях жить всю жизнь. И поверьте мне — вы должны гордиться своими родителями, несмотря на все, что с ними проделали.

Только очень, очень пожелаю вам, чтобы ваша жизнь сложилась много счастливее.

Простите, если не все достаточно ясно. Трудно об этом писать.

А.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

О первой своей норильской школе — деревянной, двухэтажной, близкой к Нулевому пикету, в которой учился во 2, 3 и 4-м классах (1944–1946 годы), — я уже рассказывал. Из наших одноклассников остались на связи только двое — Леля Мансурова и Галя Сапрыкина. Леля о жизни семьи и немного

*В зимнем саду Норильской средней школы № 1. Занятия по биологии.
Наш класс. 1952 г.*

о своей хорошо написала в пятой книге воспоминаний «О времени, о Норильске, о себе...». О семье Сапрыкиных — одной из первых в Норильске (с 1935 года) — рассказывает Г.И. Касабова в послесловии к воспоминаниям Г.С. Жженова (книга пятая), который очень трогательно вспоминает Сапрыкиных и их дочерей Олю и Галю. Приводится их цветная фотография, сделанная Георгием Степановичем. Галя сейчас живет в Минске и, будучи с детства обязательным, добрым и компанейским человеком, всегда приезжает на наши нынешние встречи.

5, 6 и 7-й классы прошли у нас в школе в Соцгороде. К большому зданию школы у озера Долгое на Октябрьской улице многие добирались на переполненных автобусах, часто на подножках. Запомнился длинный громадный автобус МАК, теплый и вместительный. В памяти остались светлые классы, спортзал и футбольные баталии на заснеженном льду озера в относительно погожие дни, но больше всего запомнились друзья-одноклассники.

Гера Дмитриев — наш отличник и потрясающе талантливый человек. В гостеприимной квартире в Горстрое его комната была превращена в мастерскую, где он мастерил всякие поделки. Особенно здорово получались всякие значки, копии орденов и медалей с использованием фольги, эмалей и других подручных материалов. Помню, к празднованию Дня Красной Армии каждый класс получил задание представлять определенный род войск. В ту пору воспитывалось (и это правильно!) уважительное отношение к армии, военным. Наш класс представлял авиацию. Был сделан большой и очень сложный макет боевого самолета, и экипаж — Гера, я и еще несколько ребят — вышел на смотр в актовый зал в военной форме с офицерскими погонами и, главное, с орденами и медалями, настолько достоверными, что к нам подходили и трогали их. На смотре мы заняли первое место. Это увлечение Геры, нашего Левши, прошло через всю его жизнь. Окончив Ленинградский кораблестроительный институт, он многие годы трудился (и трудится до сих пор) конструктором судов в Зеленодольске (Татарстан), где помимо громадной творческой инженерной работы продолжил на более современном уровне занятия по изготовлению миниатюрных знаков отличия. Он своими руками делал уникальные, часто в единственном экземпляре, почетные знаки, вручаемые особо отличившимся сотрудникам, рабочим, юбилярам. На одной из встреч одноклассников в Москве он вручил всем **классные** значки выпускников Норильской средней школы № 1 1953 года. Прекрасные стихи, сочинения, рисунки,

*Герман Дмитриев.
Норильск, 1950 г.*

В ту пору воспитывалось (и это правильно!) уважительное отношение к армии, военным. Наш класс представлял авиацию. Был сделан большой и очень сложный макет боевого самолета, и экипаж — Гера, я и еще несколько ребят — вышел на смотр в актовый зал в военной форме с офицерскими погонами и, главное, с орденами и медалями, настолько достоверными, что к нам подходили и трогали их. На смотре мы заняли первое место. Это увлечение Геры, нашего Левши, прошло через всю его жизнь. Окончив Ленинградский кораблестроительный институт, он многие годы трудился (и трудится до сих пор) конструктором судов в Зеленодольске (Татарстан), где помимо громадной творческой инженерной работы продолжил на более современном уровне занятия по изготовлению миниатюрных знаков отличия. Он своими руками делал уникальные, часто в единственном экземпляре, почетные знаки, вручаемые особо отличившимся сотрудникам, рабочим, юбилярам. На одной из встреч одноклассников в Москве он вручил всем **классные** значки выпускников Норильской средней школы № 1 1953 года. Прекрасные стихи, сочинения, рисунки,

фотографии и все, за что брался Гера Дмитриев, всегда было искренним, наполненным особым смыслом. Недавно на нашей встрече Гера спросил, помню ли я, как обучал его делу фотографии. Он не забыл. Пришлось напрячься и вспомнить свое увлечение. Как-то мне подарили редкую в то время вещь — фотоаппарат «Комсомолец», широкоформатный с кадрами 6×9 см. Первые уроки дали мне мамыны коллеги из рентгеновского кабинета в поликлинике. Поскольку в ту пору фотомастерских не было и химикаты для проявления и печати у нас не продавались, пришлось осваивать приготовление этих составов из отдельных составляющих, точно взвешивая их и получая требуемые растворы (например, метолгидрохиноновые). Гера внимательно все изучил и стал нашим **классным** (во всех смыслах) фотографом. Вот почему у одноклассников так много фотографий, часто одинаковых. Отец у Германа был парторгом Горстроя, очень веселым и общительным человеком, мачеха — актриса театра. В семье были еще два брата. Потом Дмитриевы переехали в Ленинград, несколько лет назад отец скончался в возрасте 90 лет. Гера разрывался между двумя городами, иногда бывая в Москве. У самого прекрасные дети Андрей и Ульяна.

*Макет памятного значка XIII выпуска Норильской средней школы № 1.
Автор — Г. Дмитриев*

Часто вспоминаю Таню Русинову — тоже нашу отличницу, строгую, немного важную, но очень талантливую девочку. Ее отец Иван Николаевич Русинов — артист, мастер художественного слова, находился в Норильске в ссылке. Мне он запомнился как диктор норильского радио, обладатель красиво-го, прекрасно поставленного голоса. Впоследствии стал народным артистом РСФСР, очень известным в Москве и России. Таня сейчас живет с семьей в Подмоскowie, иногда приезжает на наши встречи.

В 1950 году у нас в классе появился новый ученик, сразу привлечший к себе внимание несколькими необычными манерами и своеобразным акцентом, Володя Ройтер. Дружба с ним и постоянное общение в последние годы сделали наши семьи (а он еще и женился на Любе Каманиной из параллельного класса) очень близкими. Его отец Леонид Андреевич Ройтер, высококвалифицированный инженер-строитель, был арестован перед войной в Днепропетровске и сослан в Норильск. Мать с сыном немцы угнали в Германию. Им повезло: мама, работавшая ранее чертежником-конструктором, была определена в какую-то немецкую проектную контору, переведенную впоследствии в оккупированную немцами Чехословакию, где были более или менее человеческие условия. Володя учился там с 1-го по 6-й класс, а в 1950 году, когда они как-то узнали об освобождении отца, их репатриировали в СССР. Затем они добрались до Норильска. Володя сразу проявил себя в учебе, но был немного замкнут и вел себя настороженно. Очень подружился с Герой Дмит-

Володя Ройтер. Норильск, 1951 г.

риевым. Красивый, высокий парень, внимательный и доброжелательный, пользовался повышенным вниманием девочек нашего и параллельного классов. Прожив большую часть своей сознательной жизни до приезда в Норильск в другом мире, он имел подчас несколько иные взгляды на то, что происходило в нашей стране, в Норильске в частности, и делился этим далеко не со всеми. Окончил школу с серебряной медалью, поступил в Московский станкоинструментальный институт (Станкин) и по окончании его долгие годы работал в закрытых конструкторских учреждениях. Прекрасный, разносторонний специалист, очень обязательный человек и надежный друг. Его отец Л.А. Ройтер был крупным норильским строителем, под руководством которого построены десятки крупных объектов. Впоследствии он отмечен редчайшим в отечественной строительной практике званием лауреата Ленинской премии (1966 г.). Интересно, что семья Ройтеров (он, Люба Каманина и двое сыновей Андрей и Костя) жила много лет в Москве на юго-западе совсем неподалеку от нас, метрах в 800, но мы ни разу не встретились. Думаю, что Ройтеры напишут историю своих родителей сами. Прилагаю к тому некоторые усилия.

Наша новая школа в Горстрое, куда нас перевели еще в 7-м классе, поразила буквально всем — это была, как тогда воспринималось, школа будущего: прекрасные, светлые классные комнаты, широкие коридоры и лестницы, большие, высокие актовый и физкультурный залы, зимний сад с обилием цветущих растений (одновременно он служил и классом для занятий по биологии) — все это создавало и повышенный настрой, и гордость за то, что мы — ученики заполярной школы № 1.

Наши параллельные классы были всегда рядом, общение прекращалось только на время уроков. Летом классы объединялись, так как большинство отправлялось в пионерлагерь, а в 9-м классе — в комсомольский лагерь «Таежный» под Красноярском

на Енисее. Поэтому наша общность воспринималась нами и тогда, и теперь как один класс, один выпуск Норильской средней школы № 1 1953 года.

Из одноклассников ближе других был Джинар Карал-оглы, появившийся у нас классе в шестом. Удивительно веселый паренек с постоянно смеющимися лукавыми глазами, озорной, заводила — он стал любимцем всего класса, да и учителей. Несмотря на южное происхождение, он освоился в Норильске

Джинар Карал-оглы. Норильск, 1952 г.

очень быстро, увлекся спортом, даже играл вратарем в хоккей с мячом за сборную школы. Его незлые хохмы, шутки и выходки создавали в школе какой-то неповторимый дух веселья, хотя в душе Джинара всегда были мысли о близких — отце, много пережившем и оказавшемся не по своей воле в Норильске, и матери, очень красивой женщины с итальянскими корнями, с которой мы (я, супруга и дочь) познакомились много лет спустя в Сухуми, куда приехали на отдых по приглашению Джинара. После школы Джинар окончил Горный институт и более 20 лет возглавлял Сухумский морской порт. Моя дочь Галя не может забыть, как по-отечески он встретил их с Костей, молодоженов, в Сухуми, организовал часть их свадебного путешествия, отвез их на спортивную базу в Эшерах и постоянно навещался, чтобы предупредить малейшие неудобства и справиться об их отдыхе. Известные события в Абхазии прошли для него трагически, умерла мама, дом был разорен. Чудом остался жив сам. Сейчас живет с женой и дочерью в Сухуми, работает консультантом в пароходстве.

Вспоминаю колоритного и интересного Леню Когана — одного из лучших учеников, серебряного медалиста, интеллектуала, лидера класса, прекрасного шахматиста. Окончив медицинский институт, он стал через некоторое время главным врачом районной больницы в Сысерти Свердловской области. Был активным, неумным организатором здравоохранения. Однажды я разыскал его в Свердловске, будучи там в командировке. Он лежал в кардиологическом отделении больницы и был безумно рад нашей встрече. На выборах в Верховный Совет РСФСР в конце 80-х годов победил со значительным перевесом местных функционеров и стал депутатом. Был лично знаком начиная со свердловских времен с Б.Н. Ельциным. Стал одним из авторов принятого Верховным Советом РСФСР «Закона о психиатрии». Следует вспомнить, в какое время мы жили и как это силовое направление использовалось против здоровых, но неугодных режиму людей.

Леонид, душа любой компании, охотно встречался с нами, начиная еще с 1980 года. Мы, несколько норильчан, были у него в Москве на импровизированном новоселье в депутатском доме возле телецентра. Его постоянная занятость как-то отдалила его от нас, а после его отъезда к себе в Сысерть мы редко общаемся. Как нам известно, он не совсем здоров.

Из наших девушек-норильчанок больше всех мне запомнилась Вероника Пьянкова — задорная, стройная, спортивная, от которой без ума были многие ребята. Отец — бывший заключенный, затем известный в Норильске начальник химической лаборатории Н.И. Пьянков. Она поступила в МГУ на химфак. Далее я еще расскажу о Веронике.

Очень теплыми были и продолжают оставаться отношения с сестрами-близнецами Таней и Наташей Медведовскими, учившимися в параллельном классе. Не окончив 9-й класс, они уехали из Норильска после кончины родителей, тоже людей с тяжелой лагерьной судьбой. Связи с друзьями детства не теряли, и

Наташа и Таня Медведовские. Норильск, 1950 г.

мы много раз встречались в Москве, а с Таней — и в Ленинграде. Таня выпустила в 2004 году свою книгу «Горькие и сладкие времена» тиражом всего 100 экземпляров. На обложке — Т.Б. Кузнецова-Зиборовская, а для нас навсегда Таня Медведовская. Книга берет за душу откровенностью, честностью, добрыми мыслями о родителях, сестре, сверстниках. Книга о Норильске — разным, холодном и теплом, жестоким и в то же время по-хорошему памятным. Профессия Тани — художник, и именно это, по-моему, позволило ей очень проникновенно, душевно и образно рассказать о нашей норильской юности.

Наташа — очаровательная девушка, инженер-технолог, многие годы проработала в Северодвинске с мужем на судостроительном предприятии. Сейчас у нее двое детей и трое внуков. Она всегда моментально реагирует на вызовы в Москву. Очень мы все скучаем друг по другу...

Инна Юрченко. Скромная, невысокого роста, хрупкая, симпатичная девчушка из параллельного класса пережила в Норильске все то же, что и большинство из нас — и плохое, и хорошее. Очень верный и надежный друг. Инженер-химик по образо-

ванию, она возглавляет патентную службу Института физики высоких давлений в Троицке. Мы совсем случайно встретились с ней в конце 60-х годов на площадке строительства крупнейшего тогда в мире исследовательского пресса, которое вел Центракадемой. Узнали друг друга и с тех пор не теряемся. Инна — мужественный, волевой человек, кандидат в мастера спорта по альпинизму, часто работала в горах инструктором по этому экстремальному виду спорта. Практически все российские выдающиеся альпинисты ее знают и любят. Очень приятно бывать у нее на днях рождения в скромной однокомнатной квартире в подмосковном Троицке, когда без специальных приглашений собираются ее многочисленные друзья по восхождениям и просто по жизни, вспоминают, много поют под гитару. Общаясь с Инной по некоторым общим рабочим делам, я всегда вижу исключительную ответственность, требовательность к себе и другим, обязательность. Вижу предельно достойного и красивого человека. Альпинистка — и этим все или почти все сказано.

Хотел бы еще упомянуть хорошо запомнившихся мне одноклассников: Виталия Друя, Марка Лисагора, Володю Буга, Катю Федюху, Тамару Бейдер, Аллу Трошину, Нелли Рязанцеву, Бориса Каландарова, Виталия Калманкина, Володю Гольдбрейха, Женю Климовского. А в параллельном классе, кроме более подробно упомянутых выше — Юру Стеблянку, Милу Замятину, Альберта Конных, Гошу Бенкалюка, Юру Товкуна, Володю Пирогова, Нелли Пода, Нелли Леринман, Бориса Иванова, Абрама Гузмана.

В старших классах я был председателем ученического комитета школы (учкома). Как потом уже я понял, это аналог профсоюзной организации, только на ученическом уровне. Занимались разными организационными делами: дежурствами на переменах, в столовой, помогали необеспеченным школьникам, участвовали в налаживании дисциплины и порядка в школе. Конечно, это были своего рода учебные задачи,

*Вечеринка в доме Бересневых. Верхний ряд: Виктор Родионов, Дагмара Береснева, Ольга Анисимова, Эдик Николаев, Семен Калюсский, Олег Ремейко, Тамара Румянцева, Инна Пономаренко. Нижний ряд: Джим Грамп, Милада Зенгер, Борис Лисюк, Галя Зверева, Майя Борун.
Норильск, 1949 г.*

но, наверное, какие-то организационные навыки и ответственность у членов учкома воспитывались.

Почти постоянно на заседаниях учкома присутствовал директор Борис Данилович Сухомлинов (за глаза его звали Борданом, но вполне уважительно). Вот о нем хотелось бы сказать отдельно. Пришел в школу фронтовиком. Уже в Москве при встречах он рассказал о своей очень непростой судьбе. Видел настоящих врагов в лицо, а вот здесь не мог видеть в детях «детей врагов народа». Относился ко всем осторожно, бережно и не делил вверенных ему школьников на тех и других. Хотя при Норильском комбинате был политотдел, который отслеживал обстановку во всех учреждениях города, в том числе и среди молодежи. Борис Данилович был властным, но справедливым. Его и побаивались, и уважали. Никогда не

рубил с плеча, но был твердым и решительным. Его уроки химии запоминались четкостью, логикой изложения и юмором, который по мере необходимости хорошо вписывался и воспринимался как разрядка. Борис Данилович оставил память о себе как о большом педагоге с коренной педагогической фамилией. Мое более близкое знакомство с ним произошло в Красноярске, куда он прилетел вслед за мной, так как в краевом отделе народного образования надо было защищать представленных на золотую медаль кандидатов Норильской средней школы № 1 — Геру Дмитриева и меня. Было несколько томительных дней походов в краевой отдел народного образования и ожидания, пока, наконец, он не сообщил о том, что я не прошел. У меня сохранилось ощущение, что он был больше расстроен, чем я. Будучи оптимистом и стремясь как можно быстрее оказаться в Москве, зная, в конце концов, что может сработать та самая северная справка, я как-то воспринял его сообщение без эмоций и особой обиды. Впереди была другая жизнь, а подготовку мы, выпускники этой школы, получили очень приличную. Потом Борис Данилович перешел на преподавательскую работу в Норильский институт, стал профессором. Но с огромным удовольствием приезжал на наши встречи в Москву, где разговаривал и общался с нами как с равными, просто с друзьями помоложе, остро сопереживал, шутил, был простым и доступным. Несколько раз был у нас дома.

Наше общее мнение — самой любимой нашей учительницей в 5–7-х классах была и осталась Александра Дмитриевна Илюшина, наш классный руководитель и учитель математики. Совсем недавно узнал от нее, что она ростовчанка, окончила институт в Ростове. Красивая, статная, молодая женщина (только недавно мы узнали, что она всего-то лет на 15 старше нас). Она создала дружный (до сих пор!) коллектив. К каждому из нас в непростых ребячьих ситуациях находила подход, вызвала полное доверие. Хорошо знала родителей и общалась с ними,

Александра Дмитриевна Илюшина — наш классный руководитель, преподаватель математики. 1948–1950 гг.

не вызывая их во всеуслышанье, если кто-то из нас того заслуживал. В этих классах закладывается, как мне кажется, механизм математического мышления, логика решения задач. Все это подавалось Александрой Дмитриевной на самом высоком педагогическом уровне. Мы чувствовали особое, тонкое отношение классного руководителя к нам, подросткам, и отвечали ей тем же.

Мы выросли, у нас дети, внуки, и увидели сами, как порой сложно проходит подростковое возмужание. Нам повезло: в нашей жизни был удивительно теплый, тактичный, но в то же время твердый человек, с убеждениями и волей. Александра Дмитриевна знала все о наших родителях и близких. У меня сохранились в памяти эпизоды моего подросткового периода, когда она, хотя не все было гладко в классе, тактично, учитывая самолюбие и состояние подростка, мягко и убедительно улаживала непростые ситуации. В старших классах она у нас не преподавала, но неподдельно интересовалась нашими делами, сопереживала на выпускных экзаменах, всегда пом-

нила и любила свой класс. Потом мы встретились в Москве, она была счастлива, буквально светилась, увидев нас повзрослевшими и самостоятельными. Мы с Лелей Мансуровой приезжали к ней как-то домой в г. Пушкино. Она тепло принимала нас вместе с мужем, Владимиром Николаевичем Егоровым, видным в прошлом норильским геологом, лауреатом Ленинской премии. К сожалению, его вскоре не стало. Даже когда Александре Дмитриевне было много лет и часто нездоровилось, она многим из нас звонила в дни рождения, поздравляла, расспрашивала, все хорошо помнила. Была очень дружна с семьей Тани Русиновой.

Совсем недавно Александра Дмитриевна ушла из жизни. Мы, несколько ее учеников, проводили ее в последний путь. Светлая память о замечательном человеке и педагоге сохранится в наших сердцах.

Хорошо помню нашего классного руководителя в последних классах Лидию Васильевну Бузунову, учительницу по русскому языку и литературе. Совсем молоденькая, с институтской скамьи, она неожиданно быстро завоевала авторитет в наших классах великолепным знанием предмета, умением увлечь нас настоящей литературой, профессиональным отношением к русскому языку. Она живет в Новосибирске и однажды выбралась к нам на встречу. Была, как мне показалось, поражена тем, что ее по-прежнему помнят и любят.

Приезжали к нам на встречу и Августа Александровна Федотова из Киева, учительница физики, и Нина Ивановна Голубцова, учительница английского языка. Наверное, в нашем выпуске было что-то такое, что влекло в нашу, уже взрослую, команду этих немолодых учителей.

Очень памятными были летние ежегодные поездки заполярных школьников на теплоходах по Енисею в прекрасный пионерский лагерь на юге Красноярского края — любимое детище Норильского комбината. Красивейшие просторные деревянные дома-терема неподалеку от Енисея, громадные костры по празд-

ничным вечерам, стадион с горячими футбольными битвами, купание в Енисее, большущая шумная столовая — все это запомнилось, как детская сказка.

Пионерские лагеря были отдельные — для девочек, для мальчиков и для малышей. Выезжали практически на все лето — с июня до середины августа.

После 7-го класса несколько школьников-комсомольцев, в том числе и я, были направлены в «Таежный» в качестве помощников вожатых. Этот сезон запомнился тем, что футбольная команда помощников вожатых, в которой я выступал вратарем, в красивом матче победила сборную пионерлагеря, а я взял два (!) пенальти.

В 9-м классе в 1952 году на базе дома отдыха «Таежный» был организован комсомольский лагерь, памятный своим свободным режимом, спортом, ежедневными танцами, походами и другими приятными мероприятиями.

ЗАПОМНИВШИЕСЯ ФАМИЛИИ СТРОИТЕЛЕЙ

Через Норильск прошло много выдающихся, неординарных, интересных людей. Юношеская память на удивление стойкая, потому что в молодые годы в человеке закладывается его будущая основа, формируется стержень. Следствие этого процесса — неизгладимая память о том, что ты жил среди этих людей, с кем-то соприкасался, кого-то видел издали, о ком-то слышал добрые слова.

Не хотелось бы повторять то, что написали в воспоминаниях «О времени, о Норильске, о себе...» мои сверстники и сверстницы о нашем незабываемом окружении, о достойных и недостойных людях, которые им запомнились, и о многих, которых я тоже помню. С большим интересом и вниманием прочел честные и берущие за душу воспоминания Е. Грампа, И. Домаревой, М. Борун, Н. Леринман, Е. Верного (он — одноклассник моей сестры Ангары), Б. Антонова, И. Евзеровой, Б. Лисюка, Ю. Захарова, Е. Мансуровой, Н. Бычкова. Их ощущения, мысли, оценки

*В комсомольском лагере. Дом отдыха «Таежный».
Красноярский край, 1952 г.*

даже в деталях мне очень близки. Спасибо, друзья, за коллективно поднятый целый пласт нашей общей норильской юности.

Хотелось бы привлечь внимание читателей к некоторым запомнившимся мне фамилиям норильских строителей. К людям этой профессии, их деятельности и судьбам всегда отношусь особенно внимательно по понятным причинам, даже считаю их людьми особого сорта.

В 9-м классе я начал задумываться о том, кем быть. Сразу пришлось отсеять те вузы, в которые поступать в силу биографии было нельзя. Таких вузов в Москве было около десяти. Был уже подготовлен к подобной ситуации: нам рассказывали старшие об одном нашем норильском медалисте из предыдущих выпусков, поступившем в МГУ и скрывшем, что его родители были репрессированы. На третьем курсе он был отчислен, как говорили, с волчьим билетом. Это был назидательный пример.

Одним из возможных вузов для меня являлся Московский инженерно-строительный институт им. В.В. Куйбышева. К идее поступить в этот институт подтолкнул друг нашей семьи Леонид Артемьевич Пода — главный инженер Горстроя, очень известный в Норильске человек. Он часто бывал у нас дома, очень тепло ко мне относился, был видным, красивым человеком, прекрасным спортсменом. Мне он очень нравился. То, чем он занимался, говорило само за себя. Горстрой ассоциировался с великолепной площадью Ленина и несколькими кварталами многоэтажных жилых домов с красивыми фасадами и со всеми удобствами, нашей великолепной школой. В этой основательной застройке виделось будущее большого города, удобного и привлекательного. Леонид Артемьевич говорил, что для поступления в МИСИ надо специально готовиться. В отличие от ряда других технических вузов там необходимо было сдавать экзамены по черчению и рисованию. С черчением у меня не должно было быть проблем, а по рисованию следовало бы взять несколько уроков у специалистов. Леонид Артемьевич посоветовал пойти во Дворец пионеров и, не стесняясь, посидеть за мольбертом рядом с пионерами, получить начальные профессиональные навыки. Он переговорил с руководителем кружка, меня тепло приняли, и я неплохо освоил необходимые начальные приемы технического рисования.

Леонид Артемьевич повозил меня по стройкам, показал, что возведение зданий — это многотрудное дело: здесь надо владеть секретами многих профессий и суметь все это организо-

*Леонид Артемьевич Пода.
Норильск, 1952 г.*

Нелли Пода. Норильск, 1953 г.

вать в единую технологию. Особенно трудно строить на Севере, на вечной мерзлоте. Он объяснил мне, почему произошла взволновавшая Норильск авария на строительстве Большой обогатительной фабрики (БОФ), когда обвалилась торцевая кирпичная стена громадного здания, которое было видно всему городу. Образовался большой зияющий черный проем. Леонид Артемьевич рассказал, что кладка стен велась вполне допустимым методом замо-

раживания. Однако последующее оттаивание здания изнутри искусственным теплом было организовано неправильно. Я читал его статьи в местной газете о строительстве в Норильске и понял, что это — мое. Поэтому других вариантов я не рассматривал.

Всегда вспоминаю Леонида Артемьевича Поду. Недавно о нем написала мне его племянница Нелли Пода, тоже выпускница нашей школы 1953 года. Она училась в параллельном классе и была потрясающе красива.

Леонид Артемьевич родился в 1910 году в Харбине, где семья жила с начала столетия до 1931 года. В эти края предки семьи, переселенцы с Украины, попали из Хабаровской губернии. Отец работал в железнодорожных мастерских, обслуживавших КВЖД. После известных событий на границе Китая и СССР русские вернулись на Родину. Семья получила жилье в Москве (Кунцево). Отец, убежденный член партии, стал работать в Наркомате торговли, а Леонид стал студентом строительного института. В ноябре 1937 года отца и сына арестовали. Это типичная история русских харбинцев. Так Л.А. Пода попал в Норильск. Пройдя

лагерь, не потерялся и стал одним из видных руководителей норильского строительства. Нелли пишет: «О событиях после 1937 года в нашей семье не говорили. Табу!» После реабилитации он уехал из Норильска и долгие годы работал руководителем строительной организации в Кисловодске.

В 1966 году я узнал, что группе строителей Норильска (11 человек) присвоена впервые в отечественном строительстве Ленинская премия — высочайшая награда по тем временам. Они были награждены за внедрение прогрессивных индустриальных методов при строительстве комбината и города. Подчеркиваю — строительство в экстремальных северных (и политических!) условиях, на вечной мерзлоте, практически в голой тундре, оторванной от путей сообщения. Все — с нуля, с Нулевого пикета.

Читаю в прессе знакомые фамилии: Л.И. Анисимов, М.А. Битадзе, Б.В. Ермилов, А.И. Зайдель, М.В. Ким, В.Н. Коляда, Н.Н. Лазарев, Д.М. Муравьев, В.С. Непокойчицкий, Л.А. Ройтер, И.Я. Эпштейн. Некоторых из них я знал лично.

Это — выдающиеся специалисты, зодчие с большой буквы, и в то же время **большинство из них — бывшие заключенные Норильлага**. Еще один парадокс отечественной истории XX века.

ПАМЯТНЫЕ ЗАМЕТКИ О СПОРТИВНОЙ ЖИЗНИ

Пишу только о том, что видел сам и знаю не понаслышке.

Первый спортивный зал, не больше нынешних типовых школьных, за такой же небольшой гостиницей на Октябрьской улице был в Норильске в конце 40-х годов единственным. В нем кипела спортивная жизнь: волейбол, баскетбол, борьба, штанга и даже легкоатлетические соревнования.

Запомнилась красивая чашка с золотой надписью: «Победителю эстафеты» — приз, который завоевала сестра Ангара в 1945 году, когда десятиклассницей участвовала в легкоатлетических соревнованиях.

Она получила ее из рук самого Андрея Петровича Старостина.

Стадион располагался также на Октябрьской улице напротив ДИТРа и Управления комбината. За ним находилась промзона с первым никелевым заводом. В короткое летнее время на тяжелом каменистом поле без единой травинки шли ожесточенные футбольные баталии, часто заканчивавшиеся за полночь: солнце за горизонт не уходило.

Победное турне московского «Динамо» в Англию в 1945 году, эмоциональные радиорепортажи Вадима Синявского, многократно просмотренный фильм «19:9» вызвали огромный интерес и любовь к этой игре у многих сверстников на всю жизнь. Почему-то кажется, что в далеком северном Норильске футбол воспринимался как особый вид спорта, связанный с очень известными спортсменами.

Позже ближе к Горстрою было пристроено второе футбольное поле с трибунами. Зимой поле заливали и играли в хоккей с мячом. Но все-таки холод и частая пурга делали свое дело, и спортивная жизнь затихала. Огромный всплеск интереса к массовому спорту произошел в конце 40-х годов, когда был построен новый спортивный зал, на то время один из самых больших в стране. Мне запомнились размеры 40×25 м, помню неширокие, в два-три ряда трибуны на уровне второго этажа. По торцам были трехэтажные пристройки. С одной стороны располагались раздевалки, тренерские комнаты и помещения администрации, с другой — буфет, шахматный клуб, бильярдная и помещение для настольного тенниса.

Зал стал местом паломничества молодежи и всех, кто хотел заниматься спортом или просто смотреть на тренировки и многочисленные соревнования, проводившиеся с раннего утра до позднего вечера.

В зале были оборудованы волейбольные и баскетбольные площадки, теннисный корт с тренировочными стенками. Был отведен уголок для борцов и штангистов.

Поразили меня впервые увиденные занятия и соревнования теннисистов. Красивые ракетки, мячи, белые костюмы, странная система счета. Руководил секцией высокий стройный человек, как говорили, чемпион довоенной Латвии по фамилии Рамунас (з/к). Помню частых участников соревнований — главного архитектора В.С. Непокойчицкого и Н.Н. Успенского. Страстно захотел научиться. Поскольку у нас дома часто собирались гости-спортсмены, то вскоре мне подарили настоящую ракетку. Я стал ходить на занятия, сначала тренировался у стенки и скоро стал играть уже через сетку. Получалось, как говорил тренер, неплохо.

В это же время была организована футбольная секция. Главным тренером стал знаменитый Андрей Петрович Старостин, а его правой рукой — Станислав Николаевич Леута. Мы, мальчишки, конечно, знали, что эти легендарные люди — игроки сборной СССР и московского «Спартака», а ныне расконвоированные з/к. В небольшом справочнике конца 30-х годов, переходившем из рук в руки, прочли, что А.П. Старостин был капитаном сборной страны и был награжден редким тогда орденом «Знак Почета», как и ряд других знаменитых футболистов. Мои друзья, записавшиеся в футбольную секцию, уговорили меня бросить этот «аристократический» теннис и начать серьезно заниматься футболом. Самым активным и азартным футболистом был Юра Стеблянко. Я не устоял и стал ходить в футбольную секцию. Конечно, приятно было «постучать» мячом по воротам, которые были обозначены на огромной сетке, спускавшейся на время занятий на всю ширину зала от самого потолка. Но не тут-то было. Станислав Николаевич заставлял серьезно заниматься общефизической подготовкой. Сначала это были длительные непростые упражнения для пресса, ног, а завершалось все бегом по лестницам пристроек вверх-вниз и по этажам. Безумно уставали, но все-таки удовольствие получали огромное. Старостин и Леута были непререкаемыми

авторитетами не только для пацанов, но и для взрослых футболистов.

Соревнования на стадионе были нешуточные, проходили очень живо, при большом стечении зрителей. Хорошо помню, что были команды энергетиков, металлургов, строителей, команда под названием ОЧО (оперативно-чекистский отдел) и еще ряд других. За команду энергетиков в воротах стоял з/к Валентин Буре — тоже легендарный человек, в прошлом вратарь сборной СССР по водному поло. Помню его с двумя мальчишками на руках: это были впоследствии знаменитые пловцы Алексей и Владимир. Фамилия Буре была известна многим еще по марке настенных часов.

Помню таких известных норильских футболистов, как О. Подколзин, з/к Цих (говорили, что он австриец), Лепин, Жаров, Лобов, Бузунов. Блистал, к нашей гордости, юный Юра Стеблянко. Не забуду, как в матче за Кубок «Динамо» он прорвался к воротам противника, против него грубо сыграл защитник. Падая, забил решающий гол. Его унесли на носилках со сломанной рукой, но как героя!

Помню других известных спортсменов: з/к С.А. Рождественский, з/к Л.А. Пода, з/к Н.Н. Успенский, з/к Б. Лидерман (волейбол), Балло (легкая атлетика).

*Сборная футбольная команда пионерлагеря «Таежный».
Справа — капитан команды Юрий Стеблянко, крайний слева —
Олег Ремейко, рядом с ним — Альберт Конных*

Помню громадного тренера-эстонца, по имени Альфред (з/к), который занимался с борцами.

Первые уроки по настольному теннису, которым увлекся на всю жизнь, я получил от венгра, как говорили, 3-й ракетки довоенного Будапешта. Фамилию не помню.

Вот такой живой норильский спорт остался в памяти.

Помню организаторов спорта в Норильске Д. Муравьева, впоследствии начальника Горстроя, з/к Павла Павловича Тикстона, в прошлом одного из организаторов общества «Спартак». С ним и его супругой долгие годы дружила мама.

Спорт в Норильске поддерживался лично руководителями комбината А.А. Панюковым и В.С. Зверевым, и его роль в воспитании молодежи и сглаживании суровой норильской действительности была огромна.

Помню, как в начале 50-х годов, когда начались новые репрессии, многих бывших з/к высылали из Норильска, А.П. Старостин и С.Н. Леута на время исчезли из вида, перестали свободно передвигаться

Хоккейная команда Норильской средней школы № 1.

Слева — капитан команды Юрий Стеблянко, рядом с ним — вратарь Джинар Карал-оглы. 1952 г.

по Норильску. Поговаривали, что Старостин и Леута тренируют венгерскую команду з/к на Кайеркане. Наверное, это байки, но то, что этих уникальных людей примерно таким образом сохранили руководители комбината — это факт.

Помню выезд норильской футбольной команды с участием з/к Старостина в Красноярск на краевые соревнования и срочное возвращение его в машине директора комбината в распоряжение пионерлагеря «Таежный» (80 километров от Красноярска по Енисею), так как в Красноярске по этому поводу возникли большие неприятности.

Однажды П.П. Тикстон и Л.А. Пода, многолетние друзья нашей семьи, пришли к нам в гости с А.П. Старостиным. Я, ученик 8-го класса, был поражен культурой, манерами и остроумием Андрея Петровича. Это был очень интересный человек, не сломленный тяжелейшими испытаниями.

После Норильска А.П. Старостин достойно представлял наш отечественный футбол на международных соревнованиях, будучи начальником сборной команды СССР.

НОРИЛЬСК И ШАХМАТЫ МОЕЙ ЮНОСТИ

Высокий интеллектуальный уровень людей, оказавшихся в Норильске, и долгая полярная ночь способствовали, по моему убеждению, бурному развитию шахмат.

Я познакомился с этой древней игрой где-то в 3–4-м классе и увлекся на всю жизнь. Помню тихие комнаты в ДИТРе, где за специальными шахматными столиками сидели партнеры самого разного возраста, передвигали фигуры и щелкали кнопками деревянных часов с двумя циферблатами и еле заметными красными флажками, поднимавшимися и падающими при строго вертикальном положении минутных стрелок.

Обстановка завораживала, позволяла сосредоточиться, вникнуть в ситуацию на доске, наблюдать за

торжествующим или расстроенным выражением лиц партнеров, особенно в острые моменты атак, явных зевков и внезапных падений флажков.

Соревновательный дух шахмат стал постоянно сопровождать меня и моих сверстников — в школе, в пионерском, а позже в комсомольском лагере и далее по жизни.

Я регулярно стал заниматься и играть в турнирах с 1949 года, когда был введен в эксплуатацию большой спортивный зал на Октябрьской улице, на втором этаже которого были хорошо оборудованные шахматным инвентарем, вплоть до большой демонстрационной доски, три большие комнаты. Инструктором был энтузиаст Николай Агапов (з/к), который любовно создал атмосферу, погружающую в мир шахмат. Прекрасно оформленные им стенды и таблицы мировых турниров и местных соревнований, вплоть до турниров на 4–5-й разряд, то есть практически для начинающих, чистые столы и фигуры, всегда работающие шахматные часы, доброжелательность по отношению к любому вошедшему, желание всегда помочь, ответить на любой шахматный вопрос — все это сохранилось в памяти и связано с образом Николая Агапова, человека в неказистой серой одежде с прической «ежик», первого руководителя шахматной жизни Норильска и моего первого шахматного наставника. К 7–8-му классу я играл уже прилично, хотя и не был в числе норильских шахматных фаворитов.

Сестры присылали мне интересную шахматную литературу.

Сохранились в памяти фамилии ведущих игроков Норильска, известных всему городу, в большинстве своем оказавшихся в этих местах не по своей воле. Периодически становились чемпионами Норильска или призерами Сомин, Гринберг, Габович, Беркович, Георгобиани, Бездилько — люди высокой шахматной и человеческой культуры. Из старших школьников, участвовавших в первенствах Норильска, помню кандидатов в мастера спорта Рената Зинюка и Николая

Майдурова. Помню активного участника шахматных турниров — з/к Давида Кугультинова, колоритного, веселого калмыка, впоследствии известного поэта. Позже шахматным инструктором стал кандидат в мастера спорта Заливин, тоже увлеченный человек, приехавший, кажется, из Красноярска, который поддерживал и развил высокий организационный уровень норильских шахмат. Турниры, командные соревнования, сеансы одновременной игры привлекали в шахматную секцию людей, поднимали престиж игры и, что особенно было приятно, авторитет совсем молодых шахматистов. У меня сохранился диплом призера конкурса сеансеров, помню, что была вручена даже первая в моей жизни денежная премия.

Запомнилась громкая победа команды школы № 1 в Кубке Норильска — это было в 1951 году. Мы в финале неожиданно для шахматной общественности при большом стечении зрителей победили команду, в состав которой входили некоторые из упомянутых выше ведущих игроков города. А в нашей команде играли Ренат Зинюк, Николай Майдуров (выпускники 1951–1952 годов), Леонид Коган, Олег Ремейко, Виталий Друй, Марк Лисагор (выпускники 1953 года) и др. Мне удалось тогда победить одного из самых

Ведущие шахматисты школы: Виталий Друй, Леонид Коган, Олег Ремейко. Норильск, 1952 г.

сильных шахматистов Норильска — самого Сомина. С огромным удовольствием мы вошли на следующий день в кабинет директора школы Бориса Даниловича Сухомлинова и вручили ему завоеванный школьниками кубок победителей абсолютно взрослых соревнований. Борис Данилович был поражен, обрадован и тепло нас поздравил.

В нашем заполярном шахматном клубе его члены и посетители подробно информировались о шахматных событиях: матчах на первенство мира, международных турнирах, чемпионатах СССР. Повсюду висели красочные, динамичные таблицы, фотографии, вырезки из газет.

Вспоминаю, как по рекомендации шахматной секции Норильска меня в 1952 году направили во Дворец пионеров вести шахматный кружок. Это был мой первый педагогический опыт. Почти год я регулярно вел занятия с ребятами 9–12 лет. Старался увлечь их разбором коротких победных партий мастеров, быстро выигрывающимися дебютами, решением шахматных задач и этюдов, учебными партиями.

Много лет спустя, примерно в 1968 году, будучи на банкете по поводу защиты диссертации моего институтского друга, я оказался за столом рядом с бывшим деканом факультета ПГС («Промышленное и гражданское строительство») МИСИ им. В.В. Куйбышева, профессором архитектуры В.А. Вольновым, в ту пору директором НИИмосстроя.

В разговоре выяснилось, что профессор хорошо помнит меня и обстоятельства моего приема в 1953 году в МИСИ. Таковых, по его воспоминаниям, было четыре: «Во-первых, вы приехали из заполярного Норильска, во-вторых, вы очень хорошо сдали экзамены, хотя могли бы быть приняты в МИСИ с тройками по северной справке, в-третьих, у вас были большие проблемы с родителями, а в-четвертых, за вас пришли просить ребята из спортклуба и комитета комсомола, кажется, вы были им необходимы как высококвалифицированный шахматист. Правильно?» Я был по-

ражен таким вниманием к моей персоне и памятью бывшего декана.

Шахматы в институтские годы были для меня очень значимы: я возглавлял три года шахматную секцию института и играл за команду МИСИ на второй доске в многочисленных московских вузовских соревнованиях. Однажды на личном турнире, в котором я участвовал, в Центральном шахматном клубе на Гоголевском бульваре ко мне подошел на удивление знакомый человек. Это был Сомин — неоднократный чемпион Норильска по шахматам. Мы разговорились и тепло вспомнили бурную шахматную норильскую жизнь.

В НОРИЛЬСКЕ СПУСТЯ 33 ГОДА

После окончания института в 1958 году я был распределен в Центракадемстрой АН СССР. Начиная мастером. Прошел в этой отличной организации практически все ступеньки строительной лестницы: работал производителем работ, начальником участка, главным инженером строительного управления, главным инженером завода строительных изделий, заместителем главного инженера и заместителем начальника Центракадемстроя. В последние годы руководил работами по развитию строительного и заводского производства.

С большой благодарностью вспоминаю многих больших ученых Академии наук, с которыми довелось достаточно близко общаться, моих учителей и коллег по строительному делу. Но это — уже тема другого повествования.

В 1986 году заместитель президента АН СССР по строительству Николай Викторович Поппель — норильчанин, бывший заместитель директора Норильского комбината по строительству, одним из приоритетных направлений своей работы определил развитие и обновление производственной базы Центракадемстроя. Он пригласил из Норильска на должность главного инженера Центракадемстроя

Анатолия Ивановича Тарасишина — бывшего директора Норильского домостроительного комбината, достаточно молодого человека и опытного специалиста, приехавшего в Норильск, кажется, в 70-х годах, окончившего Норильский институт. Для ознакомления с опытом индустриального домостроения в Норильске Н.В. Поппель направил в 1986 году начальника Центракадемстроя Геннадия Ивановича Соловьева, А.И. Тарасишина и меня в командировку. Согласитесь, редко кому удастся спустя 33 (!) года оказаться там, где прошли школьные годы и многие врезавшиеся в память события.

Я понимал, что окажусь в другом городе, резко увеличившем свои производственные мощности и границы. Всегда заинтересованно следил за новостями из Норильска, за тем, что появлялось в печати, на экране телевизора.

Июль. Самолет подлетает к Норильску. Ясное небо, из иллюминатора прекрасный обзор лесотундры, озер, рек, редких лесов. Вот уже видны очертания города, дома, промышленные предприятия, трубы, дороги, окружающие горы. А.И. Тарасин обращает внимание на необычную в это бурно цветущее заполярное лето окраску растительности, окаймляющей город. Замечаю хорошо видимый сверху постепенный переход от темно-зеленой окраски к серо-желтоватой вокруг города и его пригородов. «Если удастся, — говорит А.И. Тарасин, — эту смену окраски природы я покажу вам на земле позднее». Современный аэропорт Алыкель. Перед выходом из самолета — тщательная проверка документов пограничниками. Город закрыт, без спецпропуска попасть в него нельзя. Выходим из самолета. В нос ударяет едковатый запах сернистого газа. Пройдет еще несколько часов, пока организм адаптируется к этой новой среде. Поселились в гостинице, находившейся неподалеку от площади Ленина. Шефство над нами взял Володя Гольдбрейх — заместитель директора ДСК и мой одноклассник, оставшийся в

Норильске. Пока мои коллеги отдыхали, мы с Володиной проехали по запомнившимся дорогим мне местам. Вообще сразу возникло ощущение цейтнота: так много хотелось посмотреть, а командировочного времени было явно недостаточно. Кое-какие записи о поездке в Норильск-86 у меня сохранились. Наверное, стройного изложения не получится, потому что слишком разные впечатления остались.

Старая часть города. Едем по Октябрьской улице мимо озера Долгое, родного большого спортзала и гостиницы, старого стадиона, здания ДИТРа, далее по Заводской улице. Стоп... А ведь наш бутовый трехэтажный дом стоит! Правда, с заколоченными окнами, значит, уже не жилой, наверное, подлежит сносу. Старые дома на Заводской сохранились. Поворачиваем на Горную улицу к Нулевому пикету. Здесь в обновленном домике, с которого начинался Норильск, расположен музей. Нам показывают подсвеченный, красиво выполненный макет большого малознакомого города с современной планировкой улиц и площадей. Вот площадь Ленина (начало Горстроя!), вот Гвардейская площадь, овальная в плане — она только начинала застраиваться в 1953 году. Слева, в глубине от площади Ленина, школа № 1. Остальная, гораздо большая часть города — новая, неведомая. Возвращаемся. Останавливаемся возле спортивного зала. Работает. Идет тренировка баскетболистов. Знакомый гулкий стук мячей. Поднимаемся на второй этаж. Заглядываю с волнением в шахматный клуб. Все на месте: шахматные столики, расставленные фигуры, на стенах таблицы турниров. Жизнь продолжается.

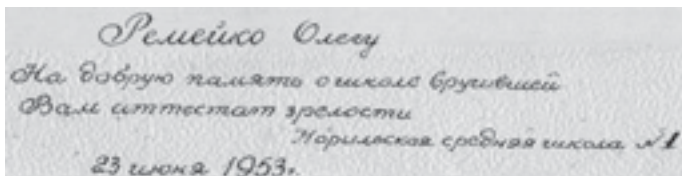
Школа. Она, построенная в 50-м году, осталась в памяти как место, где все было очень продумано: светлые классы и кабинеты, широкие коридоры, высокий и просторный актовый зал со сценой на втором этаже, зимний сад на четвертом этаже, спортзал, буфет-столовая, мастерские. Думаю, что и сегодня такой набор помещений во многих провинциальных школах не часто увидишь. В эти дни в школе прово-

*Норильская средняя школа № 1, во 2-й класс которой
я поступил в 1944 г.*

Новая школа. 1953 г.

дился ремонт. Но все оказалось на месте. Молодая директриса с удивлением посмотрела на «ископаемых» выпускников 53 года. Разговорились. Она показала визитки многих выпускников, посетивших школу в 1985 году, — в тот год в Норильске отмечался 50-летний юбилей комбината и было много гостей. Оставил свою. Походили по этажам. Возле входа в актовый зал вижу доску медалистов. 1953 год — золотые медали: Герман Дмитриев (мой близкий друг и одноклассник) и... Олег Ремейко. Не может быть! Да, в школе меня выдвинули на золотую медаль, но в Красноярске после недельного рассмотрения письменных работ по литературе и математике в краевом отделе народного образования в медали отказали, исправив норильские пятерки на четверки. Потом, много лет спустя, в Москве директор школы Борис Данилович Сухомлинов поведал, что ему назидательно сказали: «Ты кого с такой биографией привез на золотую медаль? Ты что, с ума сошел?» Было приятно в Норильской школе № 1 спустя 33 года увидеть свою фамилию...

Цель командировки. На следующий день мы с коллегами посетили ДСК, его цехи и некоторые строящиеся объекты. Комментарий давал А.И. Тарасшин. Проблема скоростного строительства жилья в Норильске была решена с созданием и развитием домостроительного комбината и выбором гибкой проектной системы. Комбинат в тот период строил примерно 200 тысяч квадратных метров жилья в год. Это были в основном 12-этажные панельные дома, на базе которых осуществлялась застройка микрорайонов с учетом заполярной специфики (почти замкнутые дворовые комплексы помогали в борьбе с ветром и норильской пургой, и проветриваемые техподполья открывали зимой и закрывали летом во избежание отогрева вечной мерзлоты).

Заводское производство, работавшее в две-три смены, располагалось в утепленных сборно-разборных ангарах. Бросалось в глаза предельное использование площадей, свободных почти не было.

В короткие летние периоды рабочие трудились на отделке фасадов, которые окрашивались специальными морозостойкими скандинавскими составами в яркие контрастные цвета, функционально необходимые на севере.

А.И. Тарасишин рассказал, что качество строительства в последние годы оставляло желать лучшего. Были случаи, когда ряд многоэтажных панельных зданий приходилось расселять, а некоторые — даже разбирать. Произошло это, по его мнению, из-за сокращения объемов инженерно-геологических изысканий под каждое строящееся здание. Лучшие инженеры-мерзлотоведы разъехались, служба эта ослабла. А грунты в Норильске неоднородные, часто с включением крупных ледяных линз. В результате стали нередкими осадки построенных зданий.

Большое впечатление произвели промышленные гиганты, новый город-спутник Талнах.

Спорткомплекс «Арктика», музыкальная школа, Дворец культуры стали украшением города, а вот массовая застройка носила следы какой-то некапитальности. Наверное, время и социальная среда оставляют на многие годы совершенные или не очень каменные отпечатки, и не только в Норильске. А.И. Тарасишин рассказал о принятой в послелагерном Норильске довольно строгой системе приема и увольнения, что способствовало поддержанию порядка и трудовой дисциплины.

О лагерях, жертвах и порядках того страшного времени почти не говорили. Это была какая-то давно уже не актуальная тема, каких-либо памятных знаков в советском городе-комбинате я не видел. Разговоры больше шли о высокой и более высокой зарплате, надбавках, выездах на материк для отдыха в Сочи, Подмосковье и за рубеж, перспективе отъезда и устройства на хорошую работу в ближайшем будущем. Это были в общем-то нормальные, но уже другие люди, без тяжелых комплексов и корней, воспитанные на иных ценностях. Я не критикую, просто констатирую.

Шмидтиха. Одним из сопутствующих командировке моментов было острое желание моих коллег попасть на рыбалку примерно за 100 километров на озеро Собачье, куда можно было подняться против течения по мелководным речкам на катере именно во второй декаде июля, когда уровень воды из-за таяния снегов поднимается. Это привело нас в выходной день на базу механизации и автотранспорта, расположившуюся рядом с горой Шмидтихой, как повелось ее называть.

В детстве, когда мы, ребята, старались исследовать любые доступные уголки нашего поселения, это было нежелательное, даже зловещее место для прогулок: здесь находилось городское кладбище, где хоронили и вольнонаемных, и заключенных. Иногда хоронили с музыкой, и она слышалась даже на улице. Часто слышались обычные для Норильска взрывы: таким образом в скалистом грунте устраивались могилы. Заключенных часто хоронили не в гробах, а просто завернутыми во что-то матерчатое.

После часового хождения вдоль и поперек по бетонной площадке базы вдруг понял, что **кладбища-то не стало! Оно — под бетоном.** Стало как-то не по себе, тем более что за несколько дней пребывания в Норильске я не увидел никаких признаков или знаков покаяния. Видимо, волна «Мемориала» до Норильска тогда еще не докатилась. Опять-таки это — мое личное восприятие: я ведь ни у кого не спрашивал, просто смотрел...

Вечером у меня была возможность оказаться наедине с Громченко, руководителем базы. Я спросил, знает ли он, что находится под бетонным покрытием территории его базы. Он ответил: «Да». Строил эту базу сам. Было такое указание. Когда бульдозеры выравнивали площадку, снаружи оказались те самые, кого здесь хоронили: в вечной мерзлоте их останки хорошо сохранились. Механизаторы прекратили работу. Они-то, живые люди, видели, что совершается что-то нехорошее. «Но ты же понимаешь, что

на севере все решает рубль, подняли расценки и довольно быстро все было кончено», — завершил рассказ Громченко.

Эта дикость осталась самым тяжелым воспоминанием о Норильске. Я ведь видел в школьные годы, как сюда свозили людей для захоронения. Не знаю, сколько там их погребено, но думаю, что несколько сотен тысяч. Вот такая циничная, неведомая миру братская могила получилась.

Вспомнил свою первую зарубежную поездку в ГДР в начале 70-х годов. Группа (около 30 человек) состояла почти целиком из центракадемстройцев. Нас привезли в Бухенвальд. Там погибло примерно 60 тысяч узников. Но весь комплекс этого лагеря смерти был фактически сохранен как памятник-покаяние немецкого народа за жуткие преступления своих нацистских правителей. Тщательно выровненные площадки бывших барачных с посыпкой белого и черного щебня, таблички, сохраненное как музей здание крематория со всеми атрибутами, вплоть до детской обуви, ворота с известной надписью «Каждому — свое». Наказание потомкам. Сравнил. У нас — ничего подобного...

Очень тягостное впечатление на всех произвела эта история, рассказанная мной через год на очередной встрече одноклассников и учителей. У некоторых из них под Шмидтихой были похоронены родные, близкие и просто знакомые... Не знаю, что изменилось в Норильске сейчас... Слышал, что построен храм, а на месте захоронений — часовня...

Через несколько дней, проезжая по одной из новых норильских улиц, остановились у громадного камня-валуна, установленного посреди сквера. На нем была выбита надпись: «Здесь будет установлен памятник комсомольцам, приехавшим строить город Норильск в 1954 году». Комсомольцы, массово приехавшие в Норильск после ликвидации Норильлага, конечно, за свой труд заслуживают и памятника, и памяти.

Вспоминаю многочисленные высказывания людей, переживших норильский ГУЛАГ: Норильск построен на костях заключенных. Опираясь на собственные впечатления 1944–1953 годов и на то, что известно теперь, могу утверждать: **это высказывание буквально.**

Недавно, после смерти Георгия Степановича Жженова, телевидение повторно показало кадры его последнего посещения Колымы и Норильска. Я не видел сам кадры о Норильске, но друзья рассказали о большой работе, сделавшей Шмидтиху памятником вселенского масштаба. По словам недавно вернувшегося из Норильска Евгения Бунимовича («Новая газета», № 88, 20.11–22.11.2006 г.), это «не общий мемориал, а по отдельности. Литовцам. Евреям. Полякам. Православная часовня». Автор называет это «Норильской Голгофой». Ссылаясь на рассказ экскурсовода, отмечает, что в городе до сих пор нет музея жертв репрессий. И все-таки надо поклониться людям, которые как-то исправили оскорбительную, нелепую акцию ликвидации кладбища, где похоронены те, кого привезли строить Норильск.

Другие впечатления о Норильске-86.

Запомнилась встреча в доме Юры Стеблянка, моего друга аж с 1944 года. Собрались друзья, пришла его сестра Луиза, Альберт Конных — тоже выпускник Норильской средней школы № 1 1953 года. Юра после окончания школы и Харьковского строительного техникума вернулся в Норильск и много лет работал производителем работ в ремонтно-строительной службе комбината. Собирал норильские значки — в уникальной коллекции оказалось несколько сотен. Передал ее мне на хранение, мол, на материке надежнее. Сейчас он живет в Майкопе, дважды приезжал в Москву на наши традиционные встречи, постоянно выходит на связь. С Альбертом Конных больше не встречался, а вот с его сыном, тоже выпускником Норильской средней школы № 1 Андреем Альбертовичем судьба свела в 2001 году на строительстве третьего транс-

портного кольца в Москве. Поинтересовался, имеет ли к нему отношение Альчик Конных, и показал почти детскую фотографию. «Да это мой батя!» — ответил Андрей Альбертович. Он — заместитель генерального директора крупнейшей строительно-инвестиционной компании «Организатор», которая управляет громадным объемом транспортного строительства в столице и вокруг нее. Отвечает за решение сложнейших инженерных вопросов. Приятно было в очередной раз убедиться, что норильчане — это, как правило, серьезные и толковые специалисты.

МЫ ПРОДОЛЖАЕМ ДРУЖИТЬ И ВСТРЕЧАТЬСЯ

После окончания школы мы разъехались по разным городам. Некоторые остались в Норильске. Было несколько бессистемных встреч выпускников 1952 и 1953 годов в сквере у Большого театра. Некоторые переписывались, но, в общем, подрастались...

*Наташа Медведовская, Джим Грамп и Таня Медведовская.
Москва, Ленинские горы, 1980 г.*

*Встреча выпускников Норильской средней школы № 1 в 1980 году.
Москва, Ленинские горы*

*Крайний справа — директор нашей школы Борис Данилович
Сухомлинов, в центре — Александра Дмитриевна Илюшина.
Москва, Ленинские горы, 1980 г.*

Мила Замятина и Инна Юрченко. Москва, Ленинские горы, 1980 г.

И вот в декабре 1979 года Мила Замятина, иногда звонившая, буквально вытащила меня на встречу выпускников 1952 года, большинство из которых я, конечно, знал и помнил. И они нас тоже. Встреча проходила в Лужниках в одном из кафе. Борис Лисюк, Джим Грамп, Семен Калюсский, Виктор Родионов, Павел Лапинский, Майя Борун, Инна Вожаева, Инесса Евзерова и еще много знакомых лиц. Некоторые ребята приехали из других городов. Было очень весело, все были рады друг другу, обнимались, улыбались, острили, гуляли по необъятной территории Лужников, фотографировались. Встреча не могла закончиться с закрытием кафе. Продолжение было у кого-то из «старшекласников» дома.

После этого мы с Милой разработали план, как собрать наш выпуск в следующем, 1980 году. Нужны адреса.

Оказалось, что абсолютное большинство адресов есть у Вероники Пьянковой (Триф). Наша красавица училась в МГУ на химфаке, увлеклась, вышла замуж

за аспиранта-румына и оказалась в Румынии, в городе Клуж-Напока. Закончила местный институт, преподавала физику и химию в колледже, воспитывала сына и дочь, все у нее было, но очень тосковала она по Родине, юности, общению с друзьями-норильчанами.

Итак, было составлено зажигательное приглашение и разослано во многие города. В Свердловскую область — Лене Когану, в Зеленодольск (Татарстан) — Гере Дмитриеву, в Ленинград — Тане Медведовской, в Северодвинск — ее сестре Наташе, в Киев — Абраму Гузмону, в Норильск — Володе Гольдбрейху, в Белоруссию — Гале Сапрыкиной и Тамаре Бейдер, в Переславль-Залесский — Нелли Пода, в Калинин — Нелли Леринман и всем, чьи адреса оказались в то время у нас. В Москве и Подмосковье оказалась приличная по составу группа: Володя Ройтер и Люба Каманина (Ройтер!), Инна Юрченко, Леля Мансурова, Марк Лисагор, Мила Замятина и я.

Пригласили нашего директора Бориса Даниловича Сухомлинова (из Норильска), учителей Александру Дмитриевну Илюшину (из города Пушкино Московской области), Бузунову Лидию Васильевну (из Новосибирска), Федотову Августу Александровну (из Киева).

Нина Ивановна Голубцова, Вероника Пьянкова, Юра Стеблянко, Таня Русинова и некоторые другие наши одноклассники приехать в тот раз не смогли.

4 октября в центре платформы «Ленинские горы» произошла волнующая и трогательная встреча — ведь мы не виделись 27 лет. Нас оказалось вместе с учителями более 25 человек.

Мы были рады друг другу, приглядевшись, с приятным удивлением узнавали знакомые с детства черты на немолодых уже лицах. После длительной прогулки на склонах Воробьевых гор, бурных воспоминаний и фотографирования отправились в грузинский ресторан в Теплом Стане. Тосты,

музыка, чудесные стихи, которые наши таланты подготовили к встрече, смешные и трогательные истории, прекрасное вино, привезенное Джинаром из Сухуми, слезы на глазах наших любимых учителей и директора — все это смешалось в приятный клубок впечатлений... Уже на улице, прощаясь, все поняли, насколько короток был этот прекрасный вечер: нас продолжали объединять воспоминания о суровом городе, необычных школьных годах и общей юности.

Дома супруга и дочь Галя (ей было 14 лет) завалили меня вопросами, уж очень неправдоподобно для них все это выглядело. Чтобы через столько лет, да из самых разных городов, да с такой страстью взрослые люди съехались в Москву для почему-то такой им необходимой встречи? Но на следующий день они всех увидели у нас дома. Как-то звонок за звонком, один за другим собрались снова: не было сил разъехаться просто так. Никто специально не готовился, все произошло как-то спонтанно. Помню, Гера Дмитриев с удовольствием помогал моей супруге Лоле готовить плов. Володя Гольдбрейх привез из Норильска прек-

На следующий день у нас дома. На левом снимке — Галя Ремейко и Наташа Медведовская, на правом — Гера Дмитриев и снова Галя Ремейко

расную рыбу. Джинар продолжал, как фокусник, откуда-то вытаскивать все новые и новые бутылки грузинского вина, зелень, аджику.

Не могла не приехать мама, хотя, помнится, она была нездорова. Как радостно встретили ее ребята, узнали, конечно, своего первого детского врача! Почти все они были ее пациентами. Она была очень взволнована и тронута их вниманием...

Мои домашние очень внимательно слушали все рассказы, истории, тосты, рассматривали лица и старые фото, которые переходили из рук в руки. А потом уже Лола говорит: «Слушай, Олег, мне показалось, что все вы словно дети одних родителей». Ее школьное детство прошло в Душанбе, но у нее создалось впечатление, будто знает многих моих норильчан всю жизнь. Лолу мы единодушно приняли в почетные выпускники Норильской средней школы № 1 1953 года, и она все эти годы верно несет это звание.

*Олег Ремейко, Герман Дмитриев и Володя Ройтер.
Москва, Ленинские горы, 1980 г.*

Подмосковье, Зименки-Валуево, 1987 г.

Подмосковье, Зименки-Валуево, 1987 г.

Подмосковье, окрестности Зименок, 1987 г.

Зименки, 1987 г.

Спонтанная первая встреча 1980 года перешла в традиционные встречи. Несколько раз мы собирались в пансионате-пионерлагере Центракадемстроя «Зименки» в 15 километрах от Москвы. Они обычно проходили в октябре, когда пансионат был практически пустым. Мы приезжали в пятницу вечером и уезжали днем в воскресенье, так что времени на общение, застолья, футбол, настольный теннис, бильярд и прогулки по осеннему, солнечному, мягкому от листвы подмосковному лесу было достаточно.

Наш школьный выпуск не был обделен оптимизмом, остроумием и чувством юмора. Видимо, эти качества накапливались несколько десятилетий... Леня Коган в шутливой форме написал и прислал из города Сысерть (Урал) декрет, объявил себя Президентом (он же Учредитель, он же Создатель). Всем остальным предписывалось «возрадоваться, согласиться и подчиниться». Отметил, что при его «психиатрическом стаже пора такое себе позволить» (напоминаю, что Л. Коган — врач-психиатр). Повелел «традиционную встречу Действительных и Почетных Членов Клуба Пятого Октября, а также Членов-корреспондентов обоих полов... провести 3 октября 1981 года в строгом соответствии с процедурой, разработанной достославным Оргкомитетом 1980 года».

Встреча состоялась день в день.

Прибывали все новые участники: Вероника Пьянкова (Триф), Юра Стеблянко, Виталий Калманкин, Лена Куликова. Часто на наших встречах бывал душой примкнувший к «младшему» классу Джим Грамп. В одной из последних встреч в Зименках очень заинтересованно участвовал хорошо знакомый нам норильский летописец А. Львов. На этой встрече Джим живописно и иронично рассказывал о своей большой поездке в США по приглашению своих многочисленных по линии матери абсолютно незнакомых родственников. Из воспоминаний о Но-

Встреча друзей-норильчан, выпускников 1953 года Норильской средней школы № 1. Прошло 50 лет. Первый ряд (слева направо):

Люба Каманина (Ройтер), Леля Мансурова, Таня Медведовская, Наташа Медведовская, Галя Сапрыкина. Второй ряд: Володя Ройтер, Мила Замятина, Инна Юрченко, Олег Ремейко, Джинар Карал-оглы, Юра Стеблянко. Москва, 2003 г.

рильске, которыми делились безостановочно почти все, всплывали все новые и новые истории и детали, очень дорогие для всех нас.

Потом «Зименок» для нас не стало: прошла приватизация Центракадемстроя, «Зименки» были проданы, и поездки в чужой уже пансионат стали невозможными.

В 2003 году, в год пятидесятилетия окончания школы, но тоже в октябре, встретились в Москве, сначала у Володи Ройтера, а на другой день — у нас. Снова, хотя нас было уже не так много, за столом засветилась не только карта России, но и СССР... Сапрыкина — из Минска, Джинар Карал-оглы — из Сухуми, Таня Медведовская — из Санкт-Петербур-

---

га, Наташа Медведовская — из Северодвинска, Юра Стеблянко — из Майкопа, Инна Юрченко — из Троицка Московской области. Недавно объявился Борис Иванов — из Петропавловска-Камчатского, он директор института, академик Российской Академии естественных наук. Уже совсем родные, домашние и очень близкие друг другу, заметно сдавшие внешне, но вполне еще молодые душой, мы договорились о своих будущих встречах не только по юбилейным датам...

Раиса Евстигнеева

Раиса Евстигнеева-Дулинская:

«В первый же вечер меня поразила огромная серая колонна людей, охраняемая солдатами с собаками».

*Семья Дулинскас. Раиса Захаровна и Иозас Винцасович с сыновьями
Альгирдасом (старший) и Юргисом*

В 1945 году с двумя девушками, приехавшими в отпуск из Норильска, я против воли родителей (а было мне 15 лет!) решила поехать на Крайний Север, где жила и работала моя старшая сестра с двумя детьми. Племянник на полгода был старше меня, а племянница на полтора года моложе.

Дорогу в Заполярье я запомнила на всю жизнь. Мы плыли на пароходе «Спартак». Топливом служили дрова, поэтому мы часто останавливались для их загрузки. Пароход тащился по Енисею больше недели. Приплыли в Дудинку. У меня из провизии ничего не осталось, остались только деньги на билет. Но тогда действовала карточная система, так что деньги мало помогли бы. Мы втроем переночевали у знакомых одной из моих попутчиц, а на следующий день купили билеты до Норильска (поезд ходил один раз в сутки).

Доехали до первой остановки. Пограничники стали проверять у пассажиров документы, а у меня, кроме свидетельства о рождении, ничего не было. И тогда меня сняли с поезда и вернули в Дудинку. Мои попутчицы обещали обо мне известить мою сестру, но, как выяснилось позже, почему-то они не сделали этого. А я без денег ежедневно ходила по вокзалу, ночевала у тех людей, которые приютили меня в первую ночь приезда. Утром, когда они садились завтракать, я уходила из дому и возвращалась к ночи. Так я продержалась пять дней... Но мир не без добрых людей.

Однажды ко мне подошел мужчина: он нашел во мне сходство с сестрой. Расспросил обо всем, посочувствовал и пообещал сообщить моей сестре. Она работала в литерном магазине, где обслуживали только начальников крупных предприятий. Тогда директором комбината был А.А. Панюков, а главным

инженером В.С. Зверев. К моему стыду, я была тогда так растеряна, что не узнала, кто был тот добрый человек. Он сообщил сестре, где я, и она передала для меня разрешение на получение пропуска, вложила его в конверт, а деньги передала машинисту. Меня в это время на вокзале не оказалось, и машинист передал все это начальнику вокзала.

На следующий день, как только я появилась на вокзале, ожидающие поезда попросили меня зайти к начальнику вокзала. Я наконец получила разрешение на въезд. Но на этом моя нервозность не закончилась: требовался пропуск в бюро пропусков. И здесь меня ожидало еще одно препятствие. Солдат охраны пропускал туда по паспортам, а у меня были только свидетельство о рождении без фотографии и разрешение на пропуск в Норильск. И тут я впервые громко и безысходно разрыдалась. И тогда ко мне подошел мужчина и спросил о причине моего горя. Он обругал (нецензурно) охранника, взял меня под руку и провел в бюро пропусков. Я, окрыленная удачей и с пропуском в руках, побежала на вокзал, а поезд-то уже ушел. Начальник вокзала тут же утешил меня, пообещав отправить в Норильск в почтовом поезде...

Много часов ехала с неудобствами, но приближение встречи с родственниками грело мою душу. Сообщение Дудинка—Норильск проходило по узкоколейному пути, поезд часто на перегонах останавливался и пропускал встречные поезда. Норильск оказался поселком с тремя-четырьмя улицами. Мы жили на улице Октябрьской, район назывался Соцгородом. Напротив нашего дома недалеко от озера Долгого стояли три коттеджа, в которых жили руководители комбината. Возвышенность, где сейчас стоит плавательный бассейн, тогда была покрыта леском — здесь мы собирали ягоды, особенно любили бруснику. Там вполне можно было заблудиться, и только труба ТЭЦ была ориентиром для всех.

В первый же вечер меня поразила огромная серая колонна людей, охраняемая солдатами с собаками.

Я спросила сестру: «Кто они?» Она ответила, что это военнопленные. Позже поняла, что это заключенных вели работать в шахты, на заводы и на стройки. Их развозили по утрам на работу, а вечером приводили на ночлег в лагерь.

Так я росла вместе с городом. Школа, студенчество... Это была лучшая пора! Прожила в Норильске почти 30 лет. Испытала любовь, разочарование — все было... Неудачно вышла замуж, развелась, правда, фамилию Евстигнеева оставила — девичья очень не нравилась (дразнили). В 26 лет вышла замуж за Иозаса Дулинскаса. Муж, умница и душевный человек, побывал под колесами бездушной мельницы сталинских репрессий... Окончил Каунасский университет, профиль — строитель. И еще один университет — жизненный, в магаданских и норильских лагерях. В 1954 году Иозас, после освобождения, а впоследствии и реабилитации, работал ведущим инженером Норильскпроекта. Мы, я исполнитель, он руководитель,

На первомайской демонстрации. В центре — начальник отдела Норильскпроекта Григорий Алексеевич Павлов, слева — Раиса Захаровна Евстигнеева, справа — Клара Новокрещенова. 1968 г.

*Группа Норильскпромстройпроекта. В первом ряду (слева направо):
Саша Гуревич, Юрий Никитин, Нина (фамилию память не сохранила),
Раиса Евстигнеева, Михаил Григорьевич Скворцов.
Во втором ряду: Любовь Грицик, Владимир Сергеевич Седенков,
вспомнить фамилию следующего не удалось, Виолетта Бабаева,
Анатолий Грицик*

проектировали плавательный бассейн. Я занималась бетонированием ванны и, как молодой специалист, поначалу буквально плавала. Иозас помогал мне. Мы все больше общались, полюбили друг друга и поженились. У нас двое сыновей. Старшего назвали Альгирдасом, младшего Юргисом, оба стали врачами. Из Норильска выехали в 1974 году в город Горький. А в 1985 году мы по обмену квартиры переехали в город Палангу — муж так рвался на свою родину! В 1994 году он умер. У нас растут трое внуков, старший уже инженер, а внучка и внук еще студенты. Продолжение рода Дулинских получилось хорошее...

Иозас не по своей воле оказался на Севере, а вот мои родители добровольно переехали в Сибирь. Мой отец Захар Федосеевич Баранов родился в Белоруссии (1880–1950), был участником русско-японской войны 1904–1905 годов. Возвращаясь домой, видел просто-

Иозас Дулинскас с младшим внуком у Балтийского моря. 1987 г.

ры Сибири и решил перебраться сюда на постоянное место жительства. У дедушки было мало земли, а сыновей — четверо. Попутчики сказали отцу, что в Сибири земли можно взять столько, сколько можешь обработать. И он решился.

В деревне Быч Могилевской области он встретил свою будущую жену Агафью Макаровну Кулешову (1887–1973). После свадьбы они отправились искать счастье в Красноярский край. В поезде познакомились с железнодорожным мастером, и он предложил им работу и жилье на станции Сорокино, в 60–70 километрах от Красноярска. Там у них родилось четверо детей.

Как рассказывала мама, во время революции и после работать на железной дороге было очень сложно и опасно. Едут то белые, то красные, то чешские полки, то колчаковцы... И родители уехали в глубь

Сибири, подальше от железных дорог. За рекой Ману, притоком Енисея, они занялись земледелием. Отец построил дом, благо строительный материал был — тайга рядом. В этом доме родились две мои сестры и я. Когда мне было четыре года, мы переехали в Камарчагу Красноярского края и вступили в колхоз. Потом началась коллективизация, мои родители чудом избежали раскулачивания. Они не были богатыми: семья-то большая! Но все были очень трудолюбивыми, много работали и имели хороший дом, две лошади, две коровы. Со всем управлялись своими силами. И тем не менее вынуждены были уехать, все бросив, от греха подальше.

Когда началась война, мужчины отправились на фронт, работали только старики, женщины и дети — им ставили трудовни, на которые осенью семье выдавали зерно. Выручало и собственное хозяйство. Мне было уже 15 лет, и я понимала, что семья работает как крепостная и если я сейчас не уеду, то и сама стану подневольным, не принадлежащим себе человеком — в деревне-то паспорта не выдавали. Моя мама всю жизнь проработала на земле без выходных, а получила пенсию 12 рублей (в конце жизни 28 рублей). Все это рисовало мне очень грустные перспективы, поэтому я так решительно и бесстрашно отправилась к сестре в Норильск.

У родителей моего мужа Иозаса Дулинскаса тоже было шестеро детей: четверо сыновей и две дочери. Отец до войны работал в костеле органистом, а в советское время в школе преподавал музыку и русский язык. Мой муж в 1944 году окончил Каунасский университет, это был период оккупации Латвии немцами. В 1945 году его арестовали и осудили по ст. 58, п. 10, — за распространение антисоветской литературы. Все это было сфабриковано. Я долго не могла понять, как можно ни за что посадить человека, угваривала мужа написать просьбу о пересмотре дела, но каждый раз мы получали одинаковый ответ: нет оснований для пересмотра. Это очень угнетало Иозаса.

Во время ареста следователь и по-хорошему, и по-плохому требовал от Иозаса подписать обвинение, угрожал, что иначе он живым из тюрьмы не выйдет. Даже спустя годы Иозасу было тяжело рассказывать об этом. Он умолкал и снова переживал все заново. Я жалела мужа и старалась не расспрашивать его о пережитом. Никакого суда при этом не было. Иозаса отправили в Магадан на 10 лет. В издании «О времени, о Норильске, о себе...», во второй книге, я не могла оторваться от воспоминаний Гунара Кродерса — какие же муки ни за что ни про что пережили мой муж и Гунар Кродерс! Волосы на голове шевелятся — ужас!

В Магадане он жил в деревянном бараке, на нарах были тюфяки, это уже кое-что. Кормили плохо, но жить было можно. У него в сопроводительном документе было указано: «землекоп». Представляю, как тяжело ему было на общих работах на стройке. Земляки уважали его и всегда обращались к нему: «Господин инженер». Услышав это, начальник участка спросил: «Кто инженер?» Так Иозас стал бригадиром, а потом инженером в техотделе. Позже его этапировали в Норильск. Путь из Красноярска по Енисею в тесном трюме был тяжелым, но до Норильска доехали. Это был 1950 год. Заключенных поселили в кирпичных зданиях и, что удивило всех, выдали постельное белье. Кормили в основном треской и селедкой. У заключенных в ходу была поговорка: «Тресочки не полопаешь — не потопашешь». А потом Иозаса направили в проектную контору, впоследствии переименованную в институт. Там он трудился после освобождения с 1954 по 1974 год.

В этом же году Иозасу оформили пенсию и мы уехали из Норильска в город Горький (ныне Нижний Новгород) в свою кооперативную квартиру. Мне еще 5 лет оставалось трудиться до пенсии. Как только устроилась на новом месте, я приступила к поиску работы. Нигде, кроме Норильского проектного института, я не работала. Пошла в ближайший от

*Путешествие по воде из Горького в Астрахань с норильчанами.
Слева направо: Михаил Скворцов с женой Лидией, супруги Дулинскас и
Людмила Шамрай. 1989 г.*

нашего дома Промстройпроект. Оказалось, это один из главных институтов в Горьком. На собеседовании мне предложили со следующего дня приступить к работе в архитектурно-строительном отделе. В одном из институтов надо было менять перекрытие — старое деревянное на металлические фермы. Мне дали это задание. Нужно было обсчитать конструкцию. Справочников, таких, какие были в Норильске, в Горьком не оказалось, и надо было все вручную обсчитывать! Об этом я рассказала мужу, и он предложил мне схему и сам обсчитал ее. Я поняла, что Иозас затосковал без работы. Пенсионеров на работу не очень-то принимали, и тогда я решила похлопотать за него. Пошла к директору института Алексею Ивановичу Бакаеву и дала хвалебную характеристику мужу, при этом нельзя было не рассказать о том, что касалось его прошлого. Свою речь я закончила словами: «Если возьмете его, не пожалеете!»

Вернулась домой и рассказала обо всем. Иозасу не понравилась моя последняя фраза. А я возразила: «Это

же чистая правда!» И еще я волновалась, что прием на должность главного специалиста должен проходить в присутствии секретаря парткома и председателя профсоюза института из-за необходимости допуска к секретной документации. Человек, ни в чем не преступивший закона, хлебнул лиха (врагу не пожелаешь!) по вине самого государства, а оно опять с подозрением рассматривает его биографию... Такими мыслями мы мучились неделю, пока Иозаса Винцасовича Дулинскаса не пригласили приступить к работе. Четыре года муж трудился в горьковском Промстройпроекте.

...Когда Иозас увольнялся, директор института уговаривал его еще поработать главным конструктором в техническом отделе. А как бы сложилась жизнь этого талантливого человека, если бы не его арест?.. Когда мы переехали в Палангу, я снова стала уговаривать мужа ходатайствовать о пересмотре его дела. Он долго не соглашался, так ему было обидно за несправедливость и жестокость приговора: ведь человеку сломали всю жизнь... В 1990 году его реабилитировали. Иозас взял в руки официальный документ и прослезился. Выдали компенсацию 6000 рублей, по 2000 он дал детям. Я понимаю, почему Иозас не рассказывал нам об ужасах лагерной жизни — он не хотел даже в воспоминаниях снова переживать ее. Несмотря на то что для инженерных работников было некоторое послабление в лагерях, унижение, которое он испытал, было чудовищным.

Со своими воспоминаниями и фотографиями я положила в конверт и открытки, в свое время написанные моему мужу сотрудниками, — мне так хочется ими подкрепить свои хвалебные характеристики. Иозасу писали стихи:

Мы так привыкли к Вам за эти годы...
И кажется, что каждому из нас
Становится теплее в непогоду,
Когда в отделе мы встречаем Вас...

В норильской тундре. Раиса Захаровна Евстигнеева с подругой художницей Светланой Абзаевой

А уж когда мы навсегда покидали Норильск, то услышали столько теплых слов — в стихах и прозе... Прошли годы, мы не могли не жить воспоминаниями о городе, где смешалось все — и радость, и горе, и рождение нашей семьи, детей. И сейчас в Паланге я общаюсь с норильчанами, мы дружим. Но думаю, у нас с Иозасом все-таки разные воспоминания о Норильске. Он вряд ли забывал, что это был город его заключения. Другое дело я... Без малого 30 лет жизни в Заполярье я вспоминаю как свои лучшие годы. Норильск очень сплавлял людей. Он их проявлял как лакмусовая бумажка, суровый климат, нелегкие условия жизни и работы учили ценить и зеленый листочек, и теплое слово участия людей...

Например, вот какое необычное знакомство было с главным инженером комбината Зверевым. В 7-м классе у нас классным руководителем была Дона Александровна Волох, она преподавала химию. Мы ее любили за справедливость и требовательность и однажды решили сделать ей подарок к 8 Марта. А сделать это в 1946 году в Норильске было просто невозможно по причине полного отсутствия в магазинах даже необходимых промтоваров, уж не говоря о цветах и каких-то вещах подарочного назначения. И тогда у нас возникла идея командировать четырех девочек из нашего класса, чтобы подписать наше заявление на получение ордера на отрез. Мы решили, что это должна быть шерстяная материя на платье.

Затеей была дерзкая, конечно, — вряд ли кто из школьников с подобным обращался к главному инженеру комбината. А мы явились к секретарю, и нас приняли! В большом кабинете сидел крупный мужчина — Владимир Степанович Зверев. Он выслушал нас, спросил, как учимся, о нашем преподавателе... А потом подписал наше заявление. Мы так обрадовались! А Зверев поинтересовался: «А вы-то сами хотели бы что-нибудь для себя?» Мы в замешательстве переглянулись, не ожидая такого вопроса. Владимир Степанович так-

тично дал нам возможность посоветоваться. Мы зашептались. Тогда мы только увлеклись танцами, а туфель почти ни у кого не было. Купить негде было, только шили в мастерских, а туда требовалось письменное разрешение. Почему-то мне больше запомнилось, как долго по разным кабинетам мы ходили за подписями. А отрез мы всем классом подарили любимой учительнице, чем и обрадовали ее, и смутили... А через год я уже пошла работать в проектную контору ученицей чертежницы, доучивалась в ШРМ.

В нашем отделе инженерами, архитекторами работали в основном заключенные, среди них — Владимир

*Внучка Маргарита, студентка юридического института,
в день свадьбы. 2006 г.*

Пикалов, профессор математики Шмидт, академик Мазманын, очень талантливый инженер Е.К. Стрельцов. Когда он получил извещение о своей реабилитации, плакал — сколько потеряно лет ни за что... А мой муж пострадал за любовь к своей родине, но ведь отнять ее у человека никакое государство не может.

Заключенные норильских лагерей оставили у меня очень хорошее впечатление — добрые, порядочные люди работали в проектной конторе. Помню певца Львовской оперы Владислава Михайловича Малеца — своим красивым баритоном он иногда во время маркировки плит и балок напевал арии из опер и романсы. А однажды дома я обнаружила в своем кармане письмо без подписи, написанное мелким красивым почерком, — это было признание в любви. Я подозревала, что его автор Владимир Мухин (из числа военнопленных). И еще я помню оцепление лагерей, вышки кругом, ведь в основном в Норильске работали заключенные.

Сколько лет прошло с тех пор! Мне скоро 80... До сих пор интересуюсь Норильском, своей страной... У меня участок, сад, но уже тяжело стало работать. Радуют дети, внуки — один окончил институт, а двое еще студенты. А память нет-нет да и унесет меня в Норильск. Вот недавно вспомнила, как мы побывали у известного норильского художника Н. Лоя.

Мы, маленькая дружная компания любителей искусства, решили что-нибудь купить на память и для этого получили разрешение на посещение мастерской Лоя. Она находилась за городом в бараке, бывшем жилье заключенных. Дело было зимой, все вокруг занесено снегом. К бараку была прорыта траншея шириной меньше метра, высотой — в человеческий рост. Мастерская была хорошо освещена, картины висели, стояли у стен. Нам понравились картины маслом, акварели, стали приценяться — цены оказались кусачие! Инна Синицына увидела маленькую картину 10×12 см: плавательный бассейн зимой,

Продолжение рода Дулинскас — семья старшего сына Альгирдаса, к сожалению, он на фотографии отсутствует (фотографирует)

освещенные окна. «А сколько это стоит?» — спросила Инна. А художник, видимо поняв, что в карманах у нас не густо, буркнул: «Не продается!» Мы с опущенными головами, с чувством виноватости, что ничего не купили, пошли с извинениями к выходу. Когда мы выбрались из снежного лабиринта, на нас напал такой смех, что мы попадали в снег и долго хохотали над собой... А сегодня картину художника Н. Лоя я каждый день вижу на стене своего дома.

Иногда перечитываю письма, открытки, написанные мне, Иозасу, разглядываю пожелтевшую газету — вот здесь, например, снимок В. Карасева из «Заполярной правды». На фотографии мы, инженеры

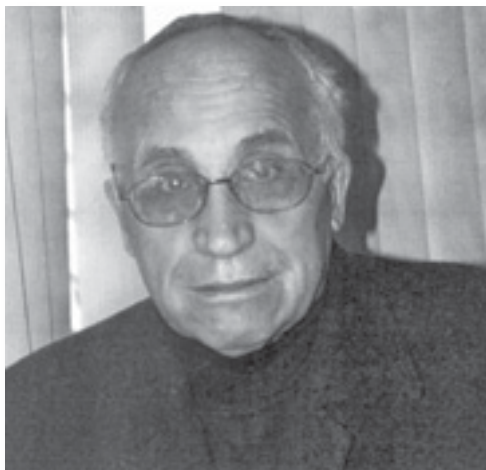

Эта свадебная фотография 2006 года мне очень дорога, хотя, конечно, на ней не все гости. Слева направо: невестка старшего сына Виргиния, мой старший сын Альгис, жена старшего внука Лина, мой внук Миндавгас, я (Раиса Захаровна Евстигнеева), рядом со мной сестра Виргинии Явита и ее муж Ионас

Т.И. Савва, Р.З. Евстигнеева (это я) и К.Я. Новокрещенова (моя подруга), представлены как бригада — победитель социалистического соревнования среди подразделений института «Норильскпроект». Это был июль 1974 года. Не отпускает меня Норильск...

Вячеслав Николаевич Ханжин

Вячеслав Ханжин:

*« . . . о прозе норильской жизни и
поэтах . . . »*

СМЫСЛ ЖИЗНИ НОРИЛЬЧАН — МЕДЬ И НИКЕЛЬ

Ястал норильчанином в январе 1954 года. Шесть лет работал старшим следователем прокуратуры города Норильска, сорок — судьей городского суда. Какие это для меня красноречивые цифры... По сути, вся моя жизнь связана с Норильлагом, Норильским комбинатом, их суровой историей. И разве удивительно, что я имею знак «Ветеран Норильского комбината»? Я помню, как многотиражка комбината «Сталинец» однажды сменила название на многозначительное «За металл!». Придумавшие его люди, как и режиссеры поставленного в лагере спектакля «Без вины виноватые», были, безусловно, не без юмора... Недоставало только арии Мефистофеля «Люди гибнут за металл», чтобы как бы закольцевать невысказанный, но всем известный смысл норильской действительности...

Когда-то в «Заполярной правде» поэтически настроенный журналист, ныне покойный Паша Волчков, выразился трезво и прозаически о сути нашего города: «Смысл жизни норильчан — медь и никель». Но драгоценные металлы за все время существования комбината стоили многих бесценных жизней и еще большего количества увечий, загубленного здоровья.

Отбывавший в заполярном крае наказание реабилитированный политкаторжанин, известный журналист Абрам Давидович Аграновский, еще будучи работником Норильского комбината, впервые добился, чтобы за несчастный случай с заключенным рабочим понес судебную ответственность вольнонаемный инженер. В хрущевскую «оттепель» после развенчания культа личности Сталина реорганизация управления страной (и цветной металлургией в частности) изме-

нила отношение руководящих инженерно-технических работников к проблеме техники безопасности на производстве. Ярким примером того был прибывший из Москвы в 1957 году директор комбината — энергичнейший Владимир Васильевич Дроздов (работал в Норильске по 1962 год).

В прокуратуре во все времена было правило дежурить оперативным работникам для выезда на смертельные несчастные случаи, происшедшие в городе и на предприятиях. Однажды, в первый год работы Дроздова, в пятом часу утра, я как дежурный выехал в район Шмидтихи, где произошла большая авария. Машинист с помощником вели вниз по откосу вдоль горы тепловоз с тремя думпкарами, груженными рудой. На повороте превысили допустимую скорость. Состав не вписался в дугу, сошел с рельс и опрокинулся. Машинист с помощником чудом спаслись, выпрыгнув из кабины.

Произошло это часа в три ночи. Когда я приехал, увидел на месте происшествия самого директора комбината Дроздова. В столь ранний час он не поленился самостоятельно разобраться в случившемся. Осмотрев место происшествия, выслушав сбивчивые объяснения виновников, Владимир Васильевич со свойственной его темпераменту образностью речи стал их отчитывать. «Вы не в рубашках, а в телогрейках родились, — произнес он, — если после такой аварии остались живы. Судить вас надо!» Виновники стояли молча, понунив головы, готовые понести самое суровое наказание.

Владимир Васильевич был строг, но отходчив. Материалы о возбуждении уголовного дела так и не были переданы в суд. Машинист и помощник отделались дисциплинарными взысканиями.

Но не всегда подобные происшествия заканчивались благополучно. Тогда же, в 50-х годах, на шахте № 11-13, напротив рудника «Заполярный» (там работала ставшая известной после перестройки художница Евфросиния Керсновская (1907–1994), с подзем-

ными рабочими произошел групповой несчастный случай. Впервые на расследование приехал сам прокурор Красноярского края Николай Васильевич Боровков. Он был настроен весьма принципиально, так как случай был исключительный по своим тяжким последствиям. Под руководством прокурора края уголовное дело было доведено до суда. Начальник шахты и другие административные работники были впервые в истории Норильского комбината осуждены на длительные сроки лишения свободы за нарушение техники безопасности при проведении работ.

Серьезно взяться за дела о нарушении правил ТБ меня заставила трагедия с товарищем по комсомолу, секретарем организации ВЛКСМ, мастером рудника «Заполярный» Эльвиром Биячуевым. Это был умный, красивый и воспитанный молодой человек, кавказец, лакец по национальности, окончивший Орджоникидзевский горный институт. Он пользовался любовью и уважением у всей знавшей его молодежи. В последний раз встретился с ним в конце лета 1955 года на железнодорожном вокзале. Эльвир приехал из Дудинки. В одной руке у него была книга по древнеримской истории, а в другой — букет цветов для любимой молодой супруги. Этот перспективный инженер, которому бы жить да жить и приносить пользу людям, вскоре погиб.

Когда прервалась связь с проходчиками, Эльвир со спасателем отправился на выручку под землю. Но концентрация метана была такой высокой, что, спустившись вниз, они не дошли до места, где лежали погибшие проходчики, не успели принять меры предосторожности и погибли сами. До сих пор у меня перед глазами большой зал одноэтажного клуба шахтеров на Нулевом пикете, гробы с молодыми работниками рудника, накрытые красным кумачом, сломленные горем близкие и масса людей, тяжело переживающих трагедию. Похоронная процессия прошла через весь город...

Я попросил прокуратуру поручить мне расследование несчастных случаев с тяжкими последствиями. Как правило, в течение недели приходилось выезжать не один раз. Во время тревожных выездов мне довелось ознакомиться со всеми основными горно-металлургическими и строительными подразделениями Норильского комбината и близко узнать трудившихся там людей.

Особое впечатление оставил самый большой тогда рудник — «Заполярный». Я исходил все его выработки. Помню, как молодой мастер Юра Головин, впоследствии возглавивший техинспекцию Красноярского крайсовпрофа по безопасности производства на Таймырском полуострове, учил меня, как безопасно ходить по бесчисленным вертикальным и горизонтальным стволам.

В тот период директором рудника начинал работать относительно молодой специалист Петр Трофимович Жмурко, который позже возглавил «Главзолото», а главным инженером был Геннадий Иванович Садовский, впоследствии ставший ректором Норильского индустриального института. Выезжал на «Заполярный» я чаще, чем на другие рудники, что объяснялось просто: несчастий здесь случалось больше, чем в других подземных подразделениях комбината. На мой обычный вопрос: «Как дела, ребята?» — горняки отвечали: «Как у картошки. Если зимой не съедят, то весной посадят!» Инженерно-технические работники, посчитав количество несчастных случаев и количество выданной на-гора руды, вывели печальную формулу, по которой за столько-то тысяч тонн руды надо было отдать столько-то литров крови. На руднике царила атмосфера неизбежности несчастья.

Все это усугублялось тем, что, несмотря на декларации административных и партийных органов о борьбе за безопасность людей, на местах действовало правило, оставшееся со сталинских времен, — план любой ценой! Работники «Заполярного» жаловались

на парторга, который отчитывал начальников участков, бригадиров и рабочих за то, что они не шли «давать руду стране» в опасные забои, где в любой момент могли обрушиться заколы и была опасная концентрация трудноуловимого метана. Рассказывали про одного проходчика, осужденного по политической статье. Ему довелось работать на аналогичных предприятиях на буржуазном Западе. Он говорил: «Там хозяин ни за что бы не послал своего работника трудиться в опасных условиях. Несчастный случай обошелся бы частнику дороже добытой руды. На Западе капиталистам приходится платить намного больше за последствия несчастного случая, чем здесь».

Мне пришлось участвовать в работе комиссии по расследованию крупного пожара на шахте «Кайеркан». Талантливо и квалифицированно, с вниманием к людям и к деталям происшествия, вел расследование выдающийся главный инженер, а позже известный ученый Владимир Алексеевич Дарьяльский. В старое недоброе время обычным следствием происшествий со значительным ущербом была суровая расправа с причастными к ним лицами, но в данном случае этого не произошло. Комиссия решила: условия работы на устаревшем оборудовании (изношенные электропроводка и противопожарная техника) очень тяжелые и непосредственной вины конкретных лиц нет — никто из «стрелочников» не был привлечен к ответственности. В работе комиссии участвовал молодой оперативный работник норийского отдела КГБ Юрий Николаевич Царев, который в отличие от своих предшественников, действовавших по принципу «был бы человек, а дело найдется», не стремился к тому, чтобы «притянуть к ответственности козлов отпущения», и был абсолютно объективным. Я отзывался положительно о его гуманном подходе к людям.

ОБЪЕДИНЕНИЕ НОРИЛЬСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ

Мне выпала честь открыть это поминальное собрание не по таланту и мастерству, а по печальному праву старшего. Хорошо молодым, у них впереди будущее, а старым на краю обрыва остается только оглядываться назад, вспоминая прошлое...

Я был назначен в Норильск старшим следователем прокуратуры, когда редактору-составителю сборника «Гнездовье вьюг» Юрию Бариеву шел шестой год и одиннадцатый — объединению норильских литераторов. Меня очень интересовали люди, которые умеют складывать стихи. Однажды по приглашению одного уголовника я даже ездил в поселок Медвежка, чтобы послушать стихи, но, увы, они оказались псевдопатриотической трескотней во славу партии и правительства и были написаны, видимо, ради собственной реабилитации. Как специалиста по уголовным делам меня удивляло, как молодой рыбак, писавший стихи, убил и опустил на недостижимую глубину озера Лама своего друга. Как другой, дважды корыстный убийца посмел считать себя поэтом... В это же время начинающий писатель молодой Анатолий Приставкин побывал в Норильске, изучал многие дела, вернулся в Москву, стал большим писателем и прослыл знатоком проблемы «человека преступления». А позже, уже при первом Президенте России, был назначен председателем комиссии по помилованию.

...Объединение норильских литераторов в 50-х годах возглавлял Сергей Львович Щеглов — бывший студент-историк Московского университета, репрессированный по политической 58-й статье, пункт 10 УК РСФСР, к тому времени реабилитированный и работавший в кислородном цехе Норильского комбината. В этом литобъединении были в основном прозаики, и, когда мне позволяло время, я приходил их послушать. Рассказ из жизни театра читал высокий парень с длинным лицом, сын главного дирижера Большого театра Виталий Головин, рабочий сцены

норильского театра, обвиненный в убийстве жены Есенина (а потом жены Мейерхольда) Зинаиды Райх. Темпераментно выступал горняк, бывший комсомольский вожак Осетии Дебола Алкацев, который однажды танцевал лезгинку в присутствии самого Сталина. Сначала ядро объединения составляли работники комбината Николай Сахно, Петр Лебедев, Юрий Климов, раньше всех ушедший в 70-х годах и оставшийся здесь на норильском кладбище.

Недолго состоял в рядах литобъединения врач-психиатр Марат Векслер из Москвы, который потом публиковал свои стихи в центральных журналах. В 60-х годах на телевидении работал еще один москвич — Сева Вильчек, который однажды получил нагоняй за то, что написал стихотворение о том, как во время пурги всему городу была объявлена активировка, а они — телевизионщики — гонят на экраны норильчан цветы. Первый секретарь горкома Савчук по этому поводу бурчал: «Весь город отдыхает, одни вы работаете». Я думаю, что не было бы нагоняя, если бы Сева написал, что при этом бдит и городской комитет партии...

Затем на работу в комбинат приехали молодые московские поэты — Миша Колпаков с Наташей Барминой. Через несколько лет они вернулись в столицу, оставив свой след в творчестве норильчан...

Я думаю, что Норильск заслуживает памятника. Памятника неизвестным поэтам... Бывавшие здесь в Норильлаге прозаики Алексей Гарри, Евгений Рябчиков, Иван Макарьев и особенно Сергей Снегов (Штейн, бывший преподаватель Норильского института) известны. Тогда же в институте преподавал известный репрессированный геолог Николай Михайлович Федоровский, который на лекциях описывал минералы стихами. Они потом сами прославились своими книгами, а вот поэты были и остались, видимо, надолго малоизвестными... Такая уж судьба лагерного Норильска...

Самым неизвестным поэтом города я считаю человека, который ходил по улицам, выделяясь из толпы своим обликом Христа, с вдохновенным лицом пророка и поэта. Я имею в виду Абрама Цисса. Студент филфака МГУ, еврей, он под влиянием Ницше и договора Сталина с Гитлером (1939 г.), когда русские родители называли своих новорожденных Адольфами, написал поэму, восхваляющую Гитлера как сверхчеловека, и за это оказался на Крайнем Севере. Ссылку в Норильск разделили с ним его любящая жена и больная дочь. Видимо, этот жестокий урок заставил его заречься от писания стихов — я ни разу не видел его на заседаниях литобъединения, а вот на улицах города мы встречались. И хотя он остался неизвестным поэтом, его величина определяется тем, что с ним дружил сын Анны Ахматовой и Николая Гумилева Лев Гумилев, который был сослан в Норильск и до 1944 года работал здесь на рудниках, где однажды чуть не погиб... Вместе с Абрамом Циссом Лев Гумилев записал по памяти стихи отца, они писали историю Мира, в том числе французских королей, блатными словами... Получилась очень смешная история всего мира... Известно, что впоследствии Лев Гумилев стал известным специалистом по истории и этнографии, кандидатом, позже доктором исторических наук. Абрам Цисс был знаком с молодым тогда Марком Хасданом и добросовестно переписал историю Мира и (я благодарен ему за доверие) давал мне читать ее и стихи Н. Гумилева. Но меня тогда больше интересовали рукописи Льва Гумилева об этносе и пассионарности, и я всеми возможными способами их переписывал.

Сам Марк Хасдан оставил о себе память двумя книжками. Он был очень благородным человеком, истинным интеллигентом, как и академик Дмитрий Лихачев, который одобрил его работу по переводу «Слова о полку Игореве». Хасдан писал классическим стилем, который не всегда одобрялся норильским литобъединением. Я помню, как горячий, импульсивный, эмоциональный Эдуард Нонин обозвал од-

нажды Марка графоманом. Но своим творчеством Марк Борисович доказал, что он истинный поэт. Его венок сонетов «Встреча», на мой взгляд, равен по эмоциональности «Песни Песней» Соломона, а поэзии в нем не меньше, чем в известной «Камасутре», — такая в нем трепетная, как принято сейчас говорить, сексуальность, святая любовь к женщине и всему, что с нею связано.

Вспоминаю журналиста Виктора Кравченко, внешне похожего на Маяковского, да и голосом тоже. Он меня поразил не своими громовыми стихами, а тем, что однажды опубликовал рассказ о том, как работники профилактория «Валек» поместили в бассейн с домашними утками птицу-подранка. И птицы, как чужака, больного и слабого птенца заклевали. Как люди заклевывают иногда чужака и слабого человека...

Он сам очень рано выехал из Норильска, оставив здесь жену и сына. Однажды Виктор с редактором одной подмосковной газеты возвращался поздно домой (после парткома) и скончался дорогой. Разорвалось сердце...

Среди многих выделялся юный Кемаль Маликов. Он приехал в Норильск с женой Мариной и дочкой, поступил на комбинат работать слесарем. В Красноярске он был уже довольно известным поэтом, дружил с художником Ряннелем. «Заболел» историей Норильска. Он создал классическую композицию «Тайная вечеря» Рембрандта», написал поэму «Черный бунт» в то время, когда не только поэму публиковать нельзя было, но даже говорить шепотом о том, что в Норильске произошло, какая пролилась кровь здесь во время восстания заключенных весной 1953 года.

В начале Ленинского проспекта каждый и сегодня видит мемориальную доску со словами:

«Рядовые трудовых колонн,
Рядовые жертвы преступлений,
Вас хранит до будущих времен
Мерзлота — свидетель обвинений».

«Черный бунт» — потрясающая поэма! Но она опять-таки малоизвестна. Один экземпляр рукописи Кемаль оставил мне и попросил: «Ты ее никому не показывай». Я узнал, что его вызывали в КГБ, спрашивали, где рукопись поэмы, и он сказал, что она пропала.

Я долго ее хранил, пока не приехал в Норильск (на дворе было совсем уже другое время) известный ленинградский кинорежиссер, который когда-то работал на норильском телевидении, Игорь Шадхан: он снимал фильм «Снег — судьба моя». И я для его сериала отдал свой экземпляр рукописи «Черного бунта». Шадхан, в свою очередь, передал ее сценаристу Михаилу Колпакову, который к 60-летию комбината подготовил небольшой сборник поэзии «Мою весну не заметет пурга». И там впервые была опубликована поэма К. Маликова «Черный бунт», правда, в несколько урезанном виде*.

В 1999 году бывшая супруга Кемалья Маликова Марина сама собрала и опубликовала в сборнике под названием «Старые стихи» и композицию «Тайная вечеря», и поэму «Черный бунт» полностью. Кемаль, хотя сегодня и очень болен, но продолжает писать стихи и работать над поэмой «Черный бунт» (дописывает главы).

Кемаль познакомил меня с приехавшей в 1968 году в Норильск Лирой Султановной Абдуллиной. Сам очень даровитый, он восхищался поэзией Лиры. И если прежде я доверял ему, то тут почему-то засомневался. Однажды он пришел ко мне домой с миловидной, невысокого роста, зеленоглазой женщиной, с черной гривой волос до пояса, по-восточному обаятельной, очень женственной. Сидели, выпивали, говорили, и спортивный Кемаль вызвал меня на состязание. Вызвал и победил. И по этому поводу Лира сказала мне что-то очень дерзкое, дразнящее, оскорбительное. Я не выдержал и свое вино из бока-

---

* Эта поэма полностью опубликована в книге седьмой «О времени, о Норильске, о себе...», с. 218–263.

ла выплеснул ей в лицо — гореть мне на том свете в аду, — но она простила, провела по лицу ладошкой и улыбнулась. На этом наша первая, так сказать, встреча окончилась...

...Ли́ра осталась в 5 лет без отца — погиб на фронте, в 13 лет потеряла мать, воспитывалась родственниками. В 1964 году окончила литинститут и, оставив обеспеченный быт в Уфе и знатного мужа — кандидата наук, с маленьким сыном рванула в Норильск работать на телевидении. Она была внешне спокойная и тихая, но очень отважная, мудрая, сердечная, душевная...

Так вот, один друг однажды рассказал мне, что был у Ли́ры в гостях и заснул. Проснулся на рассвете, а она за столом под зеленым абажуром всю ночь писала стихи... Рассказываю это для большего понимания ее души. Она всегда была искренна...

Пока ты спишь, пока метели дуют,
Я над тобою тихо поколдую,
Горячий лоб ладонью остужу,
Про доброе тебе наворожу...

Но любовь с этим человеком у нее не сложилась. Стихотворение «Сердце твоё — айсберг белый...», в котором Ли́ра писала о том, что с этой любовью как будто попала под топор палача, она опубликовала только один раз в местной газете.

Она уехала в Красноярск. Однажды на литературном семинаре встретила физика Владимира Нешумова из закрытого городка атомщиков, и он сделал ей предложение (об этом написал в своем предисловии к ее посмертному сборнику В.П. Астафьев). Она мыкалась одна, много бедствовала, «в подшитых валенках ходила на КВН» (ее строка)... И приняла предложение физика.

А в это время, словно сердцем почуяв беду, прилетел из Москвы в Красноярск известный журналист, с которым у нее был роман, но он не смог оставить семью. Теперь у него возникло такое намерение. Ли́ра,

когда он встретился с ней, совсем как Татьяна Ларина произнесла: «...но я другому отдана...» Поздно. Он пошел в туалет резать вены. Но представил, как будет лежать в отхожем месте в крови, и передумал. Бросил бритву, вернулся в гостиницу и напился... На другой день в легком пальто и в кепке полетел в морозный Норильск. Мы летели с ним в одном самолете, и он рассказал мне все это.

Мне кажется, славная жизнь Лиры Абдуллиной соответствует названию ее книжки «Пресветлая звезда». Она была и осталась в моей жизни высокой и светлой звездочкой.

Совсем другим человеком был шумный, громкий, как буря, как ураган, бывший шахтер Эдуард Нонин. Когда я бывал в Малаховке у Левашова, там с веселым ужасом говорили: «К нам грядет Нонин». Это значит, что пойдет пир горой, веселье днем и ночью. Таким он был и таким и оставался до конца. Вот я сейчас взял сборник стихов «69 параллель», и, вы знаете, словно по сердцу полоснуло его стихотворение о городе, плывущем в светлый коммунизм. «...Как молоды мы были, какую чушь прекрасную несли...»

Я, конечно, согласен с Сергеем Лузаном, что самое большое достижение Нонина — это детские стихи. Но хочу добавить, что его достоинством была и его независимость, он был очень свободным человеком. Когда Ю. Андропов заступил на должность Генерального секретаря ЦК КПСС, Нонин не побоялся заявить, что из жандарма никогда не получится демократ. Но из страны не бежал, вслед за детьми своими в Израиль не уехал. И, несмотря на непризнание совковости, несмотря на то что он много претерпел от режима, он не только сам не уехал в Израиль, но и отговаривал от этого шага своих дочерей. В Норильске он принимал активное участие в выборах народного депутата Вадима Николайчука — главного соперника директора комбината Анатолия Филатова.

Одно из последних стихотворений уже больной, обреченный поэт посвятил своему сыну Антону.

Не вернусь и ожидать не буду
Никого в надзвездной тишине.
Не надейся, не случится чуда —
На свиданье не спеши ко мне.

И на дне Вселенной нет частицы
От меня, как нет Вселенной дна.
Я нашел бы силы возвратиться,
Если б сохранилась хоть одна.

Но пока звучит над головою
Еле слышная моя строка,
Мальчик мой, я буду жить с тобою,
Будто не ушедший на века.

Когда вышла собранная Юрием Бариевым книга «Гнездовье вьюг», его русская жена Людмила тоже перебралась жить в Израиль. Мне посчастливилось привезти эту книгу с нонинским посвящением сыну. Антон, которому тогда исполнилось 14 лет, сказал: «Я скорее соглашусь, чтобы мне отрубили руку, чем забуду язык, на котором мой отец писал стихи...» Горло перехватило от слов ребенка...

...С этими воспоминаниями о норильских поэтах я выступил 12 января 2005 года на вечере памяти в городском центре культуры Норильска. Их записал тогда на видеокассету Сергей Константинович Билюкин, а Елена Хазретовна Ягумова расшифровала запись. Спасибо им за это.

Мой рассказ о прозе норильской жизни и поэтах побудил меня назвать только немногих очень талантливых людей... Они творили каждый на своем месте, и каждый внес свою посильную лепту в историю Норильска...

Ольга Георгиевна Бовина, в девичестве Борисова

Норильский горно-металлургический техникум

Ольга Бовина-Борисова:

*«Борисовка» — так называли
нашу квартиру в Норильске...»*

*Семья Борисовых (слева направо): Маша, Татьяна Борисовна,
Георгий Александрович, Оля. Норильск, 24 сентября 1953 г.*

«Я БЫЛА ВНУТРИ ЭТОГО ВРЕМЕНИ»

«Память — основа совести и нравственности, память — основа культуры, «накоплений» культуры, память — одна из основ поэзии — эстетического понимания культурных ценностей. Хранить память, беречь память — это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками. Память — наше богатство». Так написал в своих «Письмах о добром и прекрасном» великий русский ученый Дмитрий Сергеевич Лихачев (Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. М.: Детлит, 1989).

Эти слова как нельзя больше подходят для оценки того, что делают издатели сборника воспоминаний «О времени, о Норильске, о себе...». Именно из таких книг люди, которые будут жить после XX века, смогут из первых рук, из невымышленных рассказов очень разных авторов составить картину жизни XX века. Очень хочется, чтобы люди знали о сложной и тяжелой жизни в ушедшем веке. Но еще больше хочется, чтобы нам поверили и не повторили того, что принесло страдания и бедствия. Очень надо, чтобы такие рассказы, такие книги помогли понять будущим поколениям, какой неустойчивой была судьба людей в Советском Союзе в XX столетии и какие страшные потери произошли по разным причинам.

Сегодня, когда я прохожу по улицам, вижу, как интенсивно возрождаются храмы, соборы, часовни. В Россию возвращается вера! И тут же в памяти встают картины моего детства, когда повсеместно шло разрушение культовых сооружений и искоренение самой веры. Помню, как в начале 30-х годов мы с отцом ходили смотреть, как взрывают старинные церкви.

Кажется, это было так давно, но с позиций истории 80 лет — разве это срок?! Теперь строят новые церкви, но изменить мировоззрение человека оказалось куда сложнее! Ведь ломали весь прошлый век то, что создавалось тысячелетием...

Я была внутри этого времени. С годами росло беспокойство из-за явных нарушений естественного хода жизни. Все большая и большая ответственность за страну ложилась на женщин. В начале века была Первая мировая война. Она унесла жизни сотни тысяч мужчин самого активного возраста. Сразу за войной произошла революция, которая привела страну к Гражданской войне. И опять большая часть мужчин или погибла, или надолго выпала из семьи. Очень скоро в постреволюционной России начались массовые, быстро разрастающиеся политические репрессии. И опять тысячи семей потеряли своих близких и кормильцев. А когда началась Великая Отечественная война, на фронт ушли уцелевшие мужчины и еще совсем юные мальчишки. И опять на плечи женщин легла непомерная тяжесть. Моя жизнь — свидетельство этого. Надо было не только позаботиться о своих детях, но и накормить, и одеть страну, обеспечить снаряды для фронта, выходить раненых в бесчисленных госпиталях, поддерживать стариков и многое еще... Я видела, что женщины тех лет не щадили себя. Для них вообще не было легких времен. По себе знаю, что написать о том, что сохранила память, — это не только труд, но и волнение — снова переживаешь многое...

Я люблю Норильск. Это сложная и нелегкая любовь. Место, которое занимает этот город в моей судьбе, очень значимо. Впервые мы узнали о нем, когда отца по этапу привезли туда. Было это в 1939 году. На картах того времени Норильска мы не нашли, но узнали, что находится это поселение почти у Северного Ледовитого океана и что единственной дорогой туда является Енисей. Даже на современных картах видно, что вокруг Норильска только бескрайняя тундра, горы и поблизости нет никаких населенных пунктов.

Отец освободился из заключения в 1943 году. Но только с началом навигации по Енисею, летом 1944 года, мы смогли поехать к папе. К этому времени мы уже пережили начало войны, эвакуацию в Омск и потерю бабушки (маминой мамы) в блокадном Ленинграде. Мой старший брат уже окончил военное училище и в бою пропал без вести. Прodelав трудный путь от Омска до Норильска, мы приехали к отцу совершенно нищими. А у него в то время были только койка в общежитии и лагерная одежда.

Начали с нуля. К тому времени мой отец Георгий Александрович Борисов уже вошел в число ведущих специалистов проектной конторы. Он руководил проектированием гидротехнических сооружений будущего города и промышленных объектов Норильского комбината. Мы были в числе первых семей, приехавших к бывшим политзаключенным. После нескольких месяцев проживания в мужском общежитии мы получили небольшую комнату в коммунальной квартире, а уже менее чем через три года переехали в небольшую отдельную квартиру. Папина должность давала нам право отоваривания карточек в «литерном» магазине. По сравнению с перенаселенным тыловым Омском это был сказочный паек, включавший и сливочное масло, и муку, и сахар. Этого в пайках на материке, или, как еще говорили, на Большой земле, не было вообще. Выдавали даже какие-то промтовары, что позволило нам обзавестись постелями и одеждой. Согласитесь, все это было серьезной предпосылкой любви к пока еще чужому городу.

*Георгий Александрович Борисов.
Норильск, 1946–1947 гг.*

*Татьяна Борисовна
и Георгий Александрович Борисовы.
Норильск, 1953 г.*

В сентябре 1944 года мы с младшей сестрой поступили в школу. Мария пошла в первый класс, а я — в восьмой. Мне пришлось догонять упущенное в военные годы учебное время (потеряно было три года — работа в тылу). Мама тяжело адаптировалась к климату Севера и не работала.

После окончания средней школы у меня было мало шансов поступить в институт, и я еще три года прожила в Норильске: окончила там горно-металлургический техникум. Позже в Москве поступила в институт и ежегодно

приезжала в Норильск к родителям на летние каникулы. А в 1958 году, хотя я и работала по распределению в Новосибирске, еще раз приезжала в Норильск в декретный отпуск. И в метрике моей дочери записано, что она родилась 31 декабря 1958 года в городе Норильске. Для меня это знаменательно. А отец в 1955 году был реабилитирован и в связи с этим получил квартиру в родном Ленинграде, но до 1960 года продолжал трудиться на Норильском комбинате. Он вернулся на родину тяжелобольным человеком и через год скончался. Мама и сестра жили в Ленинграде. Мама пережила отца на 20 лет.

Норильск помог нашей семье не только стать на ноги, но и приобрести друзей. Чем дальше уводит меня жизнь от того времени, тем глубже моя благодарность людям, которые бывали в нашем доме. Высокая нравственность, культура, любовь к Родине

Семья Борисовых. На первой квартире. Норильск, 1944 г.

(не к государству!) помогли этим людям выжить в нечеловеческих условиях.

И еще. Удивительным свойством одарила многих бывших норильчан природа, окружающая заполярный Норильск. Невозможно не восхищаться ее мужеством и не любоваться красотой растений, умеющих выживать на вечной мерзлоте и при зверских морозах. Может быть, эта жизнеутверждающая сила и красота природы Севера передается людям?

Я часто возвращаюсь мыслью к Норильску, особенно в первые годы после разлуки с ним мне очень хотелось съездить туда. И вот мне выпало это счастье! Это были две командировки: одна — зимой, другая — летом. Шел уже 1982 год. Прошла почти четверть века после последнего посещения Норильска. Я ехала туда на встречу со своей юностью и волновалась...

Прямой рейс Новосибирск—Норильск, комфортабельный автобус, хорошая гостиница на улице, где в те далекие времена была еще тундра. Очень много новых домов и улиц. А на Октябрьской площади, где стоит наш бывший дом, — все без изменений. Те же магазины, автобусная остановка. Но автобусы так не похожи на студебекеры, приспособленные для перевозки людей... Но вот что не изменилось, так это — лютость морозов! Над фонарными столбами так

же торчали столбы искрящейся изморози. Летняя командировка была продолжительнее. Ужаснул вид из окна самолета на подлете к городу: на многие десятки километров простиралась выжженная тундра. Теперь уже навсегда или на сотни лет. Сердце сжалось болью — ведь я ее помнила живой!

Больше всего мне хотелось увидеть родные места. Я прошла по Севастопольской улице, Октябрьской площади, прошла к дамбе на озере Долгом и немного постояла. Здесь парни и девушки назначали свидания... Воспоминания привели меня к Соцгороду, зданию нашего техникума, к ДИТРу. В этот Дом мы ходили в кино, здесь была большая библиотека, ресторан, в котором я так и не побывала...

Я встретилась с моим давним другом Симой Чалкиным (Изосимом Алексеевичем Чалкиным — почетным гражданином Норильска). На своей машине он показал мне новый город и его окрестности. Мы проехали на одну из дальних гор (я раньше там не была), откуда открывалась широкая панорама города, промплощадки и тундры. Мы вспоминали, какой она была чистой и прозрачной. Потом в семье Чалкиных был незабываемый вечер воспоминаний. Были и загадки из разных блюд. Я отгадала и голубику, и морошку, и даже царицу северных ягод — княженику. А вот из чего была строганина — не угадала: называла сига и нельму, а она оказалась из чира.

Больше мне не привелось побывать в Заполярье. Но слух ловит по радио и телевизору сообщения о теперь уже всемирно известном «Норильском никеле». Из всех сообщений больше всего взволновало то, что в городе заложили памятник политзаключенным. Вспоминаю, как по улицам в лютый мороз шли колонны людей в жалкой одежде в сопровождении вооруженных охранников и злых овчарок. Какие тяжкие испытания пришлось на долю безвинных людей!.. Они достались и моему отцу... Он сберег в себе человека, и в память о нем я взялась за перо.

О ПРЕДКАХ И РОДИТЕЛЯХ

Все они исконные петербуржцы. Моя бабушка Вера Глебовна Успенская, мать моей мамы, была дочерью известного русского писателя XIX века Глеба Ивановича Успенского и его жены Александры Васильевны. У прадеда было два сына и три дочери. Мой дед со стороны мамы — Борис Викторович Савинков, политический деятель, член партии эсеров, организатор террористических актов, публицист и писатель. Еще до революции он оставил семью, и бабушка воспитывала одна двух своих детей — Татьяну и Виктора. Б.В. Савинков был племянником известного русского живописца Николая Александровича Ярошенко. Писатель Г.И. Успенский и художник Н.А. Ярошенко дружили и часто встречались в Петербурге и в своих загородных имениях. У Глеба Ивановича

*Родители Георгия Александровича Борисова
Мария Николаевна и Александр Александрович
Борисовы с его детьми Ольгой и Алексеем,
Ленинград, январь, 1931 г.*

*Вера Глебовна Успенская (мать
Татьяны Борисовны Борисовой) с
детьми Виктором и Татьяной.
Санкт-Петербург, 1904–1905 гг.*

Дети писателя Глеба Ивановича Успенского. Слева направо: дочери Ольга, Вера и Мария; сын Борис. Ленинград, около 1930 г.

Татьяна Борисовна Борисова. Норильск, 1951 г.

был небольшой дом в деревне Сябраницы Новгородской губернии, а у Н.А. Ярошенко прекрасная «Белая вилла» в Кисловодске (там теперь художественная галерея). Ярошенко написал несколько портретов друга-писателя. Есть и портрет бабушки Веры Глебовны. Благодаря дружбе Ярошенко и Успенского встретились в молодости мои бабушка и дед.

Мой дед со стороны отца — Александр Александрович Борисов. Его жена, моя бабушка Мария Николаевна Борисова (Кускова), была дочерью врача Николая Ивановича Кускова. У супругов Борисовых было четыре сына — Георгий, Иван, Всеволод и Алексей. Дед всю жизнь преподавал математику в гимназии, а после революции — в школе. Бабушка всегда была занята только детьми и домом.

В бурные годы революции братья Борисовы и брат с сестрой Успенские оказались в одной молодежной компании. Там и встретились мои родители. Они поженились в 1922 году и любили друг друга до последних дней своей трудной жизни, вместившей в себя революцию, Гражданскую

войну, репрессии, Великую Отечественную войну и потерю на ней сына.

Когда родители создали семью, у мамы за плечами была гимназия, у отца после гимназии еще и армия. Он был матросом и как раз во время Кронштадтского мятежа служил именно в Кронштадте.

Жилья у родителей не было, приличного достатка тоже. В 1924 году у них родился сын Алексей, в 1927-м — дочь Ольга (это — я), а через девять лет родилась Мария. Только в 1930 году у нас появилось свое жилье — две небольшие комнаты в коммунальной квартире на Ропшинской улице Ленинграда. Там мы жили до войны. Папа выучился на инженера-гидротехника и работал по специальности, а мама растила нас. Отец часто бывал в командировках.

Я многое помню из детства. На кухне помню три керосинки и единственный кран с холодной водой. Было тесно. В последующие годы я пережила еще 15 коммунальных квартир... Помню, что в начале 30-х годов отменили запрет на установку новогодних елок. Мы с папой выбрали ее в Ропшинском саду, где был устроен елочный базар. И еще помню очереди в стоявший напротив наших окон газетный киоск. Тогда газеты были полны списков все новых и новых врагов народа. Это началось в 1933–1934 годах. Особенно большая волна и арестов, и публикаций была после убийства С.М. Кирова. Именно в этот период был арестован мамин брат Виктор Борисович Успен-

Семья Борисовых (слева направо): Маша, Татьяна Борисовна, Оля, Георгий Александрович на отдыхе в доме отдыха «Таетжный». 1955 г.

ский. Его обвинили в участии на покушение Кирова и расстреляли (реабилитирован в 1955 году). Мне тогда было всего семь лет, но я отчетливо помню тот ужасный день на нашей коммунальной кухне: мама и бабушка Верочка обливались слезами под неусыпным оком любопытных соседей и готовили что-то очень вкусно пахнущее. На следующий день бабушка уехала на последнее свидание со своим сыном...

Потом увели и отца... Помню ночь лета 1937 года. Были ужасный шум, грохот, чужие голоса. Я вышла из спальни и увидела, что трое неизвестных выкидывают из шкафов книги, фотографии, папину любимую коллекцию бабочек, роются в столах, в двери протискиваются соседи по квартире, а потом и по подъезду. Папа, мама и брат сидели, а меня попросили караулить девятимесячную сестренку. Нарастающий шум разбудил Машу. Тогда я вышла и сама накричала на непрошенных гостей за то, что разбудили ребенка. Они вдруг смолкли, а один из них сказал: «Да ты сама еще ребенок». Это лишь на мгновение притормозило процедуру. И под злобный ропот разбуженных соседей отца увели, а нас не пустили дальше порога.

Мама влилась в толпу людей у тюрьмы в ночное время. Жены, дети, родители заключенных имели право с определенной периодичностью узнавать судьбу своих близких. И каждую ночь в очередях к равнодушному справочному окошечку тюрьмы собирались тысячи людей. Мама, конечно, тоже простаивала в очередях, но долгое время ответ был одинаков: «Следствие продолжается, переписка и передачи не разрешены!»

В одну из таких ночей к маме подошла незнакомая женщина, отвела ее в сторонку и осторожным шепотом рассказала, что там-то есть дверь без охраны и в таком-то кабинете без секретаря сидит чиновник, который ведает вопросами передач для заключенных... Как и полагается добрым феям, женщина скрылась. А мама не замедлила проверить совет и, к великому удивлению, попала к этому че-

ловеку. И он не только выслушал ее рассказ о том, что ее муж уже скоро год как не имеет передач и, вероятно, его одежда просто истлела, но и дал разрешение на передачу. Позже папа рассказывал, как очень долго заключенные Крестов перестукивались, сообщая, что сидящему по Особому Совещанию пришла передача из дому.

В свою очередь мама поделилась с очередью у тюрьмы своей удачей. И, как она рассказывала, чиновник потом пришел в ужас от количества желавших попасть к нему. И, конечно, та дверь обрела и охранника, и замки.

Отец провел в Крестах почти два года. Все это время он сопротивлялся абсурдным обвинениям в участии в групповом терроре и подрывной деятельности. Позже, когда мы приехали к нему в Норильск, он немного рассказал об этом. Только после жестоких пыток голодом, длительного пребывания в одиночной камере без сна, но более всего из-за угрозы репрессировать семью он написал обвинение. При этом он получил минимальное по тем временам наказание — 5 лет лагерей с правом переписки. Его сразу отправили по этапу в Норильск.

А мы остались в совершенно бедственном положении. Мама, как жена «врага народа», смогла устроиться на работу только в артель по изготовлению елочных игрушек. Зарплата там была мизерная. Благодаря денежной помощи папиных братьев Ивана и Алексея мы как-то существовали. Бабушка Вера перешла жить к нам.

Мы, семья «врага народа», все больше ощущали на себе это клеймо. Косые взгляды соседей и изменившееся к нам отношение в школе вскоре показались нам мелочью. Сначала из города выслали бабушку. Хорошо, что в Сябраницах был дом прадеда. К тому времени на первом этаже располагался музей писателя, а второй принадлежал его потомкам. Но дом был недостаточно приспособлен для проживания зимой, и бабушка, уехавшая туда с двумя внуками (моей сестрой Машей и дочкой маминого брата Аллой) ис-

пытывала значительные трудности. Поэтому маме приходилось каждую неделю ездить туда с тяжелым рюкзаком с продуктами.

Затем начали преследовать маму. Нас, детей, у мамы было трое, а советские законы в некоторой степени охраняли многодетных матерей, однако ее много раз вызывали и предлагали (пока добровольно) отъехать от Ленинграда километров на 100. Дошло до абсурда, когда чиновник предложил маме очередной вариант. Он решил, что будет хорошо, если мама и дети уедут хотя бы в Сябраницы и постоянно будут жить там. При этом он даст маме разрешение ежедневно приезжать на работу в Ленинград. Наконец мама спросила его, почему ее пребывание в городе опасно именно в ночное время, а днем она может делать что хочет. После этого следователь прекратил дело о нашей высылке. Здесь уместно вспомнить, что в 1939–1940 годах шла советско-финляндская война. Для ленинградцев это было большим испытанием. Затемненный, находящийся на особом военном режиме город тогда еще пережил и аномально холодную зиму: морозы доходили до 50 градусов...

Поскольку отец был осужден с правом переписки, то изредка от него приходили вести, и мы посылали письма и даже посылки. Однажды папа попросил прислать ему очки. Оказалось, что это не только дорого, но и очки были дефицитом. Тогда мама просто подошла к одному из мастеров и сказала, что очки очень нужны в лагерь политзаключенному. Мастер только спросил маму о диоптрии и расстоянии между глаз. На следующий день он отдал маме очки и не взял денег.

В одном из следующих писем папа попросил маму побывать у Анны Андреевны Ахматовой. Уже потом мы узнали, что отец и Лев Николаевич Гумилев в Норильске проживали в одном бараке и, как говорили тогда, «сидели на одних нарах». Л.Н. Гумилев права на переписку не имел, и мой отец сделал сообщение для матери Левушки (так он называл своего младшего соседа). Это теперь мы все знаем и чтим имя этой ве-

---

ликой женщины. А тогда моя мама навестила глубоко несчастную мать, сын которой был в заполярных застенках и о котором не было никаких сведений.

После того как увели отца, несмотря на все препятствия, мы, его семья, жили дружно, старались поддержать друг друга, особенно маму. Каждое лето мы ездили в Сябраницы, где мы, дети, очень хорошо проводили время под присмотром бабушки. В нашей довоенной жизни эта деревня была неким оазисом. Кстати, именно в помещении бывшего кабинета своего прадеда-писателя я родилась в свой час. Именно это место на земле я считаю своей малой родиной. Люблю его и помню и дом, и маленькую речку Кереть, где глубина была, как говорили в деревне, «по Ванькин пуп, когда Ваньке было 5 лет». В запущенном саду, когда-то посаженном писателем, еще росли фруктовые деревья. И яблони, и груши одичали, но мы с удовольствием ели их жесткие и кислые плоды. А за речкой был лес с ягодами и грибами.

В той любимой деревне моего детства мы хорошо дружили со сверстниками. Особенно хороши были наши зимние игры, когда мы бывали там на каникулах. У нас было свое племя — «борзаус». Называлось оно так по первым буквам наших фамилий (Борисовы, Закачурины, Успенские). Во время Великой Отечественной войны оба брата Закачурины погибли на фронте. Многих жителей угнали в Германию. Деревня сильно выгорела, а наш дом уцелел.

В 1941 году я первый и единственный раз была в пионерском лагере. Там и застал меня первый день войны. Уже на второй день вокруг лагеря начали взрываться фашистские бомбы. Нашему лагерю повезло, поскольку наши руководители сумели провести нас ночью по лесу и отправить в Ленинград с маленькой, неприметной станции. Мы тогда не потерялись и поэтому смогли эвакуироваться вместе с родными. Вопрос о нашей эвакуации решили папины братья.

Грандиозное передвижение массы людей в районы, отдаленные от боевых действий, — это отдельная

история, о которой надо писать отдельно. Как участники эвакуации, мы пережили много трудностей. Но опять же на это можно посмотреть и с другой стороны — никто из нас не потерялся в пути, а таких случаев было великое множество. Наши составы не уехали, когда мы с кастрюлями пробирались под вагонами стоящих составов за пищей. Тыловой, перегруженный людьми Омск приютил и нас. Скучно, но кормил. Брат мой окончил там школу, а сестренка ходила в садик. Я немножко училась и окончила седьмой класс. Мама работала на Омской биофабрике. Она много работала и еще сдавала кровь, была почетным донором. Но когда Леша ушел на фронт, пришлось и мне работать на этой же фабрике. Большой наградой для меня стала недавняя высокая оценка нашего труда. У меня есть удостоверение и две медали. С высоты сегодняшнего возраста я понимаю, что такая оценка нашего детского труда и справедлива, и заслуженна. И я очень горжусь этим.

Первым серьезным потрясением для нас в Омске было известие о смерти бабушки Веры Глебовны в блокадном Ленинграде. Она отказалась ехать с нами в эвакуацию. Возможно, она надеялась сохранить нам квартиру и вещи. Но получилось все не так. Мы потеряли бабушку и лишились всего имущества. Еще страшнее было известие, что Леша пропал без вести в боях. А когда пришло известие, что наконец-то папа освободился из заключения и мы можем приехать к нему в Норильск, мы с мамой без колебаний приняли решение ехать. Шел уже 1944 год. Продолжалась война, и страна была в очень тяжелом положении. Мы покидали когда-то совершенно чужой нам Омск с чувством глубокой благодарности и симпатии к городу и его приветливым людям.

Наш путь оказался и сложным, и долгим. Все началось с того, что по незнанию мы сдали присланные отцом документы в кассу Омского вокзала при покупке билетов на поезд. А в Красноярске оказалось, что без этих документов нельзя купить билет на теплоход.

Нам пришлось прожить в Красноярске 17 трудных суток, пока не пришли новые документы и следующий теплоход. У нас было чуть-чуть одежды, но большую часть ее пришлось продать. Здесь пригодился мой омский опыт общения с барахолкой. Ведь надо было снять угол в каком-то доме и надо было что-то есть...

Уже на восемнадцатый день мы наконец заняли свои полки в помещениях третьего класса на пароходе «Спартак». Это был старый, выдавший виды колесный пароход, который вез нас до Дудинки почти десять суток. Постепенно наши волнения улеглись. Мы немного отдохнули, а потом с удивлением и восхищением стали любоваться окружающей природой. Нас даже перестала огорчать тихоходность нашего парохода, можно было не просто увидеть, а подробно рассмотреть красоту развертывающихся берегов. Я в последующие годы плавала по Енисею вверх и вниз раз двадцать. И всегда неизменной оставалась радость встречи с красотой. Но чем ближе мы продвигались к Северу, тем меньше встречалось населенных пунктов. Берега становились однообразнее, постепенно лес уступал место скудной мелкой растительности. К концу путешествия стало холодно, хотяплыли мы в июне.

Наконец стала видна Дудинка, где нас должен был встретить отец. Все пассажиры перешли на один борт. С первого раза пароходу не удалось причалить к берегу, на котором громоздилась масса льдин. Мама сразу увидела на берегу отца, а он ее. Я не различила его в толпе. Когда пароход делал третью попытку причалить, папа не выдержал и прыгнул к нам на борт. Пароход тут же пошел на новый круг, чтобы наконец сдать нас в новую жизнь. Дальше мы ехали по узкоколейной железной дороге, тогда еще тихоходной, со стоянками на разъездах. Но нам уже было все равно. Мы были вместе, и это дарило нам счастье.

ПЕРВЫЙ НОРИЛЬСКИЙ ПРИУТ

В Норильске отец привел нас в «свой» дом. Я уже упоминала о мужском общежитии в доме барачного

типа. Здесь у папы была только койка. Но у него за годы пребывания в Норильске уже были и знакомые, и друзья. В комнате стояло пять кроватей, но двое папиных соседей просто взяли нужные вещи и ушли, предоставив нам свои места. Позже мы узнали, что все ночи они спали на своих рабочих столах в проектной конторе. Один из них, Платон Николаевич Прежевский, навсегда стал другом нашей семьи. К сожалению, я не помню того, кто был вторым благородным человеком.

Мы не виделись шесть лет, а так много было пережито в разлуке. В общежитии среди совершенно чужих людей даже поговорить было невозможно. И надо было как-то организовать питание, когда нет ни кастрюлек, ни ложек. Где и как стирать? Где приобрести необходимое? Ответ один: мир не без добрых людей...

Папа в первые дни нашей совместной жизни в Норильске сводил меня в тундру. Сам страстный любитель природы, он был рад, что я с интересом слушала его рассказы и пошла с ним. Этот первый поход я вспоминаю в подробностях до сих пор. На меня сильное впечатление произвело все: карликовые березы, рядом с ними рослый иван-чай, неизвестные цветочки и мох. Дорог нет, тропинок практически тоже нет — надо прыгать с кочки на кочку. Удивительно прозрачна и чиста тогда была вода в бесчисленных больших и маленьких озерах. Хотя они в большинстве своем глубокие, но окуньки у самого дна были видны очень четко. Неизгладимое впечатление произвели бесчисленные и очень кусачие комары и мошки. Именно в этих местах, где я в первый раз знакомясь с тундрой, сейчас стоит город Норильск...

А теперь я расскажу о доме, в котором нам дали отдельную комнату. В нем не было водопровода и канализации — легко себе представить, с какими чувствами мы бегали в мороз во двор в туалет... И все же мы были рады, что живем всей семьей, правда тесновато, в небольшой, примерно 15-метровой, комнате. Это уже был свой дом. Запомнились жильцы

квартиры. Одну комнату занимал боец военизированной охраны лагерей (ВОХР) Сергей с женой Граней и маленьким сыном. В самой маленькой комнатке ютились двое пожилых людей — Николай Алексеевич Глазков и его милейшая жена Татьяна Лукьяновна. Жили мы очень дружно.

Однажды к нам в гости пришел один из папиных друзей — Георгий Яковлевич Шамшура. Через некоторое время в дверь постучал сосед Сережа и спросил, нет ли у нас лекарства для сынишки (у него был понос). Георгий Яковлевич предложил чернику. И они вдвоем отправились к Шамшуре. Соседи Георгия Яковлевича заволновались: почему за их соседом идет боец военизированной охраны? Неужели его снова забирают? Оснований для таких мыслей было достаточно...

Так мы жили около трех лет. Отец много работал. Кроме работы в проектной конторе он еще преподавал в техникуме. Его заработка нам вполне хватало на текущую жизнь. Мы с мамой, а особенно я, как бывшая в Омске «главным хозяйственником», долго не могли привыкнуть к тому, что не нужно считать каждую копейку. Но более всего нас поражало снабжение продовольствием. Ассортимент и количество продуктов на каждую карточку были очень скромными, но по сравнению с Омском это казалось невероятным: в паек входили давно не виданные сливочное масло, сахар, разные крупы и даже мука. Причем по Машинной детской карточке мука полагалась высшего сорта, так называемая «тридцатка». А на рынке по более высокой цене было все, в том числе американская тушенка, рыба из местных водоемов, оленина местного производства, дикие гуси и утки, особенно во время их массовых перелетов. Продавали и одежду. А вот чего не было, так это свежих овощей.

Особым дефицитом была мебель. Мама познакомилась с Ваней из соседней квартиры. Он воевал, попал в плен, стал ссыльным. Этот парень умел мастерить и сделал для нас пару столов, книжный стеллаж, сундук, табурет. Эти вещи прожили вместе с нами

большую жизнь в Норильске. Потом папа в 1960 году прислал их мне в Новосибирск. Эта мебель переезжала с нами по мере расширения нашего жилья. А когда мы приобрели домик в деревне, она перекочевала туда и продолжает служить нам, сохраняя нашу память о прошлом.

Я часто думаю о тех временах, вспоминаю родителей и тех, кто бывал у нас в доме... Как ужасно тогда были переломаны жизни и судьбы многих людей! После освобождения из заключения отцу, как и большинству бывших политзаключенных, оформили ссылку с проживанием в Норильске. При этом мы оставались по-прежнему детьми «врага народа», а это значит: мы были бесправными. Но тогда, несмотря на страшную действительность, молодость, думаю, побеждала.

ШКОЛА, ТЕХНИКУМ, ИНСТИТУТ...

В школе все мы были переростками: у многих из-за войны были временные перерывы в учебе. У меня больше всех — три года. В восьмом классе нас было человек двадцать. К десятому классу нас осталось только двенадцать человек. Тяжело было догонять товарищей. Три года, проведенные на омских базарах, в очередях за хлебом, топливом, в работе на полях сов-

Одноклассница Аня Казенных и Оля Борисова, Норильск, в тундре, 1947 г.

хозов, были, конечно, серьезной школой жизни, но я отвыкла учиться, а знания, приобретенные ранее, потускнели... И только к десятому классу я вполне освоилась в школьной жизни. Помню всех одноклассников поименно. Вот список учеников десятого класса Норильской школы № 2 — выпуск 1947 года: Лида Аки-

нина, Неля Беднягина, Оля Борисова, Люба Груба, Валя Дружинина, Нила Жепко, Наташа Кашина, Аня Казенных, Ира Соколова, Юра Александровский, Костя Сандровский, Лева Козлов. Наш класс дружил с девятым классом. Полный список его учеников стерся из моей памяти за небольшим исключением. Помню Герольда Коновалова, Колю Рукусуева, Леву Ишутину, Раю Стрельникову, Борю Проскурина. Помню четко только двух учителей: учительницу русского языка и директора школы Веру Львовну Туранову и учительницу химии Донию Александровну Волох.

Какая теплая, дружеская обстановка была на вечеринках. Мы вместе гуляли, и нипочем нам были северный холод и вечно дующий в лицо ветер (норильчане называли его «в морду винт»). В театр мы ходили или группами, или всем классом. До сих пор огорчаюсь, что не запомнила тогда игру И. Смоктуновского и Г. Жженова. Они в то время играли в Норильском драматическом театре, и мы не могли не видеть их. Но чаще всего мы ходили в ДИТР смотреть кино.

В конце учебы мы сдали одиннадцать экзаменов. Не знаю, кто был больше рад и взволнован тем, что я получаю аттестат зрелости: мои родители или я сама. Началась подготовка к выпускному вечеру. Новое платье стало большой проблемой. В конце концов нашли портниху, и она сшила мне платье. Материалом для него послужила подкладка шубы, которая досталась нам как американский подарок. Платье темно-вишневого цвета с каким-то рисунком было первым в моей жизни шелковым платьем. На выпускном вечере я казалась себе очень нарядной, праздник был теплым, приятным и памятным: после торжественной части были самодеятельный концерт и небольшой банкет. А потом белой ночью Заполярья мы долго гуляли по городу, у дамбы на Долгом озере и в тундре. С нами все время были учителя и директор Норильского комбината Владимир Степанович Зверев.

*Ольга Борисова,
студентка Норильского
горно-металлургического
техникума. Норильск,
1947–1950 гг.*

Большинство из нашего класса уехали поступать в институты. А Нила Жепко, Валя Дружинина и я поступили в техникум. Тогда с аттестатом зрелости в техникум принимали сразу на второй курс и без экзаменов. В первый год после школы у меня была переписка с одноклассниками, а потом мы потерялись. Только с Ирой Соколовой (Ириной Анатольевной Соколовой) у нас сохранились дружба и переписка.

Наш техникум был уникальным учебным заведением. Он готовил специалистов среднего звена — геологов, горняков, обогатителей, металлургов и электриков. Благодаря составу наших педагогов, отлично организованному учебному процессу, полноценной учебной и производственной практике и дипломному проектированию на базе реальных производственных объектов техникум выпускал высококлассных специалистов.

Мы получали сравнительно большую стипендию. Иногородние студенты жили в общежитии. Поскольку в стране еще действовала карточная система, большая часть стипендии автоматически передавалась в столовую: студенты обеспечивались трехразовым питанием. При входе в столовую выдавали ложку и не пропускали, пока не выпьешь кружку витаминного настоя на хвое. Эта же ложка была пропитком на выход. Всем студентам шили одежду бесплатно. У девушек были костюм и «москвичка» (утепленная куртка с меховым воротником), а у парней — китель, брюки и шинель. К концу учебы, когда в стране ввели форму для горных специалистов, в том числе и для студентов, нам сшили соответствующую форму.

Ольга Борисова и Ира Соколова. Норильск, 1951 г.

Большинство преподавателей техникума были сотрудниками проектной конторы с большим опытом работы, в основном из числа заключенных. И сегодня мы вспоминаем с мужем Андреем Андреевичем Бовиным, который также окончил Норильский техникум в один год со мной, наших преподавателей. Я получила специальность «обогащение руд», а он — по горному делу. Номера наших дипломов стоят рядом. Вот какой список преподавателей техникума мы составили общими усилиями:

Петр Михайлович Афанасьев (предметы: рудничный транспорт, подъем, вентиляция, техника безопасности); Лев Шалвович Белиходзе (технология металлов); Георгий Александрович Борисов (гидротехника); Блок (английский язык); Букин (механика); Д.К. Волошин (обогащение руд); Гринберг (математика); Т.З. Дзугев (обогащение руд); Евгений Константинович Красницкий — начальник горного отделения (основы горного дела); Константин Игнатьевич Лозовой (черчение); Владимир Владимирович Люри (системы разработки пластовых месторождений); Муромец (горные машины); Борис Семенович Павлов (геология, минералогия); Григорий Александрович Пчелкин (сопротивление материалов); Валентин Никонович Скалигеров (строительное дело); Михаил Петрович Сорокин — директор техникума (электротехника); Николай Михайлович Фе-

*Ольга Борисова, выпускница
Московского института
цветных металлов и золота
им. Калинина. Москва, 1954 г.*

доровский (минералогия); Константин Иванович Чащин (физика); Георгий Яковлевич Шамшура (геодезия и маркшейдерское дело); Фридрих Генрихович Шмидт (математика); Петр Яковлевич Ярутин (обогащение руд).

Всех преподавателей объединяла высокая культура и ответственность за то дело, которое им было поручено. Мне хочется подробнее рассказать о Н.М. Федоровском, известном минералоге, члене-корреспонденте АН СССР, основателе и руководителе Всесоюзного научно-исследовательского института минерального сырья

(ВИМС). Его вклад в становление отечественной минералогии был так велик, что руководство норильского лагеря сочло возможным разрешить ему безнадзорное проживание в помещении техникума во время его заключения. Он жил в малюсенькой каморке вместе с Ф.Г. Шмидтом, бывшим ленинградским профессором, который тогда тоже был в заключении. Как они жили, я не знаю, но видела Федоровского во время наших частых вечеров танцев в фойе техникума. Он стоял у двери своей комнатки под лестницей. О чем думал, глядя на нас, сохранивший былую красоту высокий прямой совершенно седой человек? На уроках я тогда совершенно не представляла себе его величину и легко вступала с ним в беседу, когда он разговаривал с нами. Прошли годы. И вот однажды я прочитала в газете «Правда» некролог, посвященный Н.М. Федоровскому, из которого узнала о жизни и

деятельности Николая Михайловича. Но более полное представление о нем как об ученом я получила много позже. Я уже работала научным секретарем института «ЦНИИОлово» в Новосибирске и была направлена в 1978 году представителем на торжественное заседание ученого совета ВИМСа. Зал был переполнен — институту исполнилось 60 лет! Имя Федоровского звучало в каждом выступлении — ведь этот институт был его детищем. Я начала свое приветствие так: «Когда я была совсем молодая, я училась у Николая Михайловича...» Я четко помню звенящую тишину зала. От меня ждали подробностей, поскольку знали, что он был опальным. Но тогда еще не пришло время открыто, с трибуны говорить о таких, как у Федоровского, судьбах. Однако на выходе с трибуны меня задержали «аксакалы» института и долго выпытывали подробности его норильского периода.

Нельзя не вспомнить веселого, удивительно доброжелательного и в то же время строгого Л.Ш. Белиходзе. Он старался максимально прислушиваться к аудитории, когда замечал потерю интереса к тому, что говорил, и непременно делал разрядку байкой или анекдотом. А вот еще один эпизод, сохранившийся в моей памяти об этом человеке, который работал с моим отцом. Как-то в летние каникулы я с подругами собралась поехать на юг. Папа сказал об этом Льву Шалвовичу, и он сразу же предложил мне погостить в Тбилиси у его матери. Сам он в это время был, как и большинство освободившихся из заключения, ссыльным и в Тбилиси не был давным-давно. Как гостеприимна и внимательна была к нам его мама! Когда мои подруги уходили спать, мы с ней говорили долго и ложились спать далеко за полночь: она так мало знала о сыне, Норильске, жизни на Севере. При этом в рекомендательном письме Лев Шалвович разрешил нам доверительное общение, что было еще так опасно в то время. И я, как могла, рассказывала ей про Север, лагерь, проектную контору и техникум.

Не знаю, помнят ли выпускники техникума

обязательный вопрос В.Н. Скалигера о размерах кирпича. Не зная этого, трудно было рассчитывать на положительную оценку на экзамене. Б.С. Павлов увлекал своим предметом, дополняя его примерами из собственной практики. Г.Я. Шамшура с особой нежностью относился к своему предмету. Например, вместо слова «гора» он говорил: «Горушка...»

Учили нас очень основательно, серьезными были и наши дипломные работы. Правда, тут снова всплыли анкетные данные дочери «врага народа» — мне не дали допуска к материалам норильских фабрик. Парадокс состоял в том, что, во-первых, я с теми же анкетными данными уже побывала на практике на Большой обогатительной фабрике (БОФ) и на Малой обогатительной фабрике (МОФ). К тому же мой отец тоже имел допуск. Пришлось проектировать Красноуральскую фабрику по литературным данным. Специальной частью был проект хвостохранилища. Хвосты — это отходы фабрик. Они представляют собой жидкую взвесь измельченной до микронного состояния рудной массы, из которой в процессе обогащения извлечены ценные компоненты. Отвод хвостов и их хранение требуют сложных гидротехнических решений. Но ведь это была специальность отца. С таким домашним консультантом я предложила приемной комиссии хорошую и современную разработку. Мы с папой заложили использование пластмассовых труб для транспортировки хвостов. Председателем комиссии, принимавшей наши дипломные работы, был главный обогатитель Юрий Федорович Ненарокомов. Он долго расспрашивал меня, когда и где можно будет заказать для комбината нужные трубы. Мне поставили отлично и очень хвалили — приятно до сих пор.

В техникуме я вступила в комсомол. Это было простое решение. Мне очень хотелось быть с теми ребятами, которые интересно и активно проявляли себя как раз на комсомольской работе. Видела я, что папа настороженно относится к этому вопросу. Но в молодости все решается быстрее и проще, тем более

что и комсомольцы видели во мне активного человека и поэтому звали. Их не смущало, что папа репрессирован по серьезной статье. В общем, меня приняли. Я никогда об этом не пожалела. И в техникуме, и позже в институте мне встретились хорошие люди, из которых многие стали друзьями на всю жизнь. Комсомол для молодежи был хорошей школой: мы научились работать с людьми, добросовестно относиться к порученному делу, дружить и веселиться, некоторые стали отличными организаторами.

Хорошая тому иллюстрация — рассказ о Симе Чалкине. Нельзя рассказывать о техникуме той поры и не сказать о нем. Очень оптимистичный и веселый человек! Он был одарен умением делать все хорошо, бодро и по возможности легко. Он хорошо учился и стал прекрасным металлургом. Во время нашей последней встречи он показывал мне свои авторские свидетельства на изобретения в области металлургии. Незабываемо его пение в самодеятельности, перерывах между занятиями, просто в коридоре или на субботнике. В техникуме он был комсомольским вожаком. Он быстро стал руководителем и на никелевом заводе. Когда страна позвала поднимать отстающие колхозы, Сима собрался и поехал. Колхоз вышел в передовые, и тогда его временный председатель, награжденный орденом, вернулся в Норильск и снова принялся выплавлять кобальт. Норильск выбрал Изосима Алексеевича Чалкина своим почетным гражданином. С женой Лидией Александровной и детьми Василиной и Сашей он переехал жить в Красноярск. Несколько лет назад Симы не стало. Лида писала мне, что он вышел на балкон и неожиданно упал. Лида попыталась сделать ему искусственное дыхание, а он притянул ее к себе, поцеловал... и умер. Светлая ему память!

В каждой книге «О времени, о Норильске, о себе...» (а их теперь уже девять!) я непременно нахожу много знакомых фамилий, в том числе и тех, с кем привелось учиться в техникуме. Это значит, что наша молодая активность жива и поныне. Секретарем ко-

митета ВЛКСМ был тогда Петя Андреев — он больше всех зазывал меня в комсомол. Еще помню одного активиста — его тогда называли Боб Колесников. Мы оба выпускники техникума 1950 года. Нам часто приходилось общаться в годы учебы. С ним было интересно работать в комсомоле. Много позже я узнала, что Борис Иванович Колесников стал директором Норильского комбината. В последние годы работы мне довелось встретиться с ним на одном из совещаний по проблемам цветной металлургии, которое проходило в Новосибирске. Было приятно, что он сам вспомнил мое имя. Но поговорить тогда нам не удалось: все его время было расписано по минутам. С Ильей Ивановичем Стрельниковым встречались мельком в Норильске, когда я приезжала на каникулы. С Сашей Попковым мы учились в Московском институте цветных металлов и золота на одном факультете, работали в комсомольском бюро — наша дружба сохранилась на всю жизнь.

Я уже упоминала, что мой муж Андрей Бовин тоже окончил горное отделение Норильского техникума. Мы подружились с ним в комсомоле, оба бывали на вечерах, где танцевали под баян Вити Чермянина. Тогда мы с Андреем еще не знали, что это знакомство

*Андрей Андреевич и Ольга Георгиевна Бовины с дочерью Ирой.
Новосибирск, 1959 г.*

будет роковым. Потом в одно время мы учились в Москве: он был студентом горного института, а я — цветных металлов и золота. Встречались несколько раз в общих компаниях, где объединял нас Норильск. Организатором был Саша Попков (Александр Николаевич Попков стал крупным ученым в области металлургии цветных металлов, он долго работал в московском институте «Гинцветмет»). Встреча, решившая нашу судьбу, произошла в Новосибирском оперном театре, и в январе 1958 года мы поженились. Жизнь пролетела быстро, мы уже отметили золотую свадьбу... Дочка, внучка, дача, пенсия... Андрей Андреевич продолжает работать, он профессор кафедры управления Новосибирского университета экономики и управления. Мы не только учились в одном техникуме, но и долго работали вместе в институте оловянной промышленности «ЦНИИОлово» в Новосибирске. С 1978 года он перешел на преподавательскую работу в Новосибирский институт народного хозяйства, около девяти лет был его проректором по научной работе. В последнее десятилетие XX века и в начале текущего, XXI века Андрей Андреевич сначала работал советником главы Администрации Новосибирской области, а затем советником председателя Новосибирского областного совета депутатов. Есть у него и правительственные награды. Я всегда благодарна ему за советы и помощь.

Но вернусь к норильской теме: я получила дип-

Бовины Андрей Андреевич и Ольга Георгиевна с дочерью Ириной и внучкой Ксенией на даче в деревне Ересная. Новосибирская область, 1997 г.

лом с отличием и право на дальнейшую учебу. Это давало мне большой шанс на поступление в вуз без экзаменов и конкурса. Когда я прилетела из Норильска в Красноярск, оказалось, что билеты на самолеты в Москву были проданы на десять дней вперед. Если ехать на поезде, то опаздываю подать документы в срок! Что делать? Я отправилась в представительство Норильского комбината в Красноярске за помощью. Все случилось как во волшебству. Я вошла в помещение в тот момент, когда по лестнице со второго этажа спускалась большая группа людей. Первым шел директор Норильского комбината Владимир Степанович Зверев. Я подошла к нему и попросила разрешения обратиться. Он остановился и спросил, в чем дело.

— Я окончила Норильский техникум, распределение — учиться, предполагаю поступить в МИЦМиЗ. Опаздываю сдать документы. Билетов на самолет нет, — отчеканила я.

— Молодец! — сказал, улыбаясь, директор и обратился к сопровождающим: — Отправить ее немедленно!

Через несколько часов я уже летела в Москву. Сдала документы в последний день. А на следующий день — новое препятствие. Мои документы отправили директору института Тимофею Павловичу Глеку. Он очень долго и настойчиво уговаривал меня отозвать документы. Намакал (я же дочь «врага народа»), что в институте с большой степенью режимности мое обучение нежелательно. Я забирать документы отказывалась. По наивности и молодости мне даже показалось, что я его убедила. Но теперь я думаю, что в нем боролись его желание не ломать мою жизнь с необходимостью соблюдения указания об отказе таким, как я. Он вдруг взял мое заявление и в положенном углу его накосо написал: «Зачислить без общежития». Я очень быстро нашла комнатку, в которой мне хорошо жилось все время учебы, а семья хозяйки квартиры до сих пор мне как родня. С Тимофеем Павловичем Глеком мы еще раз встретились при распределении

выпускников на работу. Он поблагодарил меня и за хорошую учебу, и за комсомольскую активность. А я до сих пор ценю его за рискованное решение...

Когда я училась в Москве, умер Сталин, и я принимала участие в бесконечном шествии к его гробу. В центре не было улицы, свободной от потока людей. Я и теперь не понимаю, почему я пошла в эту толпу? Но это было все, что угодно, но не любопытство. Было совершенно непонятно, как дальше сложится наша жизнь. А перемены начались! В конце 1953 года для студенчества Москвы открылись двери Московского Кремля, и в его великолепном зале устроили невиданный бал, который продолжался три дня. В один из дней там побывала и я. Обошлось без приветствий, докладов и лозунгов. Мы просто ходили и смотрели. И тут же ходили узнаваемые государственные деятели, знатные люди и артисты. Наш замечательный Иван Семенович Козловский играл на гитаре и очаровательно пел романсы. Начинались новые времена?

В СТИЛЕ БАЛОККО

Интересно иногда переплетаются судьбы и жизни людей. С Евгением Александровичем Ерофеевым мы учились в институте в одной группе, ездили на практику, а потом наши пути разошлись, и я забыла, что распределение Женя получил в Норильск. Он проработал там 21 год, где был и главным обогатителем комбината, и директором Большой обогатительной фабрики и еще занимал ряд ответственных ведущих должностей. Потом он переехал в Москву, где на одной из встреч со своими друзьями Борисом Ивановичем Колесниковым и Лидией Александровной Чалкиной (Симы уже не было) в разговоре выяснилось, что все они знают меня. Мы стали переписываться. Вот из его письма я и узнала подробности о моем отце: «Мы вместе делали проект водоснабжения БОФ и подледного складирования хвостов, что было очень сложно в условиях Крайнего Севера. Это потом к нам в Механобр (Ленинградский институт) кто только не приезжал с

Кольского полуострова, из Якутии». Евгений Александрович сообщил, что был в Норильске на праздновании 50-летия комбината и что потом отдыхал вместе с Колесниковыми в санатории «Белое озеро» под Шатурой. А на последнее свое письмо я получила печальную весть от его жены Светланы Николаевны, что Евгений Александрович скоропостижно скончался...

Моему отцу был всего 61 год, когда он умер в родном Питере, где жили его предки и где раньше жил он сам. Мы потом читали его записи. Удивительно, в них так много доброты к нам, вообще — к людям, и нет обвинений тех, кто так жестоко сломал его жизнь...

В норильском лагере были тысячи людей. Тех, кто был осужден в 1937 году и имел срок 5 лет, в 1942 году стали понемногу освобождать. Я говорю «понемногу» не зря. В те годы шла жестокая война, и под этим предлогом очень многим (и моему отцу в том числе) сказали: «Сейчас не до вас, некогда нам заниматься вашими делами». И люди «пересиживали» иной раз и по году. Но и в этом случае вставала очень большая проблема: где жить? Люди собственными силами и средствами умудрялись строить разные маленькие жилища (балки). Такие постройки прозвали «дома в стиле балокко». Из них стихийно вырос большой квартал. Конечно, он не имел генплана, домики прилеплялись друг к другу, были разной величины и конфигурации. Строительным материалом служило то, что человек в тот момент мог найти, и я бывала в этом квартале в гостях у Г.Я. Шамшуры, Г.Г. Старицкого, Г.В. Михайлова. Все пытались сделать свое жилье более или менее уютным. В нем было электричество, имелись обогревательные приборы и плитки. Совершенно не помню, как они приспособились с водоснабжением, канализацией — врезались в общую систему? Но такое жилье не могли позволить себе все освободившиеся. Они не могли вызвать к себе семьи и уехать никуда не могли, поскольку практически всем политзаключенным были оформлены ссылки с проживанием в Норильске: из зоны — никуда! И хотя

строительство города шло быстрыми темпами, оно не успевало за жизнью северян.

Нам повезло. В конце 1946 года наша семья получила отдельную двухкомнатную квартиру в одном из домов на Октябрьской площади. В ней была большая комната с альковом, маленькая комната, кухня и прихожая. Было еще помещение для ванной, но оно не было подключено к водопроводу и долго служило хранилищем угля для топки плиты на кухне. И еще была лоджия. В отдельной квартире больше всего мы оценили свободу. Говорили и делали что хотели и как хотели. Именно потому увеличение жилой площади было очень привлекательным и для наших друзей. Очень скоро наш дом иначе как «Борисовкой» не называли! Это был открытый семейный дом, где царили уют, радушие и приветливость.

Помню, что над овальным столом висел абажур, а стол покрывала вышитая мамой скатерть. На стенах висели фотографии и окантованные репродукции картин известных художников. Салфетки и маленькие коврики с мамиными вышивками тоже несли тепло нам и нашим друзьям. Уюта добавляла наша кошка Нилька. Все любили и ее, и ее котят — их забирали, фотографировали...

Очень скоро у нас появились телефон и радио. С первых дней в сравнительно большой прихожей на самодельный стеллаж водружались все новые и новые книги. В городе уже работал книжный магазин, начали издаваться книги по подписке.

О свежих овощах тогда даже не мечтали, картошка и та была сушеная. А вот местной рыбы было много, особенно вкусны были чир, нельма, сиг, хариус. Частенько ее продавали просто на улицах, например на углу нашего дома, прямо под лоджией. Мы освоили экзотический способ покупки рыбы: сначала проводили переговоры с продавцами прямо с пятого этажа, потом на веревочке спускали деньги и тару, а продавцы таким же образом отправляли нам продукцию наверх.

Этот угол был рядом с черным ходом хозяйственного магазина. Когда в магазин завозили какой-нибудь дефицит (обычно в начале навигации), мы наблюдали настоящие представления, когда резиновые сапоги, кастрюли или зонтики «давали» через заднюю дверь. Очень старался помочь городу местный совхоз, но он не мог обеспечить потребности растущего населения города.

Пятидесятые годы стали для «Борисовки» очень значимыми. Для меня «Борисовка» и ее гости — большая школа жизни и человеческих отношений. Мне было интересно с людьми, которые хотя и были обижены унижениями, но все же сумели сохранить в себе достоинство, великодушие, высокие нравственные ценности и интерес к жизни. Они, я чувствовала это, искренне и преданно любили свою Родину.

Мои бесстрашные родители старались стать отдушиной для людей, еще не покинувших зону. Тогда многие папины сотрудники по проектной конторе были заключенными, но отец имел право давать им пропуск для решения отдельных вопросов. Под таким предлогом он давал друзьям наш адрес, а маме звонил, что к ней придут. И мама обязательно готовила для них что-нибудь повкуснее, разрешала гостю в ватнике хоть часок поспать не на нарах и, конечно, всегда выслушивала гостей... Родители очень рисковали. Много позже наш большой друг, поклонник «Борисовки», знаменитый полярный летчик Василий Михайлович Махоткин, на большом застолье сказал: «Здесь нас в эковских клифтах принимали со всеми почестями, как английских лордов в смокингах».

Наши друзья любили просто насладиться домашней обстановкой, делились переживаниями, новостью или огорчением. А потом мама ставила на стол суп из куропатки с домашней лапшой или пышный пирог с нельмой или чиром... И все понимали, какая это роскошь — человеческое общение! Веселым, умным, озорным, приветливым людям вместе было у нас хорошо, я помню это. Самим собой стать тогда было трудно...

Иногда к маме приходили за советом, особенно когда вставал вопрос о приглашении семьи в Норильск. Мама выслушивала и исповеди, она сажала человека в деревянное кресло (было у нас такое) и просто рассказывала, как мы жили без отца, в том числе и в военные годы. Некоторые семьи после этих бесед «склеивались», а потом вливались в коллектив «Борисовки». Позже приехали в Норильск многие семьи. И когда они обретали свое жилье, начинались перекрестные хождения в гости и дружба становилась семейной и продолжалась в большинстве случаев всю жизнь.

Хочется отдельно рассказать о маминой дружбе с Юлией Васильевной Макаровой. Больше всего этих женщин объединяло одинаковое горе — обе потеряли своих мальчиков, своих сыновей на фронте. Мы жили в соседних домах, и частенько эти две женщины, проводив своих младших дочерей в школу, сидели и грустили вместе. Они говорили и о нас, старших дочках. У Макаровых дочка Женя была угнана в Германию.

Я часто думаю теперь об этих двух женщинах, жизни которых были переполнены испытаниями. Матери троих детей, жены заключенных «врагов народа» спасали нас, детей своих, как могли, и трудились, сколько было сил. Они и есть опора России в страшные ее годы. Я очень любила родителей, «Борисовку» и ее «прихожан». Мне там было хорошо всегда. Я в холодном ноябре 1958 года прилетела в Норильск, а 31 декабря там родилась моя дочка Ира (Ирина Андреевна Бовина). Это было пришедшее к нам сквозь мрачные годы радостное событие, возвестившее, что жизнь продолжается.

У «Борисовки» было много функций. Когда кто-то из папиных друзей освобождался из заключения, он всегда мог рассчитывать на ночлег хотя бы на несколько дней. В нашей маленькой комнатке пожили много людей, как по одиночке, так и с приехавшими семьями. У нас праздновались дни рождения и даже свадьбы. Когда друзья уезжали из Норильска насов-

сем, опять же собирались у нас и по этому поводу. Это было прекрасное братство людей, которое укрепляло их силы.

НАС ОБЪЕДИНИЛ НОРИЛЬСК

Платон Николаевич Прежевский был первым из папиных друзей, кто встретил нас в Норильске: он просто уступил нам свое место в общежитии. Потом он навещал нас в коммунальной квартире. А уж в «Борисовке» он бывал по каким-то случаям и без — просто заходил попить чайку и поговорить за пасьянсом. С ним было легко и просто. Высокий, прекрасного телосложения, он был очень красив и как-то особенно элегантен. Когда Платон Николаевич пришел к нам в новом костюме с шутливыми словами: «Как дылда лондонский одет...», он произвел на меня неизгладимое впечатление. Но больше всего я запомнила его верность дружбе и своей любви. Он частенько рассказывал, как он был счастлив со своей Тамарой Александровной. После женитьбы они прожили всего год, а потом его арестовали. Все было банально. Он любил ходить в тир и случайно в его кармане остался невыстреленный патрон. Нашелся доносчик и в тире — уже на следующую ночь за ним пришли. Патрон этот стоил Платону Николаевичу 10 лет заключения за «подго-

Дома у Борисовых (слева направо): Татьяна Борисовна Борисова, Платон Николаевич Прежевский, Георгий Александрович Борисов. Норильск, 1953 г.

товку диверсии». Тамара Александровна верно и преданно ждала своего любимого и, как только стало возможно, приехала в Норильск. В 1947 году, как раз когда я заканчивала учебу в школе, у них родился сын Саша. Мне доверили покатать

в коляске «наследного принца» по Севастопольской улице. Через несколько лет у них появилась еще и дочь Света. Дружба наших семей продолжалась всю жизнь и была очень близка к родственным отношениям. Когда я училась в Москве, Тамара Александровна с маленьким Сашей останавливалась у меня, и мы говорили всю ночь, как близкие люди, вспоминая нашу жизнь в Норильске. Когда Платона Николаевича реабилитировали, он получил квартиру в родной Москве. Долгие годы мы переписывались, а потом он написал мне: «Я как неживой, потому что нет моей дорогой Тамары...»

Георгий Варфоломеевич Михайлов, как и мой отец, был гидротехником. Они были не просто друзьями и сослуживцами, их называли главным мозговым центром группы спецработ в проектной конторе. Отец был начальником этой группы, а Георгий Варфоломеевич — его заместителем. Михайлов возглавил это направление работы, когда в 1960 году отец уехал из Норильска.

Их дружба родилась в лагере. Как-то они с папой, сидя на нарах, говорили о выращивании морковки. Михайлов убеждал, что у немцев более прогрессивная технология выращивания моркови. Безобидная беседа переместилась в суд: к его сроку добавили 2 года. Вот тогда он приходил к нам отдохнуть в домашней обстановке, а мой отец писал в Киев жене друга, что тот по непредвиденным обстоятельствам написать сам не может.

После освобождения Георгий Варфоломеевич часто приходил к нам посидеть, чем-то поделиться, а то и просто поведаться. Эмоциональный и веселый собеседник, он любил рассказать шутку или ве-

Георгий Варфоломеевич Михайлов. Норильск, 1953 г.

селый анекдот. Зэковская жизнь еще более развила в нем высокие качества человека, друга и специалиста. Михайлов жил в одном из балков, туда и приехали к нему жена Таисия Кузьминична и дочка Ира. Реабилитация позволила Михайловым вернуться в Киев, где они и жили.

С Игорем Осиповичем Нови отца связывали общие дела. Игорь Осипович был гидрогеолог и постоянно участвовал в решении проблем по организации хвостохранилищ. Им нравилось работать вместе: много километров они прошли по тундре, часто бывали на уже действующих хранилищах. Было два случая, когда Игорь Осипович попадал в беду. Однажды он попал в яму и повис на лыжах вниз головой, а в другой раз его начало затягивать в заиленную часть хвостохранилища. Дело осложнялось тем, что у Нови одна рука была повреждена. К счастью, оба раза общими усилиями его удалось спасти. Я помню, как он проявил заботу обо мне.

В 1958 году я летела на самолете в Норильск, чтобы провести у родителей свой декретный отпуск. Надо же было так совпасть, что в это время папа был в командировке, а в районах Таймыра разразилась свирепая буря. Наш самолет сделал посадку почти на двое суток в Подкаменной Тунгуске. Мне сразу дали место в гостинице. А все хлопоты по встрече взял на себя наш друг Игорь Осипович. Он свое-

*Игорь Осипович Нови.
Норильск, 1950–1951 гг.*

образно утешал маму: «Ну не на верхушке же елки сидит Оля в этой самой Тунгуске». А сам все время справлялся о прогнозе погоды, о прибытии рейса. И как только буря утихла, помчался в аэропорт... После реабилитации семья Нови вернулась в родной Киев. Игорь Осипович был счастлив, что его дочь Светлана стала одним из ведущих кинооператоров на Киевской киностудии.

В нашем доме и во многих других семьях бывших норильчан хранятся фотографии тех давних лет, авторами которых были Георгий Яковлевич Шамшура и Георгий Георгиевич Старицкий. Оба Георгия увлекались фотографией. Они были общительны и очень любили природу. Их видовые фотографии Крайнего Севера, необъятной тундры всегда выражают их трогательное уважение к ранимой природе Заполярья. На их снимках природа как бы учила стойкости в борьбе за выживание.

Эти самобытные, по сути профессиональные фотографии никогда не жалели средств, времени на любимую работу. Они где-то добывали и реактивы, и бумагу, освоили цветную фотографию, а потом щедро одаривали нас снимками. Вот они — настоящее признание фотомастеров в любви к Северу.

Георгия Яковлевича Шамшуру лишили свободы в очень молодом возрасте. Ему были свойственны неумная энергия, задиристость, желание поспорить. Наш друг был очень надежным и верным. Он преподавал в техникуме геодезию. По этой теме он много сотрудничал с моим отцом.

После освобождения он долго жил в балке. В Норильске он женился и бывал у нас с женой. К сожалению, детей у них не было. Георгий Яковлевич скончался в Норильске еще совсем не старым...

Георгий Георгиевич Старицкий, казалось, знал всех, кто живет в Норильске. У него было много имен: «Г.Г.», «Гри. Гри.», Егор, Егор Егорович. Из воспоминаний Нины Даниловны Волошиной, напечатанных в книге пятой издания «О времени, о Норильске, о себе...», я узна-

*Георгий Яковлевич
Шамшура. Норильск, 1954 г.*

ла, что Старицкого еще звали и Джей. Он не обижался на это. Знаю, что он очень страдал оттого, что молодость его прошла за колючей проволокой. Освободившись, он торопился жить и догонять ушедшие годы, старался творить добро, но обиды не прощал никому. Он дружил с очень многими работниками проектной конторы, хорошо знал артистов театра, дружил с Георгием Жженовым, его приятелем был поэт Давид Кугультинов. Георгия Георгиевича зазывали фотографировать детишек, родившихся тогда в Норильске.

Одним из первых он сумел купить себе машину «Волга» и разъезжал на ней по городу. У Старицкого было два брака. От первого родился сын Костя, от второго — дочка Наташа. После реабилитации он получил квартиру в Москве. Свою «Волгу» он перевез в Москву. Во время перегона своим ходом от Красноярска он проведаль в Новосибирске нашу семью. Все вместе на «Волге» мы ездили в Новосибирский академгородок, где повидались с семьей Соколова Анатолия Петровича, нашего общего друга по Норильску. Всю

последующую жизнь мы переписывались. Последние годы он жил вдвоем с сыном. Костя тоже норильчанин, поскольку родился в Норильске. В одном из последних писем Георгий Георгиевич подробно описал мне, как они с сыном побывали на торжествах по случаю 50-летия Норильского комбината. Старицкому уже было за 80 лет, поездка для него была трудной, но очень желанной. Тогда он увидел совсем новый город, но повидаль и заветные места, и своих друзей. Вскоре я получила известие от Кости о том, что Георгий Георгиевич скончался.

*Георгий Георгиевич
Старицкий. Норильск,
1952–1953 гг.*

Геза Иосифович Секкей бывал в «Борисовке» редко, он приходил просто поговорить в удовольствие с моими родителями. В мою память врезался один случай. Однажды я была дома одна, когда он пришел к нам. Мама обещала скоро быть, и я пригласила его подождать ее. Мы разговорились. Гость вдруг спросил, удалось ли мне в давнем Ленинграде побывать на выступлении Леонида Витальевича Собинова. К сожалению, когда выдающийся певец умер, я еще была мала. Я ответила, что только знаю такую фамилию, что в Ленинграде в довоенное время слушательницы радио делились по фамилиям любимых теноров на «козловитянок» и «лемешисток». И тут мой собеседник стал рассказывать, как он слушал на сцене Большого театра в Москве оперу Вагнера «Лоэнгрин» с Собиновым в главной роли. Он говорил так подробно, так выразительно, что в какой-то момент мне показалось, будто и я нахожусь в театре. Тонким голосом, напоминающим флейту, Геза Иосифович напел главные мелодии оперы и ее арий. А потом рассказывал о Собинове и снова напевал. Ему понравилось, как я слушала, а мне казалось, что я вижу Собинова, прекрасного и благородного Лоэнгрина, слышу, как он поет: «Я Лоэнгрин, святыни той посол», и вижу, как он уплывает на своей ладье от не поверившей ему возлюбленной...

Когда вспоминаю Гезу Иосифовича, я понимаю, какую красоту и огромную силу дают человеку знания, культура и талант. Худенький, небольшого роста, по виду не очень здоровый, он выглядел прекрасно и одухотворенно, уверена, что интеллект и знания давали ему силы выжить в условиях жестокого лагерного бытия. К сожалению, больше об этом человеке я ничего не знаю...

Борис Львович и Сарра Моисеевна Гальперины были очень симпатичной парой. С большим интересом они слушали и серьезные беседы, и веселый треп, но сами вступали в разговоры редко. Возможно, они все еще боялись крутых поворотов в их судьбе. Какое-то

время они спокойно жили в Прибалтике. А потом жизнь, уж не знаю как, забросила их в столицу Уругвая — Монтевидео. Там Борис Львович занял высокое положение в профсоюзной работе. В общем они были довольны жизнью. Но тут, на их горе, в Монтевидео приехала профсоюзная делегация из СССР. Ей очень понравился этот большой и добрый человек с интересными мыслями по поводу профсоюзного движения. Делегация сумела уговорить супругов Гальпериных поехать в Советский Союз. Им пообещали райскую жизнь в свободной стране и интересную работу.

И они приехали. Это был 1936 или 1937 год. Почти сразу Бориса Львовича арестовали, осудили за намерение создать в СССР антисоветскую организацию. По этапу его доставили в Норильск. А Сарра Моисеевна осталась в Москве, где у нее тогда не было ни друзей, ни средств к существованию. Она потом говорила, что больше всего боялась получить посылку или письмо от кого-нибудь из своих зарубежных друзей. Это могло быть поводом арестовать и ее. Как только появилась возможность, эта маленькая хрупкая женщина помчалась к мужу в неведомое Заполярье. Вынести выпавшие на их долю жестокие нелепости и суровые невзгоды им помогла любовь и высокая культура духа.

После реабилитации Бориса Львовича они жили в Вильнюсе. К праздникам, а иногда и просто так мои родители получали от них весточки.

Борис Семенович Павлов был завсегдаем «Борисовки». Он был опытным геологом, одним из главных специалистов в городе. В техникуме он читал интереснейший курс геологии. Студенты и сотрудники с большим уважением относились к нему. Высокий, красивый, с небольшой бородкой, с классической внешностью интеллигента старого времени, он был верен в дружбе всегда, и особенно в трудных ситуациях. Веселый, задорный в компаниях, он остался в моей памяти как романтик и интересный человек.

Алексей Николаевич Гарри не похож ни на кого. Небольшого роста, он, казалось, носил постоянную маску на лице и не привлекал к себе внимания. Но стоило ему начать говорить, как сразу становилось ясно, насколько обманчиво впечатление о журналисте по профессии, интересном рассказчике, большом эрудите и верном друге. Петроградец, выпускник Петербургского университета, он был всегда галантен и почтителен. У входа он непременно целовал ручки всем дамам (большим и маленьким). Впрочем, ручки то нам целовали практически все приходившие в наш дом мужчины. Алексей Николаевич успевал уже при входе сказать максимум комплиментов присутствующим и оценить обстановку...

Не знаю теперь, да и тогда не знала, где в рассказах Гарри правда, а где выдумка или просто «развешенная клюква» (тоже его выражение по поводу сочинительства). Например, я помню такую его байку. Первые дни после революции 1917 года. И вот однажды молодому революционеру Алешке сам Ленин поручил съездить в далекий от Питера город и организовать там митинг в поддержку революции. Окрыленный юноша уже на вокзале встретил трудности. «Не могу уехать, помогите с билетами», — якобы попросил он Ленина, но в ответ получил смешок и ответ: «Вы лучше расскажите, батенька, как собираетесь организовать митинг, если без помощи не можете уехать?» «Уехал я все же сам и митинг провел, — рассказывал дальше Гарри, — но рвения поубавилось».

Однажды Алексей Николаевич, уже будучи известным журналистом, должен был встречать на аэродроме крупную иностранную делегацию. Он рассказал нам, что при задержке рейса хватил рюмашку и пропустил прибытие самолета. Потом он только спросил: кто вышел первым и кто помахал рукой? Потом все удивлялись, как все точно было описано. «Но я же этот ритуал к тому времени знал наизусть», — говорил Гарри. Он очень любил подчеркнуть, что вла-

деет 13 языками, в том числе матерным и лагерным, и добавлял: «Последние в совершенстве».

Громадная эрудиция и образованность позволили Алексею Николаевичу организовать в ДИТРе большую библиотеку, в основном техническую. Большим был и фонд художественной литературы. Гарри организовал регулярно выходивший научно-технический журнал. Он помог разработать и внедрить классификацию технической литературы для НТБ — об этом подробно можно прочитать в книге первой издания «О времени, о Норильске, о себе...» (Т. Захарова: «Библиотеку комбината называли северным храмом знаний...»).

Когда я работала над дипломным проектом в техникуме, я не раз бывала в этой библиотеке. По знакомству он сам помогал мне найти нужный материал. Тогда я подивилась его памяти, настолько он легко находил нужную статью, а иногда и нужную страницу по памяти.

Больше всего я помню один из визитов Алексея Николаевича в «Борисовку». Это было 25 января — стало быть, в Татьянин день, в день студентов и в самую лютую пору северной зимы. Из морозной вьюги появился Алексей Николаевич, весь заснеженный и продрогший. На пальце у него висела коробочка с пирожными, а сам он пел: «Гаудеамус игитур...» Потом он поздравил маму с именинами и сказал: «За каждое пирожное мне пришлось принять по стопарю, иначе пирожные не давали. Но я делал это с удовольствием, поскольку пил за вас и за свою альма-матер. Хочу теперь вашей еды!»

Я знаю, что после реабилитации он уехал в Красноярский край и написал несколько книг, одна из которых есть у нас дома. Но потом связь с ним мы, к сожалению, потеряли.

Валентин Наконович Скалигеров был из числа тех, кто, еще находясь в лагере, начал работать в проектной конторе ведущим специалистом по строительству гражданских и промышленных объектов. Это он принимал участие в разработке строительства

жилых домов на сваях в условиях вечной мерзлоты. Кроме того, в техникуме он вел курс строительного дела. Судя по рассказам сотрудников проектной конторы, Валентин Никонович был первоклассным специалистом.

При первой возможности к Валентину Никоновичу приехала семья. В трудные военные годы Галина Константиновна одна растила двоих детей — Игоря и Люсю. Впоследствии Игорь стал инженером, а Люся — врачом. Позже, когда родители и Люся уехали жить в родной Саратов, Игорь со своей семьей остался жить в Норильске и работал в Норильскпроекте. Мы были близки по возрасту и приятно дружили, часто бывали в гостях друг у друга.

В мою последнюю командировку я была в гостях у Игоря и Нины Константиновны, которая тоже работала в Норильскпроекте. Они много говорили мне о том, что в проектном институте создается музей. Оба они были очень увлечены тем, чтобы увековечить память о первопроходцах, о том, как проектировали и строили Норильск. Игорь и Нина рассказали тогда, что о многих людях, в том числе и о тех, о которых я здесь вспоминаю, собран большой материал: о жизни этих специалистов, их разработках, уникальных решениях и смелых экспериментах. При этом они рассматривали сам город как памятник его строителям. Город-памятник! Я помню такие строчки, обращенные к тем, кому еще предстоит жить в этом городе. Стихотворение заканчивалось так: «Они — пройдут по нашей лыжне, но ты нам памятник при жизни...» Автор этих строк Юрий Васильевич Мурахтанов. В Норильске его стихи читали и часто цитировали. Тогда говорили, что Юрий Васильевич, еще будучи в лагере, за какую-то провинность был посажен в особую камеру, где находились люди, приговоренные к расстрелу...

Я нашла в издании «О времени, о Норильске, о себе...» (книга вторая), в рассказе Риммы Александровны Красавиной, сообщение о том, что в 60-х годах она именно от Юрия Васильевича Мурахтанова узнала о

судьбах многих норильчан. И еще я с радостью узнала, что Мурахтанов был по-прежнему увлечен стихами.

Василий Михайлович Махоткин прежде всего был первоклассным летчиком, как говорят, летчиком от Бога, причем при всех сложных обстоятельствах жизни он не терял присутствия духа. Летчик — это было главное в нем. Как-то, кажется уже в «Борисовке», он рассказывал собравшимся о своих ощущениях единения с машиной: «Сперва и я, и ераплан слушаем тишину. Потом запускаем мотор, но знаем, что мотор совсем не сразу подарит нам силу. Первые попытки воздуха — еще не сила, чтобы поднять нас. Но вот самолет вздрогнул. Это он дает мне сигнал, что мы сильны. И я тяну управление на взлет, и мы поднимаемся, и мы едины!» Я, может быть, не точно цитирую Василия Михайловича, но по сути и форме так он и говорил.

Мне, тогда еще совсем молодой, этот человек был более других понятен. Он всегда говорил весело и забавно. Всегда было ясно, что это честный, прямой и одновременно мудрый, оптимистичный человек. Иногда его речь даже казалась трепом, но это был всегда разговор со смыслом и очень серьезный. И часто он исходил от понимания настроения слушающих его людей. Василия Михайловича знали и любили полярные летчики. Неудивительно, что один из островов в Ледовитом океане был назван именем Махоткина.

О своем аресте он рассказывал так: «Темное было время. И тут я чувствую, что протрепался где не надо бы, и скорехонько увез семью в Красноярск. Когда вернулся, естественно, мне предложили продолжительный «курорт» в городе Норильске».

В лагерные годы он бывал в «Борисовке». Однажды, когда ему стало известно, что я еду через Красноярск, он с трудом где-то добыл килограмм сахара и попросил передать родным, конечно, с присказкой: «С худой овцы — шерсти клочок, с меня — сахару кусок». Тогда я и познакомилась с семьей Махоткиных. Когда Василий Михайлович обрел свободу, я уже училась в Москве, и маленькая комната в нашей

квартире стала пристанищем для его семьи. Антонина Яковлевна, Катя и Василий Михайлович несколько месяцев пожили у нас. Об этой жизни я знаю по рассказам мамы. Тогда же Василий Михайлович и моя сестра Маша устраивали веселые затейки. Например, они склеивали из моих телеграмм тексты, вроде такого: «Деньги получила ли, Огонек мой?» — и разыгрывали наивную и невинную Антонину Яковлевну. В летние месяцы для норильчан берег озера Долгое был пляжем. Иногда Василий Михайлович учил там Машу плавать. По этому поводу она написала целую поэму, где мне запомнились такие строчки: «Сокол Сталинской эпохи, пышных дней ее расцвета, мне по милости глубокой уделил кусочек лета». Но за этими штучками всегда чувствовалось внимание и желание Василия Михайловича в нужный момент поднять чье-то настроение или снять напряжение. Я помню о нем как о надежном и верном друге. После реабилитации Махоткины получили квартиру в Москве.

Я дружила с сыном Василия Михайловича — Глебом и его семьей. Я знаю, что нашим родителям это было приятно. Глеб Васильевич как сын «врага народа» не смог поступить в столь желанный для него авиационный институт. Тогда он в Красноярске окончил лесотехнический институт. При этом самостоятельно он готовился быть авиатором, а его дипломной работой в Красноярске был проект летающей лодки для работ по лесосплаву.

Так совпало, что по распределению на работу он был направлен в Новосибирск на лесозавод. А через год тоже в Новосибирск в институт «ЦНИИОлово» получила распределение и я. Первое время, недели две, мне пришлось пожить у Махоткиных. В это время они снимали малюсенькую комнату в частном доме и жили там с маленьким сыном Сашей. Но нам вместе было хорошо: нас объединяла дружба и радость за Глеба, который сумел доказать свою подготовленность к работе по конструированию самолетов и был принят в КБ известного авиаконструктора Бартини.

А вскоре его пригласили в Москву в КБ Туполева! Лет десять тому назад, уже будучи заместителем главного конструктора, однажды утром Глеб Васильевич пришел на работу, а потом вдруг упал и скончался. Его замечательным другом и помощником всю жизнь была его жена Лариса Анатольевна Махоткина, которая и сама до пенсии работала заведующей одной из крупных женских консультаций Москвы. С Ларисой мы переписываемся до сих пор. Василий Михайлович очень гордился успехами сына и невестки. А ведь он еще не знал тогда, что и внуки его станут работать в области самолетостроения.

В последние годы своих жизней моя мама и Василий Михайлович иногда виделись в Ленинграде, когда он туда приезжал. Долгая жизнь на Севере сказалась на их здоровье. У мамы и у Василия Михайловича уже было по паре инфарктов и инсультов. Махоткин, верный себе, обычно начинал свои письма «Инсульт — привет, инфаркт — ура!» Я читала эти письма. Они писали друг другу про нас, своих детей, очень радовали их и внуки...

Семья Соколовых и наша семья приехали почти одновременно в Норильск и получили квартиру в одном доме. Мы, старшие их дочери, оказались в одном восьмом классе, а наши младшие сестры вместе

пошли в первый класс. Наши отцы подружились еще на «зоне». Анатолий Петрович был хорошо известен технической обществу как большой специалист в металлургии. А его жена Екатерина Фомина была авторитетным эконо-

Василий Михайлович Махоткин со своим любимым псом Джеком. Норильск, 1957 г.

мистом и успешно работала. Оба они были широкими эрудитами и интересными собеседниками. Я помню, что на стенах у Соколовых всегда висели картины с видами тундры и Норильска, и уверена, они сохранились в их семье до сих пор...

Виктор Михайлович Васнецов — родной внук российского художника и полный его тезка. А его жена Светлана Сергеевна Томилина — дочка известного в Киеве ученого-биолога. Светлану Сергеевну обвинили в попытке создать подрывную антисоветскую организацию. Ее осудили на 10 лет с отбыванием этого срока в трудовом лагере. Тогда ей еще не было и 20 лет. Ее отправили в Норильск. Она никогда не рассказывала о тех страшных годах. Но я жила в Норильске, видела, как водили по улицам колонны заключенных, слышала рассказы других, и этого было достаточно, чтобы понять, что пережила Светлана за эти долгие 10 лет.

Виктор Михайлович жил с родителями в Чехословакии. Там он окончил институт, работал. А потом его потянуло в родную Россию. Сразу же по приезде он был арестован, осужден за измену Родине и отправлен в Норильск. Вот там они и познакомились со Светланой. Года за два до окончания срока Виктора перевели в другой лагерь — в Тайшет.

Когда Светлана освободилась, я уже училась в Москве, и наша маленькая комната послужила ей первым пристанищем. Работать она стала в биологической лаборатории норильской поликлиники. Мама рассказывала мне, как трудно было Светлане в первое время. И тогда по приглашению родителей из Киева приехала мать Светланы — Елена Михайловна Томилина. Она тоже жила у нас. Сама Света потом призналась мне, что это были ее светлые дни возвращения к жизни.

А потом Светлане пришло письмо от Виктора из Тайшета с предложением руки и сердца. Вскоре он вернулся в Норильск, где у Светы уже была своя комнатка. Свадьбу справляли в «Борисовке», а потом туда начали приносить и приводить мальчика, чтобы «запасная» бабушка посидела с ним. Маленький сын,

как было заведено в роду Васнецовых, стал Михаилом Викторовичем.

Васнецовы долго жили в Норильске. Виктор Михайлович работал в проектной конторе ведущим инженером. Но ему пришлось заочно пройти курс советского вуза, поскольку чешский диплом признали недействительным. Рассказывали, что проектная контора долго смеялась, когда Виктор получил звание «молодой специалист».

Теперь Виктора Михайловича нет в живых. Светлана Сергеевна живет возле своего сына в Киеве. Здесь она защитила кандидатскую диссертацию в области биологии и еще долго работала. А их наследник — Михаил Викторович Васнецов не так давно защитил докторскую диссертацию. Он физик. У Миши трое маленьких детей, а у счастливой бабушки трое внучат. Мы переписываемся и всегда чувствуем себя родными.

Дружба Владимира Ивановича Макарова и папы началась еще в лагере, а потом сблизились и их жены, и мы, их дети.

Макаровы, кроме их старшей дочери Жени, после реабилитации уехали в Свердловск.

Слева направо: Ольга Борисова, Георгий Александрович Борисов, Анатолий Петрович Соколов, Екатерина Фоминична Соколова. Норильск, «Борисовка», 1953–1954 гг.

*Свадьба Светланы Сергеевны и Виктора Михайловича Васнецовых.
Норильск, «Борисовка», 1954 г.*

В этот уральский город после реабилитации вернулась и семья Петра Яковлевича Ярутина. Владимир Иванович Макаров и Петр Яковлевич Ярутин учились в молодые годы в одном вузе, а потом оказались в одной камере Свердловской тюрьмы. Старшие Макаровы и Ярутины продолжали дружить до последних дней. А Света Макарова (ныне — Светлана Владимировна Лихачева) и теперь дружит с Камой Петровной Ярутиной, дочкой Петра Яковлевича.

Более того, когда у Светланы выросла дочка Александра, а у моей сестры Маши сын Алексей, то эти дети давнишних подруг познакомились и поженились. И теперь у Маши есть внук Юра. Так его назвали в память старшего сына Макаровых и нашего отца. Именно благодаря дружбе Светланы и Камы я узнала, что выходят книги воспоминаний издания «О времени, о Норильске, о себе...».

Я с глубокой благодарностью назвала далеко не все фамилии людей, с которыми судьба свела меня в Норильске. Они для меня — коллективный портрет поколения, которое государство уничтожало, унижало, морило холодом и голодом... Да разве у нас сегодня найдутся слова, чтобы описать муки людей,

прошедших сталинские лагеря? У меня их не хватило: я ведь не пережила всего того ужаса, который достался сполна репрессированным по политической 58-й статье. Я горжусь ими, они для меня — пример мужества, достоинства человека в нечеловеческих условиях лагерной системы. Представляете, как бы мы сегодня жили, если бы государство позволило своим гражданам просто жить, просто работать, просто растить детей? А ведь выжившие всем смертям назло все это сделали сами. Вопреки, а не благодаря чему-то, потому что государство и Родина для них не были синонимами...

«ХАРИТОНΙΑ»

Со смертью Сталина в стране начались перемены. Они коснулись очень многого. К этим переменам относится сначала прекращение преследования людей по политическим мотивам. А за этим последовала волна пересмотра большинства дел по приговорам Особого Совещания. И до сих пор нет статистических данных, сколько людей ждало этого дня. Ждал его и мой отец, ждали и мы — его семья, наши друзья, их жены, дети, родители...

В Норильске оформление реабилитационных документов было поручено человеку по фамилии Харитонов. И вся эта многотрудная эпопея с оформлением документов получила название «харитония». До предела взволнованные, люди все же и тогда находили в себе силы относиться к своему положению с юмором. Тогда друг друга приветствовали такими словами: «Ну как у тебя с «харитонией»?» или «Ты что, еще не заразился «харитонией»?». Я сама не раз слышала эти вопросы, потому что летом 1954 года была в Норильске на последних институтских каникулах. Взволнованные наши друзья часто прибегали в «Борисовку» поделиться сведениями, слухами и своими соображениями. Тогда эта новая ситуация переживалась открыто. Словно выплеснулись наружу эмоции, накопившиеся обиды и долготерпение. Разъяснений в

заведении Харитонова почти не было, и люди стремились разобраться сами. «Харитония» казалась похожей на эпидемию. Но большинство людей уже знали, что началом процедуры должно быть заявление в ту организацию, которая вынесла приговор. И вот, когда по рядам бывших политзаключенных прошел слух, что дочка Георгия Александровича Борисова на днях летит в Москву, в нашем доме, без преувеличения, два дня были толпы знакомых и не очень знакомых людей. Папино имя было как полное ручательство за доверие мне. Нет, меня не просили похлопотать, я только должна была по возможности отнести заявления по адресам или опустить в московский почтовый ящик их послания. Конечно, я все тщательно записала и выполнила все поручения. Больше всего меня взволновала их надежда, которая передалась и мне: «Может быть, все получится с моей легкой руки?» Я так и не знаю, ускорила ли я решения, помогла ли. Но эти дни — одно из ярких моих воспоминаний.

В преобладающем большинстве бывшие политзаключенные получили реабилитацию, а многие и некоторую компенсацию: в основном это были квартиры в тех городах, где они были арестованы.

Относительно нас, детей «врагов народа», вопрос остался открытым. Позже нас признали пострадавшими от политических репрессий. И только в 2000 году мы были признаны жертвами и реабилитированы. С этой поры мы и перестали быть детьми «врагов народа».

Но вот что еще обязательно надо сказать. И те, кто был осужден, и мы, их дети, для того чтобы получить признание нашей невиновности, сами писали заявления, сами добивались реабилитации. А ведь по сути происшедшего государство должно было просить прощение у людей, чью жизнь оно оборвало или безвозвратно изломало. И реабилитировать их по собственной инициативе.

*Наталья Дроздова, старший редактор
детской редакции Норильской студии телевидения.
Первый год на Таймыре. 1964 г.*

Наталья Дроздова:

«Что значило тогда вести на телевидении рассказ об архитектуре церквей, в наше время может понять не каждый».

Северок в цехе мороженого на молокозаводе. 1959 г.

Я выбрала профессию тележурналиста сразу и на всю жизнь. И ни разу не пожалела — вот уже 43 года. А постигать азы начала, когда, прилетев в Норильск, где уже работал муж, пришла устраиваться на работу в студию телевидения. Мы жили тогда на улице Комсомольской, 43б. Перед домом — тундра (а я по материковой привычке звала ее «поле»). И совсем рядом вот она, телевышка. Дойти — две минуты. Но не тут-то было! Это потом я бегала знакомой тропкой. А тогда, в начале января 1964 года, я боялась пустынную тундру, где, мне казалось, никто не ходил. (Автобус ходил вокруг, по дороге, и редко.)

На студии меня принял главный редактор Виталий Яковлевич Жуков. Он спросил: «Кем хотите работать — редактором или ассистентом режиссера?» Если о редакторской работе я имела представление, то о режиссерской — весьма слабое. Конечно, редактором! Мне назначили месяц испытательного срока.

Я слегка удивилась: до чего же легко прошла собеседование и была практически принята, хотя устроиться в небольшом городе было непросто. Но я отнесла это к своей настойчивости и огромному желанию работать только на ТВ.

Вся легкость трудоустройства открылась, когда я уже была оформлена. Руководство задало мне вопрос:

— Кем тебе приходится Дроздов?

Я хмыкнула:

— Мужем.

— Да нет, бывший директор комбината?

— Не знаю такого...

Надо было видеть выражение лиц моих собеседников.

*Светлана Светлана.
Март—апрель 1964 г.*

Меня определили в детскую редакцию. Она находилась на втором этаже, в самом конце коридора, и окна ее смотрели на медный завод. Вхожу в комнату. За столом сидит старший редактор Светлана Светлана. Красивая, с папиросой в зубах, с холодноватыми выразительными глазами. Рядом — Валентина Корягина, редактор, тоже с папиросой, и Антонина Ногинская, ассистент режиссера (без папиросы). Я тогда подумала: «Хорошо, хоть

она не курит!» Воздух весь был пропитан табаком. И впоследствии меня веселило, когда мне говорили: «Пойдем покурим».

Сразу начала готовить сюжеты для тележурнала «Пионерия». Все годы, что прожила в Норильске (до 1972-го), со школьниками у меня были самые дружеские отношения. Я не позволяла им называть себя по имени-отчеству. И однажды директор Д.К. Карпов, услышав, что кто-то из ребят назвал меня Наташей, тут же пресек: «Так не положено!» А я ему возразила.

Я перебивалась во многих школах, создала юнкорский пункт при редакции (даже удостоверения сделала). Среди самых активных моих помощников был Миша Курков — сын Тамары Михайловны Потаповой. История этой семьи особая, о ней, вероятно, много написано, но у меня с Тамарой Михайловной были не только рабочие, но и дружеские отношения.

Спустя два года после приезда я предложила ей готовить программы по истории русского искусства (она окончила искусствоведческий факультет МГУ). Что значило тогда вести на телевидении рассказ об архитектуре церквей, в наше время может понять не каждый. Пожалуй, спасало расстояние — тысячи километров от Москвы и Красноярска.

Это спасло меня и годом раньше, когда я предприняла рискованный эксперимент. Не помню фамилию автора, который прилетел из Москвы и предложил постановку. Постановкой это назвать было нельзя. Это была авантюра. Заключалась она в том, что однажды, во время выпуска «Новостей», на экране появились срывы изображения, потом возникла какая-то странная картинка и диктор Э. Тараканов принес извинения за помехи, связанные с появлением непонятного сигнала. Так продолжалось три вечера подряд. Сколько было звонков, предположений, догадок! И мы предложили начать поиск причины появления непонятных сигналов. На роль журналиста выбрали человека, которого мало кто знал. Где он только не побывал, мороча голову зрителям, — и в обсерватории, и в море. Словом, чудили... Сейчас смешно, а тогда многие приняли эти сигналы на веру. Раз Э. Тараканов говорит да еще «Новости» прерываются, значит, дело серьезное.

Втравили в историю инженеров телецентра: без их согласия никаких бы «помех» не получилось, была бы только картинка из журнала «Наука и жизнь». Так продолжалось около месяца, пока не пришло письмо со словами: «Хватит дурачить!», в конверт была вложена та самая страница из журнала.

Мы вовремя остановились. До Красноярска уже дошли слухи, что в Норильске на телевидении «что-то» происходит. Начальнику телецентра влетело. А я только позже поняла, чем все это могло закончиться.

Мне очень хотелось внести в передачу что-то новое, необычное, побольше импровизации, непо-

средственности. Много позже я уяснила, что на телевидении любая импровизация должна тщательно готовиться, как, например, программа для малышей «Топ-топ». Вместе с методистом одного из детских садов мы пытались «играть» в кадре, обучать малышей домашним делам... Получалось неплохо: дети забывали, что они в студии телевидения, становились сами собой, вели себя так, словно не было рядом ни телекамер, ни осветительных приборов.

Но случались и провалы. Я очень болезненно воспринимала все свои неудачи. Поэтому помощь коллег, их поддержка были особенно важны. Помню, как после передачи рыдала, забившись в угол, где меня обнаружила Анна Борисовна Шмаенок. Она-то и сказала тогда те слова, которые мне были очень нужны. Анна Борисовна — режиссер детской редакции. Ее судьба, как, впрочем, и многих норильчан, связана с нелучшими годами нашей истории. Актриса Московского еврейского театра, которым руководил народный артист СССР С.М. Михоэлс, она после его гибели (1948 год) и роспуска театра была вынуждена уехать «подальше». Мы иногда посмеивались над ее требованиями, но за ними стояли культура и доскональное исполнение задуманного.

С кем только не контактировала детская редакция — от городской библиотеки, которой заведовал К.Г. Аптекман, до «Детского мира». Степень доверия, дружеское отношение были абсолютные. Директор «Детского мира» Лапшин выдавал на передачи самые лучшие игрушки (немецкие железные дороги, импортные машины, игры) безо всякой расписки, просто по моему звонку. Мы возвращали все в целости и сохранности. Атмосфера доверия сопровождала мне все норильские годы. Организовать вертолет для участников передачи ко Дню авиации — не проблема, полететь с Северком по Таймыру — тоже. Телевидение в Норильске могло многое и безо всякого коммерческого договора.

Северок — особая тема. Его придумала бывший детский редактор Тамара Александрова (известный московский литератор). С этой скромной куклой она и режиссер И. Назарова «познавали» мир, рассказывали ребятам обо всем интересном, что было в Норильске. Позже Светлана Светлана написала о Северке С.Я. Маршаку. Он сочинил поэму «Северок» — единственное в своем роде произведение, посвященное телевизионному кукольному персонажу. А книжку — отдельное издание — получала я, словно продолжая эстафету. С Северком мы облетели Таймыр, побывали у рыбаков фактории Новорыбная (залив моря Лаптевых), тащили невод во время отлива, любовались строительством Хантайской ГЭС, где главный инженер В.М. Плотников обстоятельно рассказывал кукле (!), как будет выглядеть будущая гидроэлектростанция. Вместе с режиссером Н.П. Всевятской и оператором А. Бондаренко мы наблюдали за мастерицами, которые шили унтайки, пробовали сагудай (свежепойманную рыбу), снимали ездовых и сторожевых собак, бегали по тундре за дикими гусями. Мы «строили» Норильск вместе с ребятами в их рисунках и рассказах, вели активную переписку с журналом «Веселые картинки», задействовав в передачах героев книги Н. Носова...

Писем от ребят из Норильска и Дудинки приходило очень много, и это было, пожалуй, самой главной оценкой того, что я делала, хотя и не всегда получалось так, как хотелось.

Постоянным ведущим передачи с Северком был Э. Тараканов. Его импровизации в кадре порой меня пугали, а иногда приводили в восторг. Дети его очень любили. Видимо, внутренняя раскованность и придавала передачам с его участием ту степень доверия, которая притягивает детскую аудиторию.

Именно на Севере люди проявляются со всех сторон. Время доказало, что те, с кем я подружилась в Норильске, остались друзьями на всю жизнь. Это

режиссер Инна Назарова, редактор Светлана Богданова, диктор Галя Львова, норильский журналист Анатолий Львов. Именно он рекомендовал меня в Союз журналистов СССР в 1970 году. Не могу не вспомнить телеоператора Валентина Вагунина и прекрасных кинооператоров Юрия Ковтуна и Юрия Ледина.

Кстати, о Ледине. Еще до его громкой славы, где-то году в 1967-м, приходит он ко мне и говорит: «Конец года, у меня осталось много отснятого материала о животном мире тундры. Может, придумаешь что-нибудь?» Всю пленку необходимо было использовать, иначе ее вешали на оператора и вычитали ее стоимость из зарплаты. Я просмотрела все обрезки, пошла в библиотеку, погрузилась в Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона и написала сценарий 30-минутного фильма «О чем рассказала тундра». С Лединым работать было интересно, хотя многие отказывались: характер у него был непростой. Снимать он предпочитал природу и фауну, но не людей. Помню, как-то приехала с ним на съемку в художественную школу. Он выбрал точку и начал наблюдать. А ведь у нас график: машина до такого-то часа, оператор тоже. Но Юре нельзя было ничего подсказывать в минуты съемки. Я звонила, убеждала всех, что съемку прерывать нельзя, а он снимал неторопливо, как привык снимать медведей, волков, птиц, вглядываясь в процесс рождения рисунка. Зато какой получался материал!

Перебираю старые фотографии, и время отступает. Вот рейд с ГАИ по норильским улицам, клуб мушкетеров в школе № 13, выезд в «Таежный», вот незабываемый ансамбль «Школьные годы» (Т.Н. Михневич). Как танцевали ребята! До сих пор рассказываю, как работали в той небольшой студии! «Живая» передача, танцы идут без перерыва, и сотня ребят неслышно входит и выходит из студии, мгновенно переодеваясь в костюмы народов СССР.

...Вернулась в Горький (теперь Н. Новгород). И снова на телевидении, редактор детских и молодежных

*Во французских туфельках на таких-то дорогах! Рабочий момент редактора Норильского телевидения
Наталы Дроздовой. 1968 г.*

Частые участники детских передач — ребята танцевального ансамбля Дворца культуры комбината «Школьные годы». Май 1972 г.

В архиве Натальи Дроздовой сохранилась верительная грамота клуба школы № 13 «Мушкетеры Заполярья» — они тоже были гостями детских передач местного телевидения. 1972 г.

передач знаменитой редакции «Факел». Норильск, однако, остается самым «теплым» моим городом. Были у меня времена и непростые, но там я росла и постигала истину: людей неинтересных в мире нет.

Часто вспоминаю одну норильскую девочку с черными глазами, помогавшую мне в юнкоровской работе, — Верочку Ферберг. Ей было лет 12, когда она принесла свои стихи. Чем-то зацепили они меня, если до сих пор не забыла.

Норильск — это очень красивый город,
Норильск — это город рабочих людей.
Синим туманом крытые горы,
Снег розоватый в свете огней.
Окна проспекта распахнуты настежь,
Огромные плечи расправил дом.
Что ж! Пусть в Норильске бушует ненастье,
Сегодня мы песню споем о нем!
А он послушает, вздохнет величаво,
Скажет с улыбкой, высок и горд:
— Слава Норильску! Рабочим — слава,
Которые строили этот город!

УТОЧНЕНИЯ

В книге девятой издания «О времени, о Норильске, о себе...» на с. 50–79 опубликован материал Валентины Петровны Вачаевой «...мне довелось читать столько исповедей...». Одна глава посвящена Сергею Федоровичу Кайдан-Дешкину. По техническим причинам, не зависящим от автора публикации, в фамилии была допущена ошибка. Она необычна, и по этой причине то в первом, то во втором слове не столь уж часто допускается искажение одной буквы. В нашем случае это тем более обидно, что случилось в материале человека, имеющего 20-летний опыт музейной работы, журналиста, тщательно проверяющего даты, фамилии, факты и др., а еще непростительно это потому, что касается удивительной судьбы композитора, чья фамилия должна бы быть известна миллионам детей и взрослых, но ее, увы, не знают, хотя любой напоеет его песню «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры, дети рабочих...».

*Тамара Ивановна
Сливинская*

К сожалению, как малоизвестна фамилия Кайдан-Дешкина, так и мало кто знает биографию этого человека. В ней до сих пор остались белые пятна. Например, он рассказывал своей любимой женщине Тамаре Ивановне Сливинской (их познакомил Норильлаг), что в Польше был разведчиком-нелегалом. Однажды, нарушив правила конспирации, к нему обратился советский агент с просьбой передать данные, которые он добыл

у немцев, потому что обнаружил за собой слежку. Сергей Федорович выполнил эту просьбу и тем самым поставил точку в карьере разведчика: его отозвали в Москву, начались допросы... С 1 февраля 1932 года он значится заключенным Норильлага — ст. 58-8-11. Документов, подтверждающих версию разведчика-нелегала, найти не удалось. Но зато всем известно, что Норильлаг был создан не в 1932-м, а три года спустя. Документы официально зафиксировали неправду, а почему — так и осталось неизвестным.

По архивным данным Сергей Федорович Кайдан-Дешкин перед арестом учился в знаменитой Гнесинке. Тамара Ивановна Сливинская, чьи воспоминания о композиторе есть в норильском музее, рассказала, что мальчиком Сергей Федорович был бойскаутом и поэтому его пригласили заниматься пионерскими делами. В Норильлаге он строил комбинат, потом играл и руководил оркестром заключенных, возглавлял музыкальную часть театра. С.Ф. Кайдан-Дешкин хорошо запоминал новые мелодии, песни военных лет (слушал по радио), делал аранжировки и сам сочинял песни и романсы для лагерных солистов и солисток.

После освобождения Норильск он покинул вынужденно. У Тамары Ивановны выкрали письма Сергея Федоровича, адресованные ей. Он к тому времени уже был вольнонаемным, а ей до конца срока оставалось еще несколько лет — не положена была такая переписка, — и его заставили уехать, он выбрал Игарку. Потом он колесил по стране: Крас-

Сергей Федорович Кайдан-Дешкин

ноярск, Кызыл, Новосибирск, Прокопьевск, Великие Луки... В этом городе он умер, прожив 71 год.

В нашем издании первым о Кайдан-Дешкине рассказал Виталий Николаевич Бабичев. Его письмо привела в своем материале Нина Семеновна Дзюбенко под заголовком «Письмо бывшего з/к Виталия Бабичева» (книга четвертая, с. 60–70). Он рассказал, как заключенные спасли руководителя своего оркестра от расстрела. Староста оркестра Виктор Еськов отказался возглавить его вместо Сергея Федоровича. Когда его увел энкаведист, «Виктор ответил, что ни один музыкант не возьмется за инструмент до тех пор, пока не возвратят Кайдана. Никакие угрозы не помогли. Все до единого отказались играть без Кайдана. В конце концов энкаведисты срочно возвратили Кайдана в оркестр. Сергей Федорович вернулся седым. От него я узнал подробности о Втором Норильске. После десятилетнего заключения С.Ф. Кайдана освободили и отправили в ссылку в Игарку, где он в нищете и умер».

В.Н. Бабичев в годы гласности о Кайдане-Дешкине скорее всего вспомнил первым, фамилию написал по памяти и потому сделал ошибку во втором ее слове, о дальнейшей судьбе музыканта не знал и ограничился информацией об Игарке. На самом деле Сергей Федорович работал во многих городах. Прошло 30 лет после расставания с Норильском, когда он встретился с Тамарой Ивановной Сливинской. Они тепло пообщались, и благодаря ей мы узнали много нового об авторе пионерского гимна.

Галина Касабова.

СОДЕРЖАНИЯ ПРЕДЫДУЩИХ ДЕВЯТИ КНИГ

Книга первая

<i>К читателю</i>	3
<i>Грамп Е.:</i> «...уже через год после ареста отца мать добровольно отказалась от американского гражданства и приняла гражданство СССР»	13
<i>Кливанс Г.:</i> Письма из России в Америку	45
<i>Евзеров М.:</i> «Нераскаявшийся враг вновь в строю борцов за индустриализацию своей страны, за Социализм...»	77
<i>Домарева И.:</i> «У моего отца жизнь — отнятая дважды...»	127
<i>Витман Б.:</i> «Норильск — место для стойких, крепких духом людей...»	143
<i>Кузнецов П.:</i> «Идея и определила мою жизнь. Из-за идеи жизни сел...»	163
<i>Никулин И.:</i> «А вокруг чудес природы — людские трагедии такого многообразия и глубины, каких человечество не видело прежде»	175
<i>Айвазов Л.:</i> «...норильчане — люди из особого материала невиданной прочности»	197
<i>Королько Р.:</i> «Такие таланты, как Бурштын, и построили Норильский комбинат»	203
<i>Дзюбенко Н.:</i> «...Козырев замахнулся на само Время!»	209
<i>Родионов В.:</i> «В каком-то здании наскоро развернули госпиталь»	225
<i>Непокойчицкий В.:</i> «Я до последних дней своих не забуду встречи с Авраамием Павловичем Завенягиным...»	241
<i>Ферберг М.:</i> «Я благодарна судьбе...»	293
<i>Ситникова Т.:</i> «Жесткость и доброта сочетались в Киреенко самым удивительным образом...»	319
<i>Киреенко Ф.:</i> «...Алексеевский умер, не дожив до свободы»	325

Мечев В.: «Норильские традиции всех нас питают до сих пор»	335
Воронцова Е.: «В нашей семье даже дети знали, что отца в Норильск послал Сталин».	353
Нелюбина А.: «...на секундочку отпустила руку. Меня тут же подхватило и понесло...»	363
Гарфункель-Бубновская Н.: «Отец написал маме: ради дочери ты должна быть свободна от меня»	369
Кортаева (Борун) М.: «Мы — дети своих отцов, матерей и твои, город нашего детства!»	377
Брилева А.: «...главное богатство норильских мест — не медь или платина, а люди!»	385
Шишкина Э.: «...счастлива считать себя норильчанкой»	401
Смолова Р.: «...мы тоже были первыми»	409
Захарова Т.: «Библиотеку комбината называли северным храмом знаний...»	421
Хаустова Л.: «Пляска эта называется — пурга!»	441
Дарьяльский В.: «Норильск — город, состоящий из маленьких изб и заводов-великанов»	445
Свечников А.: «Три дня с Дарьяльскими»	509
Именной указатель	526

Книга вторая

<i>К читателю</i>	3
<i>Аллилуев П.</i> : «...приходилось решать задачу со многими неизвестными»	6
<i>Львов А.</i> : «Через сорок пять лет мне кажется, что Завенягин долгие годы жил рядом, мало кого представляю столь живо...»	42
<i>Дзюбенко Н.</i> : «Иностранцы в Норильлаге составили интернационал в концентрированном виде»	140
Следы прошлого в настоящем.....	165
<i>Ксинтарис В.</i> : «...норильская школа жизни и работы определила мое будущее»	170
<i>Евзеров М.</i> : «Не было той радости, с какой обычно заключенный покидает тюрьму. Слишком долго пришлось ждать этой минуты...»	190
<i>Леринман Н.</i> : «Отцу предъявили шаблонный по тому времени перечень нелепых обвинений»	298
<i>Красавина Р.</i> : «Мы встретились с Гунаром в концертном зале и не расставались до последнего дня его жизни»	310
<i>Кродерс Г.</i> : «...комендант, прибывший на очередную регистрацию, торжественно сообщил, что срок нашей высылки — двадцать лет»	318
<i>Куц В.</i> : «Если в 1946 г. в поселке было 17 футбольных команд, то в 1947 г. — уже 24»	366
«О чем писали старые газеты»	376
<i>Никулин И.</i> : «...участие в строительстве комбината носило семейный характер»	384
<i>Климов Е.</i> : «Кузнецов и за колючей проволокой не прекращал научный анализ результатов хирургической деятельности»	396
<i>Горр А.</i> : «...оленоводы и рыбаки иначе как «Счастливым путем» его не называли»	434

Смолова Р.: «83 процента телезрителей смотрели местные новости Норильской студии, а не хороший фильм Московского канала — такие были предпочтения!»	448
Лозовая Л.: «Как сейчас, помню Норильск 1968 года...»	468
Уточнения	482
Именной указатель	495

Книга третья

<i>К читателю</i>	3
<i>Дзюбенко Н.:</i> «О чем рассказали архивы»	6
<i>Жженов Г.:</i> «Писал на имя начальника тюрьмы, прокурору по надзору, Верховному прокурору, Калинин, Сталину — бесполезно!..»	32
<i>Махновецкий М.:</i> «...я смог познакомиться с отцом через 8 лет и 9 месяцев после своего рождения»	52
<i>Махновецкая Э.:</i> «...многие, как и я, хранят в сердце норильское тепло человеческих отношений»	76
<i>Верный Е.:</i> «Полярные сияния чарующе красивы, но их свет леденит душу»	88
О чем писали старые газеты	142
<i>Полищук В.:</i> «...легкой работы в Норильскснабе не было никогда»	150
<i>Климов Е.:</i> «Это была настоящая финансовая революция в здравоохранении»	220
<i>Григорьянц Э.:</i> «...в Норильске я был по-настоящему счастлив!»	258
<i>Крестников Р.:</i> «Направление на работу я получил на Лубянке»	298
<i>Головин Ю.:</i> «Работать в Заполярье было трудно, но очень интересно»	326
<i>Катасонова-Ануфриева Г.:</i> «Норильская жизнь оказалась для меня самой интересной»	354
<i>Чащина-Волосская Е.:</i> «Здесь я сразу почувствовала себя обеспеченной»	368
<i>Потапова-Куркова Е.:</i> «...норильчане старшего поколения звали его дед Ветродуш»	392
<i>Колесников Н.:</i> «...никелевый завод для меня не только профессиональная школа, это и житейские университеты»	412
О чем писали старые газеты	424

<i>Горр А.:</i> «Норильскую торговлю всегда ставили в пример»	432
<i>Баландина Н.:</i> «Отец всегда жил по совести и любимому делу отдал себя без остатка...»	478
<i>Именной указатель</i>	510

Книга четвертая

<i>К читателю</i>	3
<i>Львов А.:</i> «...Колесникову надежность, основательность присущи в особой степени»	6
<i>Фалалеев В.:</i> «...всегда первым в день рождения меня поздравлял Борис»	24
<i>Дзюбенко Н.:</i> «Норильск стоит на костях человеческих...»	42
<i>Лукашевич О.:</i> «...необходимо было разбудить в них веру в себя после тюрем, земляных работ, Соловков...»	72
<i>Шаройко А.:</i> «...то, что сегодня звучит мечтой, завтра станет действительностью»	96
<i>Всесвятский В.:</i> «20 лет прослужили деревянные участки трубопровода»	160
<i>Калько И.:</i> «Свобода для него оказалась хуже неволи»	172
<i>Сафронцев-Ольховская Г.:</i> «...удивительным образом... сочетались человечность и идеологический официоз»	182
<i>Ходоровская И.:</i> «В четвертое десятилетие Норильскнаб вступил уже как... доказавшая свою состоятельность система»	204
<i>Антонов Б.:</i> «Самые золотые годы моей жизни...»	234
<i>Туманишвили З.:</i> «Такое принижение советской власти дальше терпеть нельзя»	252
<i>Пономарев В.:</i> «Горняцкая проза жизни... Ею и были рождены мои стихи...»	272
<i>Климова К.:</i> «Какое это счастье — любить Евгения Арсентьевича...»	286
<i>Львов А.:</i> «Разглядываю дружеские шаржи...»	314
<i>Захаров Ю.:</i> «...и сегодня Норильск соединяет нас»	334

Евзерова-Качурина И.: «Интернационализм и дружба — это был дух Норильска...»	358
Борун-Кортаева М.: «Первую норильскую школу я полюбила на всю жизнь, потому что она подарила мне настоящих друзей»	374
Домарева-Ганикевич И.: «...жизненной опорой... стала добрая память, которую оставил на Норильском комбинате папа»	388
Лисюк Б.: «Отсюда я шагнул во взрослую жизнь...»	408
Шишкина Э.: «Норильск — наш семейный город...»	438
Горр А.: «В историю города пищевики вписали яркие строки...»	456
Титов Б.: «Комсомольская путевка... с годами обрела для меня статус путевки в большую жизнь...»	476
Именной указатель	506

Книга пятая

<i>Слово к читателю.....</i>	3
<i>Директора комбината.....</i>	6
<i>Матвеев В.:</i> «Сего числа 1(2) июля 1935 года вступил в обязанности начальника Норильскстроя НКВД. Основание: приказ наркома Внудела Ягоды»	8
<i>Матвеева Е.:</i> «...я как-то давно была разочарована жизнью за несправедливость к моему мужу Володе...»	34
<i>Завенягин А.:</i> «От вашей продукции зависит очень многое в работе всей нашей промышленности»	42
<i>Вуколова-Бизяева Л.:</i> «...я запомнила слова Завенягина на всю жизнь»	48
<i>Панюков А.:</i> «Мы очень часто шумим, кричим, а с движением вперед очень слабо дело обстоит. Мы обязаны организовать труд заключенных по-ударному»	72
<i>Зверев В.:</i> «В Норильске можно жить только по максимальному режиму»	76
<i>Логинов А.:</i> «Меня учили так: выгляди веселым и уверенным, даже если кошки скребут на сердце»	79
<i>Дроздов В.:</i> «Норильск научил размаху, смелости. Нигде я не чувствовал себя таким счастливым».	82
<i>Долгих В.:</i> «Чтобы отбиться от предлагаемых сверху глупостей, надо придумать что-то умное»	85
<i>Машьянов Н.:</i> «Организовать выездные комплексные бригады проектировщиков на важнейших пусковых объектах...»	91
<i>Колесников Б.:</i> «Самое приятное для меня... все социальные показатели выражены в цифрах, превышающих сугубо производственные»	94
<i>Колесникова Н.:</i> «...не избалованный жизнью человек...»	98

<i>Фалалеев В.:</i> «...высшая оценка директору...»	126
<i>Васильев М.:</i> «Борис умел быть другом...»	138
<i>Григорьянц Э.:</i> «...удивительный урок...»	150
<i>Махновецкий М.:</i> «Педагогический смысл сапог...»	154
<i>Козлов А.:</i> «...он все хотел знать сам — не с чьих- то слов»	156
<i>Андросова И.:</i> «...своим спасителем считаю Бо- риса Ивановича...»	158
<i>Тепнадзе Н.:</i> «...просто свой человек!»	162
<i>Горр А.:</i> «Их главная должность — Человек»	166
<i>Кизим А.:</i> «...в ЛЮБОЙ ситуации он оставался надежным и принципиальным человеком»	192
<i>Брилев С.:</i> «...за годы работы он никого никогда не унизил»	207
<i>Албегов Б.:</i> «...Норильск — главный город в моей жизни...»	212
<i>Смирнов А.:</i> «...я с трудом добился перераспре- деления в Норильск»	264
<i>Мансурова Е.:</i> «...среди расстрелянных трупов он (папа) нашел и вытаскивал своего отца»	300
<i>Львов А.:</i> «Всем горожанкам горожанка»	322
<i>Херувимова-Лапина Е.:</i> «И Козырев, и Гумилев читали много стихов, особенно Лев Николаевич»	348
<i>Лукашевич О.:</i> «... всю жизнь летела, как на кры- льях, в обнимку с интересной, любимой работой...»	386
<i>Волошина-Куц Н.:</i> «Очень многие честные люди учи- ли меня жизни просто фактом своего существования»	404
<i>Бычков Н.:</i> «...в прошлом мы черпаем силы...»	424
<i>Вождаева-Шубина И.:</i> «...как будто окунулась в атмосферу подозрительности, враждебности и доносов...»	440
<i>Всесвятская Н.:</i> «...с Владимиром Николаевичем я прожила красивую долгую жизнь»	456
<i>Назарова Л.:</i> «Мы, молодые архитекторы, не сда- вались и свято верили лозунгу «Все во имя человека, все для блага человека»	472
<i>Читайте в книге шестой...</i>	552
<i>Именной указатель</i>	556

Книга шестая

<i>Слово к читателю</i>	3
<i>Макарова А.:</i> «...«восстание духа» — высшее проявление ненасильственного сопротивления бесчеловечной системе ГУЛАГа».....	8
<i>Валюм А.:</i> «...у нас было только два выхода: свобода или смерть»	84
<i>Николишин В.:</i> «Тут, в тюремном трюме, мы с Григорием Климовичем написали и положили на музыку «Гимн узников Норильска»...»	152
<i>Климович Г.:</i> «8 июля следственные органы приступили к фабрикации уголовного дела об антисоветском заговоре в Горлаге»	166
<i>Кривуцкий И.:</i> «...настает переломный момент, и борьба начинается снова, но уже с учетом новых обстоятельств, ошибок в прошлом, сменой методов».....	296
<i>Нетто Л.:</i> «В ГУЛАГ я пришел сам».....	312
<i>Петров Т.:</i> «Я понял, что в КГБ хотели доказать: корни народной демонстрации в Новочеркасске к политическим в Норильск уходят».....	360
<i>Нич-Страханюк М.:</i> «Нас обливали из брандспойтов горячей водой под высоким давлением. Мы падали, но своих мест не покидали»	372
<i>Коваль-Надорозняк С.:</i> «11 января 1954 года всех девчат из нашей камеры затолкали в «черный ворон» и повезли на суд»	390
<i>Мартинкуте-Сметонене И.:</i> «Это было пробуждение человека от духовной летаргии, и происходило оно на моих глазах».....	412
<i>Баканчук М.:</i> «Я выходил с предложениями... сравнить наши воспоминания, отобрать из них выдержки о наиболее достоверных и хронологически сверенных событиях под одной редакцией. Не удалось».....	438

Юречко М.: «...там был коллектив, с которым можно было горы свернуть. Одну такую гору мы и свернули»	450
Андрусишина Е.: «Расправы мы ждали жестокой, ибо хорошо понимали: власть... никого не жалеет»	460
Зозюк О.: «...мы еще счастливы, что дожили до того дня, когда Украина наша стала вольной...»	466
Третьяков В.: «...смерть вождя была встречена ликованием: все ждали перемен»	470
Мачульская И.: «...мне было 19 лет, когда арестовали»	478
Губка И.: «...узнатики поняли, что надо бороться за свое существование»	482
Измайлов Б.: «Эпоха сталинизма не просто трагическая, она навсегда останется мученической историей народа»	486
Кизель В.: «Кадры были сделаны мастерски: ни на одном снимке не было видно барачников эков и сторожевых вышек»	502
Ирани Бела: «Потеряв всякую самостоятельность, свободу, имя, я в конце концов стал простым номером О-159... презренным рабом»	518
Пихлак Арно-Тоомас: «Наконец 23 апреля 1958 года я высвободился из сетей КГБ, в которых находился 16 лет и 10 месяцев — с 14-летнего возраста!»	564
Дзюбенко Н.: «Если бы состоялся Нюрнбергский процесс над коммунистами-большевиками, то книги Керсновской были бы на нем весомым вешдоком»	612
Именной указатель	626

Книга седьмая

<i>Слово к читателю</i>	3
<i>Грицак Е.:</i> «...наиглавнейшим фактором, под- вигнувшим нас на решительные действия, были систематические провокации против нас»	8
<i>Кривуцкий И.:</i> «Разговоры про норильское вос- стание были под запретом до 1986 года»	100
<i>Макарова А.:</i> «Эти имена достойны памяти по- томков...»	166
<i>Маликов К.:</i> «Суть истины вместил короткий стих: Спасай себя, чтобы спасти других. Добавлю только истину любя: Спасай других, чтобы спасти себя».....	218
<i>Волунгявичус А.:</i> «...все время до самой незави- симости Литвы меня преследовали везде и всюду по политическим мотивам»	264
<i>Златкус Б.:</i> «Восстанию предшествовала нема- лая подготовка»	286
<i>Улинаускайте-Мурейкиене И.:</i> «Выжили потому, что верили: вернемся! Верили в Бога, все время чувствовали взгляд своего друга...»	304
<i>Казюлёнис В.:</i> «На компенсацию в то время (это око- ло трехсот долларов США) можно было купить четы- ре покрышки к «Жигулям». Столько я «заработал» за 14 лет в лагерях»	322
<i>Навайтис А.:</i> «Мы были нечто, предназначенное к истреблению»	330
<i>Юодвалкис В.:</i> «Скоро начали стрелять по лю- дям. Убили 6 человек, 20 ранили».....	336
<i>Фешкова Е.:</i> «Вокруг флага — черного с крас- ным — 5 рядов женщин стояли для его защиты»	338
<i>Бомштейн С.:</i> «Тут-то мы поняли все лицемерие Кузнецова с компанией и на работу больше не вы- ходили»	344

Везьяргас К.: «Мне довелось сидеть в 16 тюрьмах и лагерях».....	350
Амирэджиги Ч.: «Первый этап нашей борьбы предполагал достижение «свободы в заключении».....	354
Ширшова Ю.: «Только черные флаги полощутся на ветру! И страх сковал все внутри...».....	386
Дубицкий Б.: «...я нисколько не старался обелить или очернить происходившие события...».....	400
Михайлович В.: «Даже Солженицын в своем «Архипелаге ГУЛАГ» писал, что у него не было достоверной информации о норильских событиях»	428
Баканичев А.: «...я каждый день поражался одному: как много может перенести человек!».....	468
Дзюбенко Н.: «В Норильске почти все великие дела начинались в лагере...».....	500
Чанчиков В.: «...охрана открыла по зэкам стрельбу».....	529
Именной указатель	534

Книга восьмая

<i>Слово к читателю</i>	3
<i>Шамаев Б.:</i> «...возмущает не столько бездушное, халатное, сколько трусливое поведение Красноярского краевого суда, разбиравшего наше дело. Казалось, что не интересы народа и государства отстаивал этот суд, а как будто бы задался единственной целью — помочь норильским лагерным работникам и не испортить с ними отношений».....	12
<i>Куцай С.:</i> «Те, кто участвовали в похоронах, сообщили, что убитых было около 600 человек».....	116
<i>Шумук Д.:</i> «Получился страшный шквал. Одни падали, другие молили о спасении, истекая кровью, третьи бегали из угла в угол»	162
<i>Барбон М.:</i> «Тайно Антоновича привезли на север Франции. Ночью в порту передали на борт советского торгового парохода в руки переодетых чекистов»	182
<i>Рассказывают документы:</i> «...принимаются меры к выявлению через агентуру намерений заключенных — зачинщиков волынки, а также работа по разложению организованного сопротивления».....	188
<i>Миц М.:</i> «Очень трудно нести бремя, много превосходящее твои силы...»	240
<i>Бадаш С.:</i> «Автоматчики открыли огонь по толпе заключенных».....	264
<i>Брахтман Р.:</i> «...это восстание было началом долгого процесса отмирания сталинщины...»	284
<i>Нетто Л.:</i> «Лозунг «Свобода или смерть!» вдохновлял и объединял людей, но Демократическая партия смерть отвергала».....	292
<i>Дзюбенко Н.:</i> «Жак Росси прожил жизнь, но не окаменел душой».....	324

<i>Любченко А.:</i> «Отслужил Норильску ровно пол-века, а жена Валентина — сорок лет...»	366
<i>Щеглов-Норильский С.:</i> «В Норильск Давида Ку-гультинова привезли с очередным этапом заклю-ченных в 1946-м»	386
<i>Ханжин В.:</i> «Покоя нет ни сердцу, ни уму...»	406
<i>Сагоян П.:</i> «...люди, в первую очередь партактив, продолжали жить страхами 1937 года»	426
<i>Супруненко Н.:</i> «Похоже, что вы живете на сво-боде не лучше, чем я в лагере»	494
<i>Златкус Б.:</i> «Организация сопротивления лагер-ному режиму «Норильско Вичай» («Норильские ви-тязи») по сути родилась... 8 сентября 1952 года...»	518
<i>Черепанов Г.:</i> «Видел, как Т-34, наш советский танк, победоносно оставив после себя раздавлен-ных и искалеченных, двинулся дальше к другому входу в барак, чтобы и там навести смерть»	536
<i>Именной указатель</i>	546
<i>Уточнения</i>	571

Книга девятая

<i>Слово к читателю</i>	3
<i>Дзюбенко Н.:</i> «Чахвадзе, ссылаясь на слова кон- воиров, называет число 3800 этапированных из Соловков в Норильск»	8
<i>Макарова А.:</i> «...прожившая 48 лет под чужой фамилией бывшая норильская каторжанка вернула себе подлинное имя...»	34
<i>Вачаева В.:</i> «...мне довелось читать столько ис- поведей...»	50
<i>Яхницкая О.:</i> «Она (фронтовичка Катя Ярцева, россиянка) была мне как мать, сестра, подруга»	80
<i>Кононович Г.:</i> «... Авраамий Павлович сказал: — Товарищ Кононович, мы примем вас и ваших людей в нашу систему, поручим вам спасение па- рохода...»	94
<i>Щеглов-Норильский С.:</i> «...в бараке Козырев всегда был с тетрадкой, испещренной формулами и цифрами»	148
<i>Яхонтов Ю.:</i> «... место, куда прибыл наш поезд из Дудинки, носило название Аварийного поселка»	178
<i>Успенская Л.:</i> «До сих пор помню необыкновен- ное счастье жизни в театральной среде...»	218
<i>Брилева А.:</i> «...педиатры получили возможность выписывать пол-литра молока детям первого года жизни»	250
<i>Попов Н.:</i> «Не было ни одного случая, чтобы из-за низкой температуры отменили демонстрацию или проводили ее без духового оркестра»	270
<i>Журавлева (Кузнецова) Т.:</i> «Воспоминания о но- рильской жизни и печалят, и радуют душу...»	296
<i>Орлова (Журавлева) И.:</i> «Какие это были инте- ресные годы познания практической медицины, жизни!»	324

Каратаев Г.: «Один бывший з/к после смерти Сталина... сказал: «Надеюсь, ты уже понял, что он был сволочь и бандит». Во мне что-то дернулось и затихло... С тем сейчас и живу»	338
Важнов М.: «...и сейчас избавиться от тревожных предположений трудно»	350
Кузнецова (Медведовская) Т.: «Весной 1946 года мы... двинулись в дальний-предальний путь на Север, в мерзлые снега»	378
Раудсепп С.: «Мне не могли сказать, куда я летел, что там буду делать...»	402
Попов Г.: «...экстремальные события мне пришлось пережить вместе с моей родной ТЭЦ-1»	432
Тараканов Э.: «Где ты — благословенное, трепетное, романтическое, ЖИВОЕ телевидение?»	452
Именной указатель	556

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абдуллина Лира Султановна	462, 464
Абзаева Светлана	444
Абидов Хусейн	205
Агапов Николай	409
Аграновский Абрам Давидович	37, 453
Акинина Лида	486
Александрова Ревекка Соломоновна	363, 367
Александровский Юра	487
Алексеевский Всеволод Михайлович	15
Алексеевский Сурен Вадимович	15
Алиханов Абрам Исаакович	83
Алиханьян Артем Исаакович	83
Алкацев Дебола Касполатович	59, 61–64, 66, 67, 459
Аллилуев П.С.	28, 164, 293
Алтухов	247

Амундсен Руаль	28, 33, 44, 48, 49, 52, 58–60, 124
Ананьев В.В.	79
Анисимов Л.И.	67, 403
Анисимова Ольга	395
Аношкин Иван	326
Антонов Б.	399
Антонов Николай	270, 271
Антонович М.Д.	326
Аптекман К.Г.	526
Аристов Игорь Сергеевич	4, 5
Арсеньев Владимир Клавдиевич	101
Артемьев Б.Н.	106
Архангельский А.Д.	89
Арцимович Л.А.	83
Астафьев В.П.	463
Атарова Ольга Ивановна	363, 367
Афанасьев Петр Михайлович	489

Б

Бабаева Виолетта	438
Бабичев Виталий Николаевич	282, 536
Бабкина Надежда Владимировна	291
Баев Александр Александрович	364

Баевский Илья Леонидович	74, 79, 80
Базанов С.Д.	161
Бакаев Алексей Иванович	442
Балло	406
Балтушкин Леша	337, 338
Балуева Нина Ивановна	37
Баранов Захар Федосеевич	438
Баранов Николай Иванович	83
Бариев Юрий	458, 465
Бармина Наташа	459
Басов Иван	320
Бахрушин	65
Бачулене Лидия	4
Бачулис Альфонс Павлович	363
Бегичев Никифор	31, 33, 40, 52, 59, 122, 160, 161
Беднов М.Д.	367
Беднягина Неля	487
Бездитько	409
Бейдер Тамара	394, 424
Белиходзе Лев Шалвович	489, 491
Белов М.И.	65, 76, 116
Бенкалюк Гоша	394
Берг Аксель Иванович	83, 127
Берг Л.С.	89

Бергавинов	74, 79, 108
Береснева Дагмара	372, 395
Берестова Наталья Вячеславовна	291
Беркович	409
Беспалова Панна Максимовна	363
Бигель Станислав Михайлович	320
Билюкин Сергей Константинович	465
Битадзе М.А.	403
Биячуев Эльвир	455
Благих Борис Михайлович	60
Блок	489
Блохин Вячеслав Васильевич	278–280, 286, 287
Бобков Н.В.	106
Бовин Андрей Андреевич	489, 494, 495
Бовина (Борисова) Ольга Георгиевна	15, 466–468, 477, 486–490, 494, 495, 516
Бовина Ирина Андреевна	494, 495, 501
Богданова Светлана	529
Болотников Никита Яковлевич	40, 51, 52, 57, 59, 60, 146, 161
Бомштейн	322
Бондарев	25, 47
Бондаренко А.	527
Борисов Александр Александрович	468, 475, 476

Борисов Георгий Александрович	471, 475, 477, 489, 502, 516, 519
Борисова (Кускова) Мария Николаевна	468, 475–477
Борисова Татьяна Борисовна	468, 472, 476, 477, 502
Боровков Николай Васильевич	455
Бородачев Николай Михайлович	4
Борун Майя	395, 399, 423
Бочарников Сергей	297
Брейтфус Л.П.	66
Броневой Александр Петрович	381, 382
Бронюс Златкус	329
Буг Володя	394
Бударгин Олег Михайлович	7
Бузунов	406
Бузунова Лидия Васильевна	398, 424
Букаткин Владимир Васильевич	286, 288, 291
Букин	489
Буре Валентин	406
Буторова Наталья Георгиевна	286, 291
Бычков Н.	399
Бякович-Чернышов	176

В

Вавилов	320
Вагунина Валентина	529
Важнов М.Я.	6
Вайль Борис	233
Валов Федор Николаевич	149, 150, 156, 157
Васнецов Виктор Михайлович	515, 517
Васнецов Михаил Викторович	516
Васнецова Светлана Сергеевна	517
Ватутин	207
Вачаева Валентина Петровна	282, 291, 534
Векслер Марат	459
Венгеров В.И.	333
Верный Е.	399
Визе В.Ю.	79, 89, 116, 129
Виленский С.С.	319, 328
Вилькицкий А.И.	160
Вилькицкий Б.А.	102
Вильчек Сева	459
Виттенбург П.В.	106
Власов	203, 204
Вождаева Инна	423
Волох Дония Александровна	445, 487

Волошин Д.К.	489
Волошина Нина Даниловна	505
Волчков Паша	453
Вольнов В.А.	411
Вольская Светлана Николаевна	291
Воробьев	205, 206
Воронин В.И.	77
Воронцов Александр Емельянович	26, 27, 31–35, 38, 40, 47, 62–67, 84, 130, 294, 297
Воропаев Николай Алексеевич	331
Всесвятская Н.П.	527

Г

Габович	409
Галкин	319
Гальперин Борис Львович	507
Гальперина Сарра Моисеевна	507
Гармаш Трофим Яковлевич	16
Гарри Алексей Николаевич	32, 33, 37, 56, 459, 509
Гарфункель	12
Георгобиани	409
Глазков Николай Алексеевич	485
Глазкова Татьяна Лукьяновна	485

Глек Тимофей Павлович	496
Глушков Николай Тимофеевич	382, 383
Глушкова Наташа	372
Гоглидзе	320
Годлевская Н.Ю.	81, 84
Годлевский	322
Головин Виталий	458
Головин Юра	456
Голодец Ольга Юрьевна	329
Голубцова Нина Ивановна	398, 424
Гольдбрейх Володя	12, 394, 413, 424, 425
Гордин Валентин	350
Градинаров Юрий Иванович	165–167
Грамп Александр Николаевич	12, 371
Грамп Евгений (Джим) Александрович	371, 379, 395, 399, 423, 429
Грачев	247, 248
Гринберг	409, 489
Грицик Анатолий	438
Грицик Любовь	438
Грицяк Евгений	317, 320, 325, 334–336
Громченко	418
Груба Люба	487
Грыбылев	203

Губкин Иван Михайлович	63
Гузман Абрам	394, 424
Гумейко Вячеслав Тимофеевич	11, 12
Гумилев Лев Николаевич	460, 480
Гумилев Николай	460
Гуревич Саша	438
Гусев Анатолий	321

Д

Дарьяльский Владимир Алексеевич	457
Демьяненко	326
Денцель К.К.	334
Джанелидзе Иустин Ивлианович	128, 133
Дзенитис Альфред Янович	363
Дзуцев Т.З.	489
Дзюбенко Нина Семеновна	17, 536
Дибнер В.Д.	92, 108
Дидковский Б.Д.	106
Дикарев Петр Зиновьевич	314, 318, 320, 325, 326
Дмитриев Герман	387–389, 396, 416, 424–426
Долгих Владимир Иванович	4
Долгов Владимир Иванович	16, 19, 140, 141, 144, 164, 165, 168

Домарев Владимир Сергеевич	163, 164
Домарева-Ганшкевич И.В.	163, 399
Драбкина Елизавета	37, 360
Дриго	79, 80
Дроздов Борис Григорьевич	332–335, 338, 340, 341
Дроздов Владимир Васильевич	454
Дроздова Наталья	520, 521, 528, 530, 532
Дружинина Валя	487, 488
Друй Виталий	394, 410
Дубицкий Борис Петрович	322, 327
Дубровский Семен	293, 294
Дулинскас Альгирдас	434
Дулинскас Иозас Винцасович	434, 437, 439, 440, 443
Дулинскас Юргис	434

Е

Евгенов	108
Евзерова Инесса	13, 399, 423
Евстигнеева-Дулинскас Раиса Захаровна	432–434, 437, 438, 444, 449
Егоров Владимир Николаевич	398

Елоян Ротефан (Роман)	326
Енин Семен	294
Ермилов Б.В.	403
Ермолаев А.М.	74, 92, 93, 108
Ермолаев М.М.	77–81, 83, 91, 93, 94, 108
Ермолович Виктор	326
Ерофеев Евгений Александрович	497
Ершов	108
Еськов Виктор	536

Ж

Жаров	406
Жепко Нила	487, 488
Жженов Георгий Степанович	386, 487, 506
Жмурко Петр Трофимович	456
Жуков Виталий Яковлевич	523
Журавлев	97, 101, 102
Журба Олесь (Грищенко Кузьма)	319, 321

З

Завенягин Авраамий Павлович	29, 61, 65, 129, 164, 294, 295, 297
-----------------------------	---

Загитов Рамиль Зайналович	291
Зайдель А.И.	12, 403
Заливин	410
Замятина Мила	394, 423, 424, 430
Заонегин	325, 326
Захаров Ю.	399
Захарова Тамара Николаевна	4, 510
Зверев Владимир Степанович	364, 407, 436, 445, 487, 496
Зверев Олег	372
Зверева Галя	372, 395
Зенгер Милада	395
Зенгер Николай Николаевич	67, 130
Зенченко Н.А.	106
Зинюк Ренат	409, 410
Золотова Галина Александровна	348
Зубов	108
Зуев	37
Зябликов Жора	320
Зяблов М.Ф.	79, 106

И

Иванов Борис	394, 431
Иванов Николай Никифорович	158

Иванов Филипп Антонович	117
Илюшина Александра Дмитриевна	396, 397, 422, 424
Иоффе А.Ф.	83
Ишутинов Лева	487

К

Казенных Аня	486, 487
Кайдан-Дешкин Сергей Федорович	534–536
Каландаров Борис	394
Калиниченко Борис Егорович	291
Калманкин Виталий	394, 429
Кальварский Л.И.	77, 78
Калюсский Семен	372, 379, 395, 423
Каманина (Ройтер) Люба	389, 390, 424, 430
Каневский З.М.	146
Карал-оглы Джинар	391, 407, 430
Карасев В.	448
Каратовский Ф.Т.	314, 316
Карпов Д.К.	524
Каршина Людмила Николаевна	6
Касабова Галина Ивановна	2, 18, 169, 235, 347, 386, 536

Касьянова Наталья Анатольевна	291
Катханов Башир	176
Катханов Мухамед	177, 185
Катханов Назир Адельгериевич	175–178, 211, 220
Кауфман Миша	326
Кашина Наташа	487
Керсновская Евфросиния	303, 454
Ким М.В.	403
Кириллов	319
Климович Григорий	316–318, 321, 323, 327, 328
Климовский Женя	394
Кляченко Иван	325
Кнопмус Юрий Альфредович	319, 328
Кнудсен	160
Князев Сергей Григорьевич	291
Ковалев Вася	270
Ковалев Сергей Иванович	313
Ковалева Тамара Викторовна	291
Ковтун Юрий	529
Ковцур Валентин Сергеевич	4, 6
Коган Леонид	392, 410, 424, 429
Кожевников Сергей Николаевич	356, 357
Кожевникова Анна Михайловна	355

Козлов Лева	487
Козловский Иван Семенович	497
Козырев	37
Колесник С.В.	30
Колесников Борис Иванович	494, 497
Колпаков Михаил	459, 462
Коляда	12
Коляда В.Н.	403
Конных Альберт	394, 406
Коновалов Герольд	487
Коновалова Оксана Леонидовна	291
Кононович Г.О.	10
Кононович Маргарита Александровна	17
Корешков В.	38
Королев Владимир	319
Корягина Валентина	524
Корякин Владислав Сергеевич	16, 19, 86, 87
Котельников Дмитрий Федорович	158, 159
Котульский В.К.	37, 106
Кравец Миша	334
Кравцов	202
Кравченко Виктор	461
Красавина Римма Александровна	511
Красницкий Евгений Константинович	489
Крейш Григорий Самойлович	167

Кремер Б.А.	40
Кренкель Э.Т.	97
Кродерс Гунар	441
Крылов	216, 217
Крылов Саша	320
Ксинтарис Костя	372
Куваев О.	107
Кугультинов Давид	37, 41, 506
Кудрявцев Николай Владимирович	363
Кузнецов Виктор Александрович	362, 363
Кузнецов М.В.	206, 265, 314
Кулешова Агафья Макаровна	439
Кулик Нестор	125
Куликова Лена	429
Курашинов Зенудин Пшимахович	11, 170–174, 203, 209, 211, 216, 221–224, 226
Курашинов Пшимахо Хажбекирович	177, 179
Курашинова Хурират	220
Куржак Миша	320
Курков Миша	524
Кусков Николай Иванович	476
Кухта Марина Мирославовна	291
Кушта Павел	320
Кытманов	45

Л

Лавров Б.В.	80, 159
Ладин Николай Алексеевич	288
Лазарев Н.Н.	403
Лапинский Павел	372, 423
Лапшин	526
Ларин Владимир	319
Лебедев Николай Константинович	291
Лебединский В.Н.	33, 36–41, 43, 47, 48, 51, 53, 55, 56, 58, 61, 62, 66, 67, 160
Лев Виктор Иванович	322, 326
Левашов	464
Левкович А.И.	112
Ледин Юрий	529
Лежава Андрей Матвеевич	78
Леккина Татьяна Николаевна	291
Леникас Ионас	319, 320, 325
Лепин	406
Леринман Нелли	394, 399, 424
Леута Станислав Николаевич	405, 407
Лидерман Б.	406
Липилин Дмитрий Иванович	201

Лисагор Марк	394, 410, 424
Лисюк Борис	372, 373, 395, 399, 423
Лихачев Дмитрий Сергеевич	460, 469
Лобов	406
Логинов Сергей	372
Лозовой Константин Игнатьевич	489
Лой Н.	447, 448
Лопатин И.Л.	50
Лузан Сергей	464
Лукирский П.И.	83
Львов Анатолий Львович	6, 10, 16, 19, 70, 71, 85, 110, 111, 163, 165, 429, 529
Львова Галя	529
Люгарин Михаил Михайлович	319
Люри Владимир Владимирович	489

М

Мазарович А.Н.	89
Мазеина Светлана	4
Мазманян	447
Майдуров Николай	410
Макаров Владимир Иванович	516, 517

Макарова Алла Борисовна	10, 17, 233–235, 277, 282, 291, 334, 341
Макарова Света (Лихачева Светлана Владимировна)	517
Макарова Юлия Васильевна	501
Макарьев Иван	459
Малец Владислав Михайлович	447
Маликов Кемаль	461, 462
Мамаев Евгений Семенович	320
Мамонтов Александр	321
Ман И.А.	146
Мансуров А.Н.	373
Мансурова Е.	373, 385, 398, 399, 424, 430
Марчевская Татьяна Ивановна	4
Маршалкова Лариса Евгеньевна	291
Матвеев Владимир	293, 294
Матвеева Надежда Павловна	291
Махоткин Василий Михайлович	15, 500, 512, 514
Махоткин Глеб Васильевич	513
Махоткина Лариса Анатольевна	514
Медведовская Наташа	392, 393, 424, 425, 430, 431
Медведовская Таня (Кузнецова-Зиборо- вская Т.Б.)	392, 393, 424, 430

Мельников П.	36, 38, 40, 41, 48, 160
Миддендорф	42–44
Мильчаков А.И.	351
Михайлов Георгий Варфоломеевич	498, 503
Михайлович В.	334
Михневич Т.Н.	529
Моисеенко Александр Михайлович	319
Молчанов Н.А.	129
Морозов Савва Тимофеевич	144, 146
Муравьев Александр	294, 296
Муравьев Д.М.	403, 407
Мурахтанов Юрий Васильевич	511
Муромец	489
Мухин Владимир	447
Мушкетов Д.И.	73, 106

Н

Наас Герберт	319
Набкин Яков Лазаревич	319
Нагуло Слава	320, 325
Назарова Инна	527, 529
Найденов Григорий Васильевич	125
Наливкин	83

Нансен Ф.	153
Наследов	123
Наумович Иван Михайлович	320
Начинкин Жора	318
Негребецкий	319
Недоростков Владимир Петрович	317, 320, 321, 325, 329, 331, 332
Недоростков Иван Федорович	330
Недоростков Федор Акимович	330
Недоросткова Анна Ивановна	330
Немков Миша	320
Ненарокомов Юрий Федорович	492
Непокойчицкий В.С.	67, 403, 405
Нетто Лев Александрович	231, 232, 287, 288, 291, 306– 308, 310, 312
Нешумов Владимир	463
Никитин Юрий	438
Никишин Павел Евдокимович	363, 370
Нико Эдвард	281
Нико Ян	281
Николаев В.А.	119
Николаев Эдик	373, 395
Николайчук Вадим Федорович	6, 464
Николишин Василий	328

Никонова Анна	<i>296, 297</i>
Нови Игорь Осипович	<i>504</i>
Новикова	<i>328</i>
Новокрещенова Клара	<i>437, 449</i>
Ногинская Антонина	<i>524</i>
Нонин Эдуард	<i>460, 464</i>

О

Обручев В.А.	<i>45, 74, 78, 79, 83, 84, 89, 97, 120, 150</i>
Обст Елизавета Иосифовна	<i>291</i>
Одинцов Николай	<i>309, 310, 314– 316</i>

П

Павлишин	<i>322</i>
Павлов Борис Семенович	<i>489, 492, 508</i>
Павлов Григорий Алексеевич	<i>437</i>
Павлов М.А.	<i>106</i>
Паникаров Иван Александрович	<i>313</i>
Панченко Сергей Николаевич	<i>291</i>
Панюков Александр	<i>296, 297, 299, 300, 305, 320, 407, 435</i>

Папанин Иван Дмитриевич	89, 146, 160
Перфилов Иван	294, 297
Перфильева Ирина Александровна	287, 291
Петров Тихон Иванович	13, 14, 319
Петрошук Игорь	320, 325
Петрушайтис Витас	325
Печерская Лилия Григорьевна	322
Пикалов Владимир	447
Пирогов Володя	373, 394
Пискунова Лиза	126
Плотников В.М.	527
Пода Леонид Артемьевич	401, 402, 406, 408
Пода Нелли	394, 402, 424
Подколзин О.	406
Позняк Зенон	324
Полищук Владимир Иванович	8
Полозков Иван	324
Полуянов В.А.	57, 146
Померанц Григорий	315
Пономаренко Инна	395
Попков Александр Николаевич	494, 495
Попов Георгий Александрович	363
Поппель Николай Викторович	412, 413
Попугаева Лариса	109

Потапаев Николай Михайлович	147, 153
Потапова Тамара Михайловна	524
Прежевский Платон Николаевич	484, 502
Пржевальский Н.М.	153
Прибытков Юрий Васильевич	291
Приваленко Лев	320, 326
Приставкин Анатолий	458
Прокопович Володя	319
Пронникова Лариса	4
Проскурин Боря	487
Пугач Кирилл	286, 291
Пушкарев Б.Н.	161
Пчелкин Григорий Александрович	489
Пшеничный Александр Николаевич	83
Пьянков Н.И.	392
Пьянкова (Триф) Вероника	392, 423, 424, 429

Р

Рабинкова Таиба	296, 297
Рамунас	405
Расторгуев Костя	337
Ремейко (Тихомиров) Александр Георгиевич	348–353, 355
Ремейко Ангара	382

Ремейко Галя	425
Ремейко Олег Александрович	344–346, 395, 406, 410, 416, 424, 425, 430
Ремейко Софья Михайловна	349, 359–361, 363, 365, 367
Родионов Виктор	373, 395, 423
Родионов Владимир Евстафьевич	363, 373
Рождественский С.А.	406
Рожков Б.Н.	73, 74, 76, 84
Розанов А.Н.	38
Розенблюм Захар Ильич	363
Ройтер Володя	389, 426, 430
Ройтер Леонид Андреевич	67, 389, 390, 403
Ромашкин Юрий Алексеевич	201
Рукосуев Коля	487
Румянцева Тамара	395
Русанов	58
Русинов Володя	322
Русинов Иван Николаевич	389
Русинова Таня	389, 398, 424
Рыбин С.	59, 60
Рычкова Татьяна Ивановна	30, 291
Рябчиков Евгений	37, 459
Рязанцева Нелли	394
Ряannelь	461

С

Савва Т.И.	449
Савинков Б.В.	475
Савчук	459
Сагоян Петр Осипович	338–340
Садовский Геннадий Иванович	456
Сальников Гриша	37, 325
Самойлович Р.Л.	73, 75, 76, 78, 79, 89, 92, 103, 107, 108
Сандровский Костя	487
Сапожников В.В.	109
Сапроненкова Наталия Гавриловна	84
Сапрыкина Галя	385, 424, 430
Сапунов Анатолий Иванович	374
Сафронов Н.И.	106
Сахарнов Юрий Викторович	5, 6
Сахаров Андрей	7, 8, 329
Светана Светлана	524, 527
Светухина Вера Степановна	360, 361, 363
Седенков Владимир Сергеевич	438
Седов Г.Я.	96, 106
Секкей Геза Иосифович	507
Семенов	204

Семенов Н.Н.	83
Семыкина Ольга	286, 291
Сериков Петр	321
Серпухов	107
Сигунов П.	143, 144
Сидоренко	53
Синицына Инна	447
Скалигеров Валентин Никонович	489, 492, 510
Скворцов Михаил Григорьевич	438, 442
Сливинская Тамара Ивановна	534–536
Смирнов Иван Никитич	74, 78, 79, 83
Смирнов Федор	319, 326
Смоктунровский И.	487
Снегов (Штейн) Сергей	37, 459
Соколов Анатолий Петрович	506, 514, 516
Соколов П.П.	84
Соколова Екатерина Фоминична	514, 516
Соколова Ирина Анатольевна	487–489
Солженицын Александр	319, 329
Соловьев Геннадий Иванович	413
Соловьев Дмитрий Давыдович	261
Соловьев Сергей Дмитриевич	228–233, 237, 238, 241, 248, 269, 273, 312, 314, 321, 326
Соловьева Варвара Ивановна	261

Соловьева Ольга	260
Сомин	409, 411, 412
Сорокин Михаил Петрович	489
Сорокина Ирина Михайловна	291
Сотников Александр Александрович	27, 121, 149, 150, 153, 157–159, 161–164, 166–168
Сотников Киприян Михайлович	42, 45, 52, 61
Сотников Петр	45
Старицкий Георгий Георгиевич	498, 505, 506
Старостин Андрей Петрович	404, 405, 407, 408
Стеблянко Юра	373, 394, 405– 407, 424, 429– 431
Степанов Станислав Николаевич	286, 291
Стрельников Илья Иванович	494
Стрельникова Рая	487
Стрельцов Е.К.	447
Стригин Иван	326
Стрючков Станислав Анатольевич	291
Сухомлинов Борис Данилович	411, 422, 424

Т

Тараканов Э.	524, 527
Тарасишин Анатолий Иванович	413, 416, 417
Терехов Михаил	326
Тессем	160
Тикстон Павел Павлович	367, 407, 408
Тильнер Владимир	319, 321
Товкун Юра	373, 394
Толстов Владимир	291
Томенко Виктор Петрович	7
Томилина Елена Михайловна	515
Томилина Светлана Сергеевна	515
Трофимов Володя	322
Трошина Алла	394
Трус Леонид Соломонович	290, 291, 335, 336
Туманишвили Магда	372
Туранова Вера Львовна	487

У

Умаров	202, 203
--------	----------

Урванцев Николай Николаевич	10, 16, 17, 19, 21–28, 30–39, 41, 42, 44, 45, 47–49, 51, 54, 56, 58, 59, 61, 63, 64, 66, 69, 71–78, 80–85, 87–105, 107–109, 112, 113, 115, 121, 123, 124, 126–130, 141–150, 152, 153, 156–168, 293
Урванцева Е.И.	112
Усевич Игнат Васильевич	23
Усов М.А.	97
Успенская Вера Глебовна	475
Успенская Люция	15
Успенский Виктор Борисович	477
Успенский Глеб Иванович	475, 476
Успенский Н.М.	84
Успенский Н.Н.	405, 406
Ушаков Володя	320, 326
Ушаков Георгий Алексеевич	28, 78, 89, 91, 95–98, 100–102

Ф

Федоровский Николай Михайлович	35, 68, 459, 489–491
Федосеев Борис	320
Федотова Августа Александровна	398, 424

Федюха Катя	394
Ферберг Верочка	533
Фигурновский	298
Фигуровская В.А.	367
Фигуровский К.И.	370
Филатов Алексей	331
Филатов Анатолий	464
Филатов Михаил	150
Фильнев Павел	322
Флиге Ирина Анатольевна	291
Фокин	300
Формозов	317, 328
Фредерикс Г.Н.	106
Фугзан Марк Давыдович	23

Х

Хагевольд	58
Ханжин Вячеслав Николаевич	450, 451
Харитонов	518, 519
Харитонов Александр	291
Хасдан Марк	460
Хмызников П.К.	108
Хорунжий С.К.	304

Ц

Царев Юрий Николаевич	457
Царева Наталия Ивановна	373
Цеткин П.М.	77, 78
Цисс Абрам	460
Цих	406

Ч

Чайка	326
Чалкин Изосим Алексеевич	474, 493
Чалкина Лидия Александровна	497
Чащин Константин Иванович	490
Чередниченко Татьяна	291
Чермянин Витя	494
Чернов Сергей Владимирович	83
Чирков Сергей	373
Чуцкаев	78

Ш

Шадхан Игорь	462
Шакуров Зиннур	306, 308

Шалаев	156
Шаламов Варлам	169
Шамаев Борис Александрович	205, 206
Шамрай Людмила	442
Шамшура Георгий Яковлевич	485, 490, 492, 498, 505
Шапошникова Марина Ивановна	363, 364, 367, 369, 378
Шаройко Александр	294, 296, 298
Шахматов	11, 12
Шевелев Петр	37, 326
Шенталинский В.	319
Шеруденко Анастасия Павловна	273, 274
Ширшов П.П.	92
Шмаенок Анна Борисовна	526
Шматлей	11, 12
Шмидт	447
Шмидт О.Ю.	74, 75, 78, 79, 84, 89, 129
Шмидт Ф.Б.	42, 45, 50, 52
Шмидт Фридрих Генрихович	490
Шокальский Ю.М.	81
Шольц Ф.А.	74, 78, 79
Шпаро Дмитрий Игоревич	54, 55, 146
Штанко Виктор Васильевич	212
Штейнфельд Л.Г.	334

Штырин	123
Шутов Станислав Германович	291

Щ

Щеглов-Норильский Сергей Львович	16, 19–21, 24, 37, 40, 41, 165, 458
Щербаков	83
Щипко Николай	286, 291
Щур Гена	320, 325

Э

Эглит	79
Эпштейн И.Я.	366, 403

Ю

Юрченко Инна	393, 423, 424, 430, 431
--------------	-------------------------

Я

Ягумова Елена Хазретовна	465
Якобсен	58
Ярошенко Николай Александрович	476

Ярутин Петр Яковлевич

490, 517

Ярутина Кама Петровна

517

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Слово к читателю</i>	3
<i>Сергей Щеглов-Норильский</i> : «От обвинений в колчаковщине — до урванцевита»	20
<i>Анатолий Львов</i> : «...черные дни Урванцева после звездного часа...»	70
<i>Владислав Корякин</i> : «Только спустя два года наш заведующий кафедрой, немолодой заслуженный профессор, внес определенную ясность: «Урванцев находится в заключении...»	86
<i>Анатолий Львов</i> : «Никто не посмел их разлучить. Ничто не разлучило. А это единственное, что их чуть-чуть пугало»	110
<i>Владимир Долгов</i> : «И при этом Николай Николаевич Урванцев так и остался для меня загадочным человеком»	140
<i>Необходимые пояснения редактора</i>	163
<i>Зенудин Курашинов</i> : «Мне причиталось 55 рублей 6 копеек. Эти деньги мне стоили полжизни»	170
<i>Сергей Соловьев</i> : «А мы и не знали, что нас считают самыми опасными. ... Раскаяние — ну, для меня это хуже петли было!»	228
<i>Вячеслав Блохин</i> : «Как долго я шел к созданию карты норильских лагерей...»	278
<i>Лев Нетто</i> : «...о людях, которые мучились, погибли, боролись за нашу и вашу свободу в тяжелые времена сталинских репрессий...»	306
<i>Олег Ремейко</i> : «Норильск навсегда остался для нас родным вопреки всему. Правда, это понимание пришло потом...»	344
<i>Раиса Евстигнеева-Дулинская</i> : «В первый же вечер меня поразила огромная серая колонна людей, охраняемая солдатами с собаками»	432

<i>Вячеслав Ханжин:</i> «...о прозе норильской жизни и поэтах...»	450
<i>Ольга Бовина-Борисова:</i> «Борисовка» — так на- зывали нашу квартиру в Норильске...»	466
<i>Наталья Дроздова:</i> «Что значило тогда вести на телевидении рассказ об архитектуре церквей, в наше время может понять не каждый»	520
<i>Уточнения</i>	534
<i>Содержания предыдущих девяти книг</i>	537
<i>Именной указатель</i>	555

Литературно-художественное издание

**О ВРЕМЕНИ,
О НОРИЛЬСКЕ,
О СЕБЕ...**

Редактор-составитель

Г.И. Касабова

Корректоры

В.Л. Соловьева

А.Д. Чайка

П.М. Смирнов

Компьютерная верстка

О.Г. Егин

Н.А. Свиридова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «ПолиМедиа»

143003, Московская обл., г. Одинцово-3, а/я 101

Наш электронный адрес:

e-mail: polymedia@list.ru

Подписано в печать 16.09.2008. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура SchoolBook. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Объем 18,5 печ. л.

Заказ № .

Тираж 2000 экз.

При участии ООО «ЭМПРЕЗА»

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14